4
3-56

Е. А. ЗЕМСКАЯ
М. В. КИТАЙГОРОДСКАЯ
Е. Н. ШИРЯЕВ

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Общие вопросы
Словообразование
Синтаксис

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. А. ЗЕМСКАЯ
М. В. КИТАЙГОРОДСКАЯ
Е. Н. ШИРЯЕВ

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Общие вопросы
Словообразование
Синтаксис

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1981

4
3-55
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН
75667

В книге дается характеристика русской разговорной речи как одной из разновидностей литературного языка, обнаруживающейся в условиях непринужденного общения, исследуются как вопросы общего характера, так и вопросы словообразования и синтаксиса.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Е.А. ЗЕМСКАЯ

Елена Андреевна Земская, Маргарита Васильевна Китайгородская, Евгений Николаевич Ширяев
РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ
Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Л.М. Гаврилова.* Художник *Л.С. Кассис*
Художественный редактор *Т.И. Алексеева.* Технический редактор *А.Л. Шелудченко*

ИБ № 22214
Подписано к печати 22.06.81. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 17,3 + 0,1 вкл. Уч.-изд.л. 23,4. Тираж 12000 экз. Тип. зак. 619
Цена 1р.80к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
4-я типография издательства "Наука", 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, д. 25

---

3 $\frac{70102 - 207}{042(02) - 81}$ 406-81.4602010000

©Издательство "Наука", 1981

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Это исследование, публикуемое в двух книгах[1], является продолжением коллективной монографии "Русская разговорная речь" (М., "Наука", 1973). Так как со времени опубликования книги 1973 г. прошло несколько лет и за это время в изучении русской разговорной речи[2] достигнуты значительные успехи, было необходимо подвести некоторые итоги сделанному. Авторы, однако, не ставили перед собой цели дать полный обзор опубликованной литературы.

Поскольку РР является сферой коммуникации особого рода и о лингвистическом статусе ее до сих пор идут споры, настоящая монография включает разделы, освещающие соответствующую проблематику. В них рассматриваются такие вопросы:

1) Разговорная речь как объект лингвистического изучения. Выявляется набор признаков, характеризующих избранный для изучения объект.

2) Структура коммуникативного акта и ее связь со строением РР. Характеризуются компоненты коммуникативного акта, оказывающие влияние на структуру РР, дается многомерная классификация экстралингвистических признаков, по-разному связанных с особенностями строения РР.

3) Положение русской РР в системе общенародного русского языка.

4) РР и сниженный ("разговорный") стиль литературного языка.

5) РР и устная форма кодифицированного литературного языка[3] (публичные выступления). Анализируются сходство и различия между этими языковыми феноменами на разных уровнях языковой системы, дается характеристика явлений, не свойственных (или даже не допустимых) в устном КЛЯ и типических для РР. При этом используется сопоставление записей от одного лица, говорящего на РР и выступающего публично на КЛЯ.

Освещение перечисленного круга вопросов составляет первую часть этой книги. Основная часть нашей монографии содержит исследование РР как особой языковой системы. Для изучения избраны прежде всего те участки системы РР, которые не были описаны в монографии 1973 г. (главы "Словообразование", "Суперсегментная фонетика", "Лексическая семантика"). Так как в книге 1973 г. рассматривались не все явления морфологии и синтаксиса, главы "Синтаксис" и "Морфология" мы посвятили явлениям, не затронутым в монографии 1973 г. Глава "Синтаксис" состоит из двух разделов. Один содержит подробный ана-

[1] Книга первая – настоящее издание; книга вторая – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест (авторы М.Я. Гловинская, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, Н.Н. Розанова) – готовится к изданию.

[2] Далее принято сокращение: РР

[3] Далее принято сокращение: КЛЯ

лиз полипредикативных высказываний РР, во втором рассматривается структура высказываний, для которых характерна особенно тесная связь с конситуацией, и выясняется то влияние, которое конситуация оказывает на построение высказываний. В главе "Морфология" подводятся некоторые итоги изучению морфологии РР и дается характеристика основных специфических черт разговорной морфологии; более подробно рассматриваются некторые специфические для РР видовременные значения.

Не вполне обычное распределение материала по двум книгам было вызвано следующими соображениями. В первую книгу включены разделы, посвященные рассмотрению некоторых общих вопросов: основные тенденции, организующие строение РР; статус РР; особенности системы РР и др. Из конкретных разделов, описывающих РР, в первую книгу включены те, в которых рассматривается тесная связь между строением основных единиц языка (слова и высказывания) в РР и структурой коммуникативного акта, а именно "Словообразование" и "Синтаксис". Вторая книга содержит главы, посвященные характеристике некоторых важнейших элементов формальной организации РР: ударение в потоке речи, темп. Глава "Лексическая семантика" содержит исследование основных особенностей семантической структуры слова в РР. Книга завершается разделом "Языковая игра". В приложении ко второй книге "К соотношению жеста и речи в РР" рассматривается соотношение вербальных и невербальных средств коммуникации в РР. Так как две охарактеризованные книги составляют единое исследование, настоящее издание содержит отсылки ко второй книге (кн. II).

В обсуждении этой книги или отдельных ее частей, а также в выработке общей концепции исследования принимали участие сотрудники сектора современного русского языка В.Л. Воронцова, Е.И. Голанова, А.Ф. Журавлев, Н.Е. Ильина, Е.В. Красильникова, С.М. Кузьмина и Д.Н. Шмелев (заведующий сектором). Отдельные разделы книги были прочитаны О.П. Ермаковой, М.В. Пановым, П.А. Соболевой, Л.П. Черкасовой, В.И. Черновым и Л.А. Шкатовой. Ряд важных вопросов обсуждался с Т.Г. Винокур. Рецензентами книги были Т.М. Николаева и Т.Ю. Строганова. Замечания и советы всех этих лиц помогли существенно улучшить книгу. Приносим им глубокую благодарность.

Благодарим также всех, чья речь послужила материалом для нашего исследования. Многие из них были не только информантами, но и нашими помощниками – их оценка тех или иных фактов помогла нам глубже понять живые закономерности современной разговорной речи.

В технической работе над книгой авторам помогали А.С. Березина, А.Ф. Журавлев, Т.С. Морозова, Н.Н. Розанова.

Работа над этой книгой завершена в 1979 г., так что более поздние публикации не могли быть учтены в полной мере.

Авторы: Е.А. Земская: часть I – Общие вопросы; часть II – Словообразование, раздел I, II, IV; Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев: часть I – Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная?; М.В. Китайгородская: часть II – Словообразование, раздел III; Е.Н. Ширяев: часть III – Синтаксис.

ЧАСТЬ I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Как это ни парадоксально, я думаю, что лингвисты долгое время изучали человека молчащего.

Н.И. Жинкин

ОБ ОБЪЕКТЕ НАШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект нашего исследования – русский разговорный литературный язык 60–70-х годов XX в. Мы называем этот объект термином "разговорная речь", имеющим давнюю традицию употребления. Термин "разговорная речь" – условен, ибо он содержит слово "речь", тогда как мы рассматриваем РР как особую я з ы к о в у ю систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку.

С нашей точки зрения, РР – это особый литературный я з ы к. Мы сохраняем условный термин РР лишь в силу давней традиции его употребления и его привычности. Показательно, что термины, называющие аналогичные лингвистические феномены других языков, включают слово язык, а не речь, например: нем. Umgangssprache, чешск. běžný mluvený jazyk; польск. język potoczny, polszczyzna mówiona, фр. langue parlée.

Мы вновь возвращаемся к вопросу о термине "разговорная речь", потому что, хотя мы и оговаривали его условность в книге 1973 г.[1], применение этого термина для называния особой языковой системы, а также его соотнесение с термином "кодифицированный литературный язык" вызывает критические замечания[2].

ДВЕ ПРОТИВОНАПРАВЛЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ОРГАНИЗУЮЩИЕ СТРОЕНИЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Изучая РР, лингвисты прежде всего обращают внимание на специфические условия ее функционирования. Как мы уже писали в книге 1973 г., три особенности внеязыковой ситуации влекут за собой с необходимостью использование РР, а не КЛЯ (если говорящий – носитель литературного языка): 1) неподготовленность акта коммуникации, 2) непринужденность акта коммуникации, 3) непосредственное участие говорящих в акте коммуникации. РР проявляется в сфере коммуникации особого рода, для

[1] См. Русская разговорная речь. М., "Наука", 1973, с. 23, 25.

[2] См.: *Реформатский А.А.* Компрессивно-аллегровая речь (в связи с ситуацией говорения). – В кн.: *Реформатский А.А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., "Наука" 1979, с. 30.

которой, кроме того, характерны, хотя и не обязательны, такие признаки: сильная опора на внеязыковую ситуацию, приводящая к тому, что внеязыковая ситуация становится составной частью акта коммуникации[3], использование невербальных средств коммуникации (взгляд собеседников, жесты и мимика), устная форма как основная форма реализации[4].

Набор перечисленных признаков признается большинством исследователей РР в качестве ее специфической характеристики[5].

Как лингвистический объект РР предстает перед исследователем в виде явления многогранного, подчас противоречивого и контрастного по своим основным характеристикам, и к тому же – в силу того, что она обнаруживается в устной форме, – летучего, трудноуловимого. Именно поэтому мы считаем целесообразным при изучении РР сосредоточивать внимание на противопоставленных признаках РР, наиболее ярко выделяющих ее специфические особенности. В монографии 1973 г. в качестве таких признаков были избраны синкретизм и расчлененность как основные особенности системы РР[6]. Считая по-прежнему эти признаки крайне важными для характеристики системы РР, мы рассматриваем их обнаружение и в некоторых разделах настоящего исследования (см. гл. "Суперсегментная фонетика"). Однако это исследование мы строим, исходя из характеристики двух других резко противопоставленных особенностей РР. В РР явления производства и воспроизводства языковых единиц имеют иное соотношение, чем в КЛЯ:

1) РР – это языковая система, в которой говорящий легче, свободнее и чаще, чем в КЛЯ, п р о и з в о д и т новые единицы (а не воспроизводит уже готовые), причем это касается единиц разных уровней: не только словосочетаний, высказываний, словоформ, но и слов (см. особенно главы "Морфология" и "Словообразование").

2) РР – это языковая система, для которой в высшей степени характерно стремление к использованию готовых единиц, всякого рода готовых конструкций, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта. Говорящий, находясь в условиях непринужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое "речевое поведение", поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам и стереотипам.

Таким образом, одни и те же экстралингвистические особенности РР (неофициальность, неподготовленность, непринужденность) объясня-

---

[3] Ср. мнение Н.Д. Арутюновой: "Предположение о совместном участии в акте коммуникации языковых знаков и необозначенных элементов ситуации едва ли столь абсурдно, как принято думать" (*Арутюнова Н.Д.* Вариации на тему предложения. – В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., "Наука", 1969, с. 47).

[4] Подробнее об особенностях акта коммуникации, в котором обнаруживается РР, см. в следующем разделе.

[5] См., например: Běžný mluvený jazyk, zvlaště v ruštině. – Slavia, 1973, № 1, с. 25 – 26; Русская разговорная речь. М., "Наука", 1973; *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., "Просвещение", 1974. – Необходимо отметить, однако, что О.Б. Сиротинина рассматривает РР как один из функциональных стилей языка.

[6] См.: Русская разговорная речь, 1973, с. 31 – 34.

ют две противонаправленные тенденции: стремление к свободному построению единиц и стремление к шаблону, к использованию готовых речевых формул. Эти две противонаправленные тенденции служат организующим началом РР, обнаруживаясь на разных участках системы, особенно ярко в сфере словообразования; реализуются они и в морфологии, синтаксисе, семантике, фонетике.

Иными словами, действие названных выше тенденций можно охарактеризовать так. В организации системы РР царит контраст. Контраст этот наблюдается прежде всего в отношении к форме РР. Этот контраст обнаруживается в действии двух противоборствующих тенденций – тенденции к свободе построения единиц, к речетворчеству (в широком смысле слова)[7] и тенденции к речевому автоматизму. Противоборство этих тенденций отчетливо видно в позициях говорящих субъектов по отношению к форме речи. Среди говорящих есть две основные группы – лица, равнодушные к форме речи, и лица, остро ее чувствующие. Форма речи для последних далеко не безразлична. Важно, что сама РР позволяет любому говорящему действовать в пределах его вкусов, наклонностей и способностей. Одни пользуются готовыми шаблонами, стереотипами, формулами, и РР вполне это допускает. Другие свободно творят новые слова, обороты, конструкции, острят, каламбурят, и это тоже составляет типическую черту РР.

Мы подчеркиваем факт наличия этих двух противонаправленных тенденций потому, что исследователи РР обычно обращают преимущественное внимание на действие какой-либо одной тенденции, характерной для РР. Так, в литературе высказывалось мнение, что типичнейшая черта РР – тяготение к стереотипу, что "обязательность" употребления готовых языковых формул, их "неприкосновенность" в разговорной речи острее дает себя знать, чем в речи письменной, основанной на процессе обдуманного избирания[8]. Подчеркивая тяготение РР к стереотипу и шаблону, некоторые исследователи считают, что образность, эстетическая функция свойственны РР в очень малой степени[9]. С нашей точки зрения, это неверно.

Принципы построений РР сближают ее с языком художественной литературы. Говорящий субъект, используя РР, и автор художественного произведения могут творчески относиться к форме речи. Однако если установка на форму всегда присутствует в художественном произведении, то для говорящего на РР она не обязательна, но всегда допустима[10]. Именно поэтому и РР, и языку художественной литературы

---

[7] Используя слова речетворчество и творчество, мы не вкладываем в них оценочного содержания.

[8] См.: *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., Изд. АН СССР, 1960, с. 6.

[9] См.: *Столярова Э.А.* Распределение и функционирование грамматических классов слов в русской разговорной речи. Канд. дис. Саратов, 1972, с. 19 – 23.

[10] Ср.: ". . . трудно настаивать на ведущем положении какого-либо жанра устной речи. Однако предположительно можно, по-видимому, утверждать, что доля тех жанров, где проявляется не только практическая функция речи, но в какой-то мере и ее эстетическая функция (выделено мною. – *Е.З.*), не так уж

свойственна и свобода в построении языковых единиц, и свобода в выборе готовых языковых единиц из общенародного фонда данного языка[11]. В современной РР – и этим она напоминает речь художественную – сильна тенденция "инкрустировать литературную речь диалектными, жаргонными характеристиками, остро индивидуальными отклонениями от литературности, но на строгом фоне общелитературной, точно нормированной речи"[12].

Подчеркнем, что сама допустимость использования в РР и в языке художественной литературы единиц разного стилистического звучания составляет важную характерологическую особенность той и другой языковой сферы. В самом этом факте можно видеть известное сходство в организации данных сфер языка, известный изоморфизм между РР и поэтической (в широком смысле) речью. Из этой "стилистической всеобъемлемости" вытекает такая их общая черта, что ни РР, ни язык художественной литературы не могут быть признаны функциональными стилями литературного языка (см. об этом подробнее ниже), ибо не может быть признана функциональным стилем разновидность языка, характерная черта которой – стилистическая неоднородность[13].

Свойственная и РР, и поэтическому языку свобода построения единиц и конструкций имеет, кроме указанного сходства, и различия: одни и те же по форме единицы и конструкции могут нести разную функциональную нагрузку в РР и языке художественной литературы.

Указанный параллелизм между РР и речью поэтической наиболее ярко сказывается в двух областях – словообразовании и синтаксисе. В словообразовании он проявляется в сфере индивидуального словотворчества (см. подробнее гл. "Словообразование", раздел IV). В синтаксисе этот параллелизм обнаруживается прежде всего в сфере словорасположения. "Причудливый" порядок слов, непроективные структуры, разрыв тесно

незначительна, как это принято считать. Эстетическая функция языка в начальном своем виде проявляется, как только говорящий начинает обращать внимание на внешнюю форму своей речи (выделено мною. – *Е.З.*), как-то оценивать возможности словесного выражения. Уже намеренное "коверканье слов", направленное на то, чтобы вызвать те или иные речевые ассоциации, сознательное введение в речь элементов "чужого стиля", всевозможное обыгрывание такого рода "цитатного" материала, встречающееся на каждом шагу, показывает небезразличие говорящих к словесной форме высказывания. Существует множество мелких жанров бытовой речи, когда важным становится не только то, о чем говорится, но и как об этом говорится" (*Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., "Наука", 1977, с. 36).

[11] В свободном выборе для использования в текстах РР единиц разной семантики и разного стилистического звучания из всех разновидностей русского языка (просторечие, диалекты, жаргоны, устарелые элементы) и даже из других языков также можно видеть творческий подход к языку.

[12] *Панов М.В.* О развитии русского языка в советском обществе. – ВЯ, 1962, № 3, с. 5.

[13] Ср. высказывание Д.Н. Шмелева: "Чем свободнее проявляется в какой-либо разновидности общелитературного языка все то, что присуще общелитературному языку в целом, а также чем свободнее проявляется манера говорящего и стиль пишущего, тем меньше оснований говорить о самой данной разновидности как о "стиле", т.е. об относительной замкнутой системе или "подсистеме", характеризуемой особыми средствами выражения" (*Шмелев Д.Н.* Указ. соч., с. 82).

связанных между собой членов синтаксических конструкций характерен и для РР, и для художественной речи. В речи художественной, в первую очередь п о э т и ч е с к о й, подобный порядок слов создает особую напряженность, особое стилистическое звучание. Вот, например, как характеризует эту напряженность поэтического словопорядка М.Л. Гаспаров. Анализируя пушкинские строки из поэмы "Цыганы":

И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости
И смертью – чуждой сей земли
Не успокоенные гости!

М.Л. Гаспаров пишет: "Это значит: "его кости – гости сей чуждой земли, не успокоенные и смертью". . ." И далее объясняет: "Что же дает поэтическому языку такая затрудненная расстановка слов? На этот вопрос можно ответить одним словом: н а п р я ж е н н о с т ь (выделено нами. – *Е.З.*) . . . Услышав, что после слова "кости" фраза не кончена, мы напряженно ждем того слова, которое свяжет предыдущее слово с дальнейшими, и не успокаиваемся, пока не услышим в конце фразы долгожданного слова "гости"; . . . И пока в нас живо это ожидание, это напряжение, мы с особенным, обостренным вниманием вслушиваемся в каждое промежуточное слово: не оно ли наконец замкнет оборванное словосочетание и утолит наше чувство языковой гармонии? А как раз такое обостренное внимание и нужно от нас поэту, который хочет, чтобы каждое его слово не просто воспринималось, а жадно ловилось и глубоко переживалось"[14].

В РР, казалось бы, похожий порядок слов не создает ни высокого стилистического звучания, ни особой напряженности. Он объясняется не изощренным стремлением говорящего к созданию особой напряженности, а напротив – непринужденностью построения, неподготовленностью речи. Линейное развертывание устного речевого потока, для которого характерна подача информации порциями (см. подробнее об особенностях порядка слов в РР ниже), создает не поэтическую напряженность, а некоторую небрежность оформления высказывания (доводимую, однако, лишь до такой степени, чтобы не утратить понимания собеседника)[15].

Встает вопрос: как соотносятся охарактеризованные выше тенденции функционирования РР с общеязыковыми тенденциями к регулярности и экспрессивности[16]. Очевидно, что эти тенденции имеют универсальный характер. Однако желая выделить специфические черты РР, мы обращаем внимание на своеобразие РР, обнаруживаемое в реализации этих общеязыковых тенденций.

---

[14] *Гаспаров М.Л.* Поэзия Горация. – В кн.: Квинт Гораций Флакк. М., "Худ. лит-ра", 1970, с. 12.

[15] Интересные наблюдения, показывающие близость между РР и поэтической речью при резком их различии, см. в работе: *Ревзина О.Г.* Некоторые особенности синтаксиса поэтического языка М. Цветаевой. – В кн.: Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика, II. Тарту, 1979, с. 89 – 106.

[16] Характеристику этих тенденций Д.Н. Шмелевым см.: Развитие лексики современного русского языка. М., "Наука", 1965, с. 7.

Тенденция к свободному производству единиц в РР имеет разную направленность. Она может реализовать и тенденцию к экспрессивности, и тенденцию к регулярности, а не только тенденцию к экспрессивности. А именно:

а) Свободное производство единиц разных уровней в РР может иметь целенаправленный характер, т.е. порождаться установкой на форму; в таком случае это языковое творчество реализует тенденцию к экспрессивности (см. подробнее об этом в кн. II, гл. "Языковая игра").

б) Свободное производство единиц разных уровней в РР может быть вызвано автоматическим характером протекания речевого акта и являться, таким образом, непреднамеренной реализацией возможностей, заложенных в языковой системе, т.е. реализовать тенденцию к регулярности. Именно поэтому РР есть та область языка, в которой легче и свободнее всего куются новообразования разного рода. Недаром Л.В. Щерба назвал РР кузницей языковых новшеств. Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что система РР иначе организована, чем система КЛЯ: она имеет большее число заполненных клеток, меньше "страдает" от узуальных, лексических, формальных и прочих ограничений при производстве тех или иных единиц.

Тенденция РР к использованию готовых единиц, готовых речевых формул, не всегда реализует общеязыковую тенденцию к регулярности, так как нередко такие готовые формулы воплощают узуальные явления, не имеющие черт регулярности в своем строении. При этом подобные явления не реализуют и тенденцию к экспрессивности, а как бы стоят вне сферы действия этих двух общеязыковых тенденций.

СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОГО АКТА И ЕЕ СВЯЗЬ СО СТРОЕНИЕМ РР

Из всех вербальных типов общения РР наиболее тесно связана с внеязыковыми средствами человеческой коммуникации. Вот почему важность изучения РР на фоне целостного коммуникативного акта, формируемого несколькими (не только вербальными!) семиотическими системами, становится все более очевидной. Наблюдается функциональный параллелизм языковых и неязыковых средств в сфере коммуникации. Так, Вл. Барнет различает три типа РР: 1) носителем информации являются только языковые средства; 2) носитель информации – сочетание лингвосемиотической системы и жестовых и мимических знаков; 3) информация передается лингвосемиотическими средствами в сочетании с социальным поведением и социальными отношениями людей[17]. Автор приходит к выводу, что предметом изучения должно быть "не изолированное (вербальное) высказывание, рассматриваемое на фоне коммуникативного акта, который в

[17] *Barnet Vl.* К принципам строения высказываний в разговорной речи – Bulletin ruského jazyka a literatury, XVIII. Praha, 1974. См также: *Barnet Vl.* Komunikativní akt a výpověď – Slovo a slovesnost, 1973, N 1; Kolcktiv rusistu UK. Problemy běžné mluveného jazyka, zvlaště v ruštině. – Slavia, 1973, № 1.

принципе может реализоваться через посредство нескольких семиотических систем"[18].

Признавая важность и необходимость такого комплексного подхода к изучению РР, следует отметить, что исследование коммуникативного акта во всей его полноте и сложности имеет три основных аспекта: социологический, психологический и лингвистический. Встает вопрос: в какой мере и как совместимы в одном исследовании эти аспекты? Является ли комплексное изучение коммуникативного акта, включающего РР, задачей лингвиста?

С нашей точки зрения, психолог, социолог и лингвист при изучении одного и того же объекта – коммуникативного акта ставят перед собой разные задачи[19]. Лингвиста интересует в первую очередь собственно языковая часть коммуникативного акта[20]. Однако лингвист не может закрывать глаза на специфические условия функционирования РР и прежде всего на те факторы, которые влияют на ее лингвистические особенности. Учет этих обстоятельств требует изучения целого ряда сложных вопросов, отражающих такие стороны общей проблемы, как: РР и структура ситуации; РР и невербальные средства коммуникации; РР и личностные и социальные особенности партнеров коммуникации и мн. др. Эти вопросы точнее можно сформулировать так:

В какой мере и как именно собственно языковые характеристики РР зависят от структуры коммуникативного акта? Можно ли обнаружить виды такой зависимости и повторяющиеся (т.е. "предсказуемые", не сугубо индивидуальные) типы "ситуативных преобразований" высказываний РР, виды эллиптизации и т.п.? Можно ли построить типологию ситуаций коммуникативного акта, коррелирующую с лингвистическими различиями в структуре РР[21]. Попытка изучения синтаксиса РР с этих позиций содержится в главе "Конситуативные высказывания" этой книги.

Как происходит "стыковка" языковых средств коммуникативного акта с неязыковыми? Какие именно невербальные средства (кроме жеста и мимики, т.е. акций партнеров коммуникации) участвуют в коммуникации? Какие из них могут рассматриваться как средства знакового характера?

Как коррелируют характерологические, возрастные, социальные, образовательные и другие особенности говорящих с лингвистическими характеристиками РР?

---

[18] *Barnet Vl.* К принципам строения высказываний в разговорной речи, с. 136.

[19] Назовем в качестве примера работы, демонстрирующие социальный и психологический подход к изучению акта коммуникации: *Janoušek J.* Socialní komunikace. Praha, 1968; *Леонтьев А.А.* Психология общения, Тарту, 1974.

[20] Ср. мнение Г.В. Степанова: "Подход к понятиям науки должен исходить непосредственно из своего объекта и положить конец зависимости, сознательной или бессознательной, в которой лингвистика находилась по отношению к истории и той или иной психологической теории" (*Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 9.).

[21] Образец конкретного анализа связей устного текста со структурой речевого акта, а также типология компонентов акта речи, влияющих на строение устного текста, см. в работе: *Pisarkowa K.* Zdanie mówione i rola kontekstu. – Jn: Studia nad składnią polszczyzny mówionej, "Ossolineum", 1978, p. 7–20.

Эти и многие другие вопросы ждут своего исследования, еще только начинают изучаться. Ответы на некоторые из них даны далее – при конкретном исследовании отдельных сторон РР.

Характеризуя эту проблематику в целом, следует сказать, что наметилось два основных подхода:

1) стремление охватить комплексный характер коммуникативного акта, включающего РР;

2) стремление изучить прежде всего собственно лингвистические характеристики РР, учитывая при этом ее специфическую роль в акте коммуникации и желая выявить связи РР с невербальными средствами передачи информации и обнаружить особенности коммуникативного акта, которые оказывают то или иное влияние на те или иные черты РР.

Таким образом, если у сторонников первого подхода объектом исследования является коммуникативный акт и РР как его составная часть, то сторонники второго подхода изучают лингвистическую систему РР как один из элементов целостного акта коммуникации, принимая во внимание невербальные средства коммуникации, особенности ситуации и особенности говорящих субъектов лишь в той мере, в какой это необходимо для выявления собственно лингвистических характеристик РР. Мы придерживаемся второго подхода[22].

Поиски корреляций между невербальными и вербальными компонентами коммуникативного акта ведут исследователи разных языков. Назовем два центра, работающих в указанном направлении. Лингвисты Фрейбургского исследовательского центра разрабатывают теорию "Redekonstelationen" (разбиение речи на типы). Они изучают влияние общественной ситуации на языковое поведение внутри однородной группы говорящих. Среди экстралингвистических признаков, влияющих на дифференциацию устной речи, в качестве основных выделяются такие: 1) число говорящих (один/более одного); 2) отнесенность коммуникативного акта ко времени; 3) спаянность коммуникативного акта с ситуацией; 4) равноправие партнеров в акте коммуникации; 5) степень подготовленности речи; 6) мена говорящих (нулевая/относительно малая/относительно большая); 7) фиксированность темы (тема задана заранее/не задана заранее); 8) степень публичности речи (публичная/полупубличная/не публичная/частная)[23].

Совокупность тех или иных реализаций каждого признака создает разбиение всего континуума устной речи на шесть видов: I. Интервью; II. Дискуссия, тематический разговор; III. Разговор; IV. Доклад; V. Репортаж; VI. Рассказ.

---

[22] На это обратили свое критическое внимание авторы рецензии на книгу "Русская разговорная речь" (М., "Наука", 1973), опубликованной в журнале "Československá rusistika (1975, № 3).

[23] Признаки такого рода используются при описании текстов живой разговорной немецкой речи в книгах: Texte gesprochener deutscher Standardsprache, III. Alltagsgespräche. München, 1975; Texte gesprochener deutscher Standardsprache I. München, 1971, s. 23–27. – См. также матрицу признаков, влияющих на разбиение речи: Lehrgang, Sprache. Einführung in die moderne Linguistik, Lief. 4, Bd.2. 1974, s. 1027–1029.

Английские языковеды, изучающие русскую устную речь, положили в основу своей классификации понятие регистр[24]. Среди ситуационных факторов, которые коррелируют с языковыми, они выделяют: общественное назначение речи (role), средство (medium) речи, отношения между говорящими и тематическое поле (техническое/нетехническое)[25].

Рассмотренные классификации охватывают все виды устной речи – публичную и непубличную, подготовленную и неподготовленную[26]. Нас же интересуют лишь непринужденная неподготовленная устная речь, т. е. речь разговорная в собственном смысле этого слова.

Охарактеризуем набор признаков коммуникативного акта, влияющих на РР.

С нашей точки зрения, такой выделяемый фрейбургскими лингвистами признак, как фиксированность темы, не свойствен РР. Конечно, собеседники могут заранее планировать и даже обдумывать содержание разговора (ср. такую, например, ситуацию: "Мне надо с ним объясниться", "Она просила рассказать об отпуске"), но это явление в принципе отлично от чтения доклада или проведения дискуссии на заранее заданную тему. По нашим наблюдениям, заранее продуманная речь в условиях спонтанного протекания обычно идет не так, как предполагалось.

Мы считаем, что РР может обнаруживаться не в каждом коммуникативном акте, а лишь в коммуникативном акте, имеющем определенный набор признаков.

Среди признаков коммуникативного акта, в котором обнаруживается РР, целесообразнее различать детерминанты и компоненты[27]. Детерминанты – это такие признаки, которые определяют выбор говорящими той или иной языковой системы (или подсистемы[28]), у лиц, говорящих на русском литературном языке, – выбор РР или КЛЯ в качестве вербального компонента коммуникативного акта. Для того чтобы говорящий ис-

---

[24] "Регистр – общий термин, который мы будем использовать для названия вариантов языка или набора языковых моделей, получаемых при соотнесении языковых и ситуационных группировок. Необходимо помнить, что регистр – соотносительное понятие. Мы имеем регистр только тогда, когда две независимые классификации (по языковым признакам и по ситуационным признакам.– Е.З.) совпадают" (Ure J.N. The Theory of Register and Register in Language teaching. Essex, 1966).

[25] См. об этом: Report of the Contemporary Russian analysis Project. "University Essex", 1972. Однако позднее сами авторы теории регистра отметили, что ее применение не принесло ожидаемых результатов.

[26] Работы польских языковедов, посвященные устной польской речи, см. в кн.: Studia nad składnią polszczyzny mówionej. "Ossolineum", 1978. Ср также: Teksty języka mówionego mieszkańców miast Górnego Śląska i Zagłębia, 1. Katowice, 1978; Wybór tekstów języka mówionego mieszkańców Krakowa. Kraków, 1979.

[27] Ср. несколько иное употребление этих терминов у Л.Б. Никольского. См.: *Никольский Л.Б.* Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). М., "Наука", 1976, с. 124–129.

[28] Ср.: "Речевое поведение, т.е. предречевой процесс выбора (выделено нами. – *Е.З.*) языковой системы, подсистемы или их единиц, детерминируют многие факторы. В результате их действия одна и та же семантическая информация может воплощаться в субстанционально различающихся языковых высказываниях" (*Никольский Л.Б.* Указ. соч., с. 124).

пользовал РР, необходимы следующие детерминанты: 1) непринужденность речевого акта[29]; 2) неподготовленность речевого акта; 3) непосредственное участие партнеров коммуникации в речевом акте[30].

Перечисленные признаки являются детерминантами, так как именно они определяют выбор говорящим РР, а не КЛЯ. Для того чтобы использовалась РР, необходимо наличие именно данных признаков. Изменение их значения делает применение РР невозможным. Кроме этих признаков, есть признаки, которые не определяют выбор РР или КЛЯ, но могут влиять на строение РР, создавая ее разновидности. Эти признаки мы называем компонентами коммуникативного акта[31].

Одной из первоочередных задач изучения РР является выявление тех компонентов коммуникативного акта, которые оказывают влияние на структуру вербального компонента, т.е. установление корреляций между языковыми особенностями РР и невербальными компонентами коммуникации.

Роль компонентов коммуникативного акта различна. Наиболее значительное влияние на структуру РР, на ее системные особенности оказывает конситуация[32]. Конситуация относится к числу важнейших компонентов коммуникативного акта, о ее разнообразном влиянии на построение языковых единиц РР см. ниже (в главах "Синтаксис" и "Словообразование"). Среди компонентов коммуникативного акта, влияющих на строение РР, большую роль играет также такой компонент, как общность апперцепционной базы партнеров коммуникации, которая понимается как наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у говорящих

---

[29] Непринужденность коммуникативного акта создается тремя компонентами: а) наличие неофициальных отношений между говорящими, б) отсутствие установки на сообщение, имеющее официальный, в том числе публичный характер, в) условия, в которых протекает речевой акт, не нарушают неофициальность обстановки.

[30] Детерминанты РР подробнее рассмотрены в кн.: Русская разговорная речь, 1973, с. 9–10.

[31] Ср. перечисление существенных для ситуации общения факторов в работах: *Паулини Е.* Кодификация литературного языка и употребление нелитературных средств. – В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., "Наука", 1976, с. 42; *Pisarkowa K.* Указ. соч., с. 17–20; *Morávek M., Müllerová O.* Dyadická komunikace (Pokus o komplexní charakteristiku situace dialogu). – Slovo a slovesnost, 1976, № 3; *Ванников Ю.В.* Лингвостатистический справочник русской разговорной речи и получение информации высших уровней. – В кн.: Вопросы лингвостатистического анализа русской разговорной речи. М., 1976, с. 13–66. – Ср. противопоставление факторов, существенных для оформления речи либо как официальной, либо как разговорной, в кн.: *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., "Международные отношения", 1979, с. 11; см. также: *Долинин К.А.* Ролевая структура коммуникации и разговорная речь. – Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 1. Горький, 1976, с. 149–156.

[32] Термин конситуация образован по аналогии с термином контекст. Приставка *кон-* синонимична русской приставке *со-*. Некоторые исследователи то явление, которое мы называем конситуацией, именуют термином контекст в широком смысле слова. См., например: *Е. Курилович.* Заметки о значении слова. – In: Esquisses linguistiques, 1960, p. 172–181. – О связи понятий контекст и конситуация см.: *Кафкова О.* О роли контекста в разных типах коммуникатов. – В кн.: Синтаксис текста. М., "Наука", 1979, с. 236–247.

или членов какого-либо коллектива[33]. Л.П. Якубинский в понятии "апперцепционная база" различает элементы "постоянные и устойчивые" и "элементы преходящие, возникающие в условиях момента". Это разграничение является принципиально важным, так как общность апперцепционной базы может объясняться как многолетним знакомством партнеров коммуникации, так и кратковременным опытом, важным лишь для данного речевого акта. В понятие апперцепционная база мы не включаем сведения о мире, известные вообще всем людям, или сведения о семантике слов, известные всем носителям данного языка[34].

Среди невербальных компонентов коммуникативного акта следует различать: I. Признаки, связанные с партнерами коммуникации (говорящими субъектами), и II. Признаки, связанные с конкретной ситуацией данного коммуникативного акта (конситуацией). Ниже дается перечень основных компонентов коммуникативного акта, влияющих на строение РР. Он не претендует на полноту. Пояснения к некоторым из компонентов, отмеченные буквами русского алфавита, содержатся в примечании. Компоненты внутри I и II группы выделены по разным основаниям, что отражает сложность и многоплановость строения коммуникативного акта, участие в нем элементов разной природы. Вместе с тем невербальные компоненты коммуникативного акта представляют собой некую организацию, ибо не все они совместимы друг с другом[35].

I. Компоненты КА[36], связанные с ПК

Число ПК:	два/более двух[а]
Смена ролей говорящий – слушающий:	нет[б]/редкая/частая
Возраст ПК	молодой/средний/пожилой
Пол ПК	мужчина/женщина
Взаиморасположение ПК:	визуальное/невизуальное[в]
ПК знакомы:	да/нет[г]
Отношения между знакомыми ПК:	близкие/нейтральные/далекие

---

[33] Мы используем это понятие вслед за Л.П. Якубинским, см.: *Якубинский Л.П.* О диалогической речи. – В кн.: Русская речь, I. Пг., 1923. См. об этом понятии также в разделе "Конситуативные высказывания".

[34] Для наименования этих явлений применяется многозначный термин пресуппозиция. См. обзор литературы: *Арутюнова Н.Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике. – Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1973, вып. 1; ср.: *Звегинцев В.А.* Предложение в его отношении к языку и речи. М., Изд. МГУ, 1976; *Кифер Ф.* О пресуппозициях. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. М., "Прогресс", 1978. – Ср. термин "Vorwissen" у исследователей Фрейбургского лингвистического центра.

[35] Так, например, невизуальное расположение партнеров коммуникации несовместимо с передачей информации посредством жестов и мимики, т.е. использованием разных каналов связи. Ср. следующее замечание А.Д. Швейцера о компонентах коммуникативного акта: " Одним из показателей системной организации последних является отсутствие полной свободы встречаемости их компонентов" (*Швейцер А.Д.* Вопросы социологии в современной американской лингвистике Л., 1971, с. 26–27).

[36] Далее в примечаниях приняты сокращения: КА – коммуникативный акт, ПК – партнеры коммуникаций, АБ – апперцепционная база.

Общность апперцепционной базы:	высокая/средняя/отсутствует
Роли ПК[д]:	роль непостоянная (т.е. в данном КА) : покупатель, пассажир, клиент, зритель в театре . . .
	роль постоянная (определяется социальным положением, профессией, ролью в семье . . .)
Симметричность отношений ПК[е]:	отношения симметричные
	отношения несимметричные
	по роли в данном КА
	по роли постоянной
	по возрасту
	по полу
Индивидуальные особенности ПК:	разговорчивость: высокая/средняя/низкая
	склонность к творчеству в языке: высокая/средняя/низкая
ПК ограничены во времени[ж]:	да ("ситуация спешки") /нет
Осведомленность ПК в теме речи[з]:	высокая/средняя/низкая

II. Компоненты КА, связанные с конситуацией

Связь РР с данной конситуацией[и]:	РР не связана с конситуацией
	РР связана с конситуацией
	конситуация восполняет РР
	РР играет роль сопроводителя действий ПК
	РР имеет характер комментария
	событий, в которых не участвуют ПК
Частотность конситуации[к]:	высокая/нет
Место КА:	дома, на улице, в транспорте, в учреждении. . .
Присутствие посторонних:	да/нет

Как видно, перечисленные компоненты могут получать реализацию разного рода: 1) взаимоисключающую – типа: да/нет; 2) варьирующуюся по скользящей шкале больше/меньше или реализующую разные признаки (например, возрастные, профессиональные и т.п. признаки ПК) .

Примечания:

а) Ситуации, в которых два партнера коммуникации (диалог) , и ситуации, в которых партнеров коммуникации больше, чем два (полилог) , имеют лингвистические различия. Для полилога – в отличие от диалога – характерна тематическая полифония. Так, нередко каждый из говорящих говорит о своем, так сказать, ведет свою партию. При этом возможны разные формы взаимодействия ПК и тем. Например, собеседник может оставить своего партнера и вклиниться в реплики других участников полилога, может вести разговор, участвуя в двух и более темах и т.п.

б) Если мена ролей ПК не характерна для речевого акта, имеем дело с монологом. Монолог в РР обычно реализуется как рассказ. В отличие от КЛЯ, в РР монолог всегда диалогизирован, т. е. для разговорного монолога характерна реакция (вербальная или мимическая) слушающего, тогда как в КЛЯ официальная монологическая речь обычно непрерывасма.

В русском языке РР может протекать лишь как речь, в которой мена говорящий – слушающий в принципе возможна всегда. Даже если один из говорящих рассказывает что-то и КА строится преимущественно как монолог, принципиально важна активная позиция слушающего, ибо она корректирует поведение говорящего (если слушающий не понимает или не соглашается, говорящий перестраивает свою речь). Кроме того, для слушающего всегда есть возможность стать говорящим – вставить реплику, перебить (сказав что-нибудь вроде: "Извини, я устал", "Надосло тебя слушать", "Прости, я должен уходить") или даже попытаться захватить роль рассказчика. Именно поэтому в последнее время подчеркивается еще одна особенность РР – мена ролей между партнерами коммуникации, имеющая не только внешний характер (говорящий становится адресатом речи, а адресат говорящим), но

связанная с глубокими особенностями строения акта коммуникации (О многообразных формах смены речевых субъектов см.: *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. – В кн.: *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., "Искусство", 1979, с. 245 и сл.; ср. *Janoušek J.* Socialní komunikace, 1968, с. 159).

в) Разграничение визуального и невизуального положения ПК важно потому, что в первом случае возможно использование разных каналов связи (в первую очередь – зрительного), а не только слухового, как при невизуальном положении (например, при разговоре по телефону, переговорах из одной комнаты в другую и т.п.). При визуальном положении ПК могут использовать такие невербальные средства коммуникации, как жесты, мимику, а также действия.

Вот самый обычный бытовой диалог, в котором слова собеседников и их действия составляют единый акт коммуникации. (Три молодые девушки примеряют туфли одной из них, которые перед этим сохли на батарее) А. (пробуя туфли) Высохли твои туфли//Им вредно пересыхать//На// (протягивает туфли Б., которая берет их и передает В. со словами) Меряй//

Говорящий может реагировать словесно на невербальные – зримые, осязаемые, слышимые или обоняемые компоненты конситуации: А. (увидев цветы в комнате Б.) Что? Уже? Б. Да! Да! (известно, что дочь Б. должна была защищать диссертацию); А. (нюхая) Чем это ты? А? Б. Да какие-то арабские/подарили на день рождения//(о духах); А. (видит свет за окном) Ой! Что это? Б. Салют//День артиллериста//. Ср. диалог, в котором используются изобразительные жесты: Он/генератор идей//Он бы сыпал идеями (жест сеяния левой рукой)//и все бы их с радостью исполняли//; (рассказ о горном плато) Это такая плоскость//(жест – ладонь, распрямленная вверх);

г) Примером РР между незнакомыми ПК может быть разного рода информационный диалог: на улице (*как пройти? сколько времени? как проехать?*), в магазине, на рынке (*сколько стоит? почем?*) и т.п.

д) О понятии "роли говорящего" и разграничении постоянных и переменных ролей см.: *Крысин Л.П.* Речевое общение и социальные роли говорящего. – "Социально-лингвистические исследования", М., "Наука", 1976. См. там же литературу вопроса.

е) О делении всех ситуаций общения на симметричные и асимметричные см.: *Крысин Л.П.* Указ. соч., с. 49. Асимметричность отношений ПК может основываться как на их переменных ролях в КА (водитель – пассажир, парикмахер – клиент, продавец – покупатель, врач – пациент и т.п.), так и на их постоянных (или более длительных) жизненных ролях, связанных с их возрастом, профессией, служебным и семейным положением и т.п.

ж) Два последние признака используются при описании текстов немецкой разговорной речи в кн.: Texte gesprochener deutscher Standardsprache, III (München, 1975).

з) Мы выделяем понятие "осведомленность в теме речи", которое является составной частью АБ говорящих, так как: 1) говорящим может быть свойственна общность АБ, объясняемая их совместной жизнью, наличием общих друзей и т.п., которая позволяет им многое оставлять невыраженным, не договаривать, не объяснять; 2) но при этом осведомленность в той или иной теме не обязательно является общей, она может быть разной у ПК. Отметим, что понятие осведомленность в теме речи не совпадает полностью с содержанием термина пресуппозиция.

Знакомство с темой (часто профессиональное) приводит к тому, что говорящий пользуется иными средствами выражения, чем человек, незнакомый с данным предметом. Это различие прежде всего сказывается в словоупотреблении, выборе тех или иных средств лексики и фразеологии. Имея много общего в житейском опыте, ПК могут иметь общую АБ, но быть по-разному осведомленными в той или иной области, в конкретном предмете речи и поэтому по-разному называть одно и то же.

Вот несколько примеров, в которых разные говорящие одну и ту же информацию передают разными языковыми средствами: (Врач – больной) Побольше гуляйте/но слишком сильная *оксигенизация* тоже вредна// (Больная, задумчиво переводит себе) Да/ значит перекислородиться тоже плохо//

(Разговор за завтраком родственников – женщины-филолога (А) и инженера (Б): Б. На улице резко теплеет//Недавно было десять градусов/а теперь восемь//А.

75667

www.ruslang.ru

Да/когда я звонила Г. было десять//Б. За такое короткое время//А ведь градусник еще *обладает известной инерционностью*//А. Да/не сразу остывает//; (двое катаются на лыжах). А. Что меня смущает в поход идти/это *недостаточность снежного покрова* и *краткость светового дня*//Б. Да/снегу мало и темнеет рано//; (А. – географ и Б. – гуманитарий гуляют зимой) Б. Где же здесь Москва-река протекает? Под снегом не поймешь,//А. Это мы идем по высокой пойме/ а вон где кустики/там река//Б. (с изумлением) В жизни бы так не сказала// А. А как? Б. Ну/ по лугу/ или по полю//А. Высокая пойма/ это которая не затопляется при паводке//

Разная осведомленность ПК в теме речи (необязательно профессиональная!) может создавать особый род " информационной подчиненности" – более осведомленный "подчиняет" менее осведомленного (см. *Девкин В.Д.* Аспекты речи. – В кн.: Вопросы немецкой филологии. Уч.зап. МГПИ им. В.И. Ленина, 1971, т. 475).

и) Наибольшая связь с конситуацией наблюдается в тех случаях, когда речь имеет характер сопроводителя действий ПК, выполняя функцию помощника и координатора, ср., например, бытовой диалог во время уборки квартиры, приготовления пищи и т.п. Большую опору на конситуацию имеет также речь, комментирующая то, что происходит на глазах ПК (например, разговор родителей, смотрящих в окно на играющих детей).

Отсутствие связи между РР и конситуацией наблюдается при разговоре на темы, никак не связанные с текущим моментом и обстановкой говорения (например, воспоминания о каких-то событиях, разговор по поводу предстоящего и прошедшего летнего отдыха, прочитанной книги, виденного ранее спектакля и т.п.).

к) Деление конситуации на частотные и нечастотные имеет большое значение для структуры РР. Связь с конситуацией обнаруживается в разделении всего многообразия РР на речевые жанры, точное число которых еще не установлено, но выделение и описание которых начинает привлекать внимание ученых. "Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе определенного р е ч е в о г о ж а н р а (выделено автором – *Е.З.*). Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п. И дальше, речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме. Такие жанры существуют прежде всего во всех многообразнейших сферах устного бытового общения, в том числе и самого фамильярного и самого интимного" (*Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров, с. 256–257).

Лингвистический смысл разграничения высокочастотных (стереотипических) и нечастотных (нестереотипических) ситуаций состоит в том, что первые связаны с устойчивым, ограниченным в репертуаре, повторяющимся с высокой степенью вероятности набором речевых клише, тогда как вторые таких ситуационных клише не имеют.

Обычно выделяются два рода высокочастотных стереотипических ситуаций: 1. Стереотипы этикета и 2. Городские стереотипы[37]. Последнее название связано с тем, что данные ситуации "привязаны" к какому-либо месту города (общественный транспорт, вокзал, магазин, почта и т.п.) и поэтому имеют очень большую опору на реальную конкретную обстановку речи, тогда как для этикетных стереотипов это не характерно.

Характерная черта речевых формул городских стереотипов – высокая степень эллиптизации, так как опора на ситуацию-стереотип позволяет говорящему оставлять вербально не выраженным весьма многое. Задача изучения РР в стереотипических ситуациях состоит в выявлении наиболее полного набора речевых клише (стандартизованных формул), их соотнесении с определенными ситуациями и их характеристике по шкале "непринужденность – официальность".

Важность разграничения стандартизованных и нестандартизованных (стереотипических и нестереотипических) ситуаций подтверждается, в частности, фактом выде-

[37] Описание городских стереотипов см. в кн.: Русская разговорная речь. Тексты. М., "Наука", 1978.

ления стереотипических ситуаций в учебных пособиях, предназначенных для лиц, изучающих неродной язык, см., например: *Н.И. Формановская*. Русский речевой этикет в комментариях. Изд. "Наука и искусство", София 1977; "Русская разговорная речь. Тексты". М., 1978.

Все названные выше невербальные компоненты коммуникативного акта так или иначе влияют на строение самой РР. Они выполняют две функции по отношению к РР (вербальному компоненту): в о с п о л н я ю щ у ю те или иные элементы, не выраженные эксплицитно в РР, и м о т и в и р у ю щ и е выбор тех или иных компонентов, наличных в языке[38]. Первая функция влияет на строение РР в плане синтагматики (преимущественно в области синтаксиса), вторая – в плане парадигматики (преимущественно в области номинативных средств, словоупотребления и словообразования)[39].

Существует функциональный параллелизм воздействия разных компонентов коммуникативного акта на РР. Так, связь с конситуацией и общность апперцепционной базы могут действовать аналогично[40], т.е. позволяет говорящим не называть то, что восполняют эти компоненты и, следовательно, способствует высокой степени эллиптичности РР в синтаксисе, возможности употреблять опустошенную лексику, разные виды сокращенных метонимических номинаций, пользоваться немаркированными членами грамматических оппозиций в морфологии[41].

ЕЩЕ РАЗ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ РР

Общеизвестно, что язык обслуживает разные коммуникативные сферы[42]. Не задаваясь целью установить их точное число, ибо для наших целей это неважно[43], подчеркнем, что это понятие приобретает смысл для лингвистики лишь в том случае, если имеются определенные соответствия между коммуникативными сферами и обслуживающими их языковыми средствами. Стремясь к установлению таких корреляций, лингвис-

---

[38] Мы не касаемся здесь функций жеста, которые гораздо более многообразны, что объясняется специфической природой жеста. Ведь среди жестов есть единицы, имеющие знаковый характер. Недаром говорят о языке жестов. О функциях жеста в РР см.: Жест в разговорной речи (в кн.: Русская разговорная речь, 1973), а также в приложении к кн. II.

[39] См. об этом: *Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта. – В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., "Наука", 1978.

[40] Именно поэтому в главе "Конситуативные высказывания" эти компоненты коммуникативного акта объединяются общим термином конситуативность (в широком смысле слова).

[41] Ср.: *Шелякин М.А.* Ситуативность устной речи как фактор нейтрализации грамматических значений. – В кн.: Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика, II. Тарту, 1979.

[42] О понятии коммуникативная сфера см., например: *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., "Наука", 1975; *Никольский Л.Б.* Указ. соч. с. 36 и далее.

[43] Отметим, что вопрос этот далек от разрешения. Разные исследователи выделяют коммуникативные сферы на разных основаниях и насчитывают разное их число, например, В.А. Аврорин – 11, Л.Б. Никольский – 6.

ты разрабатывают понятие р а з н о в и д н о с т ь я з ы к а[44]. В. Барнет, например, выделяет такие разновидности языка: 1) литературный язык (устный и письменный в его стилистических реализациях), 2) устная РР (субстандарт), 3) интердиалект, 4) диалект, 5) жаргоны (профессиональные, групповые и кружковые).

Между коммуникативной сферой и разновидностью языка, однако, нет одно-однозначного соответствия, так как в одной и той же сфере коммуникации может использоваться несколько разновидностей языка и, наоборот, некоторые разновидности языка могут обслуживать несколько коммуникативных сфер[45]. Так, например, сферу, которую принято называть сферой семейно-бытового общения – в зависимости от социальной принадлежности говорящих – в русскоязычном коллективе могут обслуживать такие разновидности языка, как литературная РР, просторечие и диалект. Однако изучая РР, привязывать ее только к сфере семейно-бытового общения неправомерно, ибо определения "семейный" и "бытовой" содержат указания, будто общение именно в семье и на бытовые темы вызывает особенности данной разновидности языка, тогда как определяющими для нее являются иные признаки (см. выше). РР предназначена для общения: а) не только в семье, но и в любом кругу лиц, между которыми имеются непринужденные отношения, б) не только на бытовые темы. Учитывая эти обстоятельства, кроме сферы семейно-бытового общения следует выделять более широкую коммуникативную сферу – сферу н е п р и н у ж д е н н о г о л и ч н о г о о б щ е н и я.

Разновидности языка, закрепленные за теми или иными сферами общения, лингвистически не однородны. Не все из них могут рассматриваться как особые языковые системы (например, жаргоны и просторечие). Что касается разговорной речи, то она характеризуется совокупностью специфических черт, позволяющих рассматривать ее как особую языковую систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку[46]. Итак, мы считаем, что русский литературный язык функционирует в двух системах: КЛЯ и РР[47].

---

[44] Ср.: *Barnet Vl.* Vztah komunikativní sféry a různotvarů jazyka v slovanských jazycích. – Slavia, 1977, № 4, p. 337 – 347.

[45] Ср.: "Специальной оговорки. . . требует характер взаимоотношений коммуникативного поля, подразделяемого на коммуникативные сферы, и вербального (языкового) поля, расчлененного на отдельные языковые формации в рамках этнического или национального языка. Между ними нет каузальной зависимости в том смысле, что к определенной языковой формации приурочена на основании ее внутренней природы лишь одна коммуникативная сфера. Обе эти области являются объективными данностями, которые находятся в отношении традиционно сложившейся конвенциальной корреспонденции" (*Барнет В.* Языковая норма в социальной коммуникации. – В кн.: Проблема нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., "Наука", 1976, с. 56).

[46] Обоснование этого тезиса см.: Русская разговорная речь. М., "Наука", 1973, с. 19 – 24.

[47] Некоторые исследователи, характеризуя РР, употребляют термин п о д с и с т е м а. См., например: *Никольский Л.Б.* Указ. соч., с. 70–73. – Мы не используем этот термин, так как считаем, что язык представляет собой систему систем.

Используемое для РР и КЛЯ название "разновидность языка" лишено точного лингвистического содержания. Именно поэтому мы обращаем основное внимание на системный характер каждой из разновидностей, составляющих литературный язык. Вопрос о статусе понятия "разновидность языка", о соотношении разновидностей, формирующих единый язык, – дело дальнейших исследований.

Мысль о том, что РР представляет собой особую языковую систему, встретила возражения[48]. Д.Н. Шмелев, критикуя изложенное в главе "Морфология" монографии 1973 г. положение о синкретизме ряда морфологических форм в РР, пишет: «. . очень трудно считать морфологические признаки литературной разговорной речи хотя бы в какой-то мере независимыми от общей морфологической системы кодифицированного литературного языка, а тем более образующими отдельную от нее "систему" в полном смысле этого слова»[49], так как мы имеем дело с речью лиц, владеющих и РР, и КЛЯ, и переходящих с одной функциональной разновидности литературного языка на другую в зависимости от особенностей языковой ситуации.

Охарактеризованная выше функциональная разграниченность РР и КЛЯ, как мы считаем, не противоречит пониманию РР как особой языковой системы.

РР и КЛЯ образуют в пределах литературного языка особый вид д и г л о с с и и[50], при котором: 1) каждый говорящий владеет обеими языковыми системами[51]; 2) использование КЛЯ и РР объясняется особенностями ситуации, т.е. эти языковые системы распределены функционально; 3) РР и КЛЯ представляют собой разные языковые системы внутри литературного языка, очень близкие между собой на одних участках и очень далекие на других[52], 4) одна из систем (КЛЯ) требует специального освоения и изучения (об этом свидетельствуют уроки русского языка в школах, борьба с проникновением форм непринужденной устной речи в сочинения, ответы на уроке и т.п. виды речи, которые должны использовать КЛЯ, откуда идет ходячее мнение, что следование нормам РР есть речевая ошибка); 5) различия в характере систем и в условиях их функционирования объясняют престижность КЛЯ и мнение о сниженном характере РР, а также тот факт, что словари и грамматики КЛЯ имеют

Кроме того, термин подсистема, на наш взгляд, неудачен, ибо им называют явления в лингвистическом отношении очень разнородные. См., в частности: *Изинг Г.* Проблемы типологии языковых подсистем. – ВЯ, 1970, № 6, с. 60–65.

[48] Наиболее обоснованный и развернутый критический анализ наших взглядов см. в кн.: *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., "Наука", 1977, с. 126–128.

[49] Там же, с. 127.

[50] О понятии диглоссия см.: *Ferguson Ch. A.* Diglossia. – Word, 1959, т. 15, с. 325–340; *Крысин Л.П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии. – В кн.: Социально-лингвистические исследования. М., "Наука", 1976, с. 62–69; *Никольский Л.Б.* с. 103 - 110.

[51] В редких случаях существует феномен невладения РР, который может объясняться либо индивидуальной психологией говорящего, либо его профессиональными навыками. См. подробнее: Русская разговорная речь, с. 23, сн. 50.

[52] Об особенностях системы РР см. ниже.

давнюю традицию составления, тогда как РР только начинает изучаться; до сих пор нет ее полного словаря и грамматики[53].

В этом исследовании мы сохраняем наш тезис о том, что РР представляет собой особую систему[54], так как мы полагаем, что различия между РР и КЛЯ реализуют то понятие системы, которое восходит к Ф.де Соссюру и которому мы следуем[55], а именно: в системе все единицы взаимосвязаны; значимость единицы в системе определяется ее функциональной нагрузкой и взаимодействием с другими единицами того же и других уровней.

ПОЛОЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РУССКОЙ РР В СИСТЕМЕ ОБЩЕНАРОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Для полной характеристики РР важно не только изучить ее строение и связь с общей структурой коммуникативного акта, но и уяснить ее место в системе общенародного языка. Исследование разговорной речи разных языков показывает, что РР занимает неодинаковое положение в разных языках, место ее в системе каждого общенародного языка специфично так же, как специфичен круг ее носителей.

Это обстоятельство позволило при разработке такой проблематики, как типология литературных языков, применить в качестве критерия следующий: место РР в том или ином национальном языке[56]. В докладе на VIII международном съезде славистов (Загреб, 1978 г.) "Коммуникативные сферы и формы существования языка в славянских языках" Вл. Барнет при построении типологии славянских литературных языков учитывал как один из важнейших признаков характер и место РР в структуре общенационального языка. Рассматривая РР как специфическую коммуникативную сферу, Вл. Барнет придает особое значение ее характеристике, считая, что в основу РР (běžný mluvený jazyk – в его терминологии) могут лечь либо литературный язык, либо интердиалект, либо диалект. Учитывая названный признак, Вл. Барнет выделяет несколько основ-

---

[53] Ср.: *Успенский Б.А.* К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка. – Wiener Slavistisches Jahrbuch, XXII, 1976, S. 93.

[54] Интересно отметить, что отношения диглоссии наблюдались в истории русского языка между церковнославянскими и древнерусским языком. См.: *Хютль-Фолтер Г.* Диглоссия в древней Руси. – Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1978, XXIV, 108–123; *Успенский Б.А.* Указ. соч. Ср. также: Worth D.S. On "Diglossia" in Medieval Russia. – Die Welt der Slaven, 1978, Jg. XXII, 2. S. 371–393.

[55] Отметим, что для конкретного анализа РР такой подход не может быть вреден.

[56] См.: *Jedlička A.* Problematika typů současných spisovných jazyků slovanských z hlediska jazykové situace. – In: Československé přednášky pro VIII mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Praha, Academia, 1978; *Idem.* Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1978; *Едличка А.* Проблематика нормы и кодификации литературного языка в отношении к типу литературного языка – В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., Наука, 1978; *Демина Е.И.* К теории сравнительного типологического изучения славянских литературных языков. – В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов, М., "Наука", 1978.

ных типов славянских литературных языков: 1) РР – это адаптация литературного языка (русский, польский, украинский), 2) РР – это адаптация субстандарта (македонский, словацкий), 3) РР – это адаптация интердиалекта и его возведение до функции субстандарта (чешский, ср. obecná čeština), 4) РР – это субстандарция некоторых диалектов (хорватский, верхнелужицкий). Такое членение представляется плодотворным, так как оно позволяет по-новому подойти к типологической характеристике литературных языков и увидеть существенные различия между литературными языками, которые при прежнем подходе оставались в тени.

Остановимся более подробно на русской языковой ситуации[57]. В языке современного русского города сосуществуют (не рассматриваем сейчас смешанные и переходные явления): литературный язык, обнаруживающийся в двух языковых системах (кодифицированный литературный язык и разговорная речь), и городское просторечие. Носители литературного языка – это лица образованные, как правило родившиеся и выросшие в городе, носители городского просторечия – это горожане по рождению или лица долго живущие в городе, но не владеющие совсем или не овладевшие полностью литературными языковыми нормами[58].

Особенность той разновидности русского языка, которую мы называем термином "разговорная речь", состоит в том, что говорящие на ней лица являются носителями литературного языка, но не являются носителями городского просторечия и диалектов. Положение, при котором носитель русской РР владеет диалектом или просторечием, могло бы представлять из себя лишь редкое исключение, а не правило. Русская РР – это та литературная формация, которой носитель литературного языка пользуется в быту, в кругу семьи и друзей, вообще в разнообразных условиях личного непринужденного общения.

Мнение чешских коллег о том, что "все, кто владеет литературным языком, владеет и формациями нелитературными и принадлежат, следовательно, в этом смысле к нескольким разным языковым обществам"[59], по отношению к русскому языку неприменимо и, возможно, является переносом положения, свойственного другим языкам (например, чешскому), на русский язык.

Носитель русского литературного языка обычно не владеет ни просторечием, ни территориальными диалектами. Он может лишь и с п о л ь з о в а т ь элементы того или другого как намеренные инкрустации. Например, произнести [в'асна], имитируя яканье ради непритязательной шутки, использовать отдельные просторечные лексемы или словоформы с уста-

---

[57] Очевидно, что мы не имеем здесь возможности охарактеризовать все разновидности современного русского языка. См. об этом: *Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка. – ВЯ, 1973, № 2, с. 4. – Мы коснемся здесь только тех языковых формаций, которые являются ближайшими "соседями" РР.

[58] См.: *Филин Ф.П.* Указ. соч., с. 8. – В городе могут жить также носители территориальных диалектов – лица, родившиеся и обычно выросшие в деревне, родители или воспитатели которых также говорят на диалекте.

[59] *Chlupáčová K., Kafková O., Camutaliová I.* [Рец. на кн.:] "Русская разговорная речь". – Československá rusistika, 1975, № 3, с. 130.

новкой на шутку или подражание (типа: *местов нет, кина не будет, ложи по́ртфель на стол*).

Разумеется, среди городского населения есть немало людей, которые, являясь в прошлом носителями просторечия или диалекта или происходя из соответствующей языковой среды, лишь овладевают литературным языком. В их речи могут быть реликты просторечия или диалекта. Характер этих реликтов (их количество, отнесение к тому или иному уровню языка) определяется многими причинами. Одна из главнейших – степень образованности. Лица вполне образованные могут сохранять реликты нелитературности лишь в фонетике, причем различные особенности диалектной (или просторечной) фонетики имеют разную степень "живучести", так сказать, печать нелитературности разной силы. Изучение этой проблематики представляет особую задачу. Приведем здесь лишь некоторые примеры, иллюстрирующие нашу мысль. В области консонантизма: вполне обычной чертой, не нарушающей престиж культурности, является сохранение [*г*] фрикативного, тогда как такая черта, например, как цоканье, в литературный язык не проникает совсем. Если бы кто-то сохранил цокающее произношение, его речь была бы воспринята как нелитературная. В области вокализма: экающее и окающее произношение встречается не столь редко и не воспринимается как низкое, некультурное, тогда как яканье в литературной речи недопустимо.

Хорошо образованные лица обычно вполне владеют нормами литературного языка в области морфологии и синтаксиса. Нарушение норм может наблюдаться скорее всего в ударении отдельных слов и изменении родовой принадлежности некоторых существительных – типа *туфель* в м.р.(вместо женского), *полотенец, яблок* в м.р. (вместо среднего) и т.п.

По мнению многих чешских лингвистов, образованный чех, уроженец Праги, носитель литературного языка (spisovná čeština) является носителем и таких формаций, как obecná čeština и běžné mluvený jazyk. Он использует их в бытовых ситуациях, дома, в кругу друзей; если он будет использовать в подобных ситуациях литературный язык, он будет смешон. Точно также образованный немец, носитель литературного языка, может говорить дома, на улице, в магазине, с друзьями на диалекте или полудиалекте. Более того, использование диалектов является допустимым и даже престижным в некоторых официальных ситуациях. Так, например, выступая в Баварии перед выборами, оратор может специально избрать для выступления баварский диалект, желая подчеркнуть тем самым свою близость к избирателям, родство с ними.

Что касается русской языковой ситуации, то в ней дело обстоит несколько иначе. Носители литературного языка используют в сфере непринужденного личного общения РР. Элементы диалекта или просторечия они могут использовать лишь в качестве вкраплений – как средство экспрессивности (кн. II, раздел "Языковая игра")[60]. Возможны, однако случаи, когда лица, вполне овладевшие литературным языком, семейное

[60] Ср. неприятзательные шутки типа: – *Ты на метре ?; Я сегодня без пальта//*; – [Н'а] *знаю*/[н'а] *знаю//Сам решай//*

и дружеское окружение которых не владеет литературным языком, но является носителями диалекта (или просторечия), при разговоре с близкими переходят на диалект (или просторечие), чтобы не чувствовать себя чужаками среди своих, чтобы о них не говорили, будто они "задаются" и т.п. Случаи такого рода отмечены по отношению к молодым людям диалектного происхождения, получившим высшее образование в городе и вполне овладевшим литературным языком. Приехав домой к родным, они могут переходить на диалект. Это явление есть результат проявления диглоссии. Оно аналогично поведению лиц двуязычных, когда человек в зависимости от окружения и ситуации общения свободно использует то один язык, то другой. Таким образом само понятие "носитель литературного языка" применительно к разным языкам приобретает разное содержание[61]. Аналогичным образом понятия просторечие и obecná čeština (при некоторой их общности – и та, и другая представляют собой сниженную городскую речь) имеют существенные различия. Русским просторечием пользуются лица малообразованные (не овладевшие литературным языком); obecná čeština используется и лицами вполне культурными, и лицами без образования.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИСТЕМЫ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Охарактеризуем некоторые из наиболее существенных особенностей системы РР[62], отчасти используя факты, изложенные в монографии 1973 г., отчасти опираясь на наши новые наблюдения и на данные других исследований. Рассматривая специфические особенности системы РР, следует разграничивать особенности акта коммуникации, в котором участвует РР (А), и особенности системы самой РР (Б).

А. 1) РР является частью коммуникативного акта[63], в котором используются не только вербальные, но и невербальные средства коммуникации. Полноправным участником акта коммуникации является конситуация[64] и действия партнеров коммуникации. В РР конситуация "вплав-

[61] См. об этом: *Kořevniková Kv.* Problematika porovnávací stylistiky. – Slovo a Slovesnost, 1979, N 1, p. 307.

[62] Стремление дать характеристику РР как особого лингвистического феномена, называть ли его особой языковой системой или как-либо иначе (функциональная разновидность языка, функциональный стиль, тип языка) характерно для многих работ. Назовем для примера: *Васильева А.Н.* Разговорная речь как функциональный стиль. – В кн.: Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам. М., Изд. МГУ, 1972.

[63] Особенности коммуникативного акта и их связь с РР были подробно рассмотрены выше (см. с. 13–19), поэтому здесь указываем лишь наиболее характерные признаки.

[64] Ср. противопоставление "ситуативный язык" – "теоретический язык" в концепции Д.Н. Шмелева: "В функции речевой деятельности как средства общения следует различать два центра тяготения: один, при котором язык является "ситуативным языком" (практический язык), т.е. использует дополнительный внелингвистический контекст, и другой, при котором язык стремится образовать наиболее замкнутое целое с тенденцией стать точным и полным, используя слова-термины и фразы-суждения (теоретический язык и язык формулировок)" (*Шмелев Д.Н.* Указ. соч., с. 19).

ляется" в речь. Многие элементы коммуникации не имеют вербального выражения, так как они даны в конситуации. Роль конситуации обнаруживается на всех участках системы РР. Конситуация оказывает большое влияние на строение и характер семантики единиц разных ярусов РР (см., например, главы "Словообразование" и "Синтаксис" этой книги)[65].

2) РР строится как система коммуникации, в которой основную роль играет слуховой канал связи. В пределах слухового канала связи наряду с собственно языковыми средствами выступают и другие способы передачи информации, которые могут быть реализованы человеческим голосом. Их можно обозначить термином м е л о д и к а[66] в широком смысле слова. Сюда относится не только интонация (движение тона, изменение тона), но и такие явления, как динамика, темп, регистр, тембр. Показательно, что многие из этих явлений обычно остаются за пределами внимания фонетистов, не выработана даже методика их наблюдения и изучения. Такое, например, явление, как т е м б р, способно передавать информацию. Тембр голоса сообщает нам о состоянии, о внутреннем самочувствии говорящего: доволен ли говорящий, рад ли он, спокоен или взволнован и т.п. Об этом свидетельствуют такие обычно принятые характеристики, как – он сказал хриплым от волнения голосом, радостным голосом, ликующим голосом и т.п. Однако относится ли изучение тембра к ве́дению лингвиста? Имеет ли тембр знаковый характер? Или это такая же физиологическая часть организма, как улыбка, блеск глаз и тому подобные признаки выражения настроения и состояния человека? Это проблематика еще ждет своего изучения[67].

В РР велика роль неканоничной фонетики[68].

3) В РР используются обычно не менее двух каналов связи. Кроме слухового канала, о котором шла речь выше, особую роль играет визуальный: в коммуникативном акте взгляды собеседников, их мимика и жесты играют особую роль. Они выступают как средства, которые могут заменять вербальные компоненты, их выделять, структурно оформлять, иллюстрировать и т.п. (см. монографию 1973 г., с. 464–481 и особый раздел данного исследования). Можно услышать возражение: ведь жесты и мимика используются и в устном КЛЯ. В РР роль жеста, мимика и поведения говорящего п р и н ц и п и а л ь н о и н а я. Назовем основные различия между РР и КЛЯ в этом отношении. Только в РР есть жесты – отдельные реплики диалога. Такие жесты функционально эквивалентны высказыванию[69]. Несколько примеров: А. Где Коля? Б. (жестом показывает

---

[65] Ср.: *Шелякин М.А.* Указ. соч.

[66] См.: *Гаспаров Б.М.* Устная речь как семиотический объект. – В кн.: Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика, I. Тарту, 1978, с. 82.

[67] Некоторые наблюдения в этой области см.: *Гаспаров Б.М.* О некоторых тенденциях развития мелодики устной речи. – В кн.: Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика, II. Тарту, 1979; *Розанова Н.Н.* Можно ли говорить "крупными словами"? – Русская речь, 1978, № 3, с. 47–51.

[68] См.: *Реформатский А.А.* Неканоничная фонетика. – В кн.: Развитие фонетики современного русского литературного языка. М., "Наука", 1966.

[69] См.: Русская разговорная речь, 1973, с. 469–470.

"ушел" – перебирает пальцами одной руки); А. Что это Кати долго нет? Б. (пожимает плечами, выражая недоумение и удивление); А. Понравился он тебе? Б. (молча крутит кистью левой руки – жест неопределенности).

Кроме того, в РР жесты могут составлять часть высказывания, замещая отсутствующие или вербальные члены или даже составлять целую "реплику". Ср. такие диалоги: А. У тебя нет (жест держания сигареты двумя пальцами)? Б. Нет/я ведь бросил//; А. Сколько у Вас (показывает на руке место, где носят часы)? Б. Полпятого уже//; А. (к Б, который стоит около двери, мешая пройти) Вы не могли бы (жестом показывает движение в сторону)? Б. (молча отходит в сторону); (разговор в метро А – отца с Б – дочерью) А. Покажи что ты читаешь? Б. (молча показывает книгу) А. (морщится, возвращает книгу и делает жест перечеркивания).

В тех случаях, когда жест восполняет часть фразы, он получает конечное место в словесной части фразы и занимает определенную позицию в синтаксической структуре высказывания, восполняя нереализованную валентность вербальных членов. Фраза обычно не имеет интонации законченности, так что вопросительный знак в приведенных выше примерах мы ставим с известной долей условности.

В РР жест может выступать как сопроводитель местоимения, не имеющего при себе полнознаменательного слова: (мать сыну, показывая на книги) Эти я тебе не разрешаю на реку брать//; Б. (показывая на ножик) А этим ты что делаешь? А. Рыбу чищу//

4) В акте коммуникации в качестве стимулов могут выступать и такие явления, которые воспринимаются не слухом и зрением, но иными органами чувств человека (обонянием и осязанием). Эти явления также могут вызывать словесные реплики-реакции. Например: (А. входит в кухню. Чувствует запах газа) Что-то у нас с газом? Чайник не убегал? Б. Проверить надо!; (А. и Б. идут ночью по лесу. Слышен шорох. А. берет Б. за руку) Б. Ты что? Боишься?

Б. Перейдем к характеристике системы самой РР:

1) Система РР является б о л е е р е г у л я р н о й, чем система КЛЯ; для нее характерно отсутствие ограничений узуального и лексического характера в построении единиц разных уровней и реализации различных грамматических значений. Система РР содержит меньше пустых клеток, чем система КЛЯ. Делая это утверждение, мы не имеем в виду, что в РР заполнены те клетки системы, которые являются пустыми в КЛЯ. Система РР сама по себе обладает высокой регулярностью. Это обнаруживается в явлениях морфологии (например, производство форм несов. в., степеней сравнения, реализация категории переходности), словообразования (регулярность действия многих словообразовательных типов, широта производства потенциальных слов, активность сферы неузуального словообразования), синтаксиса, фонетики[70].

2) Для РР характерна специфическая структура языкового знака. Высокая конситуативность РР приводит к тому, что в РР связь между

[70] См. гл. "Словообразование" и "Синтаксис" этой книги, гл. "Фонетика" монографии 1973 г.

означаемым и означающим по-разному реализуется в разных ситуациях и контекстах, поэтому в РР за одним означающим закреплено большее число означаемых, чем в КЛЯ[71]. Означающее связано с означаемым подвижной, переменчивой связью.

Закрепление большего числа означаемых за одним означающим особенно характерно для сферы номинации, где обнаруживают активность производные слова прозрачной структуры (типа *времянка, арбузник, держалка*), способные называть разные виды явлений, так или иначе связанные с тем, что обозначает основа слова; лексически опустошенные существительные и глаголы (типа *вещь, дело, история, штука, штуковина; бахать, дуть, грохать, шпарить, жарить* и под.), специфические сочетания "отсубстантивное прилагательное + существительное", приобретающие разные значения в разных конситуациях (например, *лесная девочка* – девочка с которой познакомились в лесу, девочка, которая любит гулять в лесу, девочка, которая живет в лесу, девочка, которая мечтает стать лесником и жить в лесу и т.п.), прилагательные типа *простой, нормальный*, входящие в разные виды семантических оппозиций[72] номинации, включающие относительное местоимение и глагол, способные обозначать целую серию функционально однородных предметов (*чем писать, чем стирать, на чем сидеть, на чем записать, на чем гладить*).

3) Для РР характерно иное, чем для КЛЯ, соотношение готового и творимого в акте речи. В РР легко строятся не только словосочетания и высказывания, но и слова[73]. Слово в РР чаще выступает как легко членимая конструкция, чем как готовая единица[74]. Это приводит к большей самостоятельности и подвижности в РР морфем, особенно префиксов[75] (см. гл. "Словообразование)".

---

[71] Ср.: *Гавранек Б.* О функциональном расслоении литературного языка. – В кн.: Пражский лингвистический кружок, М., "Прогресс", 1967, с. 440.

[72] См.: Русская разговорная речь, 1973, с. 455–456.

[73] Ср.: *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная лексика, М., 1973, с. 123.

[74] Ср. такие ряды единиц:

КЛЯ	РР
штопор; консервный нож	открывалка
трамплин (в море)	скатывалка
конвейер (для чемоданов в аэропорту)	вертушка
турникет	вертушка
нож для разрезания бумаги	разрезалка
ситечко	цедилка
гардероб	раздевалка
окулист	глазник
маяк	мигалка
медсестра	укольщица
контролер	проверяльщик
вантус	прочищалка, прокачка
леденец	сосалка
безобрывная розетка (для отключения телефона)	отключалка

[75] Чтобы пояснить сказанное, приведем один пример: А. Как ты? не переспал? Б. Скорей уж *недо-* чем *пере-*//

4) Средства связи единиц резко отличают РР от КЛЯ. РР выступает как система, наделенная более яркими чертами а н а л и т и з м а. В ней морфологические показатели связи используются меньше, чем в КЛЯ, что в значительной степени объясняется особенностями функционирования РР, а именно: линейным характером ее протекания, невозможностью вернуться назад и изменить ("зачеркнуть") сказанное[76], сильной опорой на конситуацию, преимущественным использованием в устной форме. Особенности функционирования РР влияют на ее синтаксис, а через него на морфологию.

Семантические средства связи в текстах РР играют бóльшую роль, чем формально-грамматические. Простое соположение единиц, отсутствие морфологических показателей синтаксических отношений, бессоюзие широко распространено в РР. Подчеркнем, что строить фразы и словосочетания без специализированных показателей (союзов, предлогов, косвенных падежей) можно лишь в тех случаях, когда используемые слова имеют о б щ и е к о м п о н е н т ы с м ы с л а, т.е. когда их соединение представляется обычным и легко объяснимым. Например, фраза *Не убирай книгу/ я еще читать буду//* вполне понятна и без союза *потому что,* так как слова *читать* и *книгу* содержат общие компоненты смысла[77], т.е. их связь естественна и не нуждается в объяснении. Фраза же "Не убирай книгу/ я еще бегать (спать, есть, плавать, пить, стирать и т.п.) буду" вызвала бы недоумение, и говорящему пришлось бы объяснять, п о ч е м у для производства данного действия ему нужна книга (см. об этом подробнее в гл. "Синтаксис" – автор Е.Н. Ширяев). Аналогично: им. п. в РР возможен тогда (в параллель к косвенным падежам в КЛЯ), когда семантика компонентов сочетания восполняет отсутствующие морфологические показатели. Поэтому вполне понятны фразы: *Чашка/тонкий фарфор//; Квартира/три комнаты//; Комната/ два окна* (без предлога *в*); Я купила *платье чистый лен//* (а не: *из чистого льна* или *чистого льна).* В РР эта связь используется как для соединения отдельных словоформ, так и для объединения более крупных синтаксических "блоков", что порождает многообразие функций отдельных словоформ и синтаксических конструкций в структуре высказывания. Полифункциональность именительного падежа существительного в РР описывалась неоднократно. Напомним еще такие, например, факты: конструкция "предлог + существительное в косв. падеже" способна в РР выполнять функции: а) субъекта действия; б) объектов действия; в) присубстантивного распространителя; г) приглагольного распространителя; д) обращения. Например: а) *В очках* не проходил?; б) Не люблю я *в голубом беретике//;* в) С о с е д *в очках* принес ключ свой/для жены оставил//; г) А (кричит) Ой! Ой! Б. Что такое? А. *Я пролил на пол* молоко//; д) (в троллейбусе, водитель – пассажирам) *С чемоданом/*не стойте в проходе//; *С санками/*не загораживайте дверь//

Сказанное выше объясняет то обстоятельство, что в синтаксисе РР вели-

[76] Даже если говорящий отменит сказанное, все равно собеседник уже услышал его, и оно окажет то или иное воздействие на протекание акта коммуникации.

[77] См. об этом: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., "Наука", 1974, с. 13–15.

ка роль суперсегментных средств – интонации и порядка слов. В ряде случаев только они являются показателями синтаксических отношений между членами высказывания, так как иные средства связи отсутствуют. Ср. уже названное нами широкое использование им. падежа существительного в роли члена, зависимого от глагола или имени, широкое использование бессоюзия в полипредикативных высказываниях (см. гл. "Синтаксис").

Напомним и такие явления из области синтаксиса, как высказывания со связями свободного соединения (типа *Я в больницу з у б б о л и т еду//*); с интерференцией (типа *Где м о й п о р т ф е л ь тут лежал?*).

При передаче чужой речи РР широко использует интонацию как единственный формальный показатель чужих слов. При этом возможны разные случаи, в том числе полное отсутствие синтаксических скреп (см. об этом подробнее далее, в разделе "Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная"?).

В РР существуют специфические неизменяемые классы слов, которые реализуют тенденцию к аналитизму в структуре РР. Таковы, например, сказуемые личных предложений (так называемые предикативы) типа *так себе, ничего, не очень, не ах, на ахти, раз-раз* и под. (см. о них в гл. "Морфология"[78]). Большую активность в РР обнаруживают также глагольные междометия (типа *трах, бац, тю-тю, фьють, ля-ля* и под.) и частицы (особенно частотны *ну, вот, а*), см. об этом гл. "Морфология".

В сфере строения слова и словоформы для РР характерно отсутствие некоторых видов морфонологических чередований, т.е. черты агглютинативности, ср. производные слова типа *штукенция* без чередования *к/ч*, словоформы типа *пылесосю* без чередования *с/ш* и т.п. явления.

Таким образом существует сходство в строении единиц морфологического и синтаксического уровня. И в синтаксисе, и в морфологии отсутствует взаимоприспособление элементов (слов или морфем), образующих единицы большей сложности (словосочетание, высказывание – в синтаксисе, производное слово, словоформа – в морфологии и словообразовании).

5) РР и КЛЯ различаются н а б о р о м е д и н и ц. Это различие наблюдается на разных участках системы РР – в синтаксисе, словообразовании, лексике, морфологии. В словообразовании имеются специфические суффиксы и способы слообразования (универбация и усечение), см. гл. "Словообразование". Своеобразие в наборе и строении номинативных единиц РР подробно рассмотрено в гл. "Номинация" монографии 1973 г. В морфологии отмечается своеобразие строения парадигм имени и глагола: в парадигме существительных имеется особая звательная форма, в парадигме прилагательных отсутствуют краткие формы, в парадигме глагола отсутствуют причастия и деепричастия как особые формы[79]. Синтаксис РР характеризуется наличием специфических конструкций (конст-

[78] Несколько примеров: Обед *не ахти//;* Погода сегодня *не очень//;* Платье *не ах//;* Характер у него *так себе//;* (о кинофильме) Картина *ничего/* смотреть не скучно//

[79] См: Русская разговорная речь, 1973, гл. "Морфология" (автор Е.В. Красильникова).

рукции со связями свободного соединения типа *Портфель зеленый* на диване лежит *принеси пожалуйста*//; конструкции наложения (см. пример выше)[80], специфических союзов, например, *что* с причинным значением (*Он что опоздал?; Он что в зале сидит?* – почему); *раз* с условным значением, *как* с временным значением (например: *Раз он обещал/сделает*//; *Как он приедет/я тебе позвоню*//). С другой стороны, РР не свойственны такие союзы, как: *вследствие того, что; не только, но и; тогда как, ибо* (высок., книжн.), см. подробнее гл. "Синтаксис" этой книги.

6) Своеобразие в наборе единиц связано не только с количественным различием между РР и КЛЯ. Отсутствие в РР каких-то единиц, имеющихся в КЛЯ, свидетельствует о специфике функций тех единиц, которые могут принимать на себя функции отсутствующих. Приведем лишь один пример: те значения, которые в КЛЯ передаются деепричастными конструкциями, в РР выражаются конструкциями с двойными глаголами[81]. Например: Он *идет держится* за стенку// (ср. в КЛЯ: Он *идет, держась* за стену).

Таким образом различие в наборе единиц в РР и КЛЯ связано со специфической организацией этих двух систем.

7) Функциональная нагрузка многих единиц, по форме совпадающих в РР и в КЛЯ, не одинакова в этих системах, что разрушает их тождество. Напомним многократно описанный разными авторами такой факт, как своеобразие функций им. п. существительных и инфинитива. В РР им. п. существительного может занимать позицию члена, относящегося ко всему высказыванию, позицию зависимого приглагольного и приименного члена, а также употребляться как самостоятельная реплика диалога. С этим связана специфичность в строении парадигмы имени существительного: им. п. в РР является немаркированным членом парадигмы, тогда как в КЛЯ все падежи маркированы. Бессоюзные конструкции РР служат для передачи более широкого круга значений, чем в КЛЯ (например, могут иметь значение меры и степени; см. подробнее гл. "Синтаксис" этой книги). Многие лексические единицы, совпадающие по форме в РР и КЛЯ, имеют разное значение и сферы употребления. Это касается и знаменательных слов, и служебных. Например, частица *ну*, которая в КЛЯ служит для выражения удивления, в РР может употребляться как самостоятельная реплика диалога – для выражения безэмоциональной реакции на слова собеседника (примерно с таким значением 'слышу, можешь продолжать'): А. Я в Горький еду//Б. *Ну*//А. Там у меня брат двоюродный/ в гости зовет//; А. Я после работы в кино//Б. *Ну*//А. А ты не хочешь?

В РР, по наблюдениям Л.А. Капанадзе, имеют своеобразное значение многие лексические единицы, такие, например, как прилагательные *простой, пустой, нормальный, прямой*[82].

---

[80] См. подробнее гл. "Синтаксис" монографии 1973 г.

[81] См. об этом: *Красильникова Е.В.* Конструкции с удвоением в русской разговорной речи. – РЯШ. 1971, № 5.

[82] См.: Русская разговорная речь, 1973, с. 455–456.

8) Система РР характеризуется и количественным своеобразием. Это касается количественных различий в употреблении частей речи (см. об этом в первую очередь исследования Э.А. Столяровой-Клочковой, О.Б. Сиротининой и других саратовских языковедов)[83], некоторых видов синтаксических конструкций (роль бессоюзия и паратаксиса в РР значительнее, чем в КЛЯ – см. гл. "Синтаксис") и многих других явлений.

9) Условия функционирования РР приводят к тому, что в ней особенно значительную роль играют средства так называемой л и н е й н о й г р а м м а т и к и[84]: местоимения и разного рода отсылки к сказанному ранее ("рекуренты"), вынесение какого-либо элемента, лексические и синтаксические подхваты, повторы, лексические актуализаторы, разнообразные виды повторной номинации[85], частицы и другие "мелкие слова", разнообразные средства суперсегментной фонетики и под. Функционирование многих из перечисленных средств рассматривалось в монографии 1973 г.

Рассмотрим здесь подробнее еще одно из важнейших средств текстовой грамматики, на которое обращалось меньшее внимание языковедов[86]. В РР в качестве яркого средства линейной организации текста выступают многие явления словообразования[87]. Некоторые из них описываются в гл. "Словообразование" этой книги (разделы "Динамический характер словообразования", "Глагол" и др.). Здесь рассмотрим два вида таких явлений:

а) В РР активна синтаксическая деривация, при которой производное слово играет роль строевой единицы языка, применяемой в качестве средства построения контекстных связей. Особенное отчетлива эта функция словообразования видна в функционировании отглагольных существительных на *-ние* и отприлагательных существительных на *-ость*, когда они используются во фразах, следующих за конструкциями, содержащими однокоренные слова иной части речи (см. подробнее гл. "Словообразование").

б) Другой вид явлений составляют словообразовательные средства, сама семантика которых содержит отсылку к информации, заключенной в предшествующем тексте. Таковы, например, глагольные приставки

---

[83] См., например: *Столярова Э.А.* Указ. соч. Саратов, 1972; *Вишнякова Т.А.* Некоторые количественные характеристики русской разговорной речи. Автореф. канд. дис., М., 1967.

[84] См. *Николаева Т.М.* О функциональных категориях линейной грамматики. – В кн.: Синтаксис текста. М., "Наука", 1979, с. 37–48; *Брчакова Д.* О связности в устных коммуникатах. – Там же, с. 248–261. – Ср. перечисляемые Т.М. Николаевой формальные средства текстовой грамматики: 1. Порядок слов. 2. Вынесение элемента. 3. Подчеркивание элемента. 4. Частицы. 5. Прономинализации. 6. Введение проформ. 7. Лексические повторы. 8. Перифрастические повторы. 9. Артиклизация. 10. Тематическая прогрессия. 11. Членение высказывания. См.: *Николаева Т.М.* Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. М., "Прогресс", с. 31.

[85] См., например: *Гак В.Г.* Повторная номинация на уровне предложения. – В кн.: Синтаксис текста, с. 91–102.

[86] Ср.: *Кубрякова Е.С.* Теория номинации и словообразование. – В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., "Наука", 1977, с. 222–303.

[87] См. подробнее в гл. "Словообразование".

пере- со значением 'еще раз', 'снова'; *пере-* со значением *'чересчур'; недо-* со значением недоведения действия до результата, мыслимого как необходимый; *до-* со значением довершения действия до необходимого конца. Эти приставки в РР часто присоединяются к глаголам, уже имеющим приставку, называя вторичное, дополнительное действие (типа: Мне надо *доперепечатать* еще//; *Дозаштопай* мне варежку//; *Перезапиши* меня к зубному// и т.п.). Высказывания с такими глаголами обычно выступают как вторичные номинации действий, о которых шла речь раньше, т.е. употребляются во фразах, продолжающих текст. Вот типичный пример: А. Устала я/ никак не могу *зашить*// Б. Ну отдохни/ потом кончишь//. А. *Дозашей* мне пожалуйста/очень прошу//; Я *заказала* билет на пятое/ а мы не сможем/ придется *перезаказывать*//[88]

Однако типические особенности РР приводят к тому, что подобные глаголы могут употребляться без опоры на предшествующий глагол, базируясь на общности апперцепционной базы говорящих, на общности их пресуппозиций: (известно, что А. снял неподходящую дачу). А. (к своему другу Б.) Буду дачу *переснимать*// Ничего не поделаешь//

10) С особенностями линейного развертывания связано своеобразие РР в такой важной сфере, как порядок слов.

В РР позиция начала высказывания является самой сильной, самой весомой; позиция конца высказывания – ослабленной[89].

В РР порядок слов и интонация выступает обычно как средства взаимно дополняющие друг друга, т.е. говорящий начинает свою речь с наиболее информативно важного для сообщения элемента, выделяя его к тому же и интонационно. Такова общая тенденция словорасположения, свойственная РР. В отличие от этого в КЛЯ при обычном порядке слов наиболее значимой (типичной для ремы) является позиция конца высказывания.

Помимо названной общей тенденции порядка слов, в разговорной речи наблюдаются и другие возможности словорасположения. Порядок слов в РР обладает высокой вариативностью. Кроме того, РР свойственны различия во взаиморасположении единиц, имеющих морфологические показатели связи и не имеющих их. Для единиц, имеющих морфологические показатели связи, характерно дистантное расположение тесно связанных синтаксических членов. Это приводит к образованию непроективных структур, (см. об этом в гл. "Порядок слов" монографии 1973[90]), что недопустимо в КЛЯ.

Иначе располагаются члены синтаксических структур, которые не имеют морфологических показателей связи. В РР действует такой закон:

[88] Ср.: *Пастушенков Г.А.* Степень качественности семантики производного слова как один из критериев определения его словообразовательной структуры. – В кн.: Исследования по семантике. Лексическая и словообразовательная семантика. Уфа, 1979.

[89] См. работы О.Б. Сиротининой, О.А. Лаптевой, И.И. Ковтуновой, а также: Русская разговорная речь, 1973, с. 380–381; ср. *Панов М.В.* Указ. соч. с. 8, *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., "Русский язык", 1979, раздел "Порядок слов".

[90] Например: *Очень* чувство юмора *помогает* в жизни//; *Толстый* часто *человек* веселым бывает//

при отсутствии морфологических показателей между членами конструкции препозитивный член является главным, постпозитивный – зависимым. В этом обнаруживается зависимость строения РР от характера ее протекания: при отсутствии морфологических показателей линейное развертывание РР во времени создает возможность строить связи, находящие выражение в прогрессивном направлении. Поэтому если какие-либо единицы не имеют специальных показателей связи, то та из них, которая названа первой, оказывается господствующей над последующей.

Таким образом, к о н т а к т н а я п о с т п о з и ц и я – при отсутствии морфологических показателей – является средством выражения зависимости одного члена от другого. Именно поэтому РР отличается от КЛЯ особыми специфическими синтаксическими возможностями соединения словоформ и более крупных строительных блоков (именных и глагольных сочетаний, в том числе сочетаний со спрягаемой формой глагола).

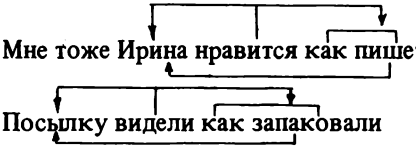
Все эти явления иллюстрируют особенности синтагматики РР, а именно специфические возможности соположения единиц разного рода в потоке речи.

11) В РР говорящий как бы выдает информацию порциями, нередко так строя свою речь, чтобы слушающий мог поэтапно осмысливать сказанное. Например: *Книгу нашу/видели как издали//*

С таким построением высказывания связано наличие особых, принципиально иных, чем в КЛЯ, видов синтаксической связи. В РР один член может иметь двусторонние связи – прогрессивные (как наиболее естественные, возникающие по мере произнесения фразы) и регрессивные, как бы "вводящие поправку" в понимание, возникшее ранее.

В монографии 1973 г. (см. с. 399–400, 403) это явление рассмотрено на примере высказываний типа:

Здесь один и тот же глагол семантически и формально связан с препозитивным именем и постпозитивным распространителем, включающим глагол; в свою очередь имя обнаруживает зависимость и от контактно расположенного с ним глагола, и от глагола, расположенного дистантно (*посылку видели, посылку запаковали*). Ср. с иным порядком слов: Мне тоже нравится как пишет Ирина; Видели как запаковали посылку.

12) Линейный характер протекания РР вызывает ряд особенностей семантики ее текстового строения. Для РР характерно напряжение между

линейным развертыванием речи и формированием содержания[91]. Текст РР нередко строится как параллельное развитие нескольких тематических линий, связанных по принципу ассоциативной близости или как-либо иначе.

Одновременное развитие нескольких тем (тематическая полифония) свойственно прежде всего полилогу[92], но оно характерно и для диалога. Тематическая полифония может объясняться, например, тем, что РР функционирует как сопроводитель каких-либо действий говорящих, вследствие чего они используют РР и для координации своих действий, и для разговора на тему, не связанную с их актуальной деятельностью. Например: (двое готовят обед). А. *Подлей немного*// И он мне говорит// Б. (льет молоко в кастрюльку) А. *Хватит-хватит*// Я скоро опять приеду// Б. *А не мало будет*? А. *Нет-нет*// Б. Когда же/скоро? В будущем году? А. Да нет! В этом еще//

В этом отрывке разговора представлена типичная ситуация тематической неоднородности в пределах одного диалога. Идет одновременное развертывание двух тем, причем говорящие обращаются то к одной, то к другой. Очевидно, что подобное построение содержательной стороны текста в КЛЯ в принципе невозможно.

13) Для РР характерно своеобразное соотношение номинации и предикации. Явления номинации и предикации представляют собой две основные области языка. В РР наблюдаются как специфические средства номинации, так и специфическое соотношение этих явлений.

Рассмотрим кратко то и другое.

а) Для РР характерна специфическая номинативная значимость частей речи, что связано со специфическим строением номинативных единиц РР. Если в КЛЯ самая номинативная часть речи – имя существительное, то в РР высока номинативная значимость всех частей речи, в том числе глагола[93]. В качестве неоднословных описательных номинаций в РР употребляются конструкции, включающие разные формы глагола – инфинитив (типа: *чем писать, во что завернуть*) и спрягаемые формы глагола (типа: *Телеграммы разносит*/ утром разбудил меня рано//; *Арбузы продает*/ у него лицо грузинского типа//). Напомним также о функционировании в качестве номинации конструкций "предлог + имя существительное в косвенном падеже" (типа *в серой шубке*), а также наречий[94].

---

[91] См.: *Кожевникова Кв.* Спонтанная русская речь в эпической прозе. Praha. 1970, p. 32–33; Kolektiv rusistů UK. Problemy bezne mluveneho jazyka, zvlaste v rustině. – Slavia, 1973, № 1, p. 36.

[92] См., например, текст "За обедом" – в кн. "Русская разговорная речь. Тексты" (М., 1978, "Наука", с. 159 и сл.), в котором собеседники говорят о защите диссертации двумя из присутствующих, о собирании и солении грибов и при этом обмениваются репликами по поводу обеда (хозяйка угощает гостей, передают тарелки и т п.).

[93] См.: "Русская разговорная речь", 1973, с. 461–563.

[94] Вот примеры разных типов номинаций: (разговор в больнице) *Вчера операцию сделали* чувствует себя неплохо//; *Со второго этажа перевели*/ характер у него желчный/ ворчит все//; (о поливальной машине) *Улицу поливает* так тарахтела/ спать не дает совсем//; Принеси мне *чем укрыться*//; А. *В платье бархатном*/

Высокая глагольность РР обнаруживается и в сфере однословных номинаций. В РР получают очень высокую активность производные отглагольные существительные с суффиксами *-лк(а)*, *-щик/-чик*, *-тель*, именующие самые разнообразные виды предметов и лиц по их актуальному или постоянному (профессиональному или излюбленному) действию. Ср. слова типа *открывалка, мигалка, держалка, поливалка*; *поздравляльщик, тянульщик, проверяльщица, заверяльщица* и под.[95]

б) Наличие номинаций, включающих verbum finitum, вызывает принципиальные последствия для структуры высказывания. В РР наблюдается формальная нейтрализация средств номинации и предикации, ибо и то и другое явления могут быть выражены конструкциями с verbum finitum. Таким образом, в РР высказывания, содержащие два глагола, выступают не только как построения с однородными членами или полипредикативные построения, но и как построения монопредикативные, в которых из двух спрягаемых глаголов один реализует акт номинации (субъекта или объекта действия), а другой – акт предикации. Показательна возможность использования в таких случаях глаголов, имеющи такие формы времени и вида, сочетание которых невозможно в рамках высказывания с однородными членами или в рамках полипредикативного высказывания КЛЯ[96]. Приведем примеры. Конструкции-номинации выделяем.

Оба глагола характеризуют действия одного субъекта. Номинация имеет глагол в форме:

наст. вр.: *Над нами живет* — переезжает / переехала / будет переезжать — в Крым

прош. вр.: *Над нами жила* — переезжает / переехала / будет переезжать — в Крым

обрати внимание? Б. Не дурна//; (о морозильнике холодильника) *Наверху* пора размораживать//. (См. подробнее: Русская разговорная речь, 1973, с. 461–563; Русская разговорная речь. Проспект М., "Наука", 1968, с. 57–66.

[95] Несколько примеров употребления подобных слов: У нас выключатель-*дергалка*// А у вас?; (в магазине) А. Дайте мне что-нибудь от моли// Б. Есть *прыскалка*/ есть *посыпалка* . . .Что вам?; (в санатории) Сегодня у меня пять *посещальщиков* было//; Ведь так все дело сорвать можно/ Хотите стать *срывальщицей*?; (о хорошем лекторе) Он замечательный *излагатель*//

[96] На своеобразие отношений номинации и предикации в русской РР указывалось в литературе. Диффузность средств номинации и предикации в РР отмечает К. Хлупачова. См.: *Chlupáčová K.* K difúznosti pojmenovacích a výpovědních prostředků v ruském mluveném projevu.– В кн.: Studia Slavica Pragensia, 1973, p. 213–236. В связи с изучением функций им. п. существительного Е.В. Красильникова отмечает, что "в форме именительного падежа может нейтрализоваться противопоставление, которые предварительно можно было бы определить в терминах: номинативная единица – предикативная конструкция" (см.: *Красильникова Е.В.* К функциональной характеристике именительного падежа существительных в системе русской разговорной речи. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 1. Горький, 1976, с. 276–277).

(редкий, но встречающийся случай) буд. вр.:

Над нами будет жить [переезжает из другого города / переехала из другого города

Над нами будет жить/ будет ездить по субботам на дачу//

Глаголы относятся к разным субъектам, т.е. глагол номинации именует объект действия, обозначенного другим глаголом:

Ты [видишь / видел *над нами живет*? (ср. нашего верхнего соседа) / увидишь

Встречаю я сегодня / Встретил я сегодня / Увижу я сегодня — *над нами будет жить* (ср. нашего нового/будущего соседа)

14) Нормам РР свойственна вариативность. В РР широко представлены единицы, различия между которыми не наделены функциональной нагрузкой. Это обнаруживается, например, в многообразии способов реализации фонем и сочетаний фонем. Особенно велика вариативность произношения высокочастотных слов. Например, слово *наверное* имеет такие вариатны произношения: [наэ́рнъ], [наэ́нъ], [нъэ́н], [нӕ́н], [нэн], [нӕ́] – см. гл. "Фонетика" монографии 1973 г., с. 122. Широка вариативность аффиксов при построении производных слов разных типов (ср. *бабуля – бабуся; дедуля – дедуся, ветряга – ветрюга*), вариативность номинативных единиц, используемых для называния одного явления (ср. номинации, функционирующие в РР для называния приспособлений, держащих белье при сушке: *прижимки, прищепки, защепки, зажимки* и под.; "поливальная машина" – *поливалка, чем улицы поливают, улицы поливает* и т.п.). Вариативность в синтаксисе обнаруживается в функционировании синонимических конструкций, в которых используются разные средства связи: *Он придет/ позови меня*//; *Как он придет/ позови меня*//; *Когда он придет/ позови меня.* Ср. вариативность порядка слов, не связанную с передачей разного актуального членения: *Он придет когда/ позови меня*//; *Он когда придет/ позови меня*//; *Когда он придет/ позови меня*//

Построение РР, кроме собственно языковых норм, регулируется нормами речевого этикета и поведения (как принято или не принято вести себя, о чем принято или не принято говорить). Эти нормы различны у лиц разных национальностей и разных стран. При этом собственно языковые различия корреспондируют с такими различиями, как уместность или неуместность того или иного способа выражения в той или иной ситуации. Так, например, эллиптичность синтаксических построений, употребление нулевых глаголов по нормам русской РР уместны в фамильярной РР и неуместны при нейтрально-вежливых отношениях и тем более в разговоре, ведущемся на КЛЯ: Ср. *Вы домой?* и *Вы домой идете?*

15) Типическая черта РР – ориентированность на собеседников – не-

Это обстоятельство посредственных участников акта речи ("я" и "ты")[97] объясняет многие структурные особенности РР, а также ее высокую эмоциональность, связанную с частым выражением личных оценок, личного отношения[98]. В РР широко употребительны высказывания, содержащие оценку чего-либо с позиций говорящего субъекта, синтаксические конструкции, включающие формы местоимений 1 и 2 л., высказываний, содержащих формы императива и т.п. В некоторых видах РР большую роль играют элементы модуса. Для РР специфичны вопросительные конструкции, в которых говорящий направляет вопрос на модальную часть высказывания. Явления такого рода рассматриваются в гл. "Синтаксис" этой книги[99]. Направленность на собеседника обнаруживается в широком использовании так называемых контактоустанавливающих средств[100]. Говорящий постоянно следит за тем, как принимается его речь, и реагирует соответственно[101]. С этим связано широкое использование в синтаксисе РР расчлененных конструкций, содержащих специальные средства актуализации – лексические актуализаторы (типа *что? как? да? нет?*)[102], повторы[103] (см. подробнее: Русская разговорная речь, 1973, с. 347–380), а также активность частиц (см. гл. "Морфология" кн. II).

16) Системе РР свойственны контрасты. В РР сильна тенденция к аналитизму, которой противостоит тенденция к синтетизму, находящая особенно яркое выражение в словообразовании (активность создания многообразных типов производных слов) и некоторых участках морфологии

---

97 Ср."Разговорная речь предполагает непосредственное участие обоих первых лиц, и говорящий и адресат здесь конкретны и индивидуальны, причем – что существенно – соотношение мужду ними устанавливается в самом акте речи" (*Шмелев Д.Н.* Указ. соч., с. 57). Ср. также: *Koževniková Kv.* Členění jazykových projevů jako stěžejní otázka stylistiky. – Československá rusistika, 1980, N 4, p. 170–173.

98 Ср. мнение Е. Паулини: "В выражениях приватной сферы как стандартный фактор проявляется стремление актуализировать языковые средства. Если выражения общественной сферы характеризуются сознательно неэмоциональным отношением к содержанию коммуникации. . , то для выражений приватной сферы характерно эмоциональное отношение к содержанию коммуникативного выражения и соответствующий выбор экспрессивных языковых средств. Выражения приватной сферы представляют человека во всей его богатой гамме чувств" (*Паулини Е.* Кодификация литературного языка и употребление нелитературных средств. – В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М.,"Наука", с.43.).

99 См. также: *Арутюнова Н.Д.* Некоторые типы диалогических реакций и "почему"-реплики в русском языке. – Филол. науки, 1970, № 3, с. 44–55; *Брчакова Д.* О связности в устных коммуникатах. – В кн.: Синтаксис текста, с. 248–261.

100 Ср.: *Драздаускене Л.* Контактоустанавливающая функция речи (на материале англ. языка). Автореф. канд. дис. М., 1970.

101 Ср. понятия интенции и установки в кн.: *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика, с. 30–37.

102 Например: Петя звонил/ *да*?; Он *что*? завтра приедет?; Он завтра приедет/*да*?; Она писала/ *да*? тебе//; Твоя мама *как*? в Ленинград укатила?; (о трамвае) К ним на этом/ *нет*? ехать//

103 Она *пишет-пишет*/ все бесполезно// Не умеет она//; Он *просил-просил* и выпросился// Отпустили его в кино//; Она *голубая-голубая*/ *нежная-нежная*/ погладить хочется (о меховой шубке)//

(например, передача значения каузативности средствами одной словоформы, а не сочетанием слов).

Широкое использование готовых структур, целых строительных блоков, диалогических клише (ср. городские стереотипы[104]) сочетается с активностью речетворчества, созданием новых слов, свободным заполнением пустых клеток системы разных уровней языка (словообразование и словоизменение, синтаксис).

Многие явления РР свидетельствуют о синкретизме формы выражения, свойственной РР по сравнению с КЛЯ: одна и та же словоформа или конструкция в РР способна реализовать большее число синтаксических функций, чем в КЛЯ. Одно и то же слово способно служить номинацией большему числу явлений, чем в КЛЯ. Аналогична в синтаксисе роль связей свободного соединения и явления интерференции. Синкретизму формы выражения противостоят явления расчлененности формы выражения,обнаруживаемые в синтагматике РР – особенно ярко в конструкциях с повторами, с лексическими актуализаторами, с местоименными коррелятами[105], в разных видах неоднословных номинаций (см. главы "Синтаксис" и "Номинация" монографии 1973 г.), в активности построения производных слов (см. гл. "Словообразование" этой книги).

Языковые формации, обслуживающие сферу непринужденного общения литературно говорящих жителей города, существуют во всех развитых литературных языках. Между этими языковыми формациями имеется известная (и довольно значительная) общность, обусловленная экстралингвистическими условиями их функционирования, прежде всего такими факторами, как непринужденность, неподготовленность, тесная связь с конситуацией и устная форма, что позволяет говорить об универсалиях[106] (или фреквенталиях[107]) разговорной речи в разных языках.

Многие из названных выше типических черт русской РР свойственны РР разных языков. Это относится в первую очередь к таким явлениям, как: использование разных каналов связи; использование вербального и невербального кода; регулярность действия моделей разных уровней языка, что приводит к заполненности клеток языковой системы; специфическое соотношение готового и творимого в акте речи; расчлененность высказывания; широкое использование контактоустанавливающих средств.

---

[104] См.: Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 269–299.

[105] Типа: *Петя/ он* всегда такой//; *Он* часто бывает/ *Петя*//; *Наша собака/ у нее* давно щенят не было//

[106] О разговорных универсалиях см., например: *Скребнев Ю.М.* Типологические аналогии в синтаксисе разговорной речи неблизкородственных языков – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968; *Сиротинина О.Б.* К вопросу о типологическом изучении разговорной речи (Универсальные явления разговорной речи). – Там же; *Скребнев Ю.М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Докт. дис. М., 1871.

[107] О понятии фреквенталии см.: *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. М., "Наука", 1977; *Серебренников Б.А.* О лингвистических универсалиях. – ВЯ, 1972, № 2.

Что касается такой особенности русской РР, как особая номинативная значимость частей речи, нейтрализация явлений номинации и предикации, то, по-видимому, эта черта типична лишь для русской разговорной речи, во всяком случае она не отмечена в исследованиях немецкой, французской, английской, польской и чешской РР. К интересным для рассматриваемой проблемы результатам приходит Т.Б. Алисова, изучая специфические особенности РР романских языков. Автор показывает, что многие особенности, типичные для романских языков и отличающие их от латыни, представляют собой разговорные универсалии, близкие тем, которые выявлены в монографии 1973 г. по отношению к русской РР[108].

ЧЕМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ ТЕКСТОВ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Исследователи разговорной речи сталкиваются с большими трудностями: в том материале, который они получают в руки как записи непринужденной литературной разговорной речи, встречаются очень разнородные факты. Материалы РР никак нельзя считать единообразными и стилистически однородными[109]. Это обстоятельство в виде упрека отмечалось, например, рецензентами книги "Русская разговорная речь" (1973) – К. Хлупачовой, О. Кафковой, И. Цамуталиовой в рецензии, опубликованной в журнале "Československá rusistika". Авторы пишут, что приведенный материал "нередко колеблется между полюсами литературность/ нелитературность и категорически не представляет собой никакую определенную, полностью определившуюся однородную формацию. Материал разговорного языка, как нам его представляет монография, содержит в действительности средства разных языковых формаций, которые говорящие свободно избирают в соответствии с функциями сообщения, адресатом, связями между обоими говорящими и т.д. Эти языковые формации содержат целую шкалу синонимичных средств, которые простираются от эксплицитности до разных ступеней эллиптичности"[110].

Неоднородность фактов, наблюдаемых в текстах РР, приводит и некоторых русских исследователей к парадоксальным выводам. Показательна в этом отношении книга О.Б. Сиротининой "Современная разговорная речь и ее особенности" (М., 1974). Отдельные разделы главы "Лексика" посвящены рассмотрению широкого употребления в текстах РР термино-

---

[108] См.: *Алисова Т.Б.* Константы языкового развития и типология романских языков. – Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1980, № 1, с. 3–12.

[109] Об этом убедительно пишет Ю.М. Скребнев, отмечая "высокую степень наличия в них (текстах РР. – *Е.З.*) неразговорных элементов"; (*Скребнев Ю.М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Автореф. докт. дис. М., 1971, с.12–13). Богатые материалы такого рода см. в работе: *Винокур Т.Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. – В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., "Наука", 1968. См. также: *Кожевникова Кв.* Указ соч.

[110] Československá rusistika, 1975, N 3, p. 130.

логической лексики, "общекнижной" лексики и общелитературной лексики. Автор приходит к выводу, что для современной РР наиболее характерна лексика терминологическая и книжная. С этим выводом трудно согласиться, но в самом факте возникновения такого впечатления о РР следует разобраться. Действительно, можно сказать, что корпус любого исследования РР содержит много разнородных фактов. Это и термины, и иноязычные заимствования, и слова высокой стилической окраски, и некоторые факты просторечия, жаргонов и диалектов. Однако цель стилического изучения РР состоит не столько в том, чтобы оценить стилическую прикрепленность встретившихся в ее записях единиц, сколько в том, чтобы понять общие принципы ее стилистической организации, а для этого необходим сугубо дифференцированный подход к фактам, отмечаемым в текстах РР.

Как полагает Ю.М. Скребнев, разговорных текстов в чистом виде вообще не существует, но это не означает, по его мнению, что не существует особого объекта – РР[111].

Диапазон средств, допускаемых в РР, широк и многообразен. По нашему мнению, это объясняется в основном двумя причинами:

1. Тематическая неограниченность РР. Благодаря неограниченности своей тематики РР допускает в номинативной функции самые разнообразные средства лексики и фразеологии: научные термины, профессиональные выражения и т.п. В условиях непринужденного общения люди часто говорят о своих делах, о работе и, естественно, что они при этом пользуются разговорной речью, а не кодифицированным языком, однако используют в прямом номинативном значении книжную лексику, научные и профессиональные термины[112]. Ведь говоря в непринуждунной обстановке о химических установках, меморандумах, нейтронах и т.п., люди обычно называют соответствующие явления их прямым именем[113]. Вот примеры, взятые из записей РР: (рассказ об осмотре города) Очень интересно было/ собор такой *барокка́льный*/; Смотри/ смотри какие *закома́ры*! И *апсида* какая-то необычная//; (врач-психиатр своей знакомой) Я понял сразу/ ведь у него *пироман́ия*//; (женщина-химик своей

---

111 См.: *Скребнев Ю.М.* [Рец. на кн.:] "Русская разговорная речь" (М., 1973), – ВЯ, 1976, № 3, с. 141. Ср.: *Земская Е.А.* О некоторых дискуссионных вопросах теории разговорной речи.-В кн.: "Теория и практика лингвистического описания разговорной речи", вып. 5. Горький, 1974, с. 49–56.

112 Ср. следующее замечание Т.Г. Винокур: «. . .так как у нас нет никаких оснований ограничивать понятие разговорного общения нарочито заниженными параметрами "дома" и "быта", ясно, что немалая часть языковых средств, генетически принадлежащих книжной речи, имеет право трактоваться как естественная норма разговорных контекстов, коль скоро этого требует их содержание» (*Винокур Т.Г.* Функциональная и социальная характеристика стилистических свойств высказывания в современном русском языке. – В кн.: Социально-функциональная дифференциация литературных языков. М., "Наука", 1977, с. 304).

113 Ср. замечание Д.Н. Шмелева и приводимый им пример, в котором научные термины включены в разговорную синтаксическую конструкцию: "Нет оснований смешивать разговор на научную тему с разговором п о п о в о д у (выделено нами. – *Е.З.*) научной работы. Ср.: А ты пробовал объяснить это ион-радиальным процессом окисления? – А то нет". (*Шмелев Д.Н.* Указ. соч., с. 72).

сестре) Мне велели анализ сделать/ *изотопы* и еще что-то//; (на улице, архитектор – своей знакомой) Смотри какой красивый дом/ с *курдонером*//; Очень прятный дом/ и *курдонерчик* есть//

Итак, разнородность ("разношерстность") касается в первую очередь лексики и фразеологии РР, употребляемой в прямом непереносном значении. В синтаксисе, фонетике и морфологии РР не допускает внефункциональной транспозиции использования чужеродных явлений.

Отметим одну интересную особенность РР, связанную со сказанным. Употребление в прямой номинативной функции слов книжных, терминологических касается в первую очередь именной лексики. При этом для современной РР примечательна тенденция сочетать научные термины, книжные слова и тому подобные элементы именного характера с сугубо сниженными (иногда даже вульгарными) глаголами. Говорящий как бы стесняется несоответствия своей речи разговорным нормам и разбавляет ее сниженной предикатной лексикой, чаще всего глаголами. Это объясняется тем, что назвать какую-либо реалию из сферы науки, техники, медицины, искусства и т.п. обычным словом-нетермином он не может. Чем заменить термины *суспензия, фокусное расстояние* и под.? Ведь тематический диапазон современной русской РР очень широк[114]. В ней говорят обо всем. Поэтому, желая сохранить непринужденность общения, говорящий нередко "отыгрывается" за счет сниженной предикатной лексики, чаще всего глагольной: *Не могу разобраться с суспензией этой*//; Что он там *наколбасил* с этими *измерениями*?; Он *настрочил* шесть *рецензий*//; (ученый биолог говорит по телефону с другом): У меня *полимеризация* идет *паршиво*//; ср. включение терминологического сочетания в сугубо разговорную синтаксическую конструкцию: (Студент в автобусе рассказывает приятелю о своих фотозанятиях) Я уже и так/ и так/ а у меня *фокусного расстояния* нету// Я раз (жест) и вышло//

Существуют и другие способы введения книжной, в том числе специальной лексики в РР. Говорящий меняет ее фонетический облик (подделываясь под просторечие или диалект) или предваряет ее "извиняющимися" словами – *это самое, вот* и др.

У него знаешь депрессия/ (иронически) *крызис*//; Красное на синем *хфоне*/ прямо Сезанн//; Я *изоглоссы вот*/ никак не вычерчу//; Ваш голос звучал несколько напряженно/ *тембр* и *всякая петрушка*//

2. Языковая игра. Эта причина,объясняющая встречаемость в записях РР разнородных элементов, имеет принципиально иной характер. Она заключается в следующем: в РР широко используется языковая игра. Говорящие нередко относятся к своей речи как средству выразительности, экспрессивности (см. об этом подробнее выше, с. 6–8, а также в главах "Словообразование" и "Языковая игра"). При этом чаще и разнообразнее всего средства языковой игры используют люди высокой культуры и образованности, владеющие языком во всем его многообразии[115].

---

[114] Ср.: *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная лексика, с. 44.

[115] Ср.: "Не только в книжной, но и в разговорной речи интеллигенцию отличает умение вживаться в любой языковой "образ", раствориться в нем, приспосабливать его к выразительным задачам речевого общения. . ., привнося даже в

В целях языковой игры могут применяться элементы разных уровней языка и самых разных сфер общенародного языка (просторечия, жаргонов – профессиональных и молодежного, диалектов, разных функциональных стилей КЛЯ), а также и других языков.

Добавим: с нашей точки зрения, названная черта РР – дополнительное доказательство, того, что РР является функциональным стилем литературного языка. Лингвистическая формация, специфическая черта которой "стилистическая неоднородность", не может расцениваться как стиль[116]. Показателем языковой игры являются специфическое интонационное выделение (интонация передразнивания, копирования), а также замедление темпа, паузировка.

Следует, однако, отметить, что разграничение языковой игры и отсутствия ее не всегда бывает очевидным, так как не всегда легко установить, шутит ли человек или говорит вполне серьезно. Конечно, мы не имеем в виду факты такого рода, когда человек без установки на языковую игру говорит *без пальта, поедем в метре, она меня зав* [л'а] *кает* и т.п. В таком случае говорящий не является носителем литературного языка. Колебания в оценке того или иного употребления могут возникнуть лишь по отношению к фактам профессиональной, терминологической, книжной или сниженной лексики. Об этом убедительно свидетельствует показанное Т.Г. Винокур взаимодействие книжной, разговорной, профессиональной и просторечной языковых стихий, приводящее иногда к их нейтрализации в пределах РР[117].

Сложности в оценке тех или иных явлений как языковой игры или речи нейтральной возникают в тех случаях, когда какая-либо языковая шутка является для говорящего привычной, часто повторяющейся, острота ее стерлась. При этом коммуникативное намерение говорящего (шутит – не шутит) выступает в ослабленном виде. В таких случаях может возникать различие между речью отправителя и получателя. Для отправителя это привычная манера выражения, стершийся штамп, тогда как для получателя, услышавшего это впервые, сказанное может звучать как явная языковая игра. Таковы многие семейные словечки, например, *бренчалка* – о гитаре, *самовар* – о чайнике, *ящик* – о телевизоре, *вертушка* – о проигрывателе, *шарманка* – о транзисторном приемни-

---

разговорную речь момент специального выразительного отбора, выражающегося в том, что стилистические столкновения используются в интеллигентской речи гораздо чаще с экспрессивным подтекстом, чем прямолинейно» (*Винокур Т.Г.* Указ. соч., с. 318).

116 Ср: *Шмелев Д.Н.* Указ. соч., с. 82.

117 См.: *Винокур Т.Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи, с. 45 и сл., с. 60 и сл.

Вот несколько примеров употребления в РР чужеродных стилевых элементов без установки на шутку: (жена мужу по поводу неполученных ею во-время денег, которые муж послал по почте) Ну знаешь ты мне голову не морочь// Достаточно наморочил// Почему ты не *проконтролировал этот вопрос*?; (о переезде в новый район) Мне стало значительно лучше// Не потому что *расстояние сократилось*//; (женщина, уходя с пляжа – о погоде на море) Весь *гардероб* надо таскать/ и байковый/ и такой// Холодно/ ра́з ('сняла')/ жарко/ ра́з ('надела')//. Ср. такой диалог: А. Строят очень много// Б. Да/ *масштабы строительства прямо грандиозные*//

ке, *налопопам* – вместо *напополам, мамерлад* – вместо *мармелад.* В некоторых семьях подобный способ выражения стал настолько частым, что вытеснил полностью обычные средства номинации и утратил всякую экспрессивность: Включи *ящик*//; А *ящик* будешь смотреть?; Что там интересного в *ящике*?; Разрежьте *налопопам*//; Давайте *налопопам* съедим//; (о чайнике) Поставить *самовар*! Нести *Самовар*//; *Самовар* вскипел//; Отличная *вертушка* продается/ не нужно?

Встает вопрос: может ли при изучении РР привлекаться материал языковой игры? С нашей точки зрения, ответ должен быть положительным. И для этого есть следующие основания:

а) Использование РР с установкой на шутку, языковую игру – характерная особенность РР и исключить ее из рассмотрения значит исказить изучаемый объект, дать его в препарированном, неадекватном виде[118].

б) Отказ от изучения названных явлений был бы неправомерен еще и потому, что, по справедливому замечанию К. Гаузенбласа, "для современных гуманитарных наук, которые изучают человека как индивидуальность и людской коллектив, характерно повышенное внимание ко всему, что составляет поведение человека, особенно к его творческой деятельности"[119]. Между тем – языковая игра в РР как раз и отражает ее творческое начало, стремление говорящих к антистандарту, речевой раскованности, речетворчеству. Без этого РР перестает быть сама собой. Отметим, что, конечно, в РР творят не все и не всегда. Есть люди не склонные к шуткам и есть ситуации, когда шутки неуместны.

Рассмотрим типические примеры языковой игры, характеризующие современную РР.

1) П р и е м р е ч е в о й м а с к и. Говорящий использует чуждые ему как носителю литературного языка элементы. Чаще всего в таких случаях применяются элементы просторечия и диалектов, так как эти разновидности языка особенно резко контрастируют с литературной РР. Подчеркнем, что в самих тех сферах, откуда заимствуются используемые элементы (т.е. в просторечии и диалектах), они лишены какой-либо экспрессивности, нейтральны.

Говорящий как бы пародирует чужую речь, вводя для шутки в свою речь просторечные или диалектные фонетические или морфологические черты, используя диалектные или просторечные слова, словоформы, конструкции:

А. Ты потом суп выключи// Б. (шутл.) *Ланно*// (т.е. ладно); А приходил *хто*? (кто); [*В'асна*] на дворе/ а ты все спишь//; *Пущай* позвонит

---

[118] "Стилистическую неоднородность можно считать регулярным свойством современного стилистического узуса, т.е. коллективных навыков в ы р а з и т е л ь н о г о и с п о л ь з о в а н и я (выделено мною. – *Е.З.*) языка. Это свойство выступает организованным в определенные конструктивные приемы, закрепленные узусом. Поэтому к ним нельзя относиться как к индивидуальным особенностям речевой деятельности. В то же время эти свойства стилического современного узуса недостаточны для того, чтобы говорить о сдвигах в системно-стилевой принадлежности единиц языка, участвующих в образовании стилистического стыка" (*Винокур Т.Г.* Функциональная и социальная характеристика стилистических свойств высказывание в современном русском языке, с. 319).

[119] *Hausenblas K.* Výstavba jazykových projevů a styl. Praha, 1972, s. 39.

мне// (пускай); У меня теперь *лисипед*// (велосипед); Она *туды-сюды*//; (молодой человек по телефону спрашивает у приятеля) Лялька *тамотка*? (там); (мужчина рассказывает) Он купил стаканы с *цвятами*//; – *Ослобонил ванну*? (освободил).

Я весь *обвешамшись* побежал домой//; Она оказалась *заболемши*//; Сколько это стоит? – Четыре *рубли*//; *Взойтить* можно?; Я должен *вскорости бечь*//; Я боюсь этих пирожных// *Кил* пять прибавишь//

Вы будете *снедать*? (есть); – А где Катя? – Она со своими *товарками* пошла гулять// (*прост.* – подруга); Я тебе звонил *намедни*//

Объектом пародирования нередко бывают канцелярские обороты, газетные штампы, клише деловой речи. В таких случаях говорящий надевает маску бюрократа-канцеляриста, иронизируя над ней и резко отталкиваясь от нее. Ср. включение канцелярски-книжных выражений "в лице такого-то", "на предмет. . ." в бытовой контекст и сочетание их со словами неподходящей семантики:

(разговор о том, как ходили в гости) А. Все наши лучшие надежды сбылись// Б. *В лице обеда*?? А. Да/ было очень вкусно//; Надо стереть со стола *на предмет мух*//;

2) Использование чужеродных для РР элементов иного рода – высокой лексики, слов и выражений жаргонных, иноязычных вкраплений, по нашим наблюдениям, не связано со стремлением к созданию речевой маски, к пародированию. Говорящий использует эти элементы как средства выразительности, ибо они сами по себе наделены яркой стилистической окраской, а также контрастируют с контекстом. Такие средства применяются в целях иронии или самоиронии, иногда просто как непритязательные шутки.

Особенно часто как средство экспрессивности в РР используются жаргонные слова и выражения[120]. Подчеркнем, что все приводимые примеры взяты из разговоров, ведущихся на РР: (женщина-химик средних лет) Летом я собираюсь *упшлить* в деревню//; (Молодой человек М. и девуш-

---

[120] Активно проникает в РР молодежный жаргон. Как правило, он первоначально используется молодыми людьми, а лицами старшего поколения оценивается отрицательно. Лишь постепенно жаргонизмы проникают в речь лиц старшего поколения и далеко не всех. Вот как изображается типичная ситуация отцов и детей: (из письма матери в газету): "Моей дочери 15 лет. И у нас с ней частенько бывают разногласия в оценках. Мы обе пытаемся доказать друг другу свою правоту. И часто моя дочь говорит мне, что я просто "возникаю". Этим модным словцом дочь характеризует мое отношение к какому-либо поступку. Ничего не могу поделать с собой и всегда сержусь в ответ на это словечко" (Комс. правда, 20 окт. 1979).

Жаргонизмы недолговечны. Они быстро выветриваются и утрачивают экспрессивность, требуя постоянного обновления и замены. Ср. "перевод" ультрасовременного жаргонизма *прикид* на устарелое, с точки зрения молодого человека, *шмотки*, который делает "красивый мальчик" – почитатель джинсов, разговаривая с молодой женщиной, от лица которой ведется рассказ: "Да, – говорит, – нынче все дело в прикиде. Как ты прикинут, – такая у тебя и жизнь!
– В чем дело? – удивилась я.
– Ну, как вы говорите – "в шмотках",
А мы называем это прикид. Без *фирменного прикида* никто и водиться с тобой не будет! – с обидой сказал он" (В. Попов, Наконец-то!).

ка К.) М. Похвастаться сапогами? К. Угу// М. (показывает) Вот! К. *Обалдеть*!; (женщина-архитектор) Какой там торт был! *Обалдемóн*!; (Молодая женщина о своей работе) Сил нет писать эту *бадягу*//; (студент) Думаю *отстреляться* с немецким в этой сессии//; (женщина средних лет – кандидат наук) Я бросила курить// А ведь по две пачки я *сажала*//; (мужчина средних лет, принося свою научную работу руководителю) Я ему оставлю на столе свою *бадягу*//

Как средство иронии используется высокая лексика: Надо мне какой-то доклад *вещать*//; Я боялся звонить/ думал *почиваете*//; Тебе не надоело меня *лицезреть*?; Смотри какое там *сонмище*! (о купающихся в реке).

Включение иноязычной лексики в РР, ее сочетание с русским словом также используется как средство языковой игры: (молодой человек – по телефону) Ну ладно// *Генýх* трепаться//; (разговор о спектакле в периферийном театре) А. Кто там играл-то (главную роль)? Б. Да местная звезда какая-то// Н. Понятно// Местная *этуаль*//; – Ты не устала? – *Абсолюмент*//

3) К о н с т р у и р о в а н и е единиц разных уровней, при котором происходит нарушение закономерностей синтагматики, действующих в языке. Этот прием особенно ярко доказывает, что языковая игра в РР имеет свои специфические средства выражения, ибо шутливая РР строится не только путем выбора чужеродных единиц из общеязыковой "копилки" (просторечие, диалекты, высокая книжная лексика, жаргоны, профессионализмы), она имеет свои закономерности построения и приемы. Эти неузуальные построения отражают творческий подход к языку, стремление говорящих свободно создавать новые единицы разных уровней. Говорящие охотно творят не только новые слова, но и конструкции более крупные, новизна и экспрессивность которых объясняется нарушением общеязыковых законов сочетаемости. О разных видах языковой игры см. подробнее в главе "Языковая игра", второй части нашего исследования, а также в гл."Словообразование" этой книги. Здесь приведем лишь некоторые иллюстрации.

Построение н е у з у а л ь н ы х с л о в: (мужчина 35 лет о своем знакомом) Он живет три года в Москве/ но никак не может *омосковиться*//; (о молодой женщине) Ну сейчас она может и как березка/ но тогда была еще *березистей*//; (присоединение экспрессивного суффикса *-'ага*, употребительного в словах типа *штормяга*, к книжной заимствованной основе: Эх/ *экзистяга*! (ср. экзистенция); (разговор о отсыревших сушках) Это не сушки а *мокрушки*!

Построение н е у з у а л ь н ы х с л о в о с о ч е т а н и й: при этом возникает каламбурное осмысление нового сочетания, так как на него падает отсвет словосочетания, породившего его. А. Ты что купил? Б. *Вязанку* свеклы// (слово *вязанка* сочетается с существительными *хворост, дрова,...*); (о соседке) Такая роскошная *двуспальная женщина*// (ср. двуспальная кровать); Я теперь *сплю с перерывом на письма*// (о бессонице; ср. работать с перерывом на обед); Секретарши наши как всегда/ *спят навзрыд*// А потом начали руками махать/ разводить деятельность// (ср. рыдать навзрыд); (хозяин квартиры – другу по телефону) Сегодня вечером прибудет

гость дорогой//Сейчас происходила утренняя *вспашка* квартиры// (об уборке; ср. *вспашка поля)*.

4) Переносное (чаще всего метафорическое) использование слов: Котлеты вышли *асфальтовые*// (жесткие); (А. рассказывает о поездке в другой город) Этот город *протезный*// Б. Как? А. (поясняет) Реставрированный весь// Был разрушен во время войны//; (о женщинах-сослуживицах) Они засушенные/ *гербарные*//; Моя соседка добрая// Она мне говорит// "Кушайте блинчики/ эти блинчики на сковородке прямо *чирикают*"// (шипят); Эти цитаты нужны для *шлаку*/ для наукообразия//

Метафорическое осмысление слова обычно поддерживается изменением его сочетаемости: (рассказ о спектакле) Все это так идет/ немножко с каким-то *этнографическим гарниром*//; Она много должна сделать/ собрать этот *вихрь бумажек*//.

5) Прием деметафоризации – восстановление прямого смысла метафорических выражений. В РР этот прием часто осуществляется путем развертывания метафоры как сочетания, имеющего прямое значение, сквозь которое прсвечивает переносное. Вот как идет каламбурное развертывание метафорического выражения *намыливаться* – 'намереваться сделать что-нибудь'; (женщина средних лет) Н. Мои все друзья *в Крым намыливаются*// Одна уже *намылилась* // *Сидит там намыленная*/ Б. (подхватывает) На пляже// Мыло морской водой смывает//

Каламбурное освежение узуальных метафор достигается синонимизацией со словами того же семантического ряда (при их использовании в прямом смысле): А. Он для нее *свет в окошке*// Б. (иронически) *Фонарь*/ *прожектор*//; А. Он же *пустоцвет* бесплодный/ Б. (подхватывая) *сухостой* и прочее//; (больной пожилого возраста врачу) Вам не надоело возиться с такой *рухлядью*? (врач шутливо – вежливо) Что вы? Я еще в детстве любил чинить *старую мебель*//

6) Каламбурное осмысление узуальных слов. В современной РР используется специфический вид каламбуров. Говорящий, желая выразить определенное значение, употребляет слово того корня, который ему нужен для выражения данного значения. Однако ввиду того, что данному узуальному слову свойственна фразеологичность семантики, оно имеет неподходящее лексическое значение. В результате этого создается каламбурное столкновение слова как конструкции, не имеющей узуального лексического значения, и слова как лексической единицы. Вот типические примеры: (женщина шутливо жалуется знакомой) Трое у нас в доме *писарей*/ а ручки нет// (слово *писарь* здесь обозначет "тот , кто пишет", тогда как узуальное значение: "канцелярский служащий для составления и переписки бумаг" (Уш.); (на вокзале: одна знакомая – другой) Не хочешь взять *насильника*? (слово *насильник* 'тот, кто насилует' в силу паронимической аттракции со словом *носильщик* 'тот, кто носит багаж' подвергается каламбурному переосмыслению). Сюда примыкают случаи осмысления членимых слов по типу народной этимологии: Мы второго родились/ значит мы *вторники*/ а вы пятого/ вот вы и *пятницы*//

Аналогичный эффект возникает при использовании слова с омонимичным корнем, контрастирующим с тем значением, которое в него вклады-

вает говоряций. Несколько примеров: (женщина средних лет своей знакомой) Ты все *йожишься* ('занимаешься йогой' – ср. омоним *ежиться*); (на пляже, глядя на море) Сегодня вода теплая/ *купцов* много// (используется омонимия корней, ср. *куп(ить) – купец, куп(аться) – купальщик*); (о собаке) Он у нас такой *сварщик*// Как увидит где свара/ так туда// (ср. *сваривать – сварщик* – наименование профессии и *сварщик* – 'кто устраивает свары', индивидуальное).

7) С о з д а н и е разного рода шутливых п е р и ф р а з, иронически изображающих какую-либо ситуацию: (разговор дома) А. Я на дачу от вас уеду// Б. Кто же будет нас *услаждать морковной песней по вечерам*? (об изготовлении морковного сока сильно шумящей соковыжималкой).

Отметим, что для РР характерно применение языковой игры несколькими говорящими, при этом каждый шутит на свой лад. Вот один пример: (группа лиц шутит, обыгрывая такую ситуацию: несколько человек, находясь в гостях, идут к соседке смотреть старинный торшер) Э. Мы уходим// У нас *экскурсия на торшер*// (ср. экскурсия на завод, на фабрику и т.п.); (остающиеся – уходящим) Пока вы *торшеритесь*/ мы покурим//; (рассматривая торшер, одна из женщин с восхищением) Это торшер самый *торшеристый* из всех/ какие я видела!; (возвратившихся с "экскурсии" встречают словами) Ну вот и *торшерники*!

РР обслуживает всю сферу непринужденного устного литературного общения. Эта сфера включает разнообразные ситуационно-тематические виды общения и типичные жанры РР: диалог, полилог, рассказ[121].

Можно ли сделать вывод, наблюдая жанровое и ситуационно-тематическое разделение РР, что в РР существуют функциональные стили, подобные функциональным стилям КЛЯ? С нашей точки зрения, такое мнение было бы неверным. РР противостоит всему КЛЯ в целом, т.е. КЛЯ в совокупности всех его функциональных стилей, при этом сама РР есть такая языковая система, которая выделяется именно как специфическая разновидность языка, очень широкая и разнообразная, но единая не по тем признакам, на основании которых выделяются функциональные стили. Следовательно, выделять в ней самой функциональные стили неправомерно. Так как РР обслуживает всю сферу неофициального личного общения, в ее пределах находятся средства разной тональности. В пределах неофициального личного непосредственного неподготовленного общения различается разная степень непринужденности. Люди говорят неодинаково с лицами своего возраста и людьми старше или младше себя, с близкими и далекими знакомыми, с родными и чужими, с знакомыми и незнакомыми. Непринужденность охватывает целую гамму отношений, что связано с различиями в избираемых средствах языка. Ярче всего эти различия видны в форме обращений (имя и отчество, полное имя, уменьшительное имя) и в использовании местоимений (*ты* или *вы*)[122]. Средства языка, допустимые при непринуж-

---

[121] Характеристику жанров РР см.: Русская разговорная речь, 1973, с. 35–37; Русская разговорная речь, Тексты. М., 1978.

[122] В русском языке допустимы разные виды соотнесения местоимения и имени. Наиболее типичны: имя и отчество и *вы*, имя и *ты*, реже: имя и *вы*.

денном общении, колеблются от нейтрально-разговорных до фамильярно-сниженных, допустимых лишь в домашнем кругу, в кругу близких друзей.

Мы считаем, что фамильярная РР находится в пределах литературного языка, хотя используемые в ней средства могут быть наделены печатью грубоватости[123]. Отчетливее всего специфические средства фамильярной РР обнаруживаются в области лексики, фразеологии и словообразования. В сфере словообразования к ним относятся, например, производные существительные с суффиксами *-'аг(а)*, *-'уг(а)* *(здоровяга, модняга, толстюга, жирнюга)*, *-л(а)* *(проедала, опивала)*, *-ах(а)* *(растеряха)*, *-енциj* *(бумаженция, собакенция)*, *-ак* *(слабак)*, *-ул'(а)* *(грязнуля)*.

Из области морфологии фамильярную РР обслуживают, например, некоторые виды звательных форм: формы с усечением (типа *па! ма! ба!*) и формы с удвоением (типа а) *мама-мам!*, б) *мам-мама!* в) *мам! а мам!)*, которые в нейтральной РР не употребительны[124].

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И СНИЖЕННЫЙ (РАЗГОВОРНЫЙ) СТИЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

РР, представляя собой особую разновидность языка, выделяемую на основании определенных признаков (см. выше с. 13—14), репрезентирует особую языковую систему, имеющую специфический набор единиц и специфические условия их функционирования на всех уровнях языка (синтаксис, фонетика, морфология, словообразование, номинативные средства). Именно поэтому, а также потому, что РР не имеет тематических ограничений, она является самодостаточной языковой системой. При этом, конечно, специфические черты этой системы выявляются путем абстрагирования и извлечения их из текстового материала РР[125].

---

[123] Иного мнения придерживается В.Д. Девкин, который относит к РР и явления, стоящие з а п р е д е л а м и литературного языка. Он пишет о РР: "По этическому измерению она бывает нейтральной и сниженной. Степень снижения бывает разной. Если она очень незначительна, то РР (так же, как и в случае стилистической нейтральности) включается в понятие литературного языка. Если снижение выражено достаточно сильно, литературность нарушается. Таким образом, РР одной стороной находится в пределах литературности, другой вне ее" (*Девкин В.Д.* Немецкая разговорная лексика, с. 34).

[124] О звательных формах см. подробнее в гл. "Морфология". Отметим, что не все говорящие на РР используют указанные звательные формы.

[125] Конечно, могут возникать сложности в оценке тех или иных фактов или целых текстов. Ср. справедливое замечание Д.Н. Шмелева: "Попытке разграничить функциональные разновидности языка не должно препятствовать и несомненное существование смешанных речевых жанров, как и таких ситуаций, где смешение стилистически разнородных элементов почти неизбежно. Например, речь различных участников судебного разбирательства вряд ли способна представить какое-либо стилистическое единство, но также вряд ли было бы правомерно отнести соответствующие фразы целиком к разговорной речи или целиком к официально-деловой речи. Жанр критической статьи предполагает совмещение научного и публицистического стиля и т.д. "(*Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях, с. 72.).

Как соотносится РР с тем явлением, которое принято называть с н и ж е н н ы м с т и л е м литературного языка (другое название: разговорный стиль), входящим в тройной ряд противопоставлений: высокий – нейтральный – сниженный стили[126].

Деление на три стиля не пронизывает последовательно современный язык по всем уровням. Наиболее отчетливо оно представлено в лексике, но и там не охватывает весь словарь языка. Парадигматические отношения типа *очи–глаза–гляделки*, когда три номинативные единицы четко соотнесены с делением на три стиля, в современном языке скорее исключение, чем закон построения межстилевых соотношений[127]. Это обстоятельство еще более усиливает резкое различие между РР и тем явлением, которое принято называть сниженным (=разговорным) стилем литературного языка.

Встает вопрос: нужно ли сравнивать особым образом организованную разновидность языка – РР и "набор" элементов, используемых как инкрустации (сниженный стиль)? Мы обращаемся к этому вопросу потому, что до сих пор существует мнение, согласно которому РР и есть особый (сниженный) стиль литературного языка[128].

Сложность (и даже запутанность) отношений между РР и сниженным стилем КЛЯ объясняется отчасти тем, что сниженный стиль черпает свои краски из РР[129].

Сравнение средств сниженного стиля и РР показывает, что между ними существует 4 вида отношений:

1) Бóльшая часть типических особенностей РР в области морфологии и синтаксиса не используется как средства сниженного стиля литературного языка (особенности порядка слов, конструкции со связями свободного соединения, конструкции с эллипсисом, некоторые специфические функции номинатива, инфинитива, различные виды бессоюзных высказываний и др.), так как не обладает необходимой для сниженного стиля экспрессивностью.

2) Сниженный стиль, который находит сферу применения преимущественно в языке художественной литературы, имеет немногочисленные специфические элементы в области морфологии, словообразования и синтаксиса, не свойственные живой РР. Таковы, например, глаголы со значением давно прошедшего времени типа *хаживал, видывал*, модифика-

---

126 Общую характеристику трех противопоставленных стилей см.: Развитие современного русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 5–38.

127 Ср. мнение Т.Г. Винокур: ". . . хорошо известно, что подобные межстилевые ряды выстраиваются не без препятствий, они прерывисты, в них есть лакуны ..." (*Винокур Т.Г.* Синонимия в функционально-стилистическом аспекте, – ВЯ, 1975, № 5, с. 55–56).

128 См., например: *Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. М., "Русский язык", 1976.

129 Ср.: «. . . понятие "разговорное", как и понятие "просторечное", двойственно, оно обозначает стилистический пласт непринужденных и сниженных элементов в образцовом литературном языке (пласт значительный, составляющий более трети всех отмеченных стилистических позиций) и нейтральную разговорно-бытовую речь» (*Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка. – ВЯ, 1973, № 2, с. 9).

ционные прилагательные типа *здоровехонький, краснехонький; здоровешенек, краснешенек;* синтаксические конструкции, обозначающее внезапное неожиданное действие типа *Муж уехал, а жена и роди двойню.*

3) Некоторые явления, экспрессивные в РР, заимствуются сниженным стилем. Так, в сниженный стиль проникают единицы различных экспрессивных словообразовательных типов РР. К ним принадлежат слова такого рода, как *ветрюга, штормяга, старушенция, задавала* и под. В РР действуют продуктивные словообразовательные типы, порождающие слова подобного строения. Различие между РР и сниженным стилем состоит в том, что в РР подобные слова представляют собой открытые ряды, свободно образуемые по активным моделям, а в сниженном стиле КЛЯ это отдельные единицы.

4) Отдельные единицы, которые в РР являются нейтральными, заимствуются сниженным стилем КЛЯ. Попадая в сниженный стиль, эти единицы получают функцию экспрессивного средства и уже в качестве таковых используются как инкрустации в текстах КЛЯ. Таковы, например, некоторые виды обращений, употребляемые в РР как единицы, лишенные экспрессивной нагрузки (обращения с частицей *а* и удвоением типа *мам а мам*!, обращения усеченные, типа *па*! *ма*! *Лю*! и др.). Проникая в язык художественной литературы, подобные единицы употребляются как средство стилистически нагруженное[130]. Тот факт, что нейтральные единицы РР получают в книжной речи, чаще всего в языке художественной литературы, функции экспрессивного средства, объясняется следующим. Попадая в письменный текст, в нейсвойственное им окружение, единицы РР, отличительная черта которых стилистическая нейтральность и неосознаваемость[131], актуализируются и функционально преобразуются. Они выполняют функцию не только обозначения (что), но и функцию изображения (как). Если в бытовом диалоге номинации типа *У вас не найдется ч е м з а в я з а т ь*? (о веревке); *Захвати ч е м п и с а т ь*! (о ручке или карандаше); (в очереди) *Замной в о ч к а х* – не привлекают внимания говорящих, то помещенные в текст, построенный по нормам КЛЯ, они становятся ярким экспрессивным средством. Проведем несколько номинаций, нейтральных в РР, которые подвергаются функциональному преобразованию в языке художественной литературы. Ироническое звучание имеет номинация *чем писать* в рассказе А. Аллэ "Ни на шаг от великих": – Я – как Бальзак. Ужасно много пью кофе. – Подобное начало пришлось мне по вкусу. Я подсел к нему. Он спросил "*чем писать*" (Лит. газ., 17 марта 1971 г.). Как средство интимизации – для передачи естест-

---

[130] Так, обращения, представляющие собой усечение имени собственного, могут использоваться в речи героев в качестве характерологического средства. Например, в "Повести без названия, сюжета и конца . . ." В. Липатова употребление таких обращений подчеркивает некоторую манерность речи молодой женщины: "Есть радостная новость, *Ни*! – оживленно сказала она"; *Ни*, у тебя отличная посуда".

[131] Об автоматизме РР, о том, что многие особенности РР остаются неосознанными, см.: *Панов М.В.* Указ. соч., с. 25 и далее.

венного звучания живой речи – используется аналогичная по структуре номинация в стихотворении Вл. Вишневского "Деловой звонок":

Он старик – тот, кому мне поручено
Позвонить - "желательно в пять".
Он сказал: "Подождите минуточку,
Я возьму *на чем записать*".

А вот отрывок из юмористического рассказа, опубликованного на 16 стр. "Литературной газеты"; яркий комический эффект создается употреблением и настойчивым повторением подобных номинаций:

"Пришел *в очках*. Сел рядом. Попросил *чем писать*. У меня *чем писать* не оказалось, и *в очках* обратился к соседу". Попробуйте заменить выделенные обычными для КЛЯ: *в очках – человек/мужчина, гражданин в очках, чем писать – ручка* (или *карандаш*). Комизм пропадает.

Функциональному преобразованию могут подвергаться многие явления РР[132].

Сформулируем различия между РР и сниженным стилем:

1. Сниженный стиль КЛЯ не представляет собой самодостаточную языковую систему. Сниженный стиль состоит из отдельных экспрессивных единиц, которые используются как инкрустации для придания тем или иным текстам литературного языка налета непринужденности, фамильярности, иногда грубоватости, вульгарности. Это набор красок.

2. РР – это особая разновидность языка, закрепленная за определенной коммуникативной сферой (сферой непринужденного личного общения). РР представляет собой самодостаточную языковую систему, характеризуемую специфическими чертами (см. об этом выше.)

3. Сниженный стиль КЛЯ представлен преимущественно единицами одного яруса – лексики и фразеологии. Репертуар средств этого стиля заключен в словарях и снабжен пометой *разг.*

Сниженный стиль литературного языка – в отличие от РР – не имеет своей грамматики. Существует незначительное число отдельных единиц синтаксиса и морфологии, используемых в литературном языке как приметы сниженного стиля (см. выше, пункт 2, с. 50–51). В отличие от сниженного стиля РР имеет не только свои номинативные средства, свою лексику и фразеологию, но и свою грамматику.

4. Подчеркнем еще одно различие между РР и сниженным стилем. Слова сниженного стиля, т.е. слова, заключенные в словари и снабженные пометой *разг.*, не являются типической принадлежностью РР. Эти лекси-

---

[132] Подчеркнем, что набор тех средств, которые писатели черпают из РР, значительно меньше, чем число специфических черт РР. По-видимому, в светлое поле сознания попадают далеко не все особенности РР. Однако число таких черт РР, которые начинают "обыгрываться" писателями, растет на наших глазах. И тем не менее, если в сниженном стиле будут использоваться все новые и новые нейтральные особенности РР (даже в случае cas limit: в сниженный стиль перешли в с е специфические черты РР), РР и сниженный стиль не совпадут, ибо это п р и н ц и п и а л ь н о р а з н ы е явления: в РР такие специфические черты нейтральны, стилистически не маркированы; попадая в сниженный стиль, они становятся экспрессивным, стилистически окрашенным средством.

ческие единицы, употребляемые в КЛЯ как экспрессивное средство, не характерны совсем или мало характерны для РР. Д.Н. Шмелев пишет: «Соотношение помет "разговорное" и "просторечное" и действительная употребительность многих из снабженных этими пометами слов именно в устной разговорной речи не представляется однозначным. Посредством этих помет объединены (и соответственно – выделены в общем словарном составе) настолько разнородные именно в стилистическом отношении группы слов, что признать, что они (или только те из них, которые отмечены как "разговорные") представляют лексические ресурсы разговорной речи, нельзя»[133].

Если отдельные из слов, снабженных пометой *разг.*, и встречаются в РР, то не являются в ней высокочастотными[134]. Это объясняется тем, что РР отличается от КЛЯ не столько набором лексических единиц, сколько способом создания номинаций[135], а также характером семантического строения лексических единиц[136].

Итак, РР – это естественное, наиболее обычное средство общения между носителями литературного языка в определенных экстралингвистических условиях (сфере непринужденного личного общения). Сниженный стиль – это набор красок. На сниженном стиле не говорят. Его единицы включаются в тексты КЛЯ разного характера (художественную литературу, публицистику) как экспрессивные средства, для оживления, для придания тексту налета естественности, непринужденности, а также для имитации живой разговорной речи.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ "РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ" И "УСТНАЯ РЕЧЬ"

Внимание к живой естественной устной речи характерно для лингвистов разных направлений. При этом разные ученые – в зависимости от целей исследования – по-разному вычленяют объект своего исследования из того континуума устной речи, который составляет язык города.

В современном языкознании живо дискутируется вопрос о том, какую роль играет ф о р м а р е ч и (устная/письменная) в дифференциации

---

[133] *Шмелев Д.Н.* Указ. соч., с. 85. Ср. также: "разговорная" и "просторечная" лексика, так же как и слова, содержащие в своих значениях экспрессивно-оценочные элементы, не представляет основное ядро разговорной речи, поэтому не наличие в тексте слов, имеющих соответствующие пометы, являются решающим показателем "разговорности" (Там же, с. 90).

[134] Ср. высказывание Кв. Кожевниковой: "Повседневная спонтанная устная речь отличается свободным, не облигаторным отношением к разговорному стилю, который воспринимается носителями языка как адекватный неформальному или интимному отношению говорящего к предмету речи или адресату" (*Koževniková Kv.* O podstatě hovorovosti. – Studia Slavica Pragensia. Universitas Carolina Pragensis, 1973. – Praha, 1974, c. 200–202).

[135] См. гл. "Номинации" в кн.: "Русская разговорная речь" (М., 1973).

[136] См.: *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная лексика; *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения; См. также раздел "Глагол" в гл. "Словообразование" этой книги.

языка. Имеет ли форма речи настолько большое значение, что создает особую разновидность языка? При положительном ответе на этот вопрос возникают другие: какие именно черты характеризуют устные тексты в отличие от письменных? Образуют ли устные тексты некое единство?[137]

Изученные нами материалы показывают, что форма речи (устная/письменная) сама по себе, хотя она и определяет ряд важных особенностей строения вербального сообщения, не является тем определяющим (формирующим главнейшие особенности построения и функционирования языковых единиц) в тексте признаком, который позволяет провести резкую границу между разными реально наблюдаемыми в жизни языковыми сферами. Более важную роль, чем форма речи, играют иные условия, а именно условия функционирования и обнаружения тех или иных речевых манифестаций. Н.Ю. Шведова еще в 1960 г. писала: "... далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной"[138]. К аналогичному мнению приходят исследователи других языков. Так, исследователи польского языка Я. Анусевич и Фр. Некула считают, что тексты, выделяемые только на основе одного признака "устная форма", не обладают единством и, следовательно, не образуют особой разновидности языка. Единство можно обнаружить лишь в устных текстах, характеризуемых такими чертами, как спонтанность, свобода, диалогичность, принадлежность говорящему субъекту[139].

К.А. Долинин, характеризуя жанровые разновидности французского языка, пишет: «Устная и письменная форма реализации речи – критерий формальный. Устная речь включает в себя жанры не только весьма различные, но иной раз и прямо противоположные по своим стилистическим и общелингвистическим характеристикам, например, с одной стороны, бытовую разговорную речь, а с другой – научный доклад, лекцию, су-

---

[137] Эту проблематику исследуют польские лингвисты, см.: *Anusiewicz J., Nieckula Fr.* Charakterystyka tekstów mówionych na tle klasyfikacji aktów komunikacyinych. – Studia nad składnią polszczyzny mówionej, "Ossolineum", 1978, p. 21–39.

[138] *Шведова Н.Ю.* Указ. соч. с. 3. – Это мнение разделяют многие лингвисты: «... По существу вряд ли официальное или подготовленное публичное выступление целесообразно рассматривать в отрыве от тех "книжных стилей" литературного языка (таких, как научный, деловой, публицистический), от которых О.Л. Лаптева отграничивает объект своего исследования, но которые, несомненно, в большей степени определяют характер языковых средств, используемых в данном выступлении, чем его устная форма» (*Шмелев Д.Н.* Указ. соч. с. 22–33); "Речь официальная максимально приближена по синтаксическому строению и используемой лексике к речи книжно-литературной, хотя, естественно, не копирует ее полностью" (*Скребнев Ю.М.* [Рец. на кн.] "Русская разговорная речь" (М., 1973). – ВЯ, 1976, № 3, с. 140). Ф.П. Филин в устной разновидности современного русского литературного языка выделяет "жанры целиком ориентированные на письменную кодифицированную речь... (доклады, лекции и иные виды публичных выступлений, театр, кино, радио, телевидение, подготовленные монологи и изложения литературных произведений, чтение, выученное наизусть, отработанные диалоги и т.п.)" (*Филин Ф.П.* О просторечном и разговорном в русском литературном языке. – Филол. науки, 1979, № 2, с. 22).

[139] См.: *Anusiewicz J., Nieckula Fr.* Op. cit, p. 38.

дебную речь и т.д. Именно поэтому Балли настаивал на небходимости различать "подлинную" и "неподлинную" устную речь. По его мнению, такие устные жанры, как лекция, доклад и т.п., на самом деле относятся не к устной, а к письменной речи. Подлинно устная речь, согласно Балли, – это в общих чертах то, что мы сегодня называем разговорной речью»[140].

Мы считаем, что устная форма накладывает известный (иногда даже значительный) отпечаток на все устные манифестации. Выявление и описание черт устности – задача важная и интересная. Однако устная форма отнюдь не является тем признаком, который определяет разбиение всего языкового континуума литературного языка на две наиболее резко противопоставленные функциональные языковые сферы, обладающие своим набором типических структурных признаков, способных составить особую систему. Именно поэтому мы избрали в качестве объекта своего исследования не всю сферу устной городской речи (язык города), а устный неподготовленный непринужденный литературный язык, называя его термином "разговорная речь".

Считая, что ответ на вопрос о том, какую роль играет устная форма речи в разграничении разных видов языковых манифестаций, требует дальнейшего изучения, остановимся подробнее на этой проблеме.

Рассмотрим интересную попытку обнаружить общие черты, объединяющие все виды устной речи, которую предпринял Б.М. Гаспаров, избравший в качестве объекта своего изучения любую речь (официальную и неофициальную, подготовленную и неподготовленную, публичную и частную), обнаруживающуюся в устной форме[141]. Б.М. Гаспаров видит свою задачу в том, чтобы "дать культурологическую проекцию различий между устной и письменной речью, объясняющую специфику их семиотического освоения" (с. 66). Для решения этой задачи автор в первой части своего исследования рассматривает особенности письменной и устной речи с точки зрения их семантического механизма (с. 66). Не ставя перед собой цели охарактеризовать полностью концепцию Б.М. Гаспарова, остановимся подробнее именно на этой части его работы. Б.М. Гаспаров видит в форме речи (устная/письменная) основной фактор, объясняющий особенности ее построения. По его мнению, "влияние формы речи самой по себе на ментальную сторону языкового акта так велико, что даже неспонтанная устная речь в принципе не отличается в этом плане от спонтанной" (с. 69).

Б.М. Гаспаров выделяет целый ряд особенностей устной речи, основными из которых он считает: необратимость, антиструктурирующая

---

[140] *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. Л., "Просвещение", 1978, с. 275.

[141] См.: *Гаспаров Б.М.* Устная речь как семиотический объект. – В кн.: Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика, I. Тарту, 1978, с. 63–112 (далее при цитации указываем страницы в тексте). См. там же: *Лотман Ю.М.* Устная речь в историко-культурной перспективе, с. 113–121. Ср. также: *Gasparov B., Paperno V.* The English oral text: a typological study. – In: Linguistica. Tartu, 1978, p. 15–31.

направленность (инверсии, разрыв конфигураций, перебивы, активизация исходных форм слов). Устную речь отличает от письменной использование двух каналов передачи сообщения, а именно: наличие наряду с вербальной последовательностью такого канала связи, как мелодика, в которую включаются интонация, динамика, темп, регистр, тембр, агогика (характеристика "связывания сегментов речи между собой"). Таким образом, устная речь по крайней мере двухканальна. Кроме того, в устной речи обычно участвует и третий канал передачи сообщения – визуальный (мимика, жест, направленность взгляда). Эти основные, а также некоторые другие особенности формы кода устной речи, по мнению Б.М. Гаспарова, определяют специфику смысла, конструируемого в устном сообщении. Смысл устной речи обладает следующими чертами: это смысл неструктурированный, диффузный, открытый и невоспроизводимый (с. 91–92). Отметим, что тот признак, который Б.М. Гаспаров называет неструктурированностью, точнее было бы назвать невыраженностью тех или иных значений с помощью грамматических форм слов, ибо в устной разговорной речи многие смыслы (что справедливо показывает ряд исследователей, в том числе и Б.М. Гаспаров) оказываются выраженными (т.е. структурированными) такими средствами, как интонация, порядок следователи элементов, жесты и мимика. Использование этих способов выражения, на наш взгляд, нельзя считать неструктурированностью, так как этот последний термин осмысляется как отсутствие плана выражения.

Признавая верность и интересность многих наблюдений и положений Б.М. Гаспарова, обратим внимание на то, что указанные особенности он выводит из анализа фразы, типичной именно для неподготовленной, спонтанной небрежной разговорной речи: *Пирожки свежие - только что купила – на углу магазин – свежие такие* (с. 79). Как показывают наши наблюдения, такие особенности семантики устной речи, как диффузность[142], открытость и неструктурированность смысла, не свойственны устной публичной подготовленной речи, протекающей в рамках официального общения (научный доклад, лекция и т.п.). Напротив, такой речи свойственно строго продуманное логическое построение[143].

Фразы типа приведенной выше в публичной речи невозможны, даже если их наполнить научным или общественно-политическим содержанием. Ср. невозможность фраз типа "Конструкции металлические – летом закупили – в экспедиции геологической ранее не использовались"; "Переговоры торговые – только что сообщили – завершены в Москве – важные такие" в лекции, докладе, выступлении при обычной передаче такого содержания фразами, построенными по нормам КЛЯ: Металлические

---

[142] Диффузность семантики как один из характернейших признаков РР отмечал М.В. Панов в лекции, прочитанной перед студентами Саратовского университета весной 1969 г. См. также: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 453–455, а также раздел "Полипредикативные высказывания" настоящей книги.

[143] См. ниже раздел "Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная". См. там же примеры.

конструкции, которые закупили летом, в геологической экспедиции ранее не использовались; Только что сообщили, что в Москве завершены важные торговые переговоры.

Изучаемый нами объект – "разговорная речь" представляет собой лингвистическую реальность, специфические черты которой определяются не только и не столько ее устной формой, но такими ее особенностями, как непринужденность отношений между партнерами коммуникации, неподготовленность речевого акта и отсутствие установки на сообщение, имеющее официальный характер. Эти признаки формируют ту лингвистическую систему, которую мы называем термином разговорная речь. Так понимаемая РР резко отличается от других видов устной речи, резче всего от речи подготовленной, публичной, официальной, массово ориентированной. Поэтому нам кажется неверной оценка Б.М. Гаспаровым тех определений РР (или точнее сказать: способов выделения изучаемого объекта), при которых объект исследования выделяется на основании нескольких параметров (неподготовленность, непринужденность общения, непосредственное участие партнеров в атаке коммуникации)[144].

Признавая все эти признаки обязательными компонентами коммуникативного акта, вербальной частью которого является РР, мы считаем малоплодотворными споры о том, какой из этих признаков является ведущим. Именно комплекс этих признаков необходим и достаточен для реализации РР, а не КЛЯ. С точки зрения Б.М. Гаспарова, такой комплексный подход удобен для изучения плана выражения РР, – "фонетики, морфологии, синтаксиса, лексического состава, рассматриваемого в пределах одной фразы" (с. 68). По его мнению, «именно эта сторона и составляет предмет описания в монографии "Русская разговорная речь" (1973). Учет спонтанной устной формы речи позволяет поставить более широкие задачи – показать специфику строения разговора как целого текста (выделенного автором – *Е.З.*), т.е. выйти за пределы структуры одного высказывания» (с. 68).

С нашей точки зрения, указанное противопоставление не вполне правомерно, так как особое внимание к спонтанной устной форме как основному признаку выделяемого объекта само по себе не приводит к изучению структуры текста. Что же касается монографии "Русская разговорная речь" (1973 г.), то в ней устанавливаются общие особенности РР в сфере синтаксиса, фонетики, морфологии, номинаций, позволяющие выявить специфику РР как особой лингвистической системы, по законам которой создается разговорный текст.

---

[144] Выделение одного из признаков РР в качестве ведущего нам представляется неправомерным. Ср., например, мнение О.Б. Сиротининой о том, что ведущим признаком отграничения РР является непосредственность общения. См.: *Сиротинина О.Б.* Непосредственность общения – определяющий фактор разговорной речи. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 4, Горький, 1973. – Важность признака непосредственное участие говорящих в акте коммуникации, не считая этот признак ведущим, характеризует с других точек зрения Д.Н. Шмелев. См.: *Шмелев Д.Н.* Указ. соч., с. 57–58.

УСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ: РАЗГОВОРНАЯ ИЛИ КОДИФИЦИРОВАННАЯ?

Вопрос, вынесенный в этот заголовок, обсуждается в работах ряда лингвистов. Исходя из того, что было сказано выше, наш ответ на этот вопрос очевиден: устная публичная речь принадлежит КЛЯ. Иное мнение было высказано не только Б.М. Гаспаровым, но и раньше его О.А. Лаптевой[145], считающей, что всякая устная речь, если только это не чтение вслух письменного текста, представляет собой единый языковый объект. И, следовательно, КЛЯ противопоставляется не РР (в нашем понимании), а любой устной речи, в том числе и устной публичной речи (доклад, лекция, выступление по радио или телевидению, выступление на собрании и т.п.), несмотря на то, что устная публичная речь является, несомненно, официальной, нередко подготовленной и обычно осуществляется без непосредственного контакта говорящего с аудиторией.

Полемизируя с приведенным выше определением РР, О.А. Лаптева прямо пишет: "Устной формы кодифицированной речи не существует"[146]. Ведущее положение признака устность при определении РР нашло у О.А. Лаптевой отражение и в самом названии изучаемого объекта: не "литературная разговорная речь", а "устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка".

Попытаемся показать, что устная публичная речь строится на основе системы КЛЯ, а не РР, хотя и допускает некоторые элементы РР[147].

Прежде всего следует ответить на такие вопросы: каковы условия протекания устной публичной речи? какие черты устности для нее характерны и – что не одно и то же – какие черты устности в ней могут быть обнаружены? какие черты РР ей чужды?

Существуют разные типы устной публичной речи. Их противопоставленность РР по названным выше признакам и по некоторым другим признакам (связь с конситуацией и пр.) различны.

С нашей точки зрения, наиболее резко противостоит РР устная речь, которая обнаруживается как речь публичная и для которой характерен такой набор признаков: 1) имеется один говорящий (назовем его оратор) и много слушающих; 2) мена ролей говорящий – слушающий невозможна (ср. выступление по радио, телевидению) или встречается крайне редко (возможность задать вопрос оратору или лектору воспринимается как исключение на фоне монологической речи одного лица); 3) отношения между говорящими и слушателями официальные, причем для них харак-

---

[145] См. *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

[146] Там же, с. 41.

[147] Заметим, что из нашего утверждения о том, что устная публичная речь репрезентирует систему КЛЯ, не следует, что черты публичной речи, порожденные устной формой ее воплощения, непременно должны быть подвергнуты кодификации. Ср. иное мнение в ст.: *Лаптева О.А.* О соотнесении некодифицированной и так называемой "кодифицированной" устной литературой речи. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 2. Горький, 1976, с. 8.

терна неравноправность ролей в акте коммуникации[148]; 4) тема – фиксирована.

Однако эта устная публичная речь не настолько резко противостоит РР, как, например, такие сугубо кодифицированные стили, как деловой или письменный научный. Это объясняется тем, что ряд признаков акта коммуникации при устной публичной речи обнаруживает разные возможности проявления. И при некоторых из этих возможностей устная публичная речь, сохраняя в неприкосновенности свою кодифицированную основу, может принимать некоторые черты разговорности. К числу таких подвижных коммуникативных признаков принадлежат: 1) подготовленность – речь говорящего может быть подготовленной, обдуманной, но может протекать и как относительно свободная импровизация: лектор, докладчик могут только в общих чертах продумать композицию своего выступления, наметить лишь его смысловую канву[149]. Отметим, что многое зависит от языковых творческих особенностей выступающих[150]: чем более склонен выступающий к импровизации, тем больше в его выступлении заранее не планируемых фрагментов, однако в них разговорные черты могут и не проявляться резче, чем в планируемом тексте; 2) непосредственность общения – общение может быть непосредственным, двусторонним в том отношении, что оратор видит реакцию слушателей и реагирует на нее. (Как справедливо замечает О.А. Лаптева, "просто читать по написанному нельзя, не рискуя утратить контакт со слушателями"[151]); ср. также распространенные в наши дни жанры телевизионных передач типа КВН, "А ну-ка девушки", когда ведущий обращается к участникам передачи и получает иногда коллективный "многоголосый" ответ (на этот факт обратила наше внимание Л.А. Капанадзе). Но общение может быть односторонним, когда оратор полностью лишен контакта с аудиторией (выступление по радио или телевидению);

---

[148] О неравноправии ролей см.: *Крысин Л.П.* Указ. соч. с. 62–69.

[149] О.А. Лаптева вообще характеризует любую устную публичную речь как спонтанную, полагая, что "момент подготовленности обычно проявляется лишь в логико-композиционных особенностях ее строения и употребления отдельных клишированных выражений и конструкций; значительный процент полностью подготовленного текста переводит устную публичную речь в область ораторской речи – речевого искусства, или риторики" ("Русский язык. Энциклопедия". М., 1979, ст. "Устная публичная речь"). Верно, что план выражения в устной публичной речи может не планироваться с той степенью полноты и тщательности, как это бывает в письменной кодифицированной научной речи. И тем не менее трудно согласиться с тем, что устная публичная речь спонтанна: хороший оратор постоянно, даже в самых неподготовленных фрагментах умеет контролировать план выражения, он должен уметь слышать себя, в то время как РР в плане выражения обычно является неосознанной: хорошо известно, что говорящие на РР часто отказываются признать свои собственные фразы, полагая, что они "так сказать не могли" (См. об этом: "Русская разговорная речь, 1973, с. 342–343).

[150] Параметр "творческие способности говорящих" при изучении немецкого произносимого языка (gesprochene Sprache) особо выделяет Г. Шгетер. См.: *Steger H.* Gesprochene Sprache. Zu ihrer Typik und Terminologie. – In: Sprache der Gegenwart, Bd I. Satz und Wort im heutigen Deutsch. Düsseldorf, 1967, с. 271.

[151] *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис, с. 44.

3) связь с ситуацией – она полностью отстутствует в некоторых видах публичной речи (все формы радиоречи, например), но может и иметь место (например, речь телекомментатора футбольного матча).

Менее контрастны по отношению к РР те типы устной публичной речи, которые являются не монологичными. Это все типы речи, которым при официальности обстановки и отношений между говорящими свойственна мена ролей говорящий – слушающий, но которые протекают как речь, предназначенная для публики – многочисленных слушателей. Такая речь представляет собой: а) беседу двух лиц (интервьюируемый и ведущий интервью). Следовательно, она является диалогом или диалогизированным монологом; б) для нее характерна непосредственность общения; в) она обычно бывает подготовленной, но чаще может протекать как речь спонтанная, неподготовленная. Кроме этих черт, сближающих названные типы публичной речи с речью разговорной (отметим, что это отнюдь не устная форма, а иные экстралингвистические признаки), таким жанрам публичной речи, как интервью, беседа ведущего с каким-либо лицом и т.п., свойственна установка на интимизацию общения, призванная оживить беседу, сделать ее более близкой слушателям, что порождает использование целого ряда специальных приемов, многие из которых берутся из арсенала РР.

И, наконец, имеется устная речь официальная, но не публичная. Она протекает как личная (персональная) коммуникация, в условиях непосредственного контакта, но при установке на официальное общение. Такая речь, по нашим наблюдениям, тоже ведется на КЛЯ[152]. Для нее допустима мена ролей говорящий – слушающий и характерна (но не обязательна) неравноправность партнеров в акте коммуникации (один из них может быть старше по служебному положению, возрасту, чину или званию, может лучше знать предмет речи, ср. ситуацию: учитель – ученик и т.п.).

Двусторонняя публичная речь допускает проникновение разговорных элементов еще по двум – принципиально разным причинам: 1) один из ее участников может не иметь навыков публичного выступления и не владеть их нормами; 2) ее участники могут сознательно стремиться к оживлению своей речи и использовать элементы РР как намеренные инкрустации.

Обратимся теперь к рассмотрению собственно языковых особенностей устной публичной речи, чтобы ответить на вопрос, какая система – кодифицированная или разговорная – лежит в ее основе.

О.А. Лаптева рассматривает только особенности синтаксического уровня, тогда как полезно принять во внимание все языковые уровни.

---

[152] Т.И. Ерофеева и Л.К. Королева относят устную неподготовленную официальную речь к РР на основании статистических данных: ими обнаружено, что частотность классов слов (частей речи) в этом типе речи близка к собственно РР и отличается от КЛЯ. *Ерофеева Т.И., Королева Л.К.* Об определении статуса разговорной речи. – В кн.: Живое слово в русской речи Прикамья, Пермь, 1978, с. 12–17). Эти количественные сопоставления явно недостаточны для отнесения того или иного типа к РР или к КЛЯ: в подобных случаях необходим в первую очередь качественный анализ текстов.

Начнем со звукового канала связи, который характерен именно для устной речи: интонация, мелодика, фонетика. В Проспекте "Русская разговорная речь" (М, 1968) высказана мысль, что РР от КЛЯ резко отличает характер интонации. Если вы слышите из-за стены речь, но не разбираете слов, вы всегда можете узнать, звучит ли это радио или телевизор, читают ли это вслух, выступает ли это лектор или же идет обычный разговор. Таким образом, ответ на вопрос, какой вид устной речи вы слышите – кодифицированную или разговорную – дает интонация. Интонация РР и КЛЯ изучена еще не настолько хорошо, чтобы ответить на вопрос, в чем именно состоит это различие, но оно, несомненно, есть[153]. Отметим здесь следующее: устному КЛЯ не свойственны все те многообразные модуляции голоса, которые использует РР: растяжки гласных, "резкое" с удлинением произнесение согласных (*к-как* ты сказал? *ч-черт* побери! *п-путаница* опять![154]; для РР характерно специфическое, иное, чем в КЛЯ, чередование ударных и безударных слогов в речевой цепи, многие слова, в том числе и полнознаменательные, попадая в междуударный интервал, остаются без ударения[155].

В сфере фонетики также имеется существенное различие между РР и устным КЛЯ. Если РР использует преимущественно небрежное аллегровое произношение, то устная публичная речь базируется на том стиле речи, который Л.В. Щерба называл полным стилем произношения[156]. Для публичной речи не характерны сильная редукция, приводящая к деформации слоговой структуры слога, и многие другие особенности фонетики РР[157].

Различает устную публичную речь и РР темп. Публичная речь не может произноситься скороговоркой, в очень быстром темпе. Для нее обычна размеренность темпа, что связано с необходимостью дать возможность слушающему правильно расслышать и понять, усвоить говоримое, особенно при дистантном расположении оратора и публики или при использовании технических средств (радио, телевизор, микрофон).

Различие интонации и фонетики РР и КЛЯ находит интересное подтверждение в следующем: часто профессиональные ораторы (преподаватели вузов, учителя и др.) не могут в своей повседневной РР избавиться от фонетико-интонационных черт устного КЛЯ (своего рода профессиональная болезнь), и это всегда замечается окружающими как отклонение от РР.

Обратимся к лексико-семантическому уровню. Выше, рассматривая взгляды Б.М. Гаспарова, мы указали, что наши наблюдения не подтверждают мнения, будто для публичной односторонней устной речи (и подго-

---

[153] См.: Русская разговорная речь, с. 129–150.

[154] Там же, с. 149.

[155] *Розанова Н.Н.* Суперсегментные средства русской разговорной речи. Автореф. канд. дис., М., 1978. – См. разделы того же автора во второй части нашего исследования.

[156] *Щерба Л.В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. – В кн.: *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 141–147.

[157] См.: *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967, с. 301, 347.

товленной, и неподготовленной) характерны такие выдвинутые Б.М. Гаспаровым в качестве типических признаки устной речи, как диффузность, открытость и неструктурированность смысла. С нашей точки зрения, перечисленные особенности характерны только для РР, публичной же устной речи они не свойственны.

Публичная речь как речь массово адресованная всегда строго структурирована, она несет определенную четкую информацию, диффузность и размытость смыслов в ней не допустимы. Во всяком случае, если они в ней встретятся, то будут восприниматься как недостатки, дефекты этой речи, нарушение ее канонов.

В сфере лексики и фразеологии, в употреблении номинативных средств публичная устная речь является типическим представителем КЛЯ. Ей не свойственно широкое употребление размытой опустошенной лексики (типа *жахать, шпарить, дуть, чесать, ляпать; дело, штука, история, музыка; фиговина, штуковина, штукенция* и т.п.), использование полифункциональных номинаций, относимых к разным явлениям действительности (типа *чем писать, во что завернуть, на чем сидеть; времянка, держалка* и т.п.), приверженность к местоимениям и многое другое.

В качестве средства оживления в публичной речи могут шире, чем в письменном КЛЯ, использоваться некоторые грамматические разряды слов, например, частицы (особенно часто *вот* и *ну*). Приведем пример из научного доклада: В данном случае все это является средством *вот* такой поэтизации целого связного отрывка/ или допустим песни/ или чего-то подобного//

Заметим между прочим, что некоторые наши информанты, выступая с докладом, текст которого написан, вводят в него "на ходу", для оживления, некоторые разговорные компоненты. Так наш иноформант – женщина 45 лет, доктор наук, регулярно вставляет в читаемый текст разговорную частицу *вот*, ср.: "...Широко используются такие номинации/ которые создаются на случай/ для данной коммуникации/ *вот* для данного сиюминутного акта ..?" Подчеркнем, что в разговорной речи этого информанта частица *вот* употребляется вполне умеренно, не составляя никакой отличительной особенности речи.

Обратимся теперь к наиболее исследованному уровню РР – с и н т а к с и с у. Напомним, что именно синтаксическим материалом О.А. Лаптева аргументирует свои выводы об односистемности РР и устной публичной речи. Она приводит весьма обширный список почерпнутых ею из устной публичной речи примеров устного разговорного характера. Нельзя не отметить, что в этом списке есть и явления, явно не соответствующие нормам литературного языка (языковые ошибки), независимо от того, по каким нормам – КЛЯ или РР – их оценивать: в РР (как, конечно, и в КЛЯ) явно невозможно такое по структуре полипредикативное высказывание как: Обычно мы занимали пять первых мест, то в этом году третье место пришлось уступить; нельзя признать нормативными такие сочетания как *закончить образование* (вместо *получить*), *держать под дулом штыков* (вместо *винтовок*)[158]. Последнее сочетание не столько

[158] *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис, с. 42–43.

противоречит нормам языка, сколько нормам здравого смысла. Едва ли можно согласиться с О.А.Лаптевой, что эти ненормативные явления остаются незамеченными слушателями. То, что эти ошибки допущены в речи людей с достаточно высокой речевой культурой, не может служить доводом в пользу допустимости таких ненормативных явлений как в устной публичной, так и в любой другой литературной речи. Среди многих перечисленных О.А. Лаптевой явлений, свойственных, по ее мнению, и РР, и устной публичной речи[159], по нашему мнению, действительно общими являются только два: 1) конструкции добавления и 2) употребление согласованных постпозитивных определений.

Основной массив синтаксических структур РР в устной публичной речи либо вообще невозможен, либо не характерен для нее. Устной публичной речи не свойственны многие типические явления разговорного синтаксиса – конструкции наложения, связи свободного соединения, употребление им.п. в функции сказуемого в высказываниях отождествлениях (типа А. На чем он играет? Б. *Он/ орган и рояль//; Она/ Саратов//; Эта рукопись/ семнадцатый век//*); именительный падеж, относящийся ко всему высказыванию в целом, в том числе и в постпозиции к корреляту (... Он был в Ташкенте, *этот ансамбль/*[160] и др. Едва ли возможны в устной публичной речи именительный падеж, занимающий при глаголе место зависимого члена типа *Слеюющая сойдете?* (ср. На следующей сойдете?), *Копеечка опустите пожалуйста* (ср. Копеечку опустите пожалуйста)[161], им. падеж в вопросительных конструкциях типа *Какая порода ваша собака?* (ср. Какой породы ваша собака?), *Какой класс ваш сын учится?* (ср. В каком классе Ваш сын учится?), *Какай размер вы туфли носите* (ср. Туфли какого размера вы носите?). Явно невозможны в устной публичной речи многие, характерные для РР типы бессоюзных полипредикативных высказываний, например бессоюзные полипредикативные высказывания с определительными отношениями (*Книга/ я вчера купил/ неинтересная оказалась//*). В устной публичной речи нельзя встретить конситуативные высказывания, опирающиеся на апперцепционную базу говорящих (их знания, их прошлый опыт): типа (А. встречает друга Б., который должен был сдавать экзамен) А. *Ну как? Б. Пятерка//.* Между тем в записках (жанр, который мы считаем письменной формой РР) встречаются высказывания, содержащие недоговоренности, восполняемые конситуацией и общностью апперцепционной базы; ср.: перед собранием А. и Б. (Юра) договорились в 4 часа ехать в издательство, полагая, что собрание к этому времени кончится, но собрание затянулось, А. пишет Б: *Юра! Пойдем!* Б. отвечает А. *Неудобно. Давай уже завтра*

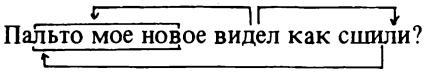
[159] *Лаптева О.А.* О соотнесении некодифицированной и так называемой "кодифицированной" устной литературной речи, с. 8–9.

[160] Пример из кн.: *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис.

[161] Заметим, что О.А. Лаптева при описании выделенных ею синтаксических явлений РР (в нашем понимании) всегда стремится приводить примеры и из устной публичной речи, но при описании данной функции именительного падежа в ее материалах нет ни одного примера из устной публичной речи. См. там же, с. 160–173.

с утра прямо. (Куда идти, почему неудобно и прочее ясно из конситуации и апперцепционной базы) Или: А. собирает деньги на книгу. Б. оставляет на столе А. три рубля и записку: Ирочка! Мне две. Можно? (можно ли купить две книги). Смысл записки ясен из конситуации. Таким образом, письменная форма не мешает говорящему опираться на конситуацию и допускать недоговоренности, свойственные РР.

Для публичной речи не характерны типические структуры РР, в которой построение высказывания порциями приводит к тому, что по мере построения высказывания создаются синтаксические связи, которые впоследствии получают определенную корректировку, а именно: собеседник, услышав часть высказывания, определенным образом осмысляет ее, а при завершении высказывания, получив новую порцию сообщения, устанавливает иные, дополнительные связи между членами сообщения. Например:

Интересен вопрос о том, характерен ли для публичной устной речи непроективный порядок слов, типичный для РР[162].

Непроективный порядок слов в целом не свойственен КЛЯ. Однако отдельные факты в ней встречаются, причем не только в устной, но и в письменной форме Вот пример заголовка в газете: Открытые двери для Мишки (ср. с проективным порядком слов: "Двери открытые для Мишки" или: "Открытые для Мишки двери"). Приведем аналогичные примеры из устной публичной речи (в наших записях – очень редкие, всего два). Выступление на научном заседании: Проводимые сопоставления с материалом очень убедительны// (ср. Сопоставления, проводимые с материалом...); Переходим теперь к прениям по представленному докладу комиссией (ср.: по докладу, представленному комиссией). Очевидно, что непроективность объясняется линейным построением речи и постепенным развертыванием содержания. Приведенные примеры воспринимаются как речевые ошибки.

Отметим, что в устной кодифицированной речи, даже лично адресованной, контактной, непубличной, встречаются такие типические структуры КЛЯ, как страдательный оборот с творительным субъекта. Разговор молодой сотрудницы с ее начальником: А. Как ваши дела? Б. Утвержден был план/ а это вот *реферат*/ тогда же *мной написанный*//

Для устной публичной речи (напомним еще раз, что мы имеем в виду такие манифестации публичной речи, в которых говорящие обнаруживают полное умение владеть ею) мало характерны (хотя и встречаются) перестройки синтаксических конструкций, самоперебивы и т.п., ибо в ней обычно достаточно жестко задается синтаксический каркас высказывания. Обилие перестроек, самоперебивов и прочее свидетельствует о невладении (или – о неполном владении) нормами публичной устной речи. В устной

[162] О непроективном порядке слов см.: Русская разговорная речь, 1973, с. 383–393.

публичной речи, когда говорящий затрудняется в подборе слов, могут возникать паузы колебания и обдумывания.

В устной публичной монологической речи встречаются достаточно длинные и сложные синтаксические построения. Вот например из научного доклада:

Я считаю/ что для того чтобы рассмотреть/ наименее изученные стороны этой проблемы/ следует прежде всего/ рассмотреть/ те аспекты/ которые характеризуют/ связи данной проблемы/ со смежными научными дисциплинами// А именно/ с геологией и минералогией/ что даст нам возможность/ осветить/ более широко и глубоко/ и ту проблему/ которая нас интересует в первую очередь//

В сфере синтаксиса единственной приметой устной формы таких длинных построений могут быть пояснения, даваемые в форме им.п. и повторы в виде подхватов. Ср. выступление классного руководителя на родительском собрании: Мне нет необходимости сегодня долго задерживать вас// То главное/ о чем я хотела бы сказать/ вы сами увидите в дневниках// *Оценки*// Поэтому хочу только познакомить вас с некоторыми планами на будущий год//; выступление на собрании о соцобязательствах: Те обязательства, которые мы подробно обсудили и приняли в январе и которые были одобрены комиссией по соцобязательствам/ *эти обязательства* уже вот наверно выполнены процентов я думаю так на восемьдесят// И поэтому многие сотрудники готовы не только отчитаться в выполнении соцобязательств за эти полгода/ но и принять новые обязательства/ что по-видимому будет весьма приветствоваться//

Такие фразы содержат сложные союзные полипредикативные конструкции, терминологическую лексику.

О.А. Лаптева склонна объяснять отсутствие некоторых разговорных особенностей в устной публичной речи тем, что, по ее мнению, многие разговорные особенности свойственны только определенным тематическим циклам, а эти тематические циклы в устной публичной речи не представлены. По-видимому, справедливо, что есть такие темы, которые характерны только для РР: например, разговор утром в семье о том, как одевать ребенка, которого ведут гулять, едва ли можно представить ведущимся на КЛЯ. Менее очевидно соображение О.А. Лаптевой о том, что за определенным тематическим циклом может быть закреплен свой арсенал грамматических средств. О.А. Лаптева, например, полагает, что конструкции типа *Он спал ты пришел?* потому не встречаются в устной публичной речи, что в них просто нет необходимости. С критикой такой аргументации выступил Д.Н. Шмелев, полагая, что О.А. Лаптева оценку конструкции подменяет оценкой конкретной фразы с конкретным лексическим составом: "Ведь если речь идет именно о конструкции, нам следует решить, типичны ли для выступающего с кафедры с научным докладом и такого рода фразы – *Глагольную форму в придаточном предложении находится необходимо рассматривать...* и т.п."[163].

[163] *Шмелев Д.Н.* Указ. соч., с. 25. – Аналогичным образом доказывает несвойственность устной публичной речи многих разговорных конструкций Е.А. Земская: "Составим несколько фраз, использовав для их построения типические синтаксические конструкции РР, причем наполним эти фразы научным содержанием

Итак, публичная устная речь в целом всегда ориентирована на систему КЛЯ, а не на систему РР. Для доказательства этого положения приведем еще два ряда факторов.

Чтобы определить, на основе какой системы построены устные публичные тексты, полезно обратиться к тем участкам системы, которые в РР и КЛЯ могут быть явным образом сопоставлены. Такое сопоставление допускает система полипредикативного высказывания РР и, соответственно, сложного предложения КЛЯ. В РР безусловно господствующим типом полипредикативного высказывания является бессоюзное, в КЛЯ, напротив, – союзное. Бессоюзное полипредикативное высказывание возможно в том случае, если смысловые отношения между предикативными конструкциями можно вывести из их содержания при поддержке конситуации. Такие условия возможны и в РР, и в КЛЯ. И тем не менее в РР они используются регулярно для бессоюзной связи, в КЛЯ почти не используются. Достаточно регулярны бессоюзные сложные предложения только в тех художественных текстах КЛЯ, в которых имитируется РР. Представляется поэтому, что проверка текста на то, как используются заложенные в нем возможности для бессоюзного соединения предикативных конструкций в одно высказывание, достаточно надежный прием для распознавания той системы, которая лежит в основе текста. Этот прием, естественно, работает тогда, когда в тексте есть возможности для выбора между союзным и бессоюзным полипредикативными высказываниями (сложными предложениями). Обычно даже не очень большой текст представляет такие возможности.

Ср. два небольших фрагмента из текстов информанта Б, женщина 35 лет, кандидат наук: (I) – разговорный рассказ о походе, (II) – устное неподготовленное публичное выступление о необходимости изменить название научной работы.

(I) Нас встретила девица в шлеме/ вот эта девица в шлеме нас преследовала// Такая легендарная// У нее был какой-то морской или какой-то невероятный компас/ на заду болтался нож/ и шлем/ настоящий шлем/ какой-то черный/ и она была очень такая волевая/ она нам сказала/ складывайте рюкзаки/ дальше вы не пройдете// С рюкзаками// Мы послу-у-шно так сложили/ даже Андрей/ знаешь так/ ничего не сказал/ обычно он все-таки как-то сопротивляется/ тут/ все сложили рюкзаки/ оставили/ и пошли так// Она говорит/ все равно вы не пройдете// Мы вот так вот шли по карнизу/ не на что было опереться/ (...)[164]

(лишив их типического для этих конструкций бытового содержания). Несмотря на научное содержание, такие фразы будут недопустимы (или по крайней мере неуместны) не только в публичном выступлении, но и в любом виде общения..., ведущемся на кодифицированном книжном языке. Таковы, например, конструкции со связями свободного соединения типа *"Префиксальные глаголы/ я в этой главе описала/ относятся к числу широко употребительных//;* конструкции с двойными глаголами: *"Иван Семенович тут стоял рассуждал пресуппозиция что такое//".* – *Земская Е.А.* О некоторых дискуссионных вопросах теории разговорной речи. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 5. Горький, 1974, с. 55.

[164] Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 90–91.

В (I) есть, по меньшей мере, четыре возможности использования союзов, ср.: Складывайте рюкзаки, *потому что* дальше вы не пройдете: ... ничего не сказал, *хотя* обычно он все-таки сопротивляется, *а* тут все сложили рюкзаки: мы вот так вот шли по карнизу, *потому что* не на что было опереться. Ни одна из этих возможностей не использована: употреблено именно бессоюзное полипредикативное высказывание.

(II) Так/ ну я-я... меня... особенно я не буду долго говорить/ потому что вот содержание/ подробно освещено в отзыве Тереховой/ мне хотелось бы только вот какой поднять вопрос на обсуждение// Мне бы хотелось изменить/ название/ поскольку это название историческое/ осталось от прежних времен/ когда эта книга должна была представлять двухтомник/ и... писаться вместе с Михал Викторычем// Мне бы хотелось чтобы называлось/ что-нибудь просто/ "Русская орфография"// Вот как вы к этому относитесь/ и как это вообще вот оформляется? Поскольку я знаю что/ **нельзя** просто лично менять если название уже есть/ зафиксировано...

В (II) есть также три случая, когда явно можно воспользоваться бессоюзной связью, ср.: Не буду долго говорить: содержание подробно освещено; Мне бы хотелось изменить название: это название осталось от прежних времен; Я знаю: **нельзя** просто лично менять, если название уже есть. Ни одним из этих случаев Б. не воспользовалась.

Очевидно, таким образом, что текст (I) в области полипредикативного высказывания, как, конечно, и во всех других областях, построен по системе РР, а текст (II) – по системе КЛЯ. Хотя во (II) и проявляются некоторые черты устности, ср. поиски начала – ну... я... меня...; употребление частицы *вот* и пр. Другой пример. Информант С. в своей РР широко пользуется бессоюзными полипредикативными высказываниями: Ты позвони/ я тебя должен встретить/ ты там сам не найдешь//, ср.: ты позвони, *потому что* я тебя должен встретить, *так как* ты там сам не найдешь. В устной публичной речи С. полное господство союзных сложных предложений, ср. начало лекции С.:

Я беру на себя смелость прочесть вам этот спецкурс/ *потому что* вот уже в течение почти десяти лет работаю в группе/ *которая* специально была создана для изучения данной проблемы// *То что* Академия так сказать официально признала эту проблематику/ уже свидетельство ее актуальности.

Разумеется, не только бессоюзные полипредикативные высказывания могут служить "лакмусовой бумажкой" для различия РР и устного КЛЯ. Не менее показательные результаты дает, например, анализ способов передачи чужой речи. В КЛЯ чужая речь передается либо как прямая, либо как косвенная. Контаминация этих способов в КЛЯ исключена. В РР эта контаминация не только допустима, но и весьма частотна. В устной публичной речи уже знакомого нам информанта Б. контаминация прямой и косвенной речи не встретилась ни разу, в то время как для РР этого информанта она типична: Он говорит/ что если б вы его (каньон) своими ногами прошли/ так это... на всю жизнь осталось//; (в конструкции после *что* употреблено *вы* вместо *мы*): Он сказал/ что нет/ я теперь

вполне удовлетворен/ и уже не жалею что мы не ночуем в ущелье// (после *что* местоимение *я* вместо *он*).

В РР имеются специфические средства передачи чужой речи: имитация чужого голоса, при которой говорящий передает и свое отношение к ней (одобрение, неодобрение, намек на что-то понятное лишь собеседнику и т.п.) Б. склонна и к такому способу передачи чужой речи, типичному для РР: И это/ Наташа/ и это называлось помужествовать// (*имитируя*) "Неужели вы не хотите помужествовать" (смех). Другой отрывок: И притом знаешь/ такое было высказывание Андрея// Марина сказала что я чересчур сварлива// Действительно я все время что-то ворчала/ протестовала/ и Андрей сказал/ (*имитируя с намеком*) Кое-кому я не завидую//[165].

Итак, встречаемость в устной публичной речи устно-разговорных конструкций сама по себе еще не доказывает, что в ее основе лежит разговорная, а не кодифицированная система. Тот или иной компонент текста только тогда может считаться репрезентантом соответствующего системного явления, если он регулярно появляется в тексте при наличии необходимых для него коммуникативных и структурных условий.

Другим доказательством того, что в основе устной публичной речи лежит система КЛЯ, служит следующее. О.А. Лаптева справедливо отмечает, что если появляется необходимость публикации устных публичных текстов, то они неизбежно требуют определенной правки. Следует заметить только, что это и м е н н о п р а в к а, т.е. то, что называют литературным редактированием.

Системная основа устного публичного текста при таком редактировании остается незыблемой, все изменения очевидны и вполне однозначны. Трем лингвистам было предложено "довести" до письменной литературной формы устный публичный текст (II), см. выше информанта Б. Все три "редактора" предложили почти одинаковые варианты редактирования.

Принципиально иной правки требует собственно разговорный текст, если поставить цель – перевести его в письменную (или устную) форму КЛЯ. При переводе РР в КЛЯ из РР извлекается только смысл и почти ничего больше. Грамматическую и лексическую основу соответстствующего текста для КЛЯ необходимо создавать заново, и системная основа текста РР в этом деле скорее мешает, чем помогает. Перевод одного и того же текста РР на КЛЯ разными лицами выполняется весьма поразному, что вполне обычно, когда осуществляется переход от одной языковой системы к другой. Не будет большим преувеличением сказать, что перевод с РР на КЛЯ напоминает перевод художественного текста с одного языка на другой, когда этот перевод у разных переводчиков неизбежно различен.

Двум лингвистам было предложено обработать разговорный рассказ – воспоминания интеллигентной ленинградки 78 лет так, чтобы его можно было опубликовать (ср. обычный для художественных журналов жанр автобиографических воспоминаний), т.е. было предложено осуществить перевод с РР на КЛЯ. Жанр рассказ-воспоминание выбран не случайно. Это

[165] Там же, с. 94, 96.

тот жанр, который одинаково характерен и для РР и для КЛЯ. И поэтому действие "тематического фактора" здесь исключено. Вот текст, предложенный для перевода (из воспоминаний о туристской поездке в Италию)"... Раз мы зашли в такую маленькую таверну/ э-э. . . посмотреть/ там же есть... были и рестораны такие/ но мы хотели посмотреть/ и нам значит подали/ там все сидели ели макароны// Макароны итальяни// Такая вроде пиалы знаете/ такая круглая/ подали нам... миску// Макароны там плавают в томатном соусе// Мно-о-го томатного соуса// И они ведь целиком/ они не... не это/ не... не ломаные// И мы значит посмотрели как едят// Они замечательно умеют есть! Они эти макароны вот так вот берут (*показывает*) тремя пальцами оттуда/ и прямо в рот// И нигде не капнут// Я говорю Леля! Это сестра... (*смеются*)// Я говорю давай уходить// Я говорю... Понимаешь/ мы не сумеем так/ и мы все зальемся этим соусом"[166]

Один из переводчиков предложил следующий вариант:

В Италии тогда были рестораны и таверны. Вообще мы обычно ходили есть в ресторан, но нам хотелось посмотреть и таверну. Однажды мы и зашли в одно такое маленькое заведение. Там все сидели и ели макароны итальяни. Подали их нам в круглой миске, похожей на пиалы. Макароны плавали в томатном соусе, которого было очень много. Сами макароны были весьма длинные, не такие, как у нас сейчас. Мы посмотрели как их едят. Это замечательно! Они их берут тремя пальцами из этой миски – прямо в рот. И нигде не капнут. Я говорю сестре: "Леля! Давай уходить. Мы не сумеем так есть – мы все обольемся этим соусом".

Для перевода потребовалось осуществить следующие основные операции:

(а) вербализовать некоторый скрытый в разговорном тексте смысл: ...там же есть... были и рестораны такие (РР) – вообще мы ходили есть в рестораны, но нам хотелось посмотреть и таверну;

(б) свести в одно высказывание некоторые синтаксически не связанные в РР синтагмы, соответствующим образом видоизменив их: ... там все сидели ели макароны// Макароны итальяни// Такая вроде пиалы знаете/ такая круглая/ подали нам... миску// (РР) – Там все сидели и ели макароны итальяни. Подали их и нам в круглой миске вроде пиалы (КЛЯ);

(в) вербализовать некоторый смысл, переданный в РР невербальными средствами: мно-о-го томатного соуса (РР) – очень много томатного соуса.

Показательно, что смысл, передаваемый жестом в РР (Они эти макароны вот так вот берут (показывает) тремя пальцами оттуда), в КЛЯ вообще выразить не удалось.

Другой "переводчик" те же задачи решил иначе. Вот его вариант перевода:

В Италии тогда были рестораны и таверны. Обычно мы ходили в рестораны, но нам хотелось посмотреть также таверну. В одну из них, маленькую, мы и зашли однажды. Там все сидели и ели макароны. Макароны

[166] Там же, с. 110.

итальяни. И нам их подали в круглой, похожей на пиалу, миске. Макароны плавали в соусе, и этого соуса было невероятно много. А сами макароны были непривычно для нас длинные. И мы, естественно, стали смотреть, как их едят итальянцы. Они замечательно их умеют есть: берут их как-то ловко тремя пальцами – и прямо в рот. И нигде не капнут. Я говорю сестре: "Леля! Надо уходить! Мы так есть не сумеем, и все обольемся этим соусом".

Различия между двумя полученными текстами доказывают, что был сделан именно п е р е в о д текста с одной языковой системы на другую, а не проведена его редакторская правка.

Итак, устная публичная речь строится по системе КЛЯ и, несмотря на возможность в ней устно-разговорных компонентов, отлична от РР.

ВЫВОДЫ

1. РР и КЛЯ представляют собой две разновидности русского литературного языка, реализация которых определяется экстралингвистическими условиями. РР и КЛЯ функционируют в одном и том же языковом обществе, образуя особый вид диглоссии.

2. РР – это сфера коммуникации особого рода, реализующая специфическую языковую систему. Условия протекания РР оказывают влияние на ее собственно лингвистические особенности. Система РР охарактеризуется регулярностью (для нее показательно отсутствие ограничений узуального и лексического характера в построении единиц разных уровней и реализации грамматических значений), чертами аналитизма, взаимодействием вербальных средств выражения с невербальными.

3. Нормы РР отличаются высокой вариативностью. Наряду с собственно языковыми нормами РР зависит от речевого этикета и специфических для нее поведенческих норм.

4. РР не совпадает с выделяемым в работах по стилистике сниженным ("разговорным") стилем литературного языка. Сниженный стиль литературного языка не является самодостаточной языковой системой, а выступает как набор средств, используемых для придания тексту характера некоторой непринужденности, интимности, раскованности.

5. В специальной литературе неоднократно отмечался тот факт, что записи РР содержат множество разнородных элементов. Это объясняется следующими обстоятельствами:

а) неограниченностью тематического диапазона РР, б) использованием в РР языковой игры, реализующей творческое начало РР. РР, построенная с установкой на языковую игру, имеет специфические средства, отражающие одну из основных особенностей РР – свободу действия языковых моделей разного уровня от различных ограничений. РР, содержащая установку на языковую игру, свободно допускает всякого рода инкрустации и заимствования (просторечие, жаргонизмы, диалектизмы, профессионализмы, канцеляризмы, шаблоны публицистического стиля). Это составляет специфику РР и сближает ее с языком художественной литературы, порождая известное сходство в их строении, род изоморфизма.

ЧАСТЬ III

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Всегда дозволено было и будет
Новым чеканом чеканить слова,
их в свет выпуская!
Гораций

Раздел I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В словообразовании РР ярко обнаруживаются те общие особенности РР, которые составляют ее характерные черты, а именно: тесная связь с конситуацией, опора на общность апперцепционной базы собеседников, непринужденность отношений между говорящими. Эти особенности РР приводят к тому, что в РР гораздо активнее, чем в КЛЯ, сфера неузуального словообразования. Если в КЛЯ неузуальное слоообразование занимает периферию системы, составляя и в количественном, и качественном отношении область, хотя и важную, но отнюдь не основную, то в РР роль неузуального словообразования принципиально иная: оно является в РР полноправным и очень важным членом акта коммуникации и составляет существенную черту системы РР.

Именно поэтому, рассматривая функционирующие в РР производные слова, следует прежде всего разграничивать единицы типовые, "обычные", свойственные многим говорящим, и единицы, относящиеся к сфере неузуального словообразования. Можно утверждать, что в РР в пределах каждого словообразовательного типа существуют слова узуальные и неузуальные. Для иллюстрации возьмем отглагольные существительные на *-лк(а)* – наименования предметов. Характерным примером узуальных слов этого типа могут служить существительные *точилка* (приспособление для затачивания карандашей), *открывалка* – консервный нож, известные всем говорящим на РР. Примерами неузуальных слов могут быть такие, как: *дергалка* (выключатель, который дергают за шнурок), *хлюпалка* (умывальник), *сосалки* (леденцы), *надевалка* (рожок для надевания обуви), *разрезалка* (нож для разрезания книг).

АКТИВНОСТЬ НЕУЗУАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РР

Рассмотрим подробнее сферу неузуального словообразования.

Неузуальные слова обычно творятся по требованию данной определенной конситуации. Прибегая к положительной характеристике, их можно назвать конситуативными.

Что мы имеем в виду, говоря о конситуативном словообразовании? Для словообразования РР (так же, как и для других участков системы РР) характерна тесная связь с конситуацией. В РР высоко продуктивны такие производные, в которых со словообразовательным элементом связано лишь какое-то общее значение (например, лица, предмета или действия), а конкретизация этого значения задается конситуацией и контекстом. Вот некоторые типические примеры таких производных: (Бабушка рассказывает о своих внучках) Они у меня *августóвочки*// (родились в августе); Я шел мимо книжного// Там была целая толпа// *Макулатурщики* собрались// (о лицах, сдающих макулатуру); Выкинь свою *дымилку*// (о сигарете); (с укором) Так вы *не норвежились*? (не ходили на неделю норвежского кино).

В этих и подобных случаях говорящий творит слово для данного акта речи, и оно действует как удобная своей краткостью и вполне понятная номинативная единица. Понять такое слово помогает обстановка речи, знакомство говорящих с темой, общность апперцепционной базы, а также наличие в контексте слов, содержащих семантические компоненты, общие с производным словом[1]. Так, в приведенной выше фразе слово *августовочки* понимается как "родившиеся в августе", потому что речь идет о возрасте детей. Понять существительное *макулатурщик* помогает контекст (идет рассказ о книжном магазине) и общность апперцепционной базы (говорящие знают, что за сданную макулатуру можно получить хорошую книгу). В другой ситуации слово *макулатурщик* могло бы значить: человек, пишущий макулатуру (плохой писатель, плохой ученый и т.п.). Если для кодифицированного языка характерна номинация мира словом, ведущая к созданию наименований, понятных большому кругу лиц (в пределе – всем людям, или всем жителям данной страны) и связанных с общественной, коллективной практикой людей, то в РР дело обстоит иначе. Говорящий нередко именует окружающее, исходя из потребностей данного актуального общения, данной конситуации, расчленяя ее в зависисмости от того, что именно ему надо назвать. В связи с этим номинациям РР присуща сиюминутность.

В РР много номинаций "на случай", созданных ad hoc слов-"одноминуток", Например: У меня состояние странное/ (задумчиво) *предмигренье*//; Я во сне вижу цветные картинки/ когда еще не заснула/ а такой ... *предсон*//

Особенно часто в РР говорящий создает наименования для окружающих лиц или предметов, именуя их по какой-либо черте, важной для данного акта общения. Это может быть черта не постоянная, не связанная ни с профессией, ни с какой-либо общественно значимой ролью лица, ни с полезной функцией предмета в человеческой деятельности. Например: Ой/ смотри сколько *стадионщиков* на улице// (о людях, которые идут на стадион); Это не ручка/ а какая-то *царапалка*!

---

[1] См. об этом: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., "Наука" 1974, с. 13–14. – Ср. "правило семантического согласования" в концепции В.Г. Гака, см.: *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., "Наука", 1972.

На построение номинаций РР влияют также такие факторы, как общность апперцепционной базы и характер отношений партнеров коммуникации, их знакомство с темой, что позволяет использовать подтекст, намек. Например: (Две подруги говорят об общей знакомой) А. Ну как наша *носозадиральщица*? Б. Да все так же//(им понятно, кого они имеют в виду, тогда как присутствующие при этом посторонние не могут идентифицировать лицо, о котором идет речь).

Номинации РР часто бывают понятны только собеседнику или небольшому кругу лиц. Таковы многие семейные словечки, например: *купи́шки* (деньги), *червятница* (коробочка для червей при рыбной ловле), *скатывалка* (трамплин для детей в море); *леталка* (детская игра – летающая тарелка), *понизиловка* (средство для понижения кровяного давления), *носопромывалка* (сосуд для промывания носа), *кривульки* (плечики, на которые вешают одежду)[2].

Два класса неузуальных слов. Неузуальные слова делятся на два класса: 1) слова, созданные как естественная реализация возможностей словообразовательной системы (заполнение пустых клеток системы); 2) слова, созданные с нарушением закономерностей словопроизводства, действующих в системе. Это разграничение соответствует разделению неузуальных слов на окказиональные и потенциальные слова[3]. Употребляя потенциальные слова, говорящий о б ы ч н о не стремится к выразительности, иногда даже как бы внутренне извиняется за необычность слова; строя окказионализм, говорящий придает особое внимание именно форме слова, оценивая ее как нечто, несущее заряд экспрессивности. В таких случаях действует установка на языковую игру (шутку, остроту, каламбур). При изучении разговорного словообразования необходимо разграничивать эти два вида использования языковых единиц (см. об этом подробнее выше, ч. I, а также в книге II, гл. "Языковая игра"). Отметим, однако, что возможны и иные случаи: потенциальные слова могут обладать известной экспрессивностью, тогда как окказионализмы, образованные по образцу конкретного слова, могут быть лишены экспрессивности и выполнять чисто номинативную функцию.

Есть основания считать, что широта и свобода неузуального словообразования, активность индивидуального словотворчества – одна из универсалий РР. Во всяком случае она свойственна не только русскому языку, но и таким языкам, как немецкий, французский, английский. Приведем мнение В.Д. Девкина, который пишет о немецкой РР: "Соотношение готового и ежесекундно творимого в РР иное, чем в письменной. В ней больше творчества, иногда легче придумать новое, чем вспомнить старое.

---

[2] К сфере номинаций, имеющих ограниченную сферу бытования, относятся прозвища (среди них есть и производные, и непроизводные слова). Приведем несколько прозвищ, бытующих в одном семейно-дружеском кругу: Кабачок, Огурец, Кролики (о супругах); Круглун, Кругляк, Круглый; Красотка, Золотко, Уютный, Тюк мелкий, Тяпа, Птенец; Кое-каков, Брюхан; Тяпистый, Дряп-дряп; Кукушонок, Тапочка, Пяточок, Мелкий, Мелкун; Муравей, Киса; Сахарница (лопоухий малыш), Жуйский, Разаревич (видоизменение фамилии Лазаревич).

[3] О разграничении потенциальных и окказиональных слов, см.: *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., "Просвещение", 1973, с. 238–240.

В РР несколько иная пропорция готового (элементарного) и вновь создаваемого в акте коммуникации. В норме предполагаются готовыми морфемы и слова, а вновь компонируемыми словосочетания и предложения. В речи формируются и новые слова — окказионализмы. Словообразование в процессе речи занимает гораздо большее место, чем это принято полагать. Оттого, что образование новых слов происходит по существующим продуктивным моделям и достаточно уместно и искусно, новизна таких ситуативных одномоментных слов мало замечается[4].

Говоря об активности в РР неузуального словообразования необходимо подчеркнуть, что не все говорящие свободно пользуются возможностями неузуального словообразования. Есть люди совмем не склонные к словотворчеству. Важно другое: условия РР позволяют говорящему создавать слова на случай по мере надобности, свободно и часто.

В записанном виде неузуальные слова могут производить странное впечатление и даже отталкивать. Это объясняется тем, что неузуальные слова рождаются в устной форме речи, письменная форма им чужда. Показательно, что многие лица, употребившие в РР то или иное образование, признают это же слово "плохим", если им предъявить его в записи. Необходимо добавить, что концентрация таких слов-одноминуток в РР не столь велика, как это может показаться в результате ознакомления со специально выбранными из записей большого объема примерами. Особенность РР состоит не столько в их большой употребительности, сколько в принципиальной возможности их появления в любом тексте РР. Частота употребления таких слов в различных текстах РР неодинакова, так как она зависит от ситуации общения и от индивидуальных склонностей и вкусов говорящего.

Активность неузуального словообразования, способствующая свободе создания слов ad hoc, а также своеобразие норм РР — их большая вариативность, не связанная с функциональной нагрузкой допустимых нормой вариантов[5], приводит к тому, что в РР слова строятся свободнее, чем в КЛЯ[6], и, следовательно, массив легко членимых слов больше. Поэтому в РР слово часто выступает как конструкция, состоящая из отдельных элементов с четко осознаваемым значением, а не как нечленимая целостная единица. Чтобы сделать более ясной эту мысль, рассмотрим функционирование и лексическое наполнение в РР и в КЛЯ словообразовательного типа имен существительных среднего рода, производимых от основ существительных приставочно-суффиксальным способом с помощью приставки без- и суфф. -ij- (-j-). В КЛЯ подобные существительные образуются от основ конкретной и отвлеченной семантики: *безземелье, бездорожье, безветрие, безденежье; безволие, бездушие, безвластие, безделье* и т.п. Многие из таких слов отошли от типового деривати-

[4] *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная лексика. М., 1973, с. 123; см. также: *Морен М.К., Тетеревникова Н.Н.* Стилистика современного французского языка. М., 1966, с. 70.

[5] См.: *Панов М.В.* Русский язык — В кн.: Языки народов СССР, т.I . М., Изд. АН СССР, 1966, с. 56. — См. об этом также в части "Общие вопросы" этой книги.

[6] Ср.: *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык. — В кн.: *Щерба Л.В.* Избр. работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1957, с. 116.

www.ruslang.ru

онного значения, они обозначают не 'отсутствие того, что обозначено производящей основой', а имеет "сдвинутое" значение, например: *бесстрастие* – 'душевная невозмутимость', *бесчестие* – 'поругание чести', *бессмертие* – 'вечная жизнь', хотя, конечно, все подобные слова имеют ясную внутреннюю форму. В РР слова типа без- ... -j- создаются легко и свободно, преимущественно от основ конкретных существительных. Все они отчетливо выражают деривационное значение 'отсутствие того, что обозначено производящей основой': Меня огорчает *безбалконье*// Вот ведь не повезло! У всех есть кроме нас//; У нас опять *безнянье*//; (шутливо) Надоело мне *бесшторье*// Я их в химчистку все отдала//; У вас *бестелефонье*? Не поставили еще?; Он не переносит *безгазетья*// Сразу бежит в киоск//; Меня поразило *бесскнижье* в их доме//; На этой улице полное *безмагазинье*//; У меня опять *бескремье*//

Таким образом, существительные РР выступают как легко членимые структуры, каждая часть которых служит для выражения определенного значения, ср. также: *безкорзинье, бесспичие, бесшоколадье, безъличье, бездверье, бесстолье, бесстулье, беззначье* (о знаках препинания), *бесчулочье, безносочье, бесчернилье* и под.; шутливо – от имен собственных: *безнинье, безбеатье* (от Беата), *безлидье*.

Расчлененность слова в РР. С тем, что класс хорошо членимых слов в РР значительно больше по составу, чем в КЛЯ, связан особый вывод, важный и для проблемы членимости слова, и для роли морфем в РР. Морфема в РР выступает как более самостоятельная и подвижная единица, чем в КЛЯ.

Самостоятельны и подвижны в РР п р и с т а в к и[7] как именные, так и глагольные. Они могут выступать в таких позициях:

а) Одна из приставок находится в обычной присловной позиции, тогда как предшествующая выступает самостоятельно и расположена в дистантной препозии: Надоели мне всякие *супер-* и *экстрамодные* песенки//; Он иногда бывает *квази* или в худшем смысле *псевдоматематическим*//

б) Приставка может употребляться в дистантной постпозиции по отношению к слову, с которым она семантически связана: Маринка оказалась очень *лаконичной*// просто *сверх*//; Сегодня стирала она/ училась/ *добродетельна* была *сверх*//; Я познакомилась с каким-то *ученым*/ просто *архи*//

в) Если реплика-стимул содержит префиксальное образование, то в реплике-реакции приставки могут употребляться как самостоятельные единицы (вне сочетания с опорным словом), сохраняющие прочные семантические связи с опорным словом-стимулом: – Ну как/ *отгулялись*? – И *от* и *на*; – Ты не *переспал*? – Скорее *не́до* чем *пере*//; (разговор о живописи) А. Там есть очень интересные вещи/ всякие такие там// С декоративной точки зрения// (задумчиво) А есть. . . прям// Или я еще *не дошел* просто// Б. *Недо*// Это точно//; (после обсуждения научной работы): А. Вас *обсудили*? Б. Не *об*/ а *о*//. А. Это тебя или Надю? Б. Надю *об*/ а меня *о* (ср. *обсудить* и *осудить*); А. Ну как? *отсамаркандились*?

[7] Аналогичное явление характерно для употребления предлогов в РР. См. об этом в части "Синтаксис" этой книги и в книге II гл. "Морфология".

Б. Ну да/ и *от-*/ и *на-*//; А. Так это не про *гиперреактор*? Б. Про *гипер*// Про *гипер*//

г) Иной вид самостоятельности приставок может проявиться в их соединении с нестандарстным распространителем – словосочетанием, местоимением или чем-либо подобным. Особенно часто так функционирует приставка *анти*:

А. Он *анти-Толстой*// Б. И *анти-Достоевский*// Вообще/ *анти-все*//; Л. А вот эта паста/ поморин/ она *анти чего*? Б. *Анти плохие зубы*//; Экспрессивность может быть *анти к чему угодно*//

(Две женщины готовят салат. Одна льет в него уксус. Другая говорит): Ты не *пере-это*? – Стараюсь не *пере*//; Это принято обозначать термином *под- что-то*//; Это подраздел/ подгруппа/ *под-хотите что*//; У меня идея// Эту катиночку *пе́ресюда́* (перенести); А. Видимо очень приспичило его/ (колеблется) нет/ как сказать? Б. (подсказывая с сомнением) Приперло// *При-не знаю что*//; Когда ты так берешь/ ты их *пере. . .это*// (имеет в виду: перевернешь)

Получается *гипер что-то*//; У каждого свое// У Жени интерференция/ а у этих *транс-чего*?

Аналогичным образом могут распространяться некоторые сокращенные первые части сложных слов:

Может бы зайдешь в *геогра́ф эту*? (о географическом магазине); У нас нет общегерманского / общероманского и *обще других атласов*//

Ср. распространение первых частей аббревиатур:

А. Самолет в Элисту пустили/ велико́лепный// Б. Какой? А. *Ту-какой-то*// (ср. Ту-132, Ту-134 и т.п.)

Ср. случай, когда говорящий играет с аббревиатурами, начинающимися буквой "ха" (Харьковский). Женщина вспоминает об увиденном в Харькове объявлении: Объявляется набор в разные институты// ХИСИ/ ХаИ/ ХаГУ// *Ха-то*/ *Ха-се*//

д) Приставка может функционировать в качестве самостоятельной единицы (вне связи с каким-либо словом), как выразитель определенного смысла[8]: (к человеку, который должен был выступать с докладом) Вы уже *от*?; А. Я думал она давно защитила// Б. Да нет/ это *пе́ре*/ еще раз// (т.е. перезащита, повторная защита); Все его стихотворения оказываются *недо*//[9]; Вам уже нельзя жить на *пере-*// Возраст не тот//; Л. Что ты огорчаешься? И. Самый факт меня *дез-*/ *дез*. . . (пауза колебания). . . *дез* что? *Дез* все//; (иронически) Его хотят в президенты академиии двинуть// На *вице* он не согласен//; И ты будешь это есть? Это же *квази*! (т.е. ненастоящее).

Во всех рассмотренных случаях приставки наделены полноценным словесным ударением и не подвергаются редукции. Очевидно, что самостоятельное функционирование приставок поддерживается условиями конситуации и контекста. Отметим, то самостоятельность получают прежде

[8] Ср. употребление предлога вне связи с существительным: (спотыкаясь о трамвайные рельсы) Вот это да! Так можно попасть *под*!

[9] Ср. в записке, прилагаемой к научной работе: Прости за грязь и *недо* (имеется в виду недоконченность).

всего те приставки, которые напоминают обычные слова и по форме, и по значению, т.е. они: 1) состоят не менее, чем из двух фонем, и имеют слоговую структуру[10]; 2) их значение отчетливо связано с их звуковым обликом, они не отличаются многозначностью (ср. *недо-, сверх-, квази-, анти-* и под.) или, если они многозначны, они вступают в антонимические отношения с другими приставками, что облегчает их восприятие.

В качестве самостоятельных единиц в РР могут употребляться и некоторые суффиксы, суффиксоиды и вторые части сложных слов[11]: А. Он кто по специальности? Б. *Вед* какой-то/ кажется по Лермонтову//; А. Я/ орнитолог// (шутливо) А какой *логией* занимаетесь вы?; А. Смотри какой большой градусник: М. Ты думаешь это градусник? А. А что же? М. Какой-нибудь-*и́метр*// (ср. *калориметр* и под.); У нас будет слайдотека/ и в этой *-теке* будут самые разные города//

Вариативность в сфере словообразования. Для разговорного словообразования, так же как для разговорной фонетики и синтаксиса, характерна развитая синонимия словообразовательных аффиксов без тенденции к их функциональному разграничению, создающая большую вариативность средств выражения одного и того же значения. Эта вариативность особенно развита в области экспрессивного словообразования. Вот некоторые примеры однокоренных образований:

домище, домина; ветрище, ветрина;

неунываха, неунывоха, неунывала;

страшенный, страшнущий; здоровенный, здоровущий; большенный, большущий и т.п.

В экспрессивном словообразовании особенно развита вариативность такого рода, когда при сохранении одной из фонем суффикса другая варьируется. Варьируется гласный: *глупыха, глупеха; ветряга, ветрюга; железяка, железюка; пробиваха, пробивоха.* Варьируется согласный: *бабуня, бабуся, бабуля; дедуня, дедуся, дедуля; задавала, задаваха; вруха, вруша, вруля.*

ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В РР

В РР своеобразно обнаруживается такая важная особенность производного слова, как фразеологичность его семантики. Если в КЛЯ семантическая фразеологичность того или иного слова известна всем говорящим на данном языке из общего языкового опыта (*наборщик* – работник

[10] По нашим наблюдениям, однофонемные приставки и приставки из двух согласных (например, *в-, с-, у-, вз-*) самостоятельности не получают, тогда как аналогичные предлоги допускают употребление типа: А. Я из института// Б. А я *в*//

[11] Аналогичным образом могут вести себя и некоторые части слов, не получившие еще статуса вполне усвоенных русским языком морфем: (Из диалога студентов-художников) А. Шагал/ сюрреалист? Б. Шагал/ *несюр*// Но они все вышли из него//; (разговор двух студенток об экзамене по литературе): Реализм-то как раз ничего (т.е. "я смогу ответить")// А что про этот вот? *сюр*// (т.е. сюрреализм). Ср. самостоятельное употребление первой части сложного слова: Я теперь читают всякую *социо-* и все вообще//

типографии, *водитель* – в транспорте), то в РР фразеологичность семантики находит опору в данном коммуникативном акте, что позволяет говорящему свободно строить производные слова. Вследствие этого одна и та же по форме единица может в разных условиях получать разное осмысление: производное связано с производящим подвижной, переменчивой связью. Например, слово *телефонник* может значить: 1) "мастер, который чинит телефоны", 2) "любитель звонить по телефону"; *почечник*: 1) человек с больными почками, 2) врач-специалист по почкам; *картошник*: 1) человек, любимая еда которого – картошка; 2) человек, торгующий картошкой, 3) человек, разводящий картошку; 4) участок, на котором выращивают картошку (ср. ягодник); *дымилка*: 1) сигарета, 2) печка, которая дымит, 3) труба, из которой идет дым; *нарзанница*: 1) открывалка для бутылок, 2) сосуд, с которым ходят пить нарзан отдыхающие (ср. компотница, сахарница).

Это свойство разговорных слов объясняется тем, что производные слова аналогичной структуры рождаются в самых разнообразных ситуациях и контекстах, но опора на определенные конситуацию и контекст делает их вполне пригодными для общения. Именно поэтому, содавая подобные слова (в том числе неузуальные), говорящие не боятся омонимов–слов узуальных. Например:

У них есть несколько ребят – *воскресников*// (о детях, которые проводят в школе воскресенье; ср. день-*воскресник, субботник*); Наша Нина/ *конфетница*// (ср. *конфетница* – вазочка для конфет); Я еще тогда была *чайником*// (любила пить чай; ср. *чайник* – вместилище для чая; слово *чаевник* – любитель чая употребляется в РР наряду *с чайник*).

Фразеологичность семантики по-разному реализуется в производных от основ разных частей речи[12]. Существительные, производные от основ существительных, обычно семантически базируются на сочетаниях данного существительного с тем или иным глаголом, т.е. в семантике производного "упрятан" глагол (наименование процесса): *картошник* – 'человек, который (продает, любит есть, выращивает...) картошку'.

Существительные, произьодные от основ глаголов, имплицитно содержат имя, занимающее место одного из актантов при данном глаголе: *сбивалка* – инструмент, ср. сбивать *чем*; леденцы-*сосалки* – объект, ср. сосать *что; мазилка* – средство, ср. мазать *чем; тарахтелка* – производитель действия, ср. тарахтит *кто/что*.

Существительные, производные от прилагательных, в значительной части обозначают носителя данного признака (лицо или предмет). Та или иная денотативная отнесенность подобных слов реализуется лишь в определенном контексте и ситуации (ср. слова типа *симпатяга, миляга, забавнюга* и под., которые могут быть отнесены к лицу, живому существу, конкретному предмету или явлению – случай, происшествие и т.п.). Например: (о камешке) Такая *забавнюга*!; (на улице, глядя на щенка) Какой *забавнюга*! Посмотри-посмотри!

---

[12] См. об этом: *Ермакова О.П.* Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. Докт. дис. М., 1977.

В сфере глагола фразеологичность семантики особенно резко обнаруживается у отсубстантивных глаголов с суфф. *-ф/-и(ть)*, обозначающих разные виды отношения действия к предмету, названному производящей основой (о семантике таких глаголов см. подробнее в разделе III). Производящее имя выполняет роль одного из приглагольных распространителей – субъекта, объекта, инструмента, средства, места, характера действия. Естественно, что конкретизация семантики глагола зависит от семантики производящего субстантива. Вместе с тем подобные глаголы относятся к классу слов, семантика которых в высокой степени определяется контекстом и конситуацией, отличаясь этим от производных имен и глаголов на *-нуть, -ануть*[13].

Проанализируем отсубстантивные глаголы на *-ить* разной ономасиологической структуры. Если в качестве производящего выступают одушевленные существительные (нередко в переносном значении), то глагол получает значение 'действовать подобно тому, кто назван производящей основой' (ср. узуальные *деканить, кочегарить*): (к женщине, которая собирается путешествовать) *Робинзонь* помаленьку!; (о разборке старых газет) А. Это же каторжная работа// В. Вот я и *каторжаню*//

Если производящее обозначает инструмент, прибор, механизм, глагол имеет значение 'пользоваться данным инструментом', 'действовать с помощью его': Кончайте *бадминтонить*/ обедать пора//; Он целыми днями *байдарит*//; Соседи все *телефонят*// Сил нету!; (шутл.) А. Что твоя кофеварка стоит? Б. Сейчас она начнет *кофева́рить*// (отметим, что ударение иное, чем было бы в глаголе *вари́ть*).

Если производящее обозначает какое-либо вещество, средство, то глагол имеет значение 'расходовать данное средство', 'покрывать данным веществом' (ср. узуальные: *маслить, одеколонить*); Я не люблю *кремить* пирог//; Это все надо *керосинить* и *теофосить*//

При существительных со значением состояния, действия и подобной семантики глаголы на *-ить* могут иметь значение – 'заниматься тем, что называет производящее', 'пребывать в данном состоянии': Она все по-прежнему *диетит*? находится на диете); Хватит вам *мигренить*.

При существительных со значением функционально ориентированного места глагол обозначает 'пребывать в указанном месте, занимаясь соответствующей деятельностью': Сегодня не будем *ресторанить*/ пойдем в столовую//; Поехали в Дзинтари// Там можно *вигвамить*// (посетить кафе "Вигвам").

Однако семантика производящего субстантива не всегда жестко структурирует семантику глагола. Нередко отсубстантивный глагол может выражать разные значения, уточняемые лишь ситуацией и контекстом. Это может объясняться разными причинами, одна из них – наличие у субстантива переносного значения. Так, глагол *базарить*, реализуя общую семантическую схему 'вести себя как на базаре', может обозначать: 1) торговать по мелочам, 2) перен. ругаться, скандалить. Допускает этот глагол и употребление со значением 'посещать базар': Я сегодня *базарить* не буду/ обойдусь нашим овощным//

[13] Ср. семантическую характеристику глаголов на *-ить* в кн.: *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке. М., "Наука", 1977.

Глагол *самоварничать* (и *самоварить*) может обозначать: 1) пить чай (не обязательно из самовара) и 2) издавать звуки, подобные самовару – мурлыкать (о коте), например: О! *Засамоварничал*!; Опять *самоварит*//

РР порождает отсубстантивные глаголы, базирующиеся на типических семантических признаках производящих существительных. Нередко в таких случаях в качестве производящих используются названия литературных героев и животных (*буратинить* – пищать, *скорпионить* – перен. жалить, говорить колкости; *виннипушить* – есть что-нибудь вкусненькое – от имени Винни Пух – герой детской книги; (о магнитофоне) И почему он так *буратинит*?; Пойдем *повиннипушим*!; Она постоянно *скорпионит*// (говорит колкости).

ДИНАМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РР

Как было отмечено выше, в РР акт коммуникации строится так, что говорящий имеет гóраздо большую свободу для построения новых слов, чем в КЛЯ. Именно поэтому в РР динамический характер словообразования обнаруживается особенно отчетливо[14].

Вот несколько иллюстраций: (молодая женщина рассказывает, что она постоянно забывает чайник на плите и он чернеет) Мне всегда кто-нибудь чайник чистит// А я его сжигаю сразу же// Приходит такой *чúститель* и видит/ в ужасе/ чайник опять грязный//

Употребив узуальный глагол *чистить*, говорящий без всяких затруднений и установки на шутку создает имя лица-производителя действия: *чиститель*.

Еще несколько примеров: – Нравятся Вам его мемуары? – Нет// Очень чувствуется что сам *вспоминатель* противный//; (речь идет о тематике разговоров; говорящий жалуется, что они в основном посвящены быту) Там все кухня/ кастрюля// Эта *кастрюлечность* просто раздражает//; Перестань ты бояться// Надоело мне твое *бояние*.

Отчетливый характер процесса построения слова объясняется в значительной степени диалогическим характером РР. В РР, носящей по преимуществу диалогический характер, часто возникает структурный параллелизм единиц в реплике-стимуле и в реплике-реакции, проявляющийся как в области синтаксиса, так и в области словообразования[15]. При этом – в сфере словообразования – можно отметить два рода явлений:

---

[14] Ср. *Кубрякова Е.С.* Словообразование как особый вид речевой деятельности. – В кн.: Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов научной конференции. М., 1979, с. 48–50.

[15] Ср. наблюдение М.В. Панова: "В разговорном стиле слишком сильны устремления к автоматизации речи, к повторности языкового материала, к его синтаксическому выравниванию. Важно и то, что в разговорном стиле существует множество регулярных словообразовательных моделей, позволяющих свободно строить морфологически однородные сочинительные сочетания. Ср. вал работает *без перегрузки* и *без накалки* (разг.) –. . . без перегрузки и не накаливаясь (книж. нейтр.); все придумано *по-деловому* и *по-современному* (разг.) –. . . по деловому и в духе современности (книжн.)" ("Русский язык и советское общество. Проспект". Алма-Ата, 1962, с. 72). Ср.: *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1970.

1) Говорящий, строя реплику-реакцию, творит слово, однокоренное по отношению к употребленному ранее, но имеющее иную структуру, заполняя тем самым пустые клетки слообразовательной системы:

А. Саня/ поставь пластинку! С. Поставь/ поставь – поставь/ что я вам/ *ста́витель*? (в языке нет узуального слова со значением "производитель действия" от глагола *ставить – поставить* в данном значении[16]; (о морских камушках в Коктебеле) А. Смотри как у меня камни блестят// Я их кремом намазала// Б. Надо и нам камни *накремить*// (ср. одеколон – наодеколонить, крем – накремить); А. Передай мне сливы! Б. Надоело мне передавать// Что я вам/ *передавала*?

2) РР свойственно нагнетание в одном (или соседних) высказывании разнокоренных слов одинакового строения, подчеркнуто передающих одно и то же категориально-классифицирующее содержание. Возникают как бы реплики-эхо, которые обнаруживают в своем построении известный параллелизм с ранее употребленными репликами, так как содержат изоструктурные производные: К деньгам они относятся серьезно// Нина совсем не склонна их *растрачивать/ разбрасывать/ расшвыривать*//; Есть стиль и есть *подсистема/ подстиль/ под-не знаю что*//; Сейчас *разорется/ раскричится/ размашется*//; Хватит тебе *переписывать/ перечитывать/ передумывать/ пере- не знаю что*//; Это *подраздел/ подгруппа/ под-хотите что*//

Нагнетание изоструктурных образований часто создается хором говорящих, одновременно образующих изоструктурные производные: А. Петя сегодня *нагулялся/ накатался*// Б. И *накрутился*// В. (одновременно с Б.) И *насбивался*// (о мальчике, который долго катался на лыжах, а потом долго крутил и сбивал крем); (в походе отдыхают) А. Ну пошли ребята// Л. Сейчас *я докурю* и пойдем//. К. (шутливо, подхватывает) Сейчас я *доле́жу* и пойдем//; Н. А этот мне не звонит// Видно обиделся// А. Да он наверно *утюкался/ удрызгался*// Н. Возможно// Просто *упился*//

В таких случаях нередко обычное слово порождает ситуационный или контекстный окказионализм: (вечером в гостях) А. Ну я *досиделся/ дотакси́лся*// Б. Да/ метро уже закрыли//

Названное явление выступает как средство актуализации формы речи. Она обнаруживается в том, что делается явной, как-то подчеркивается словообразовательная структура слова. Это может быть и сознательно используемый (обычно с установкой на шутку) прием[17], и неосознанное свободное построение языковых единиц. Благодаря этому ярче обнаруживается расчлененность производного слова, слово выступает как конструкция (см. выше с. 75–77).

---

[16] Ср. *постановщик*, соотносительное со *ставить – поставить* пьесу.

[17] Этот прием нередко используется в художественной литературе как средство художественной выразительности, например, в сфере именного словообразования: "Я бормотал: *Рохля! Вахля!! Махля!!!* Прыгай сейчас же! Прыгай же! *Жухля! Опухля!* Ну прыгай сейчас же! *Тухля! Протухля! Вонюхля*!" (В.Д. Драгунский, Рабочие дробят камень); в сфере глагольного словообразования: "Содержание *не выговорилось, не выложилось* у него, а *выпелось, вытанцовалось*, если не бессознательно, то во всяком случае неотделимо от певучего качания речи, как

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЛЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В РР действуют все те с п о с о б ы словообразования, что и в КЛЯ. Особую активность обнаруживают суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы. Менее активны разные виды производства сложных слов, в том числе аббревиация. Кроме того, в РР имеются специфические по сравнению с КЛЯ способы словообразования: у н и в е р б а ц и я и у с е ч е н и е о с н о в. Они действуют только при производстве существительных. Оба эти способа словообразования объединяются одним общим признаком – они отвечают потребностям языковой экономии: в качестве номинации используется меньший по форме сегмент, чем соотносительное с ним по форме и семантически ему эквивалентное базовое сочетание или слово. Универбацией принято называть способ образования слова на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносительно с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием (тип сгущенное молоко – *сгущенка*, грузовой автомобиль – *грузовик*).

При усечении в производное слово входит лишь какая-то часть производящего, причем производящее тождественно производному по семантике (например, магнитофон – *маг*). Таким образом, основное, что характеризует эти способы словообразования – это экономия, семантическая и/или формальная конденсация, при которой меньший формальный элемент передает то же самое содержание, которое закреплено за большим.

Следовательно, РР выработала специфические способы словообразования, которые отвечают потребностям в экономии средств выражения (см. об этих способах подробнее ниже). Следует отметить, однако, что эти способы словообразования используются не только в целях языковой экономии. Они могут быть наделены яркой экспрессивностью. Наблюдается такая закономерность: новые производные слова (универбаты и усечения) воспринимаются как экспрессивные; слова, имеющие длительную традицию употребления, экспрессивности лишены.

Существуют ли в РР специфические словообразовательные с р е д с т в а? В РР нет специфических приставок, но функционирует целый ряд специфических суффиксов. Основная особенность этих суффиксов – экспрессивность и сниженность. Эти суффиксы производят экспрессивные имена существительные и прилагательные от основ прилагательных, глаголов и существительных. Приведем перечень специфических суффиксов существительных: – *-аг(а)*, *-уг(а)*, *-ак(а)*, *-ук(а)*, *-ах(а)*, *-ух(а)*, *-уш(а)*,

---

чистой формы" (Шагинян М., Андрей Белый, Литературный дневник, 1922). См об этом: *Земская Е.А.* Словообразовательные морфемы как средство художественной выразительности. – РЯШ, 1965, № 3; *Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.* Об актуализации морфемной членимости слов в речи. – В кн: Развитие совр. русского языка, 1972. Словообразование, Членимость слова, М., "Наука", 1975; *Черкасова Л.П.* Наблюдения над экспрессивной функцией морфемы в поэтической речи (на материале поэзии М. Цветаевой). – Там же.

-их(а), -ох(а), -ун'(а), -ул'(а), -ус'(а), -ш(а), -л(а), -н'(а), -енциj (а), -об(а), -от(а), -ар(а), -ур(а), -ыш, -ун, -ач, -ож, -он, -отн'(а), -j (о) и суффиксов прилагательных: *-ущ-, -енн-*[18].

В словообразовании глаголов действует лишь один специфический суфф. *-ану-*, производящий глаголы со значением однократного действия, осуществляемого с особой силой, резкостью и интенсивностью (см. о таких глаголах в разделе III).

Можно ли считать перечисленные суффиксы специфическими словообразовательными морфемами РР? Ведь в КЛЯ (преимущественно в его сниженном стиле) также употребляются слова с такими суффиксами. Однако между положением этих суффиксов в КЛЯ и в РР имеется важное различие. Состав слов с этими суффиксами в КЛЯ ограничен, они живут в КЛЯ как отдельные лексемы, проникшие из РР. В РР – положение иное: эти суффиксы в ней словообразовательно активны, с их помощью образуются целые серии слов. Следовательно, эти суффиксы как продуктивные строевые единицы – отличительная особенность словообразования РР.

КОНТРАСТ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА В СФЕРЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В словообразовании РР ярко обнаруживается характерный для русского языка в целом контраст имени и глагола.

а) Имя имеет обширный репертуар специфических словообразовательных аффиксов, многие из которых наделены яркой экпрессивной окраской в пределах самой РР и отсутствуют в КЛЯ.

В словообразовании глагола нет (кроме суфф. *-ану-*) аффиксов, которые были бы специфичны для РР, т.е. словообразование глагола обслуживается теми же аффиксами, что и словообразование КЛЯ.

б) В сфере имени экспрессивность создается главным образом стилистически маркированными (сниженными) словообразовательными средствами, которые присоединяются к нейтральным основам. Ср., например, производные имена, в которых экспрессивные аффиксы сочетаются с нейтральными основами: *бумаженция, собаченция, ветрюга, дождина, поездина, актрисуля, хитрюга* и под.

В сфере глагола экспрессивность выражается иначе. Репертуар глагольных основ в РР содержит большое количество специфических единиц, отсутствующих в КЛЯ, многие из которых обладают резкой экспрессивностью в пределах самой РР. Среди таких единиц имеются: именные корни, подвергшиеся метафорическому переосмыслению, корни деривационно связанные, корни опустошенные, корни заимствованные из просторечия, жаргонов, диалектов. Как средство экспрессивности в РР используется присоединение к таким основам нейтральных аффиксов; таким образом, в сфере глагола многие деривационные значения передаются с помощью нейтральных аффиксов, присоединяемых к экспрес-

[18] О функционировании этих суффиксов см. ниже в разделе "Экспрессивное словообразование".

сивным корням. Ср. нейтральное *влюбиться* и экспрессивные глаголы того же словообразовательного типа *врезаться, втюриться, втюхриться, влопаться* и под.

Следовательно, экспрессивность в словообразовании глагола создается преимущественно отбором стилистически маркированных корней (большей частью сниженных, иногда даже вульгарных), а не за счет аффиксов. Ср., например, производные глаголы, в которых нейтральные аффиксы сочетаются с резко экспрессивными основами.

Глаголы со значением передвижения: Ну/ я *поплетусь*// (ср. нейтр. *пойду*); Сейчас я *побреду* домой//; *Потащусь-ка* я в библиотеку//; До них я конечно так и не *доплелась*//; (грубо) Сейчас *попрусь* в магазин//; Ну/ я *поковылял*//; Сашка уже *удул* на пристань// (ср. нейтр. *убежал*); Я пятого должна буду к восьми часам *припилить* в поликлинику// (ср. нейтр. *прийти*); Как мы завтра с этим (о тяжелых вещах) до метро *покандюхаем*? Глаголы со значением "написать": Я *накатала* докладную записку//; Тезисы я здесь *накорябал*[19]; Я тут *накатал* две бумаги//; Она *сварганила* статью//; Я *наколбасил* рецензию//

Репертуар именных основ в РР лишен такого резкого своеобразия. Итак, типическая черта производного имени в РР: нейтральная основа + стилистически окрашенный аффикс; типическая черта производного глагола в РР: стилистически окрашенная основа + нейтральный аффикс[20].

Рассматриваемая особенность словообразования поддерживается свойственной РР тенденцией с л о в о у п о т р е б л е н и я.

Для современной РР примечательна тенденция сочетать научные термины, книжные слова и т.п. элементы именного характера с сугубо сниженными (иногда даже вульгарными) глаголами. Говорящий как бы стесняется несоответствия своей речи разговорным нормам и разбавляет ее предикатной лексикой, чаще всего глаголами. Это объясняется тем, что назвать какую-либо реалию из сферы науки и техники обычным словом-нетермином он не может. Поэтому, желая сохранить непринужденность общения, говорящий нередко "отыгрывается" за счет сниженной предикатной лексики, чаще всего глагольной. Действует такая закономерность: "глагол прокладочен и экспрессивен; имя несет основную информацию" (М.В. Панов, 1977). Вот несколько примеров: (речь идет о сревнении недавно поступившего студента с другими) Остальные/ пять лет эту математику *дрючили*/ а он первый раз// Ему труднее//; У нас на каждом совете по две диссертации *шлепают*//; Я *отсохла* от этой проблематики//; Ну что?*приволочить* вам эти экземпляры?; Теперь ко мне его аспиранты хотят *перекантоваться*//; А вы их хотите с аппроматом *мурыжить*?; Я две таблетки эуноктина *грохнула*//; Н. Вы писали об интегра-

---

[19] Ср. из письма М.А. Булгакова сестре: "*Накорябал* на скорую руку черт знает что. Противно читать" (13 янв. 1922 г.)

[20] Показательна в этом отношении фраза "Куда же я эту *бумаженцию засвистела*?", в которой при нейтральной именной основе используется экспрессивный суфф. *-енциj-*, а при экспрессивной метафорической глагольной основе нейтральная приставка *за-* (ср. *засунула*).

ции? - Где-то я про это *промямлил*//; Я к девяти должна на эту конференцию *приплыть*//; Я *брызнула* в университет//; М. А куда это пропал том из словаря? Л. Не знаю/ ты его брал// М. Да-а/ его не туда куда-то *втюрили*/ (задумчиво) *втяпали*/как это еще говорят? Л. (подхватывая) *Втюхрили*// М. Именно *втюхрили*//; Я вышла в фойе // Говорю/ серьгу потерала// И представляешь/ пока там *дули* Бетховена/ капельдинеры стали искать// Ковры сворачивали//

Указанное различие в словообразовании имени и глагола определяет наше дальнейшее изложение. Словообразование имени (существительное, прилагательное, наречие) и глагола рассматривается в разных разделах.

ФУНКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РР

Словообразование выполняет в РР четыре функции:

1) номинативную; 2) экспрессивную; 3) конструктивную; 4) компрессивную. Эти функции реализуют такие намерения говорящего: 1) создать необходимую для акта общения номинацию; 2) получить экспрессивное средство, сама форма которого обладает особой выразительностью; 3) упростить синтаксическое построение речи; 4) использовать более краткую, чем имеющаяся в языке номинативную единицу.

Эти функции попарно соотносительны: номинативная и экспрессивная служат для передачи нового содержания; конструктивная и компрессивная – для экономии речевых усилий.

Характеризуя четыре названные выше функции словообразования, мы будем указывать их наиболее типические средства выражения и характеризовать их п р е и м у щ е с т в е н н у ю сферу действия. Необходимо подчеркнуть, что между этими четырьмя функциями словообразования не всегда проходят четкие границы, в акте коммуникации они нередко совмещаются. Так, многие единицы, выполняющие номинативную, конструктивную или компрессивную функцию, могут быть наделены и определенной экспрессивностью; экспрессивные слова имеют и номинативную функцию. Поэтому дальнейшее распределение всего материала по этим четырем сферам словообразования в ряде случаев отличается известной долей условности. Однако для того, чтобы ярче очертить функциональный аспект разговорного словообразования, мы будем производить характеристику материала, исходя из предложенного разграничения словообразования на эти четыре основные сферы.

Поясним кратко, как мы понимаем сущность названных выше функций:

1) Н о м и н а т и в н ы м словообразованием мы называем создание производного слова, основная функция которого дать имя тому или иному явлению действительности, необходимому для данного акта коммуникации. Например: (Разговор в гостинице. Говорящие стоят в помещении перед лифтом) Смотри/ в коридорах тепло/ а здесь холодина/ в этих/ не знаю как назвать/ *предлифтниках*// Говорящий, хотя и испытывает некоторое затруднение, образует однословное наименование для помещения, расположенного перед лифтом: *лифт – предлифтник* по типу

баня – предбанник. Ср. производное по тому же образцу: (из рассказа о квартире) Это даже не кухня/ а *предкухонник* такой//; – Ванечка! Где же штучка-то/ *резалка*/ коктейль помнишь делали?; *бумеранить* – лететь, как бумеранг: (об игрушке "летающая тарелка") Бывают тарелки/ просто летают/ а бывают *бумеранят*//; Сегодня ночью опять рука немела/ *чугунела*//

2) Экспрессивным словообразованием мы называем ту сферу словообразования, которая отражает столь свойственную РР тенденцию к повышено эмоциональному, аффективному способу выражения, связанному с непринужденностью отношений между партнерами коммуникации, их раскованостью. Экспрессивное словообразование охватывает в первую очередь ту область словопроизводства имен существительных и прилагательных, которую принято называть "формы субъективной оценки". В таких случаях часто наблюдается семантико-деривационное согласование существительного и прилагательного, т.е. и то и другое производное имеют экспрессивные деривационные аффиксы: Ой! Какой *высоченный домина*!; Посмотрите/ какой *длиннющий здоровенный жучище*!; Нет/ это *толстенный томина* (о книге)//; Там конечно *каплюха* (о статье)// Но ты все-таки прочитай//; (о щенке) *Такусенький* вот *лапуленька*//; (врач, глядя на аппарат для измерения давления) У нас дыра в груше// Смотрите/ какая *дырища здоровенная*//; Маленькая/ незначительная *кни́жишка*/ а сыграла такую роль//; Там ходил маленький *жалкенький пароходишко*//

К сфере экспрессивного словообразования глагола относятся регулярные обозначения степени интенсивности действия, выражаемые с помощью суфф. *-ану-* и *-ну-* и приставок (см. подробнее раздел III). Вот несколько примеров: Он как *долбанет* по столу//; *Телеграфни* мне/ ладно?; Мы совершенно все *испраздновались*//; Он весь *истуристился*//; Я *искалькулировался*// Все считаю-считаю//; Я вся *исплакалась*//; И весь *изведешься*/ *изволнуешься*//; Я затушил чайник/ он у меня *иссвистелся*//

3) Конструктивное словообразование распространяется на ту сферу применения производных слов, основная цель которой передать содержание какой-либо синтаксической конструкции (чаще всего неоднословной) с помощью одного слова. Особенность конструктивной деривации состоит в том, что она включает производные слова, которые не содержат семантической добавки, отличающей их от семантики производящего. Эту область словообразования вслед за Е. Куриловичем называют синтаксической деривацией. В нее входят отглагольные имена существительные со значением отвлеченного действия и отадъективные имена существительные со значением отвлеченного признака. Синтаксические дериваты резко выделяются из всей остальной сферы словообразования: производное слово отличает от производящего лишь категориальное значение иной части речи. Вот несколько примеров: Какой у тебя халат желтый! – Я его и купила за эту *желтость*// (ср. за то, что он желтый); А. Катя давно звонила? Б. Нет/ прямо перед твоим *вставанием*// (ср. перед тем, как ты встала); Е. Она будет гнуть/ а ты будешь зани-

маться своим делом// Б. Да ведь это *гнутье-то* давит (ср. то, что она гнет свое); (в автобусе) А. Что вы́ будете стоять/ что я́// все равно мешать будем// Б. Дело не в *мешании*// (ср. не в том, что будем мешать); А. Какая-то каша невкусная// Б. Несоленая она// И эта *несоленость* ее и портит// (ср. то, что она несоленая).

Сравнение таких производных со словами, относящимися к области номинативной и экспрессивной деривации, показывает различие между ними, хотя л ю б о е производное слово может рассматриваться как известный вид "сокращения" описательной конструкции, но номинативные и экспрессивные производные содержат семантический привесок, которого лишены синтаксические дериваты: *домик* – м а л е н ь к и й дом, *поездина* – о г р о м н ы й поезд, *дынник* – л ю б и т е л ь дынь, *опоздальщик* – к т о п о с т о я н н о опаздывает, *кочегарить* – р а б о т а т ь кочегаром. Основная роль синтаксических дериватов в акте коммуникации – "облегчить" говорящему построение высказывания. Это "облегчение" касается употребления более кратких конструкций, включающих синтаксические дериваты, синонимических более длинным, включающим более сложные синтаксические построения (см. примеры выше).

4) К о м п р е с с и в н о е словообразование состоит в построении слов, которые представляют собой разного рода сокращения имеющихся в языке номинативных единиц – слов и словосочетаний. В зависимости от того, соотносится ли производное семантически со словом или словосочетанием, можно различать два подвида компрессивного словообразования.

а) Если производное слово семантически соотносимо со словосочетанием, то оно как бы втягивает в себя его семантику[21], конденсируя и семантику, и форму словосочетания. Этот подвид компрессии осуществляется разными способами словообразования: с у ф ф и к с а ц и е й – *маршрутка* (маршрутное такси), *пятиэтажка* (пятиэтажный дом); с у б с т а н т и в а ц и е й – *декретный* (декретный отпуск), *вступительные* (вступительные экзамены); у с е ч е н и е м – *декрет* (декретный отпуск); *мохер* (мохеровый шарф); а б б р е в и а ц и е й – *цэу* (ценное указание).

б) Посредством компрессивного словообразования образуются слова, тождественные по значению базовым словам: *помощник – пом, заведующий – зав, магнитофон – маг.* Здесь компрессия направлена только на форму.

---

[21] Это явление называют разными терминами: стяжение, включение, семантическая конденсация, универбация. См.: *Янко-Триницкая Н.А.* Процессы включения в лексике и словообразовании. – В кн.: "Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., "Наука", 1964; *Полякова И.М.* Процессы включения в лексике и словообразовании (наблюдения над профессиональной разговорной речью металлургов). Автореф. канд. дис. Куйбышев, 1972; гл. "Номинация" в кн. "Русская разговорная речь", М., 1973; *Глотова И.П.* Семантическая конденсация в разговорной речи – В кн.: Язык и общество, вып. 2, Саратов, 1970, с. 96–105.

Следовательно: номинативное и экспрессивное словообразование служат для производства нового о з н а ч а е м о г о (производное слово создается в целях выражения того или иного смысла.) Словообразование конструктивное и компрессивное направлено на о з н а ч а ю щ е е: при том же содержании оно упрощает синтаксическую форму высказывания или форму номинативной единицы. Иными словами, конструктивная и компрессивная функции направлены на экономию речевых усилий.

Специфика глагола в семантико-словообразовательном отношении определяет п о с т р о е н и е р а з д е л а, посвященного этой части речи. Рассмотрение словообразования глагола по четырем названным выше функциям мы сочли нецелесообразным, так как:

1) Конструктивная функция в чистом виде у глагола не может быть выделена, ибо транспонирование слов иных частей речи в глагол не приводит к созданию синтаксических дериватов: отсубстативные и отадъективные глаголы не являются чистой транспозицией значения предмета или признака в иную часть речи, но имеют смысловые приращения.

2) Рассмотрение в качестве особой сферы экспрессивного словообразования глаголов мы тоже сочли нецелесообразным, так как – в отличие от имени – глагол не имеет специализированных экспрессивных словообразовательных аффиксов (кроме суфф. *-ану-*). Глагольные суффиксы (*-а-, -и-, -нича-, -е-* и др.) и приставки (*за-, из-, пере-, до-* и др.) производят единицы и нейтральные, и экспрессивные.

3) Компрессивное словообразование в глаголе не представлено: с помощью таких способов словообразования, как усечение и универбация, глаголы не производятся.

Вследствие указанных причин раздел "Глагол" строится иначе, чем раздел "Имя". Он включает:
1) краткое описание особенностей глагольного словообразования в РР;
2) характеристику семантики разговорных глаголов в связи с особенностями их словообразования; 3) анализ нескольких лексико-семантических групп глаголов, которые ярко демонстрируют типические семантико-деривационные особенности глаголов в РР.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ РР И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЖАРГОНЫ

Среди узуальных производных слов, бытующих в сфере непринужденного общения, можно выделить слова, имеющие узкую сферу применения, семантически соотнесенные с какой-либо профессиональной деятельностью и поэтому преимущественно или исключительно употребляемые лицами одной профессии или одного коллектива. Слова такого рода не относятся к официальной номенклатуре, принятой в КЛЯ. Они известны людям, объединенным специальностью. От слэнга их отличает отсутствие экспрессивности, от единиц КЛЯ – отсутствие строгой терминологичности. Такого рода профессиональные слова – обычные, будничные наименования тех или иных специальных явлений. Слова такого рода по условиям

употребления сближаются с РР: они функционируют в сфере непринужденного личного общения, преимущественно в устной форме. Однако лицами некоторых специальностей они могут употребляться и при официальных отношениях. Подобные слова принадлежат профессиональным жаргонам и находятся за пределами РР. Однако некоторые из них могут выходить из узких рамок профессионального общения и проникать в РР лиц разных профессий. Приведем некоторые примеры. Работники транспорта называют словом *внезапник* особый род контролеров; работники торговли употребляют слова *материалка* (материальная ответственность), *материальщик* (материально ответственный работник). Археологи называют индивидуальные находки при раскопках *индивидуалки.* В профессиональной издательской среде адаптированные произведения называют *адаптушка*: (шутливо). У меня здесь *адаптушка* идет// На 4 листа//; титульный лист – *титул,* сигнальный экземпляр – *сигнал;* Ср. также глаголы: *курсивить, кавычить, шрифтить, параграфить.* Машинистки называют словом *забивалочка* белую копировальную бумагу, которой можно забелить ошибочно напечатанную букву; специалисты по автоматическим системам управления (АСУ) создали и активно используют существительное *асушник* и глагол *асучивать.* В среде преподавателей вузов и студентов приняты профессионализмы: *автомат* (автоматический зачет), *факультатив* (факультативный курс), *зачетка* (зачетная книжка), *почасовка* (почасовая оплата), *академка* (академический отпуск), *интенсивник* (студент, изучающий иностранный язык по интенсивной программе); специалисты-литературоведы называют историю всемирной литературы *всемирка.* Приведем несколько примеров, показывающих, как употребляются такие слова: (продавщица) Я семь лет *на материалке* была//; Мы все *материальщики*//; (редактор) Мне надо всю рукопись *шрифтить*// (делать разметку шрифтов); Это *курсивить*? Или разрядкой?; Через неделю будет *сигнал* уже//; На *титуле* нужна ваша подпись и печать//; (студентка медицинского института) Не люблю в *анатомичке* работать//; (моряк) Он и в *загранку* ходил//; (бухгалтер) Ему надо *внештатку* получить// (внештатную зарплату); Нам *платежки* присылают по почте// (платежные квитанции); (продавщица) Я заказала ящик *фруктовки* и два ящика сливочного// (фруктовое мороженое); (студентка МГУ) Чём в *художке* (художественной библиотеке) хорошо? У них вентиляция хорошая//; (преподаватель вуза) У меня в этом году хорошая *почасовка*//; Она ушла в *академку*//. А вот некоторые бытующие в кругу языковедов наименования лиц по лингвистической специальности: А кто у Вас *интонационник*?; Вы все *разговорники*?; Они ведь *современщики*// (о лицах, изучающих современный язык); Она *энантиосемичка*//; У него есть ученик *аббревиатурщик*//; У меня еще есть один *метонимщик*//; (шутливо) А где же наши *жестовики*? (изучающие жесты); Он кто? *видовик*? (изучает вид глагола); Он известный *глагольщик*//; У нас хватает *синонимистов*//; Она у нас *суперсегментница*//; Я знаю как *современисты* экзамены принимают//

В КЛЯ таким словам соответствуют словосочетания – специалист по энантиосемии, аббревиации, интонации и т.п. или слово с иноязычным корнем: аспектолог, коллоквиалист и т.п.

Показательно, что подобные слова, относящиеся к сфере профессиональных жаргонов, могут быть непонятны людям других профессий и вызывать у них отрицательное отношение.

Вот характерный разговор между женщиной гуманитарного образования и молодым инженером: А. Ты туда на работу устраиваешься? С. Угу// А. А он-то кто? С. Такое непрятное слово/ *асушник*/ (поясняет сам) от слова АСУ// А. (удивленно) И он сам так говорит? С. Да-а! Он меня прямо забросал// АСУ/ *асушник / асучивать //*; (Математик – статистик объясняет врачу) Бывают математики-программисты/ а бывают *системщики*/

Относятся ли такие слова к РР? Следует ли их рассматривать, изучая РР? Отдельные слова такого рода (всегда с особыми оговорками) – мы включаем в наше исследование, ибо они образуются по моделям, действующим в РР, и могут употребляться в обычных непрофессиональных разговорах.

Раздел II

ИМЯ

НОМИНАТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Номинативное словообразование обнаруживается преимущественно в сфере производства имен существительных, что вполне естественно, так как имя существительное "наиболее номинативная" часть речи.

СУФФИКСАЦИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Среди имен существительных в словообразовании РР наиболее богато представлены наименования имен лиц и предметов.

Имена лиц[22]

Отсубстантивные имена лиц

Для РР характерны отсубстантивные образования – наименования лица по предмету, как-то с ним связанному. В их образовании чаще всего используются суфф. *-ник, -чик-/-щик, -ец.*

Такие слова могут обозначать:

1) Лицо по месту пребывания: *санаторщик, турбазник, пансионатчик, стадионщик.* Например: Интересно/ где гуляют *пансионатчики*?; Ты думаешь это были *турбазники*?

2) Лицо по месту работы или учебы или по принадлежности к какому-

[22] Об экспрессивных типах имен лиц см. в разделе "Экспрессивное словообразование".

либо коллективу. В РР особенно продуктивны производные от аббревиатурных названий разного рода учреждений, обществ, вузов, научно-исследовательских институтов и т.п. Нейтральные наименования создаются с помощью суфф. *-ец* и интерфикса *-ов-*, экспрессивно-сниженные – с помощью суфф. *-ник* и интерфикса *-ш-*, например: *филфаковец, инъязовец, педфаковец, миитовец* (от МИИТ), *майовец* (от МАИ); *эмгэушник* (от МГУ), *гаишник* (от ГАИ), *фэээушник* (от ФЗУ), *пэтэушник* (от ПТУ), *фэпэкашник* (от ФПК – факультет повышения квалификации) и т.п.

Несколько иллюстраций производных с разными суффиксами:

Я там видел студентов/ тоже *университетчики*/ но другие факультеты//; А. Ты с кем в кино ходил? Б. *Секторальники* ходили//; У них была встреча с *миитовцами*//; Он *истфаковец*//

При производстве подобных слов может действовать установка на каламбурное осмысление имени. Например: Они сами называют себя *строгачи*// (поясняет) Из Строгановского училища// (ср. *строгач* – строгий выговор); Он *мехматянин*// (это образование вызывает ассоциации со словами типа *инопланетянин, марсианин* и т.п.; ср. производное по иной модели: *мехматовец*).

3) Лицо, характеризуемое пристрастием к тому, что названо производящей основой. Среди таких слов есть существительные узуальные (типа *лошадник, собачник, кошатник, грибник, бабник* и под.) и более или менее индивидуальные: *телефонник, транзисторщик, кавээнщик* (от КВН – "Клуб веселых и находчивых").

Например: Вася у нас *телефонник*// По два часа разговаривает//; Надоели мне *транзисторщики*//; Он заядлый *кавээнщик*// (любит смотреть передачи КВН).

Особую группу таких производных составляют наименования – качественные характеристики, создаваемые на основе переносных значений существительного или на основе существительных, имеющих не конкретно-предметное значение (например, *интрижник, резинщик* – от *резина* в значении 'нечто легко растяжимое, тянущееся', соответственно, *резинщик* – 'тот, кто любит тянуть резину', 'любитель канители, медлитель'): (отец, глядя, как сын долго и медленно зашнуровывает ботинки) *Резинщик* ты// Побыстрее не можешь?; Она жуткая *интрижница*//; Я не люблю с ним иметь дела// Он *резинщик*//

Другую активную группу составляют отсубстантивные существительные с суфф- *-ник* со значением 'любитель есть то, что названо производящей основой': Мяса я не ем// Я *овощница*//; Оказывается вы все *дынники*// А я/ *арбузник*//; Ну Нинка! Ты *конфетница*!; Я *рыбница*/ а муж мой/ *мясник*//; У нас вся семья *картошники*//; Мы все *клубничники*// Обожаем ее//; Наши соседи *геркулесники*// (от названия крупы "геркулес").

4) в РР используются наименования лиц по профессии, отличающиеся от официальных номенклатурных обозначений, иногда они создаются в тех случаях, когда официального обозначения нет. Производящая основа обозначает предмет (в самом широком смысле), составляющий "ядро" профессии. Чаще всего при этом используются суфф. *-ник* и *-щик*, реже

-ист, -тель и некоторые другие. Наименования лиц по предмету их профессиональных занятий свойственны и КЛЯ. Отличие РР состоит в том, что в ней имеется: а) своеобразный набор производных, создаваемых помимо номенклатурного списка профессий, по мере надобности, часто по требованию данной ситуации; б) такие слова чаще строятся из русских морфем, тогда как синонимические слова КЛЯ нередко содержат заимствованные морфемы[23].

Среди производных слов – наименований лиц по профессии для РР наиболее характерны такие, в которых лицо называется по объекту деятельности (в широком смысле этого слова), например: продавцы именуются по предмету торговли (*арбузник, картошник, мясник, молочница* и т.п.), ученые – по объекту исследования, врачи – по наименованию больного органа или болезни, которые они лечат (чаще всего это отсубстантивные существительные с суфф. *-ник, -чик/-щик*). Несколько примеров: Антон *осадочник*// (поясняя) он занимается осадками//; Ему бы следовало *почечнику* показаться//; Он *туберкулезник*? – Нет/ *сердечник*//; Тебе к *полиартритчику* надо пойти//; К *сердечнику* запишись//. Показательны в указанном отношении наименования профессий, бытующие в среде авиаконструкторов, которые могут быть истолкованы формулой "специалист по тому, что названо производящей основой": *насосник, фюзеляжник, приводник, крыльевик, шассист, приборист, авиапилотчик, двигателист*[24]. Отметим, что существительное *двигателист* содержит необычную для КЛЯ последовательность суффиксов: *-тель + ист; авиапилотчик* произведено от слова *авиапилот*, которое само могло бы обозначать лицо. Ср. также наименования, бытующие в среде геологов и географов: *четвертичник, третичник* (специалист по четвертичной, третичной геологии). Приведем пример, показывающий различие между официальными и бытовыми названиями профессий: (разговор двух старых знакомых) А. Ты кто? Б. *Пыльцевик*// (поясняет сам) Официально называется/ специалист по спорово-пыльцевому анализу//

В качестве объекта профессиональной деятельности может выступать также наименование сферы деятельности: *прочнист* (кто производит расчет на прочность), *флатторщик* (специалист по флаттору; флаттор – вид колебаний); *эксплуатационщик* (специалист по эксплуатации), *реализационщик* (специалист по реализации), *эффективщик* (специалист по эффективности).

Наименования лиц по объекту деятельности могут быть и не быть названиями профессий, например: Я стала прекрасной *винегретчицей*// Вкуснее моего винегрета нигде нету//

---

[23] Ср. такие пары, как *глазник–окулист, ушник–отоларинголог, сердечник–кардиолог, иглотерапевт–иголочник, словообразователь–дериватолог, видовик–аспектолог, разговорник–коллоквиалист, ударенщик–акцентолог, ихтиолог–рыбник, орнитолог–птичник.*

[24] Благодарю за эти примеры А.М. Плунгяна. Характеристику имен лиц–названий профессий, используемых в разговорной профессиональной речи металлургов, см. в работе: *Полякова И.М.* Процессы включения в словообразовании и лексике . . . , с. 18–22.

Гораздо реже среди отсубстантивных наименований лиц по профессии встречаются такие, ономасиологическая структура которых включает наименования о р у д и я в широком смысле (инструмент, средство, прибор). Это слова типа *иголочник* – 'врач, который лечит иголками' (официальное название *иглотерапевт*), *трáвник* – 'врач, который лечит травами'. Ср. общелитературные *комбайнер, тракторист.*

Не часты также наименования по м е с т у работы: *базист* (от база), *складист* (от склад), *кабинщик* (от кабина).

Названия лиц по профессии могут представлять собой номинации, бытующие среди лиц данной специальности (см. выше названия авиаконструкторов и лингвистических специальностей)[25], и номинации, используемые людьми, которые не принадлежат к данной профессии, но так или иначе сталкиваются с ее представителями. Например: Это ваша *укóльщица* приходила? (о медсестре, которая делает уколы); К ним *помоешник* приезжает//; Наш *мусорщик* всегда в одно время бывает// (человек, который вывозит мусор со двора).

5) Названия лиц по больному органу или по названию болезни, обозначенному производящей основой – отсубстантивные имена существительные с суфф. *-ник, -чик/-щик, -ик*: Все *инфарктники* поправились/; Она же не *гипертоничка*//; Вася *почечник*//; В том отделении много *радикулитчиков*//; – Вы купаетесь? – Нет/ я же *радикулитчик*//; Наша соседка *щитовидница*//; Вот видите как резко меняется температура/ а *сердечники* очень страдают//. Такие слова могут совпадать по строению с названиями врачей-специалистов в той или иной области: сердечник –1) врач и 2) больной; почечник – 1) врач и 2) больной и т.п.

Кроме рассмотренных семантических подтипов в РР постоянно образуются отсубстантивные существительные–названия лиц, каким-то образов связанных с тем, что обозначено производящей основой: Тут один *половинщик* приходил// (владелец половины дачи); Это пища для *диетчиков*// (лиц, находящихся на диете); Ты разве не знала что он *алиментщик*? (тот, кто платит алименты); Этот скульптор/ такой *гротескник*! Мне понравился//; (гость, входя в дом) А где же *день-рожденница*?

Отглагольные имена лиц

В РР функционируют разные виды отглагольных существительных – наименования лиц по действию. Это может быть действие, характерное для лица (тогда производное слово выступает как характерологическая номинация), или просто выполняемое им в данный момент, действие

---

[25] В таком случае – они принадлежность профессиональных жаргонов, откуда могут проникать в РР. Особенно часто производные имеют суфф. *-ник* и *-щик*: (из речи химика) Я ведь *адсорбционщик*// (специалист по адсорбции); Он *вероятностник*// (специалист по теории вероятности); У нас новый *системщик*// (специалист по системам математического обеспечения); Там выступал один *тарелочник*// (специалист по летающим тарелкам); А *программники-то* где собираются? (о людях, составляющих программу для школы); Я вам подыскала *иголочницу*// (о враче, который лечит иглотерапией); (работник библиотеки) Я *рефератчиков* никого не знаю// (кто пишет реферат); Она *гобеленщица*//

профессиональное или непрофессиональное. Специфическая особенность РР состоит в том, что в ней свободно образуются наименования лиц по действию, актуальному для данного акта общения, но которое не является ни типической характеристикой, ни профессиональным занятием лица. Наименования такого рода не свойственны КЛЯ[26]. Например: Ко мне *поздравляльщики* приходили/ помнят о моем дне рождения//; (шутливо – ребенку) Зажги-ка свет// Ты ведь у нас *зажигальщик*?; Лиза главный *нумеровальщик*// (нумерует листы в альбоме); Пока я болел/ моя *заменяльщица*/ аспирантка/ занятия вела//

Наиболее продуктивны в такой функции существительные на *-льщик*. Вот пример – слово *читальщица*, показательный в том отношении, что от глагола *читать* имеются узуальные производные с иными суффиксами, наделенные другими значениями: (в комнате несколько человек, женщина читает вслух; входит А. – шепотом, чтобы не помешать) А кто эта *читальщица*? (ср. *читатель* библиотеки; *чтец* – 'лицо, профессия которого выступать с публичным чтением', *чтица* – 'человек, которого нанимают для чтения').

По нашим наблюдениям, для РР менее характерны наименования по профессии, ономасиологическая структура которых содержит название профессионального действия (типа принятых в КЛЯ *фрезеровщик, копировщик, проектировщик, раздатчик, разносчик* и т.п.). Возможно, что наименования по действию в РР более характерны для рабочих профессий.

Для разговорных существительных показательна тесная связь с глаголом; при этом в структуре имени сохраняются показатели глагольного вида, обычно – несовершенного. Для РР характерны имена типа *доставляльщик*, сохраняющие соотношение с формой несов. в. глагола *доставлять* (при узуальном *доставщик*, соотносительным с *доставить – доставлять*, т.е. когда связь с формой определенного вида не выражена). Вот типический диалог, показывающий функционирование таких слов в РР: (разговор по телефону с почтой). А. Мне пришла телеграмма// Не могли бы Вы ее прочесть? Б. Ее у меня нет// Я могла бы прочесть когда вернутся *доставляльщики*//

Наиболее пригодны для сохранения такого соотношения с глаголом существительные на *-льщик, -льщица*. Вот еще несколько иллюстраций: Там (в прачечной) новенькая *выдавальщица*/ а *получальщица*/ старая// (ср. официальное: *приемщица*); Предоппонирование идет/ мои *выступальщицы* сидят/ ждут// (ср. *рецензенты*); А где же *раздевальщик*? (ср. *гардеробщик*); (иронически) Сегодня мои *посещальщики*/ господа аспиранты/ опоздали минут на десять//; Там много *возражальщиков* было//

Слова на *-льщик* могут служить качественными характеристиками лица по действию: Она по природе своей *надрывальщица*//; Он жуткий *опоздальщик*//; Она такая *тянульщица*!

---

[26] Ср.: *Санджи-Гаряева З.С.* Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи. В кн.: Вопросы стилистики, вып. 7, Саратов, 1974.

Кроме указанного типа отглагольных имен лиц, в РР обнаруживают продуктивность имена существительные с другими суффиксами, выступающие преимущественно как слова-характеристики, а не как нейтральные наименования лица по действию.

Среди таких существительных есть слова разной семантики.

Производные на *-тель* в РР часто используются в интеллигентской речи как шутливые иронические наименования лиц по выполняемому им действию:

Он такой *нагнетатель* и такой пессимист/ ужас просто//; Л. Зачем ты согласился-то? Д. (шутливо) Это я под натиском *обсуждателей*//; Б. А меня сегодня лаяли// В. Кто лаял-то? Б. Да у них там все *лаятели*//; Он ведь *распознаватель*// От него не укроешься//. Этот тип существительных не включает в качестве семантического компонента ту или иную оценку действия. Слова на *-тель* могут служить и положительными, и отрицательными характеристиками действия.

Другие типы отглагольных производных содержат к качестве обязательного компонента семантики отрицательную оценку действия. Таковы существительные на *-ла* (*-ала, -ила*). Они используются для наименования лиц по действию, отрицательно оцениваемому говорящими. Среди таких слов есть существительные узуальные (типа *объедала*[27], *мазила, надувала, надоедала, судила, зубрила, заводила, дрыхала*) и существительные, реализующие потенции этого типа (*приставала, скулила* и т.п.). Несколько примеров: Р. Дай 10 копеек! М. (ребенку) Надоела ты мне// Ты прямо *клянчила* какая-то//; А. Определенно я проем все свои туфли на пирожные// Б. *Проедала*//; Она противоположна этому *ковыряле*//; (футболисту-мальчишке) Эй! *Мазила*! Лучше домой иди/ чем так бить//;

Существительные этого типа могут использоваться как средство шутки: Ты у меня *прибирала*/ а я буду *покупала*// Согласна?; А. Где покупки твои? Б. Я же у тебя *прибирала*//; А кто же у вас выступает? – У нас есть специальные *выступалы*//; А. Чего ты развопился? Б. Чтобы показать какой я// А. (иронич.) Какой *вопила*//

Особенность основ этого типа состоит в том, что они могут сочетаться с модификационным суфф. *-к-* (ср. *зубрила – зубрилка, проверяла – проверялка*), что не свойственно другим типам отглагольных имен лиц. В некоторых случаях, однако, слова на *-лка*, по нашим наблюдениям, не имеют параллельных образований на *-ла*. Например: *Брюзжалка* он/ чего от него ждать//; Наш сосед/ *шипелка*// Вечно на всех шипит//; Я не люблю эту девочку// Она *дразнилка*//; Вы знаете/ она же *хваталка*// Думает / только бы ухватить побольше//; Она по натуре *щадилка*//; (о собаке) А. Почему она лает? Б. Она просто *гавкалка*//; Эх ты! *Опоздалка*//!

Ср. названия лиц по профессии: (в кинотеатре) Только одна *проверялка*// Неужели нельзя еще поставить?; А где же ваша *кололка*? Пора бы уж! (о медсестре).

[27] Ср. в письме А.П. Чехова к О.Л. Книппер: "Бедная женщина, иметь такого мужа *объедалу*!" (15 окт. 1903 г.).

Еще более сниженный и экспрессивный характер имеют отглагольные имена лиц на *-х(а)*, *-ох(а)* типа *растеряха, забываха, распустеха, выпивоха,* например: Зачем тебе ходить *распустехой*?; Ты разве не знаешь, что он *выпивоха*//; А вы не забудете опустить письма? – Я не *забываха*//; (мать о дочке) Она у меня такая *растеряха*//; Она *пробивоха*!; (о человеке, который любит себя показать) Он же *вылезоха*/ это очень противно//; Она *неумеха*//

Такие существительные выступают только как слова-характеристики, называя лицо по отрицательно оцениваемому типическому для него действию. Существительные на *-ла, -ха, -оха* употребляются по отношению и к мужчинам, и к женщинам (т.е. относятся к категории общего рода) и образуются примерно от одного и того же круга основ. Ср. такие пары, как *забывала – забываха, растеряла – растеряха.*

Некоторые из производных на *-аха* имеют модификационные уменьшительно-ласкательные производные с суфф. *-к(а)*, перед которым происходит чередование *х/ш*: *растеряха – растеряшка, забываха – забывашка* и т.п.:

(бабушка внуку) Ну и *растеряшка* ты у меня! Собирай/ ищи свои игрушки!; Ты *забывашка*/ на тебя нельзя положиться//; Да ты *притворяшка*!

Только по отношению к лицам женского пола применяются слова на *-ушк(а)* – типа *болтушка* (от *болтать*), *вертушка* (от *вертеться*), *хохотушка* (от *хохотать*), которые называют лицо по действию, к выполнению которого данное лицо склонно. Подобные производные содержат оценочный элемент иного характера, чем слова на *-ла* и *-ха.* Им свойственна оценка доброй ласковости в соединении с мягким порицанием[28].

Особую группу имен составляют производные с суфф. *-ец* от глагольных основ, соотносительные с существительными на *-ение.* Такие слова в РР наделены специфической стилистической окраской, они как бы пародируют "серьезные" наименования лиц по сфере деятельности, специальности, свойственные КЛЯ (типа *просвещенец* – работник сферы просвещения, *снабженец* – специалист по снабжению)[29]. Разговорные слова подобной структуры представляют собой иронические или шутливые наименования лица по действию, хотя формально они связаны с именами существительными на *-ние*: (шутливо) Они все *разложенцы* и *пресыщенцы //;* Это кто? *Повышенцы*? (слушатели курсов повышения квалификации); Ср. производное *благодаренцы*, при котором нет производящего "благодарение": Мало у нас книг/ боюсь и *благодаренцам* не хватит//; (шутливо) Вы сегодня *обсужденец*?

---

[28] Другой разряд наименований лиц женского пола на *-ушка* составляют отадъективные производные типа *толстушка, дурнушка, грязнушка.* Число их в РР невелико. Слова этого типа используются и для названия животных (*пеструшка* – о курице и т.п.).

[29] В КЛЯ такие слова нередко несут печать канцелярского слога и поэтому используются как средство иронизации – в фельетонах, сатирических рассказах (например, у Ильфа и Петрова). Ср., например, название юморески *"Разведенцы"* (газ. "Ригас Балсс", 12 авг. 1977 г.).

Имена предметов

Значительную часть наименований предметов в РР составляют отглагольные производные, которые называют предметы по их функции[29]. Особенно широко употребительны в РР наименования предметов, производимые от глагольных основ с помощью суфф. *-лк(а)*[30]. Такие слова, как правило, обозначают предмет по действию, для которого он предназначен (инструмент или средство), т.е. по их основной функции: *сбивалка* – венчик для сбивания крема, сливок и т.п., *сушилка* – прибор для сушки чего-нибудь (посуды, волос); *посыпалка* – то, чем посыпают, *цедилка* – ситечко, через которое цедят.

Этот словообразовательный тип обнаруживает высокую продуктивность: Нам надо две *клейлки*// (о тюбиках с клеем); Я в Риге буду грибы солить// У меня там банки/ *закатывалки*//; Может убрать эту *хваталку* со стола? (сковородник); Мне нравится как Карлсон летает/ а фрекен Бок его *выбивалкой*//; М. Починить тебе карандаш? А. Почини! Я честно говоря не выношу чинить карандаши! М. Даже такой хорошей *вертелкой*? (о приспособлении для точки карандашей); (ищет ланцет, которым подчищала рукопись) Где *скоблилка*? *Скоблилка* где?; (в магазине) В. Смотрите какие *надевалки* удобные// А. (вопросительно смотрит) В. (поясняет) Ботинки надевать/ металлические//; – Вам что́ нужно? Ведь есть *взбивалка* и есть *мешалка*// Вот у меня только *мешалка*//; У вас есть эта *ме́рилка*? (об аппарате для измерения кровяного давления); (о деревянном крюке) Наш сосед сделал себе *вытаскивалку*/ из ванных вылезать//; (о детских игрушках) Сейчас ты знаешь/ *брызгалки* опять в моде//; (о лекарстве) Ведь эти спиртовые *втиралки* тоже помогают//; Мы сделали такую *отключалочку*/ когда спишь/ телефон отключить можно//

Подобные слова могут обозначать различные предметы, выполняющие одну и ту же функцию. Так, слово *мазилка* может обозначать мазь-лекарство, кисточку, крем для намазывания лица: Зря я видно этой *мазилкой* лечилась// Не помогло// (о лечении втиранием); А где *мазилочка*? (о кисточке); А. Дай мне эту *мазилку*// Б. Какую? А. Хлорофилловую// (о креме для лица).

Такие слова могут уточнять родовое название предмета: Видишь огонек? Это *маяк-мигалка*//; У нас есть *тряпки-хваталки* и *тряпки-вытиралки*//; У нас *умывальник-хлюпалка*// А у Вас?; Я не люблю *конфеты-сосалки*//

Ср. диалог, который ясно показывает, как создаются такие слова: (двое готовят тесто, Л. родом из Сибири, Б. из Москвы) Л. У Вас *раскаталочки* нету? Б. Нет/ Это вы нарочно или есть такое слово сибирское?

---

[30] Ср. замечание Д.Н. Шмелева: "Следует обратить внимание на то, что все или почти все названия предметов, созданные человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации" (*Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., "Наука", 1973, с. 234). Наблюдения Л.А. Капанадзе над семантикой и функционированием таких существительных см. в книге: Русская разговорная речь, 1973, с. 441–442.

Л. Нет/ Это я придумала// Забыла как эта штука называется// Б. Я тоже// (вспоминает) скалка!

Некоторые существительные на *-лка* имеют сниженные варианты на *-шка*: *открывалка – открывашка, закрывалка – закрывашка.*

Кроме инструмента и средства действия, слова на *-лка* могут обозначать помещения по действию, для которого оно предназначено: *раздевалка, читалка, переобувалка* (на катке), *сушилка* (комната для сушки белья), *парилка* (в бане), *переодевалка* (на пляже).

Другая группа существительных на *-лка* обозначает предмет не по действию, для которого он предназначен, а по действию побочному, но характерному для предмета и обычно нежелательному[31]. Слова этого типа содержат экспрессивную отрицательную оценку предмета[32]: Сегодня не было этих *тарахтелок*// (о катерах в море); Опять свои *стукалки* надела// (о босоножках на деревянной подошве); Мы отправились вниз по реке/ на какой-то *дрызгалке* такой// На катере//; (о гитаре) Надоела твоя *бренчалка*//; (разговор о погоде и низких, давящих облаках) А. Мама говорит/ дышать нечем// И когда же кончится эта *давилка*? Л. (подхватывая) Вот уж *давилка* так *давилка*//

Особую группу отглагольных производных в РР составляют слова, имеющие формант *-ловк(а)*, следующий после глагольной основы на гласный. Такие слова могут обозначать помещения или учреждения (по действию с ним связанному): *спасаловка* (спасательная станция), *забегаловка* (учреждение, куда "забегают", чаще всего, чтобы выпить), *тошниловка* (плохая столовая).

Отметим, что одни и те же структуры "глагольная основа + суфф. *-л(а)*" или "глагольная основа + суфф. *-ушк(а)*" используются для называния лиц и не-лиц (предмет, явление и т.п.). Производное приобретает то или иное значение в зависимости от семантики глагола. Если глагол обозначает действие, свойственное только человеку, то производное имеет семантику лица (*щадилка, зубрилка; хохотушка*), если глагол обозначает действие, которое не может выполнять человек, производное имеет предметное значение. Однако существует довольно большой разряд глаголов, которые обозначают действия, свойственные и человеку, и предмету. Их производные могут обозначать лиц и не-лиц. Так, существительное *вертушка* в РР обозначает лицо женского пола, которому свойственно вертеться, и крутящееся устройство для прохода (в КЛЯ турникет). Ср. также такие отглагольные существительные, как *дразнилка*: 1) человек, 2) стихи или песенка, которыми дразнят; *шипелка*: 1) человек, который часто шипит – в перен. знач., 2) инструмент, который издает шипение. Специфическое соотношение значений лица и предмета имеет слово *болтушка*: 1) человек – активный производитель действия *болтать* – разговаривать; 2) предмет – пассивный объект действия болта-

---

[31] См.: *Санджи-Гаряева З.С.* Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи (имя существительное). Канд. дис. М., 1974.

[32] Ср. запись из дневника: Некогда купить себе приличных перьев, пишу какими-то *царапалками*.

ния, 'то, что создано болтанием' (род пищи; лекарство, которое надо взбалтывать).

Подчеркнем, что если лицо или предмет названо по действию, которое составляет его типическую функцию (т.е. для которой предмет предназначен), то оно обладает меньшей экспрессивностью (ср. *открывалка, мигалка, держалка*). Если же лицо или предмет названо по действию побочному, действию-характеристике, соответствующее обозначение является, как правило, экспрессивным (ср. *тарахтелка, дымилка, бренчалка*).

Иные деривационные значения

У существительных высокую продуктивность обнаруживают, кроме описанных выше, словообразовательные типы, имеющие некоторые другие деривационные значения. Охарактеризуем основные из них:

Женскость – наименования лиц женского пола соотносительные с существительными, обозначающими лиц мужского пола. В РР, для которой столь характерно личное общение, не свойственно называть женщину словом м.р., что распространено в КЛЯ[33]. В РР обычно говоря о женщине, употребляют существительные ж.р. (см. об этом в гл. "Морфология"). Это обстоятельство приводит к тому, что в РР женские соответствия образуются очень активно не только от существительных м.р. с суфф. *-ник, -чик/-щик, -тель* (что свойственно и РР, и КЛЯ[34]), но и от существительных м.р. иной структуры.

В РР высокой продуктивностью обладает суфф. *-к(а)*, который образует не только слова, общие для КЛЯ и РР (типа *артистка, москвичка, ленинградка*), но и открытые (незамкнутые) ряды образований на *-ка* от названий лиц по профессии, должности и слов-характеристик, некоторые из которых имеют жаргонный характер: *физичка, историчка, математичка, оппонентка, рецензентка, целевичка*; с оттенком вульгарности или грубоватости: *снобка, пижонка, тунеядка, склеротичка, халдейка, ловкачка, шефка, завка* и под.

Например: Я об этом рассказала своей приятельнице/ *литературоведке* такой//: Она страшная *снобка*!; Тебе нравится эта *пижонка*?; У нас новая *историчка*//

При большой непринужденности отношений между говорящими, а также при установке на экспрессивность – в ход идут сниженные экспрессивные суфф. *-ш(а)* и *-их(а)*, обладающие в РР высокой продуктивностью. Если в КЛЯ функционируют лишь отдельные лексемы с этими суффиксами (*купчиха, щеголиха, портниха, трусиха*; *маникюрша, лифтерша, кондукторша* и нек. др.), то в РР данные суффиксы производят открытые ряды слов типа *докторша, деканша, профессорша, дирижерша,*

---

[33] Ср. фразы типа: В нашей школе много опытных учителей: Семенова, Иванова, Кучерова, Топорова (Из газет).

[34] От существительных м.р. с суфф. *-ник, -чик/-щик, -тель* женские соответствия образуются с регулярностью форм слова и в КЛЯ и в РР: *художник – художница, раздатчик–раздатчица, раздевальщик–раздевальщица, председатель–председательница, писатель–писательница* и т.п.

клоунша, руководительша, шоферша, рецензентша, оппонентша; *сторожиха, дворничиха, врачиха, деканиха, маляриха, оппонентиха, рецензентиха* и под.

Существительные с суфф. *-ш* (а) в современной РР обычно обозначают женщин по специальности, должности, профессии. Слова типа *профессорша, директорша, клоунша* и т.п. будут, как правило, поняты как обозначения женщин по профессии. Однако слова на *-ша* сохраняют возможность обозначать и жен по должности мужа (*генеральша, офицерша* и т.п.), что было свойственно подобным образованиям ранее. Поэтому в современной РР иногда возникают недоразумения типа: А. У меня есть знакомая *майорша*// Б. Жена майора что ли? А. Нет/ она сама майор//; Л. Со мной рядом живет *профессорша*// В университете преподает// И. А я думал у нее муж профессор//

Образования с суфф. *-ш(а)* и *-их(а)* отличаются в самой РР окраской стилистической сниженности и грубоватости, а слова на *-иха* и некоторой вульгарностью. При этом действует такая закономерность: если слово обладает высокой употребительностью, то степень его снижения и грубости убывает, как бы выветривается. Так, существительное *врачиха* менее грубо, чем *деканиха* или *оппонентиха, кондукторша* менее снижено, чем *режиссерша* или *дирижерша*. Вот некоторые примеры:

-ш(а): *Докторша* наша приходила//; *Деканша* рассвирепела. . .//; У этой *дикторши* голос приятный//; Какая *секретарша* модная//; *Кассирша* эта быстро считает//; *Бухгалтерша* наша уходит на пенсию//; *Контролерша* медленная такая//; Этого у других *деканш* не было//; Моя *гомеопатша* свистулька//; Она ведь моя *соавторша*//; Первый раз вижу *дирижершу*//; Там в гостях была одна *клоунша*//.

-их(а): Моя *врачиха* говорит . . .; Я в понедельник вызвал *врачиху*//; Я встретил нашу *дворничиху*//

А вот ряд индивидуальных производных на *-иха*: Мне *глазниха* рецепт выписала//; У вас хорошая *зубниха*?; *Деканиха* заболела//; (шутл.) Она явно не *борциха*//

При отсутствии узуального слова характерны колебания типа: *Послиха* . . . или *послица* . . . как это лучше сказать?

У некоторых говорящих пристрастие к производным такого рода столь велико, что они образуют их и от тех основ, которые имеют узуальные производные с другими суффиксами: У него *руководительша* ведьма// (ср. руководительница); Эта *председательша* прямо меня за рукав схватила/ стала рассказывать про Ольгу// (о председателе жилкооператива); Эта тетка/ прямо *фашистиха*! (ср. фашистка); *Экскурсоводиха* нам не понравилась (ср. *экскурсоводка*); *Оппонентиха* никак отзыв не дает// (ср. *оппонентка*); А мне понравилась ваша *рецензентиха*//

И, наконец, для образования названий лиц женского пола могут использоваться суфф. *-ин'(а)*, *-иц(а)*, заимствованные *-ес(а)*, *-ис(а)*, которые в КЛЯ непродуктивны. В РР эти суффиксы обнаруживают известную продуктивность[35]. С их помощью создаются производные от основ, к

[35] Ср.: *Санджи Гаряева З.С.* Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи, с. 27-28.

которым присоединение других суффиксов затруднительно (например, от основ на *-лог-* производные типа *геологиня, филологиня, онкологиня,* от основ на *-атр-* типа *психиатресса;* ср. общелитературное *стюардесса*). В КЛЯ они не приобрели прав гражданства[36]. Подобные образования в РР делят сферы влияния с производными на *-ша* и *-иха*. Они лишены оттенка грубоватости или вульгарности, им свойственна окраска некоторой шутливости, а подчас и манерности. Часто они употребляются с оттенком уважительности. У разных говорящих имеется пристрастие к разным средствам образования имен лиц женского рода. Одни грубоватость предпочитают манерности, другие, стремясь избежать вульгарности, создают производные на *-иня*[37], *-есса, -иса, -ица*:

Как твоя *шефиня*?; Где же ваша *йогиня*?; Она кажется *филологиня*//; У меня есть знакомая *геологиня*//; Л. Пойду завтра пол-одиннадцатого платок покупать// Такой . . . *хирургине* этой в подарок[38]; Моя *шефиня* хочет к нему притулиться//

Показателен шутливый диалог, в котором один говорящий приходит на помощь другому, создавая шутливое слово *режиссересса*: А. На сцену поднялись русский режи. . . (замялся, колеблется) русская. . . Б. (подсказывает) *режиссересса*// А. (подхватывает) *режиссересса* Галина Волчек . . . ; У меня есть знакомая *хирургесса*//; Это тебе *кадресса* велела?; Я знал одну *психиатрессу*//; У нее руководительница/ одна *профессоресса* из МГУ//; А. Он что? знает что ли английский? Б. Да/ разговаривает даже// А. С кем? с композиторами? Б. С *композиторессами* скорее//; К нам приходила одна *критикесса*//[39]; У нас новая *директриса*//; (иронич.) А кто эта *авторица*?; У нас доктор или *докторица*?; Это рассказывала/ знаешь/ *авторица* этого учебника//

Таким образом, в РР функционируют многочисленные ряды разносуффиксных однокоренных образований, служащих наименованиями женщин, типа *экскурсоводка, экскурсоводиха*; *оппонентка, оппонентша, оп-*

---

[36] Ср. Отрицательную оценку таких слов в критической статье: "Журналистке, критику, или вернее "*критикессе*" – есть такое не очень благозвучное словечко – легко писать о деловой женщине . . . "*Критикесса*", "*геологиня*", "*шефиня*" – уже сами эти новообразования говорят о некоей парадоксальности явления. Слова рассчитаны, как видим, на мужской род и в женском выглядят *довольно нелепо*" (выделено мною – *Е.З.*) (Лг., 5. IX. 79.).

[37] Производные на *-иня* отличаются от продуктивных в РР однокоренных слов типа *историчка* по значению: *историчка* – учительница в школе, *историня* – женщина-специалист по истории (научный работник, студент, аспирант), см.: *Санджи-Гаряева З.С.* Указ. соч.

[38] Ср. в периодической печати и художественной литературе, которая стремится отразить живую разговорную речь: ". . . *онкологиня* . . . примеряла новенькие сапожки" (Лг., 21. VII. 76); "Я пошел к анестизиологу. Больной совсем хорошо. Дай-то бог. Мы не успели договориться, чем бы эта милая *анастезиологиня* могла нам помочь". (Ю. Крелин. Хирург).

[39] Подобное явление наблюдается во французской разговорной речи, в которой "встречаются некоторые формы женского рода личных существительных, не воспринятые современной литературной нормой. Так, например, литературным формам мужского рода chef, laideron, peintre соответствуют фамильярно-просторечные формы chefesse, laideronne, peintresse". (*Морен М.К., Тетеревникова Н.Н.* Указ. соч., с. 35).

понентиха; *руководительница, руководительша; шефша, шефиня*; *деканша, деканиха*. Их использование регулируется ситуацией общения (в нейтральной обстановке производные на *-иха* и *-ша*, кроме отдельных особенно высокоупотребительных слов типа *лифтерша, врачиха, кондукторша*, обычно не используются), а также личными вкусами и языковыми привычками говорящих. Следует добавить, что если слова на *-ш(а)* функционируют параллельно словам на *-к(а)*, то в отдельных случаях между ними нет резкой стилистической разницы: *пижонка–пижонша, кандидатка–кандидатша*. В тех же случаях, когда слово на *-к(а)* является менее употребительным, оно, как правило, несет отпечаток более резкой стилистической сниженности (*малярка* по сравнению с *маляриа, учителка* по сравнению с *учительша* и *учительница*). В таких рядах слово на *-к(а)* стоит на границе литературной РР и внелитературных сфер. Ср. индивидуальные уничижительные: *завка, шефка*.

Единичность. Высокая употребительность в РР существительных со значением единичности объясняется часто необходимостью в обычном бытовом общении выделить один предмет из многих подобных. Выражая семантику единичности в пределах слова, такие существительные представляют собой более удобные и компактные средства обозначения, чем сочетания с числительными *один*, или со словами типа *одна шутка, одна ягода* чего-либо и т.п. Кроме того, не все разряды существительных сочетаются с числительными. Так, существительные вещественные не сочетаются с числительными (сочетания типа *три лапши, два изюма, один инжир* могли бы обозначать количество порций или представлять собой эллиптические конструкции с пропуском слов типа *килограмм, грамм*). Поэтому именно существительные вещественные нуждаются в первую очередь в передаче значения единичности[40]. Наиболее активное средство передачи значения единичности в РР суфф. *-ин(а)*[41], который присоединяется к существительным вещественным – наименованиями сортов, видов съестных продуктов, лекарств, сигарет и т.п.: *урючина, инжирина, изюмина, макаронина, беломорина, кентина* (название сигарет), *этазолина* (*этазол* – название лекарства), *салатина* (один лист салата).

Несколько примеров: Возьми себе *грильяжину*//; Передай *зефирину* (зефир, грильяж – сорта конфет); Помой штуки три *свеклины*; Сидит с *беломориной* в зубах//; Передай мне *кентину*//; Ему дали *пилюлину*//; Утром мне дают целую *гемитонину*/ а вечером половинку// (гемитон –

[40] Отметим, что сочетания типа *один изюм, одни макароны* имеют значение не единичности, а исключительности (*один* имеет значение "только"), например: Я купил один изюм/ а про чернослив забыл//

[41] Высокую активность суфф. *-ин(а)* в бытовой речи сельского и городского населения б. Нижегородского края отмечает Л.А. Климкова. См.: *Климкова Л.А.* Существительные со значением единичности. – Филол. науки, 1979, № 5, с. 76–82. Соглашаясь с мнением автора о том, что сингулятивы на *-ин(а)* более широко продуктивны в разговорной речи, чем в КЛЯ, отметим, что, по нашим наблюдениям, они легко образуются и в речи высокообразованных носителей литературного языка, никак не связанных с диалектами. Таким образом сингулятивы на *-ина* составляют общую особенность литературной РР, городского просторечия и диалектов, при несколько меньшей продуктивности этого разряда лексики в литературной РР, чем в просторечии и диалектах.

название лекарства); Можно мне *инжирину*?; Хотите *челночину*? (сушки сорта челнок).

В РР значение единичности может быть передано также производными с суфф. *-к(а)*: *шоколадка, мармеладка, карамелька, ириска, морковка, свеколка.*

– Вон *шоколадка* на окне/ это тебе//; Возьми *мармеладку*//; Съешь *карамельку*//

Этот способ производства сингулятивов менее продуктивен. Существительные на *-к(а)* могут совмещать значение единичности со значением уменьшительности, а существительные на *-ин(а)* – со значением увеличительности.

Собирательность. Существительные со значением собирательности наиболее активно образуются от основ существительных и прилагательных с помощью суфф. *-j-* и системы флексий ср. рода (с ударением на флексии): *ребята–ребятьё, матрос–матросьё, офицер–офицерьё.* Такие слова нередко наделены экспрессией грубоватости и употребляются лишь в обстановке большой раскованности. Вот несколько примеров: (о группе детей) Что это там за *пацанье?;* Вот *болванье*!; Ну и *дурачье*! Не ожидал!; (индивид.) Собралось *аспирантье*/ знаешь/ Смирновское?

Среди словообразовательных средств РР особое место занимает суфф. *-к(а)*, функция которого оформлять слова как единицы РР в отличие от однокоренных слов КЛЯ. Этот суффикс присоединяется к основам существительных м., ж и ср. рода, формируя так называемые эквáты (термин В.Д. Девкина), т.е. слова, не отличающиеся по значению от однокоренных слов КЛЯ: *табурет–табуретка, стена–стенка, книга–книжка, сковорода–сковородка, кастрюля–кастрюлька, свеча–свечка, тетрадь–тетрадка, сельдь–селедка, морковь–морковка, колено–коленка.* В РР такие слова нейтральны. Попадая в КЛЯ, они приобретают стилистический оттенок легкой сниженности.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Исследователи отмечают малую употребительность в РР имен прилагательных в аттрибутивной функции[42]. Вместе с тем прилагательные нередко употребляются в составе неоднословных номинаций (типа *папин отъезд, автомобильные деньги*) и в функции предиката (характер у него *отвратительный*; пол *грязный*);

Как выполняет словообразование "заказ" синтаксиса и номинаций на имена прилагательные? В словообразовании прилагательных обнаруживают продуктивность различные типы отсубстантивных и отглагольных прилагательных. Среди прилагательных, являющихся чистой транспозицией субстантива в класс признаковых слов, есть такие, которые составляют принадлежность и РР, и КЛЯ (типа *лесной, апельсиновый* и под.), и такие, которые характеризуют именно РР (типа *отцов, мамин, Петин*).

[42] См.: *Столярова Э.А.* Распределение и функционирование грамматических классов слов в русской разговорной речи. Автореф. канд.дис., Саратов, 1972.

Кроме таких чисто относительных прилагательных, тяготеющих к функциональному сближению с формами косвенных падежей существительных (см. об этом в гл. "Морфология"), для РР характерны прилагательные, содержащие оценочный компонент в своей семантической структуре. Таковы многие типы отсубстантивных и отглагольных, как суффиксальных, так и префиксальных прилагательных (о префиксальных прилагательных см. ниже). Значительную часть таких оценочных прилагательных составляют образования, обозначающие различные признаки, свойственные человеку.

Рассмотрим специфические для РР типы продуктивных суффиксальных прилагательных[43].

1) Отсубстантивные прилагательные с суфф. *-ист-*, обозначающие похожий на то, наделенный свойствами того, что названо производящей основной' – *сквалыжистый, медведистый, лентяистый, апполонистый, мегеристый* и т.п. Например: Он приятный/ хоть и *медведистый*//; (о студентке) Она стала такая *мамашистая*// (т.е. уже не юная, а похожая на мамашу); Он *лентяистый*//; Он был очень *аполлонистый*,//; Он *танкистый*// (поясняет) В смысле/ как танк// Всех крошить будет//; Самый *корифеистый* был М.//; У нас *сквалыжистый* сосед//; Парень он *кавалеристый*//; Немножко такой легкомысленный/ *свиристелистый*/ но приятный//; Они *проходимистые*//; С нами вместе жили двое// *Бузотеристые*//; А. Она ну прямо Диана// Б. Ничего *дианистого* не вижу//; (разговор о спектакле) Там попик такой *ханжистый*/ *тартюфистый*// Ср. из письма: "Сын большой и *критиканистый* . . . "; Картина какая-то *мелодрамистая*/ стоило ли ходить? (о кинофильме)

Разговорные прилагательные с суфф. *-ист-* по характеру своего значения отличаются от прилагательных на *-истый*, свойственных КЛЯ. Последние обозначают –'наделенный в большом количестве тем, что названо производящей основой' (ср. *лесистый, гористый, болотистый*), тогда как разговорные этого значения не имеют. Так, *воблистый* – не означает 'содержащий много воблы', а имеет значение 'похожий на воблу', 'наделенный свойствами воблы', *кашистый* – 'похожий на кашу', 'наделенный свойствами каши'. Отметим, что такие прилагательные, как правило, основываются на переносных, метафорических значениях конкретных существительных, служащих для них базой (*медведь, каша, мамаша*), или используются существительные, которые имеют характеризующие значения (типа *сквалыга, лентяй, мегера, Аполлон* и под.).

Рассматриваемые прилагательные нередко употребляются в конструкциях, содержащих то существительное, которое послужило для них производящим. В таких случаях производится сопоставление мыслимого признака–эталона, свойственного данному предмету, и того, что наблюдает говорящий. Например: Этот *Днепр* совсем не *днепристый*//; Очень *костелистый* этот *костел*//; Какой *лимонистый лимон*!

Яркий качественный характер таких прилагательных обнаруживается в том, что они легко образуют формы сравн. степени и наречия: А. Ты

[43] Модификационные типы прилагательных рассматриваются в разделе "Экспрессивное словообразование".

очень верно о нем сказала// Действительно Пьеро// Б. И *пьеристей* не бывает//; Там официантки/ одна *мегеристей* другой//; А. У нее как с гемоглобином? Б. *Гемоглобинистей* не бывает//

Это очень *дифирамбисто*//; А. Ну как на ней платье сидит? Н. *Балахонисто*/ но красиво//

2) Отсубстантивные прилагательные с суфф. *-аст-*, означающие 'наделенный тем, что названо производящей основой, большого размера'. В качестве производящих обычно выступают существительные, называющие часть организма человека или животного: *ушастый, носастый, ногтястый, ногастый,* реже – другие имена существительные[44]. Несколько примеров: Девочка *ногастая*//; *Ушастый* щенок какой/ погляди!; У него/ не руки а ручищи/ очень *рукастый* человек//; Мне всегда попадаются *носастые*//

3) Отсубстантивные прилагательные с суфф. *-ат-* со значением – 'наделенный тем, что названо производящей основой'. Этот тип прилагательных имеет более узкий круг производящих основ, так как здесь могут использоваться основы только тех существительных, которые обозначают необязательную часть организма человека или животного, т.е. возможно *усатый, бородатый* (так как не все люди имеют усы или бороду), но нет таких прилагательных, как "глазатый", "ушатый" и под., ведь наделенность глазами или ушами не может быть отличительным признаком человека (скорее отсутствие таких органов может характеризовать человека)[45]. В тех случаях, когда прилагательное с суфф. *-ат-* образуется от существительных, обозначающих обязательную часть человека (волосы, зубы), оно обозначает "наделенный чем-то большого размера": *волосатый, зубатый* и под.

4) Отглагольные прилагательные с суфф. *-бельн-*[46], обозначающие 'пригодный для действия, названного производящей основой'. Такие прилагательные имеют шутливый характер. Они резко экспрессивны: Книжка *не читабельная* совершенно//; День сегодня *не гулябельный*//; А. Как дети? Б. *Гулябельны*//; Этот хлеб *не разрезабельный*//; Я *не передвигабельна* (лежачая больная – о своем состоянии); Я приведу эти письма в *публикабельный* вид//; Меня смущает что они плохо *носибельны*// (о туфлях); Наша Марина . . . *не показабельна*//; (шутливо) Эта музыка *не танцевабельна*/ она *слухабельна*//; Эта дача вполне *жилабельная*//; Он достаточно *внушабельный*// (т.е. внушаемый).

Прилагательное *едабельный* употребительно в активном и пассивном значении: 'тот, который способен есть' и 'то, что пригодно для еды', сино-

---

[44] Ср. *очкастый*, не обозначающее "с очками большого размера".

[45] Подчеркнем интересный семантический параллелизм между соотношением прилагательных с суфф. *-ат-* (типа *усатый*) и прилагательных с суфф. *-аст-* (типа *глазастый*), с одной стороны, и соотношением конструкций принадлежности типа *у него усы* и типа *у нее большие глаза* (при невозможности "у нее глаза"). О различии в семантике таких конструкций см.: *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., "Наука", 1976.

[46] Подробный анализ таких прилагательных в устной и письменной речи см.: *Сальман Э.Р., Левашов Е.А.* Новые слова с суффиксом *-абельн-*. – В кн.: Новые слова и словари новых слов. Л., "Наука", 1978, с. 117–124.

нимично *съедобный*. Ср. 1) Что же вы отказались от такой вкусноты? – Я тогда была *не едабельная*// и 2) Это мясо вполне *едабельное*/ даже вкусное//

Рассматриваемые прилагательные проникают и в письменную речь: "Часть фильмов демонстрируется только в странах их производства. Но наиболее "смотрибельные" проникают за рубеж" (Лг., 24.XII.69). Ср. также отмеченные в Гр.-70 *рисовабельный, промокабельный.*

Отсубстантивные прилагательные с суфф. *-абельн-* менее продуктивны: *диссертабельный, диспутабельный.* Они обозначают: 'пригодный для того, что называет производящая основа': Это вопрос *диспутабельный*//; Тема *недиссертабельная*//; (шутливо) Я думаю,что работа вполне *диссертабельна* и даже *докторабельна*//. Прилагательное *операбельный* относится к КЛЯ.

5) Отглагольные прилагательные с суфф. *уч-(ий)*, обозначающие 'способный к совершению действия, названному производящей основой': Петя у нас *крикучий*//; Светка у нас самая *шьючая*// (от *шить, шью*); Он очень *писучий*//; Уж слишком ты *болтучая*//; Он жутко *приставучий*//; А. Он ужасно *доставучий*// Б. Да-а/ ловкий//; Они самые *живучие*/ (шутливо) самые *размножучие*/ самые древние животные на земле//

6) Отглагольные прилагательные с суфф- *-к-* обозначают: 1) 'пригодный для совершения действия, названного производящей основой'; 2) 'подверженный в высокой степени действию, названному производящей основой': *ходкий, крошкий, варкий.*

Например: (о грибах) Рыжики *крошкие*/ их лучше в ведерко// В мешке они поломаются//; Эта картошка какая-то *неваркая*// Ее сто лет варить надо//

Не все типы прилагательных, характеризуемых в лингвистической литературе как свойственные РР, по нашим наблюдениям, действительно присущи живой РР. Так, например, не характерны для живой РР и не обнаруживают в ней продуктивности следующие типы прилагательных, которые Гр-70 квалифицирует как "продуктивные в разговорной речи и художественно-публицистической речи" или продуктивные в разговорной речи и языке фольклора: прилагательные с суфф. *-овит-* (*даровитый, деловитый, ледовитый, сановитый, басовитый* и под., с. 197), *-ошеньк-* (*легошенький, скорешенький*, с. 207), *-охоньк-* (*легохонький, скорехонький*, с. 207). Что касается прилагательных типа *легохонький, скорешенький*, то они используются при имитации РР в языке художественной литературы, но отнюдь не составляют типической особенности самой РР; в ней они практически не употребляются. В этом отношении они напоминают глагольные формы типа *хаживал, читывал*, которые также принято считать характерными для РР, но которые на самом деле используются лишь при ее имитации. Такие единицы составляют принадлежность сниженного (разговорного) стиля КЛЯ и не входят в систему РР.

ПРЕФИКСАЦИЯ И ПРИСТАВОЧНО-СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

После суффиксации это самые активные способы словообразования РР. Они действуют во всех частях речи. В РР употребляется тот же набор приставок, что и в КЛЯ. В качестве специфической черты РР можно отметить использование префиксов *пере-*, *пре-* и *раз-* в конструкциях с повторами (типа: *друзья–раздрузья*, *академик–переакадемик*, *я сыт–пересыт*, он *милый-премилый*, она *красавица-раскрасавица*, как средство особой экспрессивности, см. ниже раздел "Экспрессивное словообразование").

Для префиксального и префиксально-суфиксального словообразования РР особенно характерно обилие легко членимых слов, являющихся чистой реализацией возможностей словообразовательного типа.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В словообразовании существительных обнаруживают продуктивность многие приставки. Особенно продуктивна приставка *анти-* со значением противоположности: Она *анти-Лида*//; Это *анти-утверждение*//; Это *антисуп*/ настоящая каша// Никакой жидкости//; Это же *антиэкзамен*/ Ничего так не проверишь; А. Ведь я не сноб// Л. Ты *антисноб*//; Это *антигерой*//

со- со значением совместимости: Это дети его *соработников*//; Мы с ним были *соруководителями* //; Ему предлагают *соценариста*//; Я встречалась со своей подругой/ *состуденткой*//; Мы с ней были (шутливо) *сомладенцы*/ (поясняет) вместе в детский сад ходили//

Приставка со- может действовать и в приставочно-суффиксальном способе; Он мой *сокомнатник*//; Это мой *сорайонник*//; Мы были *сопалатники*// (в больнице)

пере- со значением повторного действия: Надо ей *переэкзамен*[47] устроить//; Это ведь второй раз/ *перезащита*//; А. Может быть *переобмер* сделать комнаты?

под- со значением 'часть того, что названо производящей основой': Это какой-то *подансамбль*//; Думаешь у нее есть свои *подцели*?; У них *подгруппа*/ *подсектор*/ *подотделение* какое-то//

Обнаруживают продуктивность также приставки *сверх-*, *супер-*, *ультра-*, *архи-*, обозначающие высокую степень обнаружения признака: Это какая-то *суперчестность*//; Это *сверхнаивность*//; Прямо *сверхудача*!; Он *архидурак*//; Не люблю я этих *ультрадобряков*//; *лже-*, *псевдо-* со значением неистинности, ложности: Это *лжеточность*//; Не нужна нам *лжепалатка*//; Это же *псевдоокно*! А ты думал настоящее?; Смотри! Смотри! *псевдорыжик*! Прямо как настоящий//

Как показывают эти примеры, РР отличает от КЛЯ более широкая сочетаемость приставок с существительным. Так, в РР приставки со

---

[47] Ср. обычное для КЛЯ *переэкзаменовка*.

значением неистинности сочетаются и с конкретными существительными, что не свойственно КЛЯ[48].

Приведем еще несколько примеров префиксальных существительных, иллюстрирующих легкость сочетаемости разнообразных приставок с именами существительными: Тебе понравились его стихи? Б. Нет// *Недоталант*//; Это *недорассказ*// Зародыш/ эмбрион//; Там был один славный студент// Но все-таки *недо-Сережа*//; *Недомузыка*/ не то опера/ не то оперетта//;

Сначала были *предлюди*//; Она устала от *предзащиты*//; – Вы далеко продвинулись? – Я на каких-то *предстадиях*//; – О чем он рассказывал? – Ранний театр/ *предтеатр* какой-то//;

Из приставочно-суффиксальных производных в РР особенно продуктивен тип, образуемый приставкой *без-* и суфф. *-j-* (*-uj-*), см. об этом выше, раздел 1.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В словообразовании прилагательных в РР продуктивны многие приставки, обозначающие высокую степень проявления признака: *пре-, раз-, наи-, сверх-, архи-*. Вот примеры: Погода была *препротивная*//; Щеночек *премилый*//; Настроение у меня *преотличное*//; Я с *превеликим* удовольствием приду//; Что купить/ если ничего . . . такого *сверхособенного* не встретится по дороге?; Желаю тебе всего *развеселого*!; У нее платье *наивеселнее*//

В целях усиления используется соединение двух приставок *распре-*: Он *распремилый*// Я прямо влюбилась//; *Распрепоганое* у меня чувство/ страх какой-то//

В приставочно-суффиксальном способе продуктивны многие приставки, например, *после-, до-, при-, без-*, выступающие в комбинации с суффиксами (чаще всего *-н-, -ов-, -ск-*): *послепоходский* вечер, *послебольничная* диета, *послепожарный* ремонт, *послешкольные* разговоры; *дотелевизорная* эпоха, *докомпотная* еда; *доотпускные* снимки; *безгаражная* машина//; Отец все ругает наше *бескалошное* время//; Ребята! Я *бесключная*// (шутливо/; У Вас *бескорзинная* жизнь//; У меня был *бескнижный* отпуск//; Я люблю *безэкзаменную* весну//; *Беспуговичная* кофта.

Как показала О.П. Ермакова, в семантике прилагательных, образованных от существительных с конкретными значениями и приставками с временными значениями, скрывается семантический эллипсис – пропущено предикатное слово, которое может сочетаться с временными приставками, например: *дотелевизорная* эпоха (– до п о к у п к и телевизора), *послебольничный* гость (после в ы п и с к и из больницы).

---

[48] По наблюдениям Е.И. Голановой, эти приставки в КЛЯ сочетаются с именами лиц и отвлеченными существительными. Сочетаемость с конкретными существительными в КЛЯ им не свойственна. См.: *Голанова Е.И.* Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке. – В кн.: Развитие современного русского языка, 1972.

В словообразовании наречий для РР характерны:

а) Наречия, образуемые от основ прилагательных с помощью приставки *по-* и суфф-. *-ому*: *по-честному, по-доброму* и т.п.[49] Некоторые из таких наречий отличаются от однокоренных наречий на *-о* оттенком сравнительности. Ср. *честно* и *по-честному* (как полагается честному человеку), *хорошо* и *по-хорошему* (как полагается при хороших отношениях). Несколько примеров: Это не *по-честному*//; Она одета *по-взрослому*/ А ей всего ведь 14 лет// (т.е. как взрослая); Давай *по-хорошему*/ не будем ссориться//; Я с ней *по-доброму*/ а она все злится//

Другая часть наречий этой структуры синонимична однокоренным наречиям на *-о*. Такие наречия стоят на границе РР и просторечия: Мы прошли в кино *по-наглому*// (ср. *нагло*); Он пил *по-крупному* (ср. *крупно*); (в трамвае кондуктор) Проходите *по-быстрому*// (ср. *быстро*).

б) Отглагольные наречия с приставкой *в-* и суфф. *-ку*: *нарезать – внарезку, раздвигать – враздвижку, наклониться – внаклонку*. Например: Знаешь/ там продают только целым куском/ *внарезку* нельзя купить//; Я устала сегодня/ целый день *внаклонку*//; Мне не нравятся двери у них/ *враздвижку*/ как в поезде//; Вы будете *вприкуску* или *внакладку*?

ЭКСПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Экспрессивность пронизывает все участки системы РР. В высшей степени она свойственна словообразованию[50]. И этому есть определенные объяснения. Слово как номинативная единица более пригодно для выражения оценок разного рода, чем морфологическая форма или синтаксическая конструкция.

ПРОИЗВОДНЫЕ, СОЗДАВАЕМЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИМИ ЭКСПРЕССИВНЫМИ СРЕДСТВАМИ

В словообразовании имеется целый ряд специфических средств выражения – суффиксов (см. их список ниже) и способов словообразования, предназначенных для формирования слов, основное назначение которых – служить целям экспрессивизации речи. Большая часть таких производных лишь модифицирует значение производящего. Такие производные выражают разные оттенки положительной или отрицательной оценки (ласку, уничижительность, одобрение и т.п.), а также обозначают уменьшительность или увеличительность, т.е. имеют размерно-оценочные значения. Их принято называть модификационными. Они всегда относятся к той же части речи, что и производящее. В этот раздел мы включаем преимущественно модификационные типы, но, кроме того, рассматри-

[49] См.: *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 4-е изд. с. 88.

[50] Об экспрессивном словообразовании в польском языке. см.: *Butter D.* Polski dowcip językowy. Warszawa, 1974, с. 151–192.

ваем здесь некоторые типы, которые несут яркую экспрессивность и вместе с тем меняют значение производящего, переводя его в другую часть речи (ср., например, существительные типа *здоровяга* – от прил. *здоровый*). Подобные производные принято называть термином транспозиционные (т.е. меняющие часть речи производящей основы)[51].

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Это экспрессивные наименования лиц или предметов по характерному для них действию или признаку. Приведем типические примеры тех и других:

1) Модификационные образования производятся суффиксами

'-аг(а) : штормяга, ветряга;
'-уг(а) : жарюга, жердюга, зверюга, холодюга;
-енцj (а) : чепухенция, мухенция, бумаженция;
-ух(а) : житуха[52]
'-ох(а) : дурёха, комнатёха;
-ишк(о) : голосишко, котишка;
-ец, -(и)ц(е) : советец, докладец, размышленьице, порученьице;
'-онк(а) : бумажонка, собачонка;
-ул'(а) : бабуля, мамуля, актрисуля;
-ус'(а) : бабуся, мамуся;
-'ар(а) : котяра, носяра;
-ш(а) : чемодаша, магнитофоша, магазиша;
-шк(а) : стипешка (стипендия), компашка, пельмешки (пельмени)[53].

Суфф. *-шк(а)* может служить и средством универбации: *воешка* (военное дело), *продлешка* (продленный день), *контрошка* (контрольная работа);

-ар' (вульг.) : *кепарь* (ср. кепка), *стопарь* (ср. стопка).

Производные со значением увеличительности образуются суффиксами:

-ищ(е) : ветрище, домище, томище;
-ин(а), более экспрессивный: ветрина, домина, газетина.

---

[51] Ср. разграничение экспрессивных производных на модификационные и транспозиционные с разграничением примарной и секундарной экспрессивности в статье: *Grabias St.* Derywacja a ekspresja. – В кн.: Studia nad składnią polszczyzny mówionej. Wroclaw – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1978, c. 89–102.

[52] Некоторые модификационные производные с суфф. *-ух(а)*, преимущественно родственные наименования, относятся к просторечию и диалектам: *сеструха, свекруха, братуха.*

[53] Вот несколько примеров: Как *гемоглобиша?;* Твой *лимоша* кажется засох//; Я хочу только *Нептушу* видеть//; Ты же любишь *Маякошу*//; У тебя есть *чемодаша*?; Он пошел в *магазишу*//, У тебя что? *давлешка*?; Моя *стипешка* уже фьють!; У них приятная *компашка*//; Я вам купил *апельсишек*//; Там *ресторашка* хороший//

О словах на *-ша* и на *-шка* см. подробнее: *Земская Е.А.* Чередование или суффиксация? – В кн.: Памяти акад. В.В. Виноградова. М., 1971.

2) Траспозиционные образования – наименования лиц с суффиксами:
-'аг (а) : здоровяга, миляга, серяга, мрачняга, шустряга;
-'уг (а) : толстюга, жирнюга, хитрюга, хищнюга;
-ыш: глупыш, крепыш;
-ак: слабак, серяк;
-ач: тонкач;
-ух (а) : болыпуха, врyха;
-ул' (а) : вреднуля, капризуля;
-ах (а) , *-ох (а)* : забываха, растеряха: выпивоха, пробивоха;
-л (а) : прибирала, заводила, мазила, приставала.

Производные от основ прилагательных и глаголов существительные, обозначающие п р е д м е т или я в л е н и е, наделенное данным признаком, гораздо менее многочисленны, чем имена лиц: *черствяк* (черствый хлеб), *верняк* (верное дело), *смешнюга* (о чем-либо смешном), *показуха, невезуха* и т.п.

Среди экспрессивных о т г л а г о л ь н ы х производных образований со значением действия или результата действия отметим существительные с суффиксами:
-'еж: галдеж, скулеж, дележ, вопеж;
-аж (вульг.) : оживляж, пижонаж, завихряж;
-ня: бегня, возня;
-отня: дрызготня, воркотня, пискотня, пачкотня, брякотня, трепотня, шепотня, хлопотня, топотня, дерготня;
-анин (а) : мотанина;
-он: причесон, выпивон, закусон;
-ловк (а) : ожидаловка, принудиловка, грабиловка.

Несколько примеров: Сначала она была ничего/ потом начались *выкидоны*//; Ну как тебе мой *причесон*? (о новой прическе); Как ты к его *закидонам* относишься?; *Закусон* был неплохой//; Что это за *дрызготня*? Кто здесь налил?; Какая-то *пискотня* под окном// Кошки что ли . . .; Прекрати свой *скулеж*//; – Зачем тебе эта юбка? – Для *пижонажа*//; Надоел его *выпендряж*//; В зале был *оживляж*//; (шутливо) Ну как ваш *гуляж*? – Утомительно//; Может это *завихряж?* Может он одумается//; (о поездке за город) Ты знаешь/ это одна *утомиловка*/ далеко очень//; (об обязательной покупке специальной литературы) Он такую *обязаловку* устроил/ книги покупать//; (о длительном ожидании зубного врача) Если б я знал что такая *ожидаловка*/ не пошел бы//; Ну и *грабиловка*! (о высокой цене – ср. *грабеж*).

Подобные слова служат экспрессивными (иногда вульгарными) синонимами однокоренных отглагольных образований с другими суффиксами. Ср. *писк, пищание* и *пискотня; хлопоты* и *хлопотня*; *дергание* и *дерготня*; *прическа* и *причесон, закуска* и *закусон, выпивка* и *выпивон*; *оживляж* и *оживление, выпендряж* и *выпендривание.* Слова на *-он* содержат ироническую оценку называемого.

Одушевленные существительные на *-аха, -уха, -ыш, -ул' (а), -ус' (а), -л (а)* могут соединяться с суффиксом уменьшительности *-к-*; *забывашка, растеряшка, врушка, хвастушка, глупышка, бабулька, бабуська, присга-*

валка. Отметим, что РР допускает сочетание в одном производном нескольких экспрессивных аффиксов: *домишечка, крохотулечка, лапуленька, актрисулька, собачоночка, бабуленька, мамусенька, дочурочка* и т.п.

Функции экспрессивных производных

Используя экспрессивные средства словообразования, говорящий ставит перед собой разные цели. Он может таким образом не только выразить свое отношение к называемому словом денотату, но и передать свою оценку "чужого" денотата – выразить определенное отношение к собеседнику, стремиться создать обстановку интимности, подчеркнуть свое вежливое расположение, дружелюбие, или наоборот, презрение, неуважение и т.п., а также заискивание, подобострастие. Присущие производному слову семы положительной оценки, уменьшительности–ласкательности (или отрицательной оценки, увеличительности, грубости, уничижительности, презрительности и т.п.) могут быть переадресованы на иной объект. «Перключение сем со своего денотата на "чужой" можно назвать его ксеноденотатной направленностью»[54]. Это явление широко используется в РР.

Исследования не раз отмечали, что для РР больше характерно выражение отрицательных оценок разного рода, чем положительных. Это объясняется целым рядом причин[55]. Поэтому не должен вызывать удивления тот факт, что в приводимых далее материалах говорящие нередко подвергают что-либо отрицательной оценке, иронизируют и т.п. Однако нередки случаи и положительной оценки того или иного явления. Подчеркнем, что во многих случаях наблюдается совмещение многих функций. Спрашивая, например: Нет у Вас какой-нибудь *коробчонки*?: *Бумажонки* не найдется завернуть?, говорящий передает и свою оценку денотата (какая-нибудь маленькая, плохонькая коробочка; ненужный кусок бумаги), и желает показать близость своих отношений с собеседником, и подчеркивает незначительность своей просьбы.

Приведем сначала несколько типических примеров употребления экспрессивных производных в их прямых размерно-оценочных функциях:

(рассказ о даче) У них дача/ там *кроватки* маленькие/ наверно для Любы/ когда она была маленькой/ *пододеяльнички* с *кружевцами*/ *занавесочки* на окнах/ *зеркальца*//; *Махонькие комнаточки*/ *крохотулечки*//; И вот он *домишечка*/ старенький *домишечка* . . . // И вот в этом отдельном *домишечке* мы и живем//; Как он мог сидеть на этом *трончике*?; Там всякие лесные *бухточки*//

Вы бы видели какой *торти́на*! (жест – пальчики оближешь): У меня был вот такой *синячина*//; В Москве льет такой чудесный *дождина*/ сили-

---

[54] *Девкин В.Д.* Ксеноденотатная направленность лексических сем. В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 1. Горький, 1976, с. 140. – См. там же характеристику разных видов такого переключения и описание его целей.

[55] См. *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. См. также ниже – раздел "Глагол".

ща//; У нас дома *холодина*//; Вот какой у нас *поездина*!; У-у какой *тортина*! Неделю есть будете//; А. (входя в кафе) *Очередина*// Да пропади она пропадом//; (глядя на плакат, где изображена большая нога) У-у! Какая *ножища*!; Он был полущен/ а теперь здоровенная *собачища*//

Бывает *очереденка*/ человек пять//; Донжуанистый малопривлекательный *мужичонка*//; Нам удобства не нужны/ нам лишь бы отдельная *комнатеха* была//

Он всегда был довольно тихонький *котишка*//; У него все время такая *мысшлишка*...; С таким *носярой* трудно ему//; Куда ты *жердюга* на качели залез? (метфорически, о длинном, нескладном человеке); Ну и *пылюга!*

Производные с суффиксами отрицательной оценки могут – в зависимости от контекста – использоваться и для выражения положительного отношения или оценки: Знаешь/ *мячишка* отличный!; *Винишко* что надо!; Какой *котишка!* Прелесть!; Эта *старушенция* меня восхищает//; А вот что говорят здорово было/ это *мультипликашки*//; (бабушка хвалит внучку) Она и поет/ и мелодию быстро схватывает/ и *голосенко* у нее есть//; (ласково) А *голосишко-то* усталый!; Во как *собаченция* птиц гоняет!

Рассмотрим типические случаи "ксеноденотатной переадресованности" лексических сем. Особенно часто используют уменьшительные образования, желая выразить ласковое отношение к собеседнику (а не к тому предмету, который называет уменьшительное слово), например, когда говорят с детьми, или с больными, или рассказывают о детях: (мать ребенку) Что тебе дать/ *молочка* или *компотика*?; Где же твои *гольфики*?; (беря толстую большую книгу) Давай *книжечку* почитаем//; Сейчас я тебе *сопельки* вытру//; (врач больному) Я вам *сердечко* послушаю/ *давленьице* смеряю// Как *головушка*?; *Лопушок* пьете? (о соке лопуха); (медсестра о хирургическом шве) *Разрезик* ровненький/ быстро заживет// Какой *шовик* аккуратненький!

Уменьшительные существительные нередко употребляются, когда разговаривают с животными или речь идет о животных: (двое гуляют зимой) Вон какие *снегирьки/ краснопузики*// Смотри сколько их! Большая *стайка*// На того смотри/ его лучше видно/ (ласково) какой *красногрудик*//. Вот типический отрывок из рассказа о домашних попугаях: Только конечно чистить *клеточку* им надо// Когда *песочек* кладем/ то можно неделю не чистить *клеточку*// . . . Только иногда они линяют/ и летят *перышки*/ или *пушок* летит от них тогда . . .

Для современной РР характерно употребление уменьшительных производных в ситуации покупки (магазин, столовая, кафе, кинотеатр и т.п.): (в магазине) Двести грамм *колбаски*//; Десяток *яичек*//; Два *сырочка* плавленых//; (в кассе кинотеатра) Три *билетика* на шесть тридцать *серединочку* пожалуйста//; при просьбах: (за столом) Передайте *тарелочку*!; *Хлебца* мне *кусочек*/ пожалуйста//; (по телефону) *Минуточку* подождите//; *Секундочку*/ сейчас я его позову//

Здесь сема уменьшительности преобразована в этикетную вежливость, но по отношению не к денотату, а к собеседнику.

Отметим, что чрезмерное употребление уменьшительных производных оценивается многими носителями литературного языка как показатель дурного вкуса, как черта нелитературности (просторечие).

Экспрессивные производные используются в целях отрицательной оценки (иронической, уничижительной, презрительной), которая может быть направлена как на самого говорящего (самоирония, жаление не выглядеть смешно, боязнь показаться хвастуном и т.п.), так и на собеседника и его сферу. В этих целях часто используются производные с суфф-*ец* (и его алломорфами), *-ишко*, но могут привлекаться и другие:

Я могу вам подбросить свои *соображеньица*//; Тут у меня кой-какие *замечаньица* есть//; Там у нее *обобщеньица*/ в конце//; *Докладец* мой слышали?; Я набросал *введеньице*//; Ну и *выступленьице*! Смех один//; (иронически об аспирантке) Она добросовестная// *Сносочку* на каждое слово/ *ссылочку* на каждую *страничку*//; Они там *стишочки* читают//; Это прозвучало какой-то *рекламкой*//

И, наконец, экспрессивные производные употребляются просто как выразитель непринужденности речи:

– *Пельмешек* хочешь?; *Актрисулька* была там знакомая//; У него такое *пузцо*//; Ну как *фильмéц*?; – Унеси *бельишко* к себе//; (разговор о походе) Л. Как же вы без карты пойдете? Н. Мы сначала не одни// Сначала пойдем с группой/ турбазники/ Может быть *картишку* достанем//; Он так устает за неделю/ что в свободные дни не хочет садиться за *рулягу*//

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Из экспрессивных суффиксов прилагательных для РР особенно характерны *-ущ(ий)*, *-енн(ый)*, *-оньк(ий)*, *-оват(ый)*[56]:

Он сочинение написал *длиннющее*//; Ноги-то *холоднющие*//; А чего она такая *дорогущая*?; Она тащит сумки *тяжелющие*//; Такая книга *толстущая*!; Расписание идиотское/ такое *страшенное*//; Земля просто *сухенная*//; Сумка *тяжеленная*//; (о котенке) Какой *ушастенький*!; Ой/ какая мышка/ вот *такусенькая*//; (ребенку) *Чумазенькая* ты/пойдем мыться!; Там была какая-то *косоглазенькая* девица//; Такой он весь *ребристенький*// (об абажуре); Там антресольки *шаткенькие*//; Эта *грудастенькая* мне все вопросы задавала//

ПОВТОР В СОЕДИНЕНИИ С ПРЕФИКСАЦИЕЙ

Как сильное экспрессивное средство в РР употребляется повтор в соединении с префиксацией; второй член повтора содержит приставку *пере-*, *пре-* или *раз-*, придающую усилительное значение всей конструкции. Приставки *пере-* и *пре-* с этим значением присоединяется к словам разных частей речи: Я все это *видел-перевидел*//; Можно мне сорвать ягодку/ ну *одну-преодну*//; Это письмо *секретное-пересекретное*//; – Вы хотите

[56] Некоторые данные об экспрессивных типах прилагательных см.: *Земская Е.А.* История прилагательных, обозначающих степень признака, в русском литературном языке нового времени. – В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху; М., "Наука", 1964.

есть? – Я *сыт-пересыт*//; (рассказ о маленькой девочке) Всяких паровозиков/ машинок *заводных-перезаводных* у нее . . .//; (рассказывают сказку) Ее выдали замуж за *князя-перекнязя*//; И вот у этой девочки было всяких нарядов! *кофты-перекофты*/ *юбки-переюбки*//!; (к кошке) Ах ты *киса-перекиса*!; Я утюкалась с этой работой/ все время *стрелки-перестрелки*//; Здесь он *академик-переакадемик*/ а в Москве был бы просто доцентом//; Будь *умник-переумник*/ все равно так нельзя//; Все было мирно/ *отчеты-переотчеты*...; Он ее продырявил/ *насквозь-перенасквозь*//

Приставка *раз-* тяготеет к сочетанию с именами существительными и прилагательными: Она *отличница-разотличница*//; Она хорошо готовила/ и бульоны/ и *пирожки*/ и *распирожки* разные//; *Он* москвич-размосквич/ *в пятом поколении*//; Мы такие с вами *соседи-рассоседи*//; Он мне *друг-раздруг*. . .;

У меня к вам деловой вопрос/ *деловой-разделовой*//; Эта книжка *прекрасная-распрекрасная*//

Итак, выразительность в сфере экспрессивного словообразования создается: экспрессивностью самих словообразовательных аффиксов, экспрессивностью основ, контрастным соединением экспрессивно-сниженных суффиксов с книжными основами.

КОНСТРУКТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Выше мы отмечали, что одна из функций словообразования в РР – упрощение синтаксической структуры высказывания. Применение с этой целью производных слов мы называем конструктивным словообразованием. Целям конструктивного словообразования служат в первую очередь – отглагольные и отадъективные существительные – синтаксические дериваты [57], удобные тем, что они упрощают говорящему синтаксическое построение речи, используясь как средство номинализации[58]. Сказанное объясняет, что мнение, будто для РР типично преобладание производных, имеющих конкретные значения, неверно. В РР широко употребительны и существительные отвлеченные: отглагольные существительные со значением отвлеченного действия (nomina actionis) и отадъективные существительные со значением отвлеченого признака (nomina qualitatis). Наиболее продуктивны в РР отглагольные существительные с суфф. *- ниj –*[59] и отадъективные с суфф *-ость*. Их широкая упо-

57 См.: *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая (1936). – В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962. – Ср. иное понимание термина синтаксическая деривация в работе: *Гинзбург Е.Л.* Словообразование и синтаксис. М., "Наука", 1979.

58 О разных видах номинализации в русском языке см.: *Гак В.Г.* Номинализация сказуемого и устранение субъекта. – В кн.: Синтаксис и стилистика. М., "Наука", 1976.

59 Наблюдения над пристрастием РР к отглагольным существительным встречаются в литературе. Уже Л.В. Щерба писал, что живой разговорной речи свойственны отглагольные существительные на *-ние*. См.: *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык, – с. 110. См. также работы З.С. Санджи-Гаряевой, В.Н. Виноградовой и др. О типах отглагольных существительных, совмещающих значение процесса с другими семантическими компонентами, см. в других разделах этой главы.

требительность объясняется не только тем, что они выполняют функции конструктивного средства, но и некоторыми другими причинам (см. о них ниже).

Существительные на -н и е

Начнем с примеров, показывающих конструктивную роль существительных на *-ние*: Вася испугался/ что его будут ругать/ за это его *сидение* дома// (ср. за то, что он сидел дома); Меня раздражает это его *нанизывание* причин// (ср. то, что он нанизывает причины . . .); Мне не нужно *развлекания*// (ср. чтобы меня развлекали).

Для РР, и это уже отмечалось[60], особенно характерно использование синтаксических построений, состоящих из двух высказываний; отглагольное производное находится во втором высказывании, своеобразно дублируя однокоренной глагол предшествующего высказывания: Я должен был эти дары *всучить*// и так мне было тяжело это *всучение*//; Все время приходится что-то *скрывать*// До чего надоело это *скрывание*//; *Жара была страшная*// Она ходила вдоль моря со стульчиком// Причем от моря еще что-то *веяло*// И она садилась около самого этого *веяния*//

Глагол и существительное на *-ние* могут находиться в репликах разных говорящих: – Ну ладно/ ложись спать/ – У меня нет привычки к раннему *ложению*//; А. Меня начинает тошнить// Б. (подхватывая) воротить// А. (продолжая) И от этого *ворочения* все это и бывает//; А. По-моему темнеет// Б. Где ты видишь *темнение*?; О. Если будем все вместе купаться/ собаки будут гавкать// А. Ну/ от *гавканья* их не остановишь//; А. У меня першит в горле// Б.А у меня не было *першения*//

В таких построениях, состоящих из двух высказываний, производность структур, включающих слово на *-ние*, выступает особенно наглядно. Соотнесенность может возникать и между словом на *-ние* и прилагательным: А. Так она *влюбчивая*? Б. Но все ее *влюбления* кончаются ничем//

Эта черта – соотнесенность двух высказываний, из которых второе содержит существительное на *-ние*, однокоренное по отношению к предыдущему глаголу (реже прилагательному), составляет одну из особенностей структуры текста в РР. Специфично для РР также употребление при словах на *-ние* местоимения *этот*, которое как бы ослабляет абстрактность данных существительных. Слово на *-ние* посредством местоимения *это* привязывается к данному коммуникативному акту, лишаясь тем самым характера всеобщности, и переводится в сферу личного субъективного общения.

Употребительность слов на *-ние* в РР высока. У говорящего бывает нередко столь сильное стремление к использованию таких существительных, что он не боится омонии узуальных слов, имеющих иное значение.

---

[60] См.: *Санджи-Гаряева З.С.* Потенциальные слова на *-ние* в разговорной речи. – В кн.: Материалы VI Научной конференции профессорско-преподавательского состава госуд. пед. ин-та им. С. Айни. Вопросы филологии. Самарканд. 1971; ср. *Виноградова В.Н.* О стилизации разговорной речи в современной художественной прозе. – В кн.: Очерки по стилистике художественной речи. М., "Наука", 1979, с. 73.

Вот несколько примеров: Она считает что я занимаюсь *мучением* воды в ступе//; Надины слова насчет *жалованья* . . . (от глагола *жаловаться;* ср. омоним *жалованье* – зарплата); А. Мне кажется все-таки он уложится (в срок)// Нет? Б. Но что выйдет из этого . . (с заминкой) *уложения*?

Говорящий может даже сознательно отказываться от узуальных слов с тем же суффиксом, считая, что новообразование более точно передает смысл его слов: Мне это нравится// Уровень с р а в н е н и я/ (поправлясь) *сравнивания* у меня иной//; Я ненавижу суету и *спешение*// (ср. узуальное *спешка*).

Свободное построение отглагольных существительных а также их неузуальный характер нередко обнаруживается в том, что собеседники наперебой создают несколько вариативных однокоренных слов: А. Надоело это *гоненье* за книгами! Б. (поправляя) *Гонянье*// (ср. глагол *гоняться*); (из рассказа) Все мое *тянунье/тяненье* или *тяжба* ни к чему не привела//

Пристрастие в современной РР к словам на *-ние* обнаруживается и в том, что они нередко используются как средство шутки, пародирующей пристрастие канцелярской речи к словам на *-ние,* типа: А. Ой! Снег опять! Б. Можно конечно считать что снег выпал *по причине убрания лыжных ботинок*//; *Увезение мною ключей* было бы весьма нежелательно//

Возможно, что ироническое звучание слов на *-ние* возникает благодаря тому, что они в высокой степени свойственны канцелярски-деловому стилю. Высказывалось мнение, что спонтанной РР явление номинализации (осуществляемое при употреблении существительных на *-ние*) не свойственно[61]. С этим мнением трудно согласиться. В РР встречаются все те виды номинализаций, которые описывает В.Г. Гак, рассматривая факты современного литературного языка (независимая и зависимая, субъектная и объектная, непосредственная, свернутая и развернутая)[62].

РР свойственна и признаваемая наиболее книжной развернутая номинализация, когда отглагольное существительное употребляется в сочетании с глаголом (ср. *шуметь – поднять шум*), например: – Что же вы не прислали мне платье? – Я думала вам не подойдет/ будет мало// И *получится* одно *гонянье* ребенка//; Он *занимается разгребанием* книг//; Я *произвел отфутболивание* этих писем//

Существительные на -о с т ь

Высокопродуктивны в РР также отадъективные существительные с суфф. *-ость,* обозначающие отвлеченный признак. Они образуются от прилагательных разного строения – качественных и относительных, адъективированных причастий на *-ный, -тый, -щий* (ср. *тюремность, древесность, замуштрованность, замутненность, забитость* и под.).

---

[61] См. *Долинин К.А.* Об одной характерной черте синтаксиса спонтанной речи. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи, вып. 49. Горький, 1972. См. также: *Траецкая Л., Александровская Л.Н.* Опыт трансформационного анализа синтаксических структур диалогической и монологической речи. – В кн..: Теория и практика лингвинстического описания разговорной речи. Горький, 1968, с. 201.

[62] См. *Гак В.Г.* Номинализация сказуемого и устранение субъекта, с. 85–87.

Прилагательные на *-ость* часто выступают как синтаксические дериваты:

Я ненавижу эту *набитость* шкафа// Книгу невозможно достать// (ср.: то, что шкаф набит); Он был большой балбес/ и пострадал за эту *балбесистость*//; Снега было много/ потом он замерз// И поэтому одна *скульптурность* была//; Обязательно вытирай нож/ а то он потеряет всякую *резучесть*//; Эта *оцарапанность* в горле стала стихать//; (выбирают ткань в магазине). А. Какой цвет лучше? Замутненный пожалуй лучше// Б. Уж очень сильная *замутненность*//; М. Там снег лежал до конца апреля// Л. Значит у него очень тенистый участок// М. Просто северная дорога// *Тенистости* никакой нам нету//; Все это очень противно// Но с *противностью* этой нельзя мириться//

Примечание. Отадъективные существительные с суфф *-ость* обнаруживают и в КЛЯ, и в РР разнообразие значение. Такие существительные могут обозначать не только отвлеченный признак (см. примеры выше), но и предмет или явление-носитель данного признака[63]. Отмечается, что в таких случаях существительные имеют форму мн. числа. Слова на *-ость* обозначают при этом разнообразные явления, характеризуемые признаком, названным производящей основой. Обычно при них бывают местоименные определения типа *всякий, этот,* подчеркивающие конкретный характер их семантики: Тебе про снежного человека дать почитать? – Да/ я же интересуюсь *всякими . . . необычностями*//; Не хочу я *никаких* моральных *отяготительностей*//; Вот *такие окаянности*// Безумно ее жалко//; Я думаю что там *всякие заразности*// (заразные болезни); (разговор о лекарстве) *Всякие побочности* я посмотрю по справочнику// (побочные явления); Он часто так изъясняется// Любит *тяжеловесности*// (тяжеловесные выражения)

Конкретизация содержания слова может осуществляться лишь в определенной конситуации или контексте. Так, фраза: Он нас всякими *необыкновенностями* угощал// благодаря тому, что глагол *угощать* имеет и прямое, и переносное значение, а слово *необыкновенность* обозначает ‘что-либо необыкновенное’ может быть осмыслена, как: кормил необыкновенными кушаньями, показывал необыкновенные вещи, рассказывал необыкновенные истории и т.п. Рассматриваемое значение слов на *-ость* свойственно и публицистически-художественному стилю (ср. *очевидности, недосказанности, недоговоренности, непредвиденности* и т.п.)

В современной РР существительные с суфф. *-ость* могут иметь конкретные значения, употребляясь и в формах ед. числа, что, по-видимому, не было свойственно русскому языку в прошлом.

Слова на *-ость* нередко образуются в тех случаях, когда говорящий ищет родовое слово, отсутствующее в РР, и не хочет употребить официальное наименование. Ср. *молочность* и молочные продукты, *изюмность* и сухофрукты, *творожность* и изделия из творога, *протертость* и протертые кушания. Чаще всего существительные на *-ость* называют продукты питания. Приведем несколько примеров: У нас в доме нет *никакой молочности*//; Ему нужна *всякая протертость*// (протертые кушанья); (разговор о болезни кота) Она удивляется/ от чего же летом/ когда столько *всякой сочности* вокруг//; Был брат/ привез *всякую вкусность*//; Они сидят в кафе и пьют *разные прохладительности*// *(прохладительные напитки)*.

Отметим, что подобное употребление можно характеризовать как излюбленный способ выражения некоторых лиц. Так говорят не все, но так говорят многие.

В РР слова на *-ость* могут называть конкретные предметы и явления и других семантических сфер (не только еду). В качестве средства, указывающего конкретный

---

[63] Об употреблении существительных на *-ость* в КЛЯ см.: *Золотова Г.А.* О синтаксических свойствах имен качества. – В кн.: Синтаксис и стилистика. М., "Наука", 1976; ср. *Виноградова В.Н.* Указ соч., с. 71–72.

характер денотата, обычно употреляются местоименные определения, чаще всего *этот, всякий,* при отрицании – *никакой:* Предлагают ему обмен с *какой-то кооперативностью*// (с кооперативной квартирой); Я кончала *эту плановость*// (плановую работу); *Никакой сапожности* здесь нет// (никаких сапог).

Слова на *-ость* производятся и от качественных, и от относительных прилагательных. В первом случае они обозначают: нечто, наделенное данным признаком (*отяготительности, заразности, необыкновенности*); во втором – нечто – предмет или класс предметов – относящееся к разряду предметов, послуживших производящими для прилагательного, от которого образовано существительное на *-ость*. В этом случае слово на *-ость* формально соотнесено с прилагательным – синтаксическим дериватом, а по смыслу – с лежащим в его основе субстантивом (*изюмность, молочность* и т.п.).

Рассматриваемые существительные на *-ость* иллюстрируют одну важную особенность РР. Имея структуру отвлеченных существительных, они не приобретают конкретных значений как узуальные единицы лексики (подобно отглагольным производным на *-ние* и *-ка* типа *объявление, записка, штукатурка*). Слова на *-ость* получают конкретные значения в условиях определенного контекста и конситуации, которые функционально и семантически преобразуют эти единицы: они могут обозначать как родовые понятия, так и индивидуальные. Основную роль в этом разграничении играют шифтеры – местоименные уточнители, располгающиеся по шкале от полной неопределенности-обобщенности (*всякий, никакой, какой-то, какой-нибудь*) до полной определенности-индивидуальности (*этот,* реже *мой*), а также знание конситуации. Таким образом существительные на *-ость,* приобретая те или иные значения, формируют градуальную текстовую опозицию определенности/неопределенности[64]. В этом факте видна конструктивная роль контекста и конситуации в организации семантики единиц РР. В подобных случаях происходит не индивидуальное контекстное, но системное регулярное, типизированное преобразование того или иного слова.

Проиллюстрируем сказанное, двигаясь от полной неопределенности к определенности: Я хочу *какой-нибудь молочности*//; Купи *всякой творожности*//; Я бы с удовольствием читала *всякую фантастичность*// (о книгах по фантастике); В этой кастрюле я ничего кроме компота/ киселя/ *фруктовости* не варю//; Я завтра хотел бы прикрепиться к *этой диспансерности*// (о волне определенной диспансерной поликлинике); Я завтра сварнакаю *эту градуальность*// (о вполне определенных измерениях в физическом опыте); Надо идти сегодня в библиотеку// Иначе *моя межбиблиотечность* лопнет// (вполне определенные книги, присланные по межбиблиотечному абонементу).

И, наконец, средством выражения определенности, специфическим для РР – может быть жест: (показывая на тарелку с солеными хлебцами): Берите *соленость*// Вы ведь это любите//

Можно было бы думать, что в подобных случаях существительные имеют значение собирательности, т.е. обозначают совокупность однородных предметов, однако материал опровергает это. Ср. такие примеры: (показывая на одно дерево) Посмотрите какая красивая *древесность*//; *Я эту частотность* послал ей/ (о частотном словаре).

Отметим, что для существительных с суфф. *-ниj-* подобная конкретизация семантики не характерна. РР не отличается тем, что слова на *-ние* приобретают в ней конкретное значение более регулярно и часто, в КЛЯ. По нашим наблюдениям, случаи, когда слова на *-ние* приобретают неузуальное значение результата действия, единич-

---

[64] О градуальности оппозиций у категории текста см.: *Николаева Т.М.* Лингвистика текста и вопросы общей лингвистики. Современное состояние и перспективы. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. М., "Прогресс", 1978; *Она же.* Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности. – В кн.: Категория определенности–неопределенности в славянских и балканских языках. М., "Наука", 1979, с. 132. – Мы не касаемся здесь различий в семантике местоимений-шифтеров, так как это задача специального исследования.

ны: (на даче варят купленную картошку; в это время Коля нарыл на участке свежей картошки). О. А что будем делать с Колиным *нарытием*? Л. Возьмем с собой в город//

Такое употребление представляется скорее исключением, чем правилом. Вместе с тем nomina actionis на *-ние* в РР часто употребляются с местоимениями *этот, всякий*, которые конкретизируют их применительно к данной конситуации, не меняя принципиальным образом их значения, как это происходит со словами на *-ость*. Ср.: Все время приходится переодеваться// До чего надоело *это переодевание*//; От *этого подметания* толку мало//

Итак, в РР наблюдается явление, которое можно было бы назвать парадокс отвлеченных существительных: во-первых, отвлеченные существительные широко представлены в РР, что противоречит распространенному мнению, будто бы РР свойственна преимущественно конкретная лексика; во-вторых, в РР один из самых продуктивных классов отвелеченных существительных (существительные с суфф. *-ость*) развивает конкретные значения; при этом обнаруживается важная роль единиц текстовой грамматики (местоименных уточнителей) и средств невербального кода (жест).

КОМПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Компрессивное словообразование объединяет те способы словообразования, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой. Сюда относятся специфически разговорные способы словообразования – универбация и усечение, а также способы, общие для РР и КЛЯ – субстантивация и аббревиация. С помощью этих способов производятся только имена существительные.

СУФФИКСАЛЬНАЯ УНИВЕРБАЦИЯ

В РР существует несколько суффиксов, действующих при универбации. Особенно продуктивен в РР тип имен существительных женского рода с суфф *-к(а)*, образуемых от основ прилагательных на базе сочетаний "прилагательное + существительное" и являющийся семантической конденсацией последних. Сочетания указанной структуры, имеющие характер номинации, легко могут быть "свернуты" в существительное на *-к(а)*: "Вечерняя Москва" – *"Вечерка"*, "Литературная газета" – *Литературка*, попутная машина – *попутка*, газированная вода – *газировка*. Универбация распространяется прежде всего на сочетания высокочастотные в том или ином кругу лиц и общественно актуальные в тот или иной временной период[65]. Универбаты этого типа очень широко употребитель-

[65] Это доказывается тем фактом, что одни и те же по форме слова образуются в разное время как сокращение сочетаний разной семантики. Ср. *зажигалка* – "машинка для зажигания сигарет" и "зажигательная бомба"; *летучка* – "летательный аппарат" и "летучее собрание". См. об этом: *Винокур Т.Г.* Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи. – В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., "Наука", 1965, с. 36–37. Ср. таже *литературка* – "Литературная газета" (современное) и "литературный клуб" (в 20-е годы – см. Катаев В. Алмазный мой венец – Новый мир, 1978, № 6, с. 10).

ны во всех сферах РР[66]: Вы на *двухсотку* подписались? (библиотека всемирной литературы в 200 томах); У тебя *"Литературка"* есть в этом году?; Моя внучка поступила в *музыкалку*/ консерваторскую// (музыкальная школа); Поехали *маршруткой*! (маршрутное такси); Он меня просил купить такую сумку// *Дипломатку*//; Ты подписался на *"Иностранку"*? (журнал "Иностранная литература"); У него *больничка*// (больничный лист); Он четыре раза лежал в *психиатричке*// (психиатрическая лечебница); Я его намазала *ихтиолкой*// (ихтиоловая мазь); У нас много *черноплодки*// (черноплодная рябина); У меня томатный сок большая банка/ *литровка*//; Ой! Мы забыли *поздравилку* отправить// (поздравительное письмо); Ходит в *марлевке*/ а пряжка золотая//

Менее активны в РР универбаты, создаваемые с помощью суфф. *-ик-* типа *грузовик*, вошедшего в КЛЯ. Ср. также: Это было бы можно за счет этих *пассивников*/ лентяев/ купить//; Из профессионального жаргона вузовских работников: А когда *зональники* приедут?; (преподаватель вуза) У вас прекрасный *курсовик*// Петров//

Как средство универбации используются и другие суффиксы, имеющие сниженный характер:

-ак: (в порыве гнева) Опять будем есть трехдневный *черствяк?* (черствый хлеб); *товарняк* (товарный поезд);

-ушка(а):: *раскладушка* (раскладная кровать), *двушка* (двухкопеечная монета), *легковушка* (легковой автомобиль), *пивнушка* (пивной ларек), *развалюшка* (развалленный домик), *психушка*[67] (психиатрическая больница); ср. *губнушка* (губная помада – записано в Саратове);

-ашк(а): пятнашка (пятнадцатикопеечная монета), *мультипликашка* (мультипликационный фильм), *промокашка* (промокательная бумага);

-уха: круговуха (круговая лапта); Мы играли в *круговуху*//; *рацуха* (рационализаторское предложение); Есть у тебя *рацуха*/ давай *рацуху*//[68]; Она такая *большуха*// (большая девочка).

Слова на *-ак, -уха, -ушка* могут обозначать не только конкретные предметы, но и нечто, наделенное данным признаком; *мертвяк* (мертвое дело), *верняк* (верное дело, наверняка)[69]; *полезнуха* (нечто полезное), *тянучка* (нечто долго тянущееся), *неудобняк* (нечто неудобное). Например: Все это *тянучка*/ а дела настоящего нету//; Никакой *полезнухи* не будет//; Получился такой *неудобняк*/ с ума сойти можно.

---

[66] Наиболее "старые" и широко употребительные слова этого рода становятся единицами КЛЯ: *открытка* (сочетание "открытое письмо" стало неупотребительным), *электричка* (*электропоезд* применяется лишь в сугубо официальных ситуациях) и т.п. Универбаты находят отражение в письменной речи. Их необычность для КЛЯ часто передают кавычками: В 609-ю группу лечебного факультета Милютин пришел из *"академки"*, на первый курс после зимней сессии" (Комс. правда 29 февр. 1980 г; *"Санитарка"* (санитарная машина), как волчок вертелась по притихшим улицам Хабаровска (Там же).

[67] Имеет сугубо сниженный характер; ср. более нейтральные *психиатричка* и *психичка.*

[68] Ср. экспрессивное использование слов этого типа в языке художественной литературы: Он раскрыл *записнуху* (записную книжку) (В. Попов).

[69] Ср. омоним *тянучка* – конфета, которая тянется.

Слова типа *мертвяк, верняк*[70], *неудобняк* используются в ответных репликах диалога как релятивы.

Например: – Ну как по-вашему? Поправится она? – *Мертвяк*//; – Думаете получится что-нибудь? – *Верняк*//

Повторим еще раз: отдельные слова – результаты универбации, имеющие давнюю традицию употребления, переходят в КЛЯ, например: *открытка* – открытое письмо, *электричка* – электропоезд, *гнилушка* – гнилой пень или бревно, *грузовик* – грузовой автомобиль. Однако как способ словообразования универбация принадлежит РР. Действует она также в профессиональных жаргонах: *топляк* – затонувшее бревно, *сквозняк* – сквозной курс (в вузе)[71]. См. также примеры выше.

УСЕЧЕНИЕ

Как способ словообразования усечение дуйствует только в сфере производства имен существительных. Способом усечения создаются номинативные единицы, специфические для РР. Их отличает краткость и нередко действующая установка на выразительность, экспрессивность. Многие из них находятся на периферии РР, так как являются выходцами из молодежных и профессиональных жаргонов.

Показательны следующие закономерности: усечению подвергаются слова часто употребительные в том или ином кругу лиц, в той или иной ситуации, так что сокращенное наименование не затрудняет общения; сокращаются единицы большого размера – слова (превышающие обычную длину русского слова) или словосочетания (в этом случае усечение действует одновременно с универбацией); усечению чаще подвергаются основы заимствованных слов.

Существует несколько разновидностей этого способа словообразования. Они различаются в зависимости от таких признаков: 1) какая часть речи подвергается усечению – основа существительного или прилагательного; 2) какова семантическая соотносительность усеченного слова и производящей основы (ср. отношения семантической эквивалентности в случаях типа *бад – бадминтон* и отношения семантической конденсации в случаях типа *факультативный курс – факультатив, демисезонное дальто – демисезон*); 3) каков характер усекаемого сегмента (морфема или неморфема). Кроме того, при характеристике усеченных производных следует учитывать, какова родовая принадлежность и тип склонения усеченного слова по сравнению с усекаемым[72].

---

[70] Ср. польское *pewnik* от прилагательного *pewny* – определенный, точный. Например: "Jerzy Bonecki krytycznego dnia u żadnej Małgoli nie był nawet przez pięć minut. – Pewnik? – Jak to masz na sobie kremową koszulę i krawat w brązowo-żółte pasy". (U. Miłe-Ziembińska. Śmierć wśród chrysantem. Warszawa, 1977, c. 149).

[71] Из речи преподавательницы вуза: На меня нагрузили *сквозняк*//; У меня не спецкурс/ а общий// *Сквозняк*//

[72] Об усечении как способе словообразования см. в работах: *Земская Е.А.* Понятия производности, оформленности и членимости основ. – В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., "Наука", 1966, с. 8–10; Русский язык и советское общество. Словообразование современного литературного

УСЕЧЕНИЕ ОТ ОСНОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Для РР специфично образование имен существительных путем усечения основ производящих существительных по аббревиатурному способу, т.е. не на морфемном шве. При этом усеченное слово имеет то же значение, что и неусеченное: *председатель – пред, помощник – пом, начальник – нач, рокк-н-ролл – рок, факультет – фак, магнитофом – маг, трамвай – трам, преферанс – преф*, т.е. между ними имеются отношения эквивалентности. Большая часть таких слов кончается на согласный, относится к мужскому роду и склоняется как слова типа *стол*[73]. Реже усеченное слово имеет иную структуру. Так, некоторые существительные со значением лица имеют в им.п. ед. числа флексию *-а*, например: *шизофреник – шизя* (или: *шиза), тунеядец – туня.*

Производное слово отличается от производящего сферой употребления и окраской сниженности. Этот вид усечения наиболее активен в молодежном арго, а также в профессиональных жаргонах (в среде физиков, химиков: трансформатор – *транс*, плексиглас – *плекс*, лазер – *лаз;* у студентов: стипендия – *стип* или *стипа* (ж.р.), факультет – *фак*; у научных работников разных специальностей: диссертация – *диссер*). Несколько примеров: А где наш *транс*//; Смотри чтобы не треснул *плекс;* Я боюсь из тебя выйдет настоящий *шизя*//; Не хочешь в *бад* поиграть?; А на каком она *факе*?; У них новый *маг*//[74].

Этот способ словообразования отличается экспрессивностью. Он характерен для РР, проявляющейся в условиях особой непринужденности и речевой раскованности говорящих. Усечения как отдельные лексические единицы стилистически неравноценны. Отдельные усечения, обычно слов длинных и привычных для говорящего, не несут в себе заряда грубости или вульгарности. Из приведенных выше не имеют грубой окраски слова *маг, бад, фак.* Нередко усечению подвергаются имена собственные (типа известного в русской культуре сокращения *Сулер* от фамилии *Сулержицкий*). Например: *Максет – Макс, Кок* (Коктебель – название поселка в Крыму): (профессор-литературовед) Вы в этом году в *Кок* собираетесь?; Для *Кока* эта куртка замечательно подходит//

Усечения от основ существительных легко принимают суффиксы субъективной оценки: *шизя–шизик, туня–туник, стип–стипуха, бад–бадик, диссер-диссертюга, диссертяга, директор-дир-дирик, тролл–тролик.* Усеченно-суффиксальные слова нередко несут печать вулгарности. Ср. лишенное грубости производное с установкой на каламбур *удочка* из *уд* (удовлетворительно – оценка в школе или вузе).

языка. М., "Наука", 1968, с. 271 284 (автор: Янко-Триницкая Н.А.); *Санджи-Гаряева З.С.* Усечение как способ словообразования в разговорной речи. – В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, II. Самарканд, 1972; *Она же.* Наблюдения над словообразованием в русской речи. Канд. дис. М., 1976; Русская разговорная речь, 1973, гл. Номинация (автор: Капанадзе Л.А.).

[73] В том случае, когда усекаемое слово женского рода, усеченное тоже может относиться к ж. р.: *стипендия – стип* (А где т в о я *стип*?), *диссертация – диссер* (он кончает с в о ю *диссер*//).

[74] Ср. имитацию речи молодежи в газете: . . . новых песенок у новых знакомых *на маг* посписывать.. (Комс. пр., 4.1 . 80).

Усечение слов не на морфемном шве – явление молодое, хотя и не совсем новое[75]. Оно охватывает наиболее частотные в той или иной группе лиц слова. В языке действует такая закономерность: по мере привыкания к таким словам, их "старения" и распространения они теряют свою непривычность, грубоватость и переходят в разряд нейтральной лексики. Такова была судьба слов *метро* (из метрополитен) и *кино* (из кинематография). Ср. нейтральное название журнала "Искусство кино".

Примечание. В наши дни этот способ словообразования активизируется под влиянием западноевропейских языков, таких, как английский, французский, немецкий, в которых широко распространены разные виды сокращений основ существительных[76]. Ср. англ. doc(doctor), cap (captain), phone(telephone); фр. prof(professeur), exam(examen), fac(facultet), sympa(sympatique), dissert(dissertation), une interro(interragation), manif(manifestation), Amphi(Amphiteatre):

сокращения собственных имен: Nana, Margot; фамилий известных лиц: Saint-Exe (de Saint–Exupery); немецк. Bus (Autobus), U–Bahn (Untergrungbahn), Oma(Großmama).

Приведем для иллюстрации несколько примеров из романа San Antonio "La rate au court bouillon"[77], показывающих "разгул' усечений: Un petit *Napo,* quoi; *Le prof* a cru; ; Un cri comme on n'entend qu'au *ciné* dans le films d'epouvant; elle est *sympa;* c'est *recta;* la nouvelle de la météo; je te parie ta parrure de *diams.*

Особую группу усечений составляют производные от заимствованных слов, которые в языке-источнике являются сложными. Такие слова обычно превосходят своей длиной среднюю длину русского слова: баскетол – *баскет*; вундеркинд – *вундер,* бутерброд – *бутер.* Усечение проходит на границе двух корней. Усеченное слово сохраняет значение и систему склонения полного слова.

В ряде случаев происходит одновременное усечение и суффиксация: телевизор – *телик,* велосипед – *велик,* фотоаппарат – *фотик.* Без суффикса усечение не функционирует. Такие слова особенно употребительны в детской речи.

Примечание. Слова, имеющие разную деривационную структуру, могут иметь одинаковое морфемное строение, т.е. включать усеченную основу + суфф.*-ик.* Ср. а) усеченно-суффиксальные производные *телик* (от телевизор), *тубик* (туберкулезные больной), *чудик* (чудной человек), *велик* (велосипед), где усеченные формы без суффикса отсутствуют; б) *шизик, туник* – уменьшительные от усечений *шизя* (шизофреник), *туня* (тунеядец); в) *мультик* уменьшительное от *мульт,* семантически связанное с сочетанием мультипликационный фильм *(мультфильм), студик* – с сочетанием *студенческий билет* (или *студбилет).*

---

[75] См.: *Янко-Триницкая Н.А.* Указ. соч. – К наиболее старым усечениям относятся такие слова, как *баки* (бакенбарды), *спец* (специалист).

[76] См. например: *Берлизон С.Б.* Сокращения в современном английском языке. – Иностранные языки в школе, 1963, № 3; *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, с. 31; *Степанов Ю.С.* Французская стилистика. М., 1965, с. 74–75; *Гяч Н.В.* К вопросу о генетических истоках аббревиатур. – В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970.

[77] "Editions Fleuve Noir," Paris – VIII, 1969.

УСЕЧЕНИЕ ОТ ОСНОВ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В РР действует несколько видов усечений от основ прилагательных:

1) Усечения на морфемном шве.

а) Путем семантической конденсации сочетания "прилагательное + существительное" и усечения основы прилагательного в РР создаются специфические краткие номинации. При этом производное слово формально соотносится с основой прилагательного, а семантически – со словосочетанием: фиктивный брак – *фиктив*, автоматический зачет – *автомат*, факультативный курс – *факультатив*, мохеровый шарф – *мохер*, демисезонное пальто – *демисезон*. Этот вид усечений распространяется лишь на относительные прилагательные. Среди слов, произведенных этим способом, есть такие, которые по форме совпадают с существительными, послужившими основой для производства прилагательных, входящих в базовое сочетание: декретный отпуск – *декрет*, дипломная работа – *диплом*. Мы рассматриваем подобные слова как усечения, т.е. как результат словообразовательного процесса – в отличие от номинаций типа *химия* – химическая завивка, *основа* (спортивное) – основной состав игроков, которые не могут быть получены в результате усечения соответствующих прилагательных[78].

Усечения от основ прилагательных не имеют резкой стилистической окраски сниженности. Они более похожи по своей форме на обычные существительные, чем отсубстантивные "обрубки" типа *диссер, маг* и под., несущие печать жаргонности. Их существование "оправдывает" и бóльшая семантическая наполненность, так как они являются семантическими конденсатами, а не просто дублируют семантику неусеченного существительного. Слова такого типа часто используются в профессиональной речи лиц разных специальностей[79], например физиков: термоядерная реакция или установка – *термояд*, кибернетическая установка – *кибер*, издательских работников: сигнальный экземпляр – *сигнал*, титульный лист – *титул*, подстрочный перевод – *подстрок;* медиков: коронарный сосуд – *коронар*; спортсменов: экстремальная нагрузка – *экстрем;* лингвистов: аналитические прилагательные – *аналиты*, окказиональные слова – *окказионалы*, потенциальные слова – *потенциалы*, и даже: усеченные слова – *усеки*; шутл. *положиты, отрицаты.*

А. Машина не будет стихи переводить// Б. Хорошо бы хоть *подстроки* делала//; Они хотели чтобы еще два года был *фиктив*//; – Она про что пишет? – Про *аналиты*//; Надо подписать *титул*//; Знаешь/ уже был *сигнал* нашего романа//; Она два года *на синхроне* работала// (синхронный перевод).

---

[78] См. о таких словах в кн.: Русская разговорная речь, 1973, гл. Номинация.

[79] Этот тип существительных под названием "включения, оформленные нулевым суффиксом", рассматриваются в работе: *Полякова И.М.* Процессы включения в лексике и словообразовании (наблюдения над профессиональной разговорной речью металлургов). Автореф. канд. дис. Куйбышев, 1972. с. 22–23. – Автор приводит такие примеры: *скруббер* (скрубберная руда), *автомат* (автоматная сатль), *легковес* (легковесный рулон), *реверс* (реверсивный стан).

Отличаются от производных этого типа некоторые слова, имеющие иной тип склонения: жаргонное студенческое усечение-конденсат *лаба* (лабораторная работа), *безнадега* (безнадежное дело), имеющие систему флексий жен. рода (как у слов типа *стена*), что в целом не свойственно отадъективным конденсатам и присуще в какой-то степени отсубстантивным усечениям (ср. *шизя, туня* и под.).

б) Усечением основ прилагательных создаются также существительные, не связанные семантически с каким-либо определенным сочетанием, а имеющие значение "отвлеченный признак" или "нечто, наделенное признаком" (лицо или предмет). Для этого используются преимущественно основы заимствованных прилагательных. Обычно усекается (частично или целиком) конечный суффикс или суффиксоид производящей основы. Усечение проходит после согласного (при этом *л* мягкое чередуется с твердым): *банальный – банал, тривиальный – тривиал, примитивный – примитив, интимный – интим* и т.п. Этот вид усечения охватывает только качественные прилагательные.

Этот тип словообразования не составляет специфическую особенность РР, он действует также в современной публицистике и языке художественной литературы. Однако он проявляет активность в сфере интеллигентской РР: Боюсь что получится *банал*// (ср. *банальщина, банальность*)//; А. Покажи мне/ что у вам там// Б. Показать это нельзя/ там дикий *интим*// (о записях в дневнике); Все это идет *на интиме* (о сцене в кино); Не люблю *наива*// (ср. *наивность, наивничанье*)[80]; Это жуткий *примитив*// (о кинофильме) (ср. *примитивность, примитивизм*).

Среди имен такой структуры много слов, ставших нейтральными единицами КЛЯ – *театрал, стационар* (стационарное учреждение), *мемориал, радикал, либерал* и мн. другие. Здесь нам важно подчеркнуть, что в РР образование подобных слов – живой процесс, в КЛЯ же попадают устоявшиеся, имеющие длительную традицию употребления единицы, т.е. – результаты этого процесса. Вот несколько примеров, показывающих возможности образования в РР слов этого типа: Он его *конгениал*// (ср. конгениальный); Да он же *банал*//; Васильев *не тривиал*/ не говори зря//; Нужно подобрать хороших *интуитов*//

2) Усечения не на морфемном шве.

Существует иной тип усечений, синонимичных словосочетаниям: материалом для них служат широко употребительные в той или иной среде (учебной, профессиональной) сочетания слов. Наиболее распространенной и стилистически нейтральной является группа слов-названий институтов, факультетов, отделений. Такие слова нередко бывают усеченно-сложными, содержащими сокращение двух основ. Слова такого типа особенно широко употребительны студентами, но не только ими: *пед* (педагогический институт), *мед* (медицинский институт), *физфак* (физиче-

[80] Близость таких слов суффиксальным существительным отмечалась исследователями. См., например: *Виноградова В.Н.* Стилистические средства словообразования. – В кн.: Стилистические исследования М., 1972, с. 202; *Санджи-Гаряева З.С.* Указ. соч.

ский факультет), *мехмат* (механико-математический факультет). При этом действует такая закономерность: если полная номинация-словосочетание включает два слова, сокращение включает начальные компоненты обоих (усечение идет после согласного): *истфак* (исторический факультет), *филфак* (филологический факультет). Но если полная номинация состоит более чем из двух слов, сокращение тоже включает только два компонента (это могут быть сокращенные основы двух прилагательных или прилагательного и существительного; опускается обычно компонент наиболее общий и наименее информативно значимый – институт, факультет, отделение): *физтех* (физико-технический институт), *ромгерм* (романогерманское отделение), *иняз* (институт иностранных языков), *сангиг* (факультет санитарии и гигиены), *нефтехим* (нефтехимический институт).

Например: Она *на ромгерме* учится//; На *физтех* трудно поступить//; Это девочка из *иняза*//; – Откуда она? – *С физмата*//; Он *в нефтехим* сдает//; Она кончала второй *мед*//; Он в *педе* учится//; Этот парень из *педа* или из МГУ?

Особую тематическую группу составляют сложносокращенные слова – названия должностей типа *помреж* (помощник режиссера), *главреж* (главный режиссер), *техред* (технический редактор), *литред* (литературный редактор), обладающие разной степенью общеизвестности и употребительности.

В профессиональных жаргонах бытуют сложносокращенные слова и иных семантических групп лексики[81]. Например, в среде математиков, физиков: *гервер* (теория вероятности), *гермех* (теоретическая механика), *урматы* (уравнения математической физики), *сопромат* (сопротивление материалов).

–

Итак, разные виды усечения характеризуются различной стилистической окраской и степенью сниженности. Усечения от основ имен существительных в целом отличаются большей сниженностью, чем усечения от основ прилагательных.

Усечение как способ синхронного словообразования характеризует отношения между единицами в системе. Единица более простая по форме является стилистически маркированной, и именно этот признак выступает как показатель ее синхронной производности (ср. *маг* и *магнитофон*, *бад* и *бадминтон*, *интим* и *интимный*, *мед* и *медицинский институт*, *ромгерм* и *романогерманское отделение*), так как в русском языке действует закон, по которому стилистически маркированная единица не выступает как производящая по отношению к единице нейтральной (хотя бы и "более длинной")[82].

---

[81] Ср. бытовое сокращение *стипор* (стиральный порошок)

[82] См. подробнее об этом: *Земская Е.А.* Понятия производности, оформленности и членимости слов. – В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966, с. 8–9; *Лопатин В.В.* К вопросу о критериях направления словообразовательной мотивированности Linguistische Arbeits Berichte. Leipzig, 1979, № 22, с. 63.

Примечание. Иногда усечение рассматривают как один из видов обратного словообразования[83]. Называть одним термином два столь различные явления, с нашей точки зрения, неправомерно: термин обратное словообразование целесообразно закрепить за названием диахронического процесса, а термин усечение – за одним из способов синхронного словообразования.

Классическими примерами обратного словообразования является производство слова формально более простого от слова более сложного, которое часто происходит в результате процессов переразложения в заимствованных словах. Так, французское заимствование chauffeur породило в англ. языке глагол fo chauffe' возить в автомобиле'. Таким образом при обратном словообразовании: 1) анализируются отношения между единицами во временной последовательности, в диахронии, 2) часть, отличающая слово более раннее, становится аффиксом, наделенным определенным значением, а не морфемным сегментом (как при усечениях типа маг [нитофон], диссер [тация], фак [ультет]); 3) наличие этого аффикса определяет семантическое различие между анализируемыми словами.

При синхронном анализе, т.е. анализе отношений в системе, те же факты получают иную интерпретацию. Так, в парах типа to chauffe – chauffeur как производная должна рассматриваться единица по форме более сложная, т.е. chauffeur.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

В РР получают ранг слова некоторые сокращения, принятые на письме. Это относится прежде всего к сокращениям широко распространенных слов – названий денежных единиц, единиц измерения, веса и т.п.: *коп* (копейка), *рэ* (из р. – рубль), *кэмэ* (сокращение км. – километр), *кэгэ* (из кг. – килограмм): Дай мне пять *коп*//; Вы мне должны два *рэ*//; Мы прошли 20 *кэмэ*//; Знаешь туда сколько ехать? Девяносто *кэмэ*//; У нас сначала вверх по реке 90 *кэмэ*/ потом во́лок//

В таких случаях говорящий использует нелитературные формы названия букв (*рэ*, а не "эр"; кэ, а не "ка"; *мэ*, а не "эм" и т.д.), что подчеркивает шутливый, игровой характер этих наименований[84].

К иной семантической сфере относится сокращение *мэнээс*, реже *эмэнэс* (из м.н.с – младший научный сотрудник, получившее довольно широкое распространение в среде научных работников и встречающееся и в форме мн. числа (*мэнээсы*)[85].

В жаргоне молодежи – школьников и студентов – используется более широкий круг усеченных слов, базирующихся на письменных сокращениях. В него входят часто употребительные в их среде слова – названия школьных дисциплин, отметок

---

[83] См.: *Рихтер Г.И.* Обратное словообразование в русском языке. – В кн.: Проблемы словообразования русского и украинского языков. Киев-Донецк, 1976, с. 110–122.

[84] Ср. слова, возникшие на основе буквенных сокращений начала XX в.: *эсэр* (из с.-р. – социалист-революционер), *кадеты* (из к.-д. – конституционалист-демократ), *эндек* (из н.-д.), *эсдек* (из с.-д.), отражающее иной способ буквенного чтения. Ср.: *Алексеенко М.* Некоторые особенности образования терминов группы "название лица по признаку социально-политической принадлежности" в русском языке конца XIX в. – первой четверти XX в. – Linguistische Arbeits Berichte, 22. Leipzig, 1979, с. 83–93.

[85] Ср. отражение слов этого типа в письменной речи – в периодической печати и языке художественной литературы: "Молоденький *менеэс*" (Лг, 9 VIII. 78); "Ему красная цена сто тридцать *рэ*" (Д. Гранин, Однофамилец).

и т.п.: *физра́* (ср. написание *физ-ра* из физкультура)[86], *литра́* (из *лит-ра*: литература), *би́бка* (из *биб-ка*; библиотека), *отл* (отлично), *хор* (хорошо), *уд* (удовлетворительно), *неуд* (неудовлетворительно).

Например: У нас *физра* завтра//; Я пять баллов по *литре́* получил//; Я в *бибку*//; Он опять *неуд* схватил//

Усечения, основанные на сокращенных написаниях, используются для наименнования людей по инициалам. Этот вид наименований применяется лишь по отношению к лицам, хорошо известным в той или иной среде. Такие усеченные наименования произносятся как названия соответствующих букв, с паузой между ними: Л.Г. (Эл Гэ – Лидия Григорьевна), Н.Ю. (Эн Ю – Наталья Юльевна), В.П. (Вэ Пэ – Виктор Петрович) и т.п.

В качестве обращения подобные наименования не употребляются.

Обратное явление можно видеть в случаях превращения буквенных наименований в слова: Так, школьники называют учеников классов, носящих индекс "А" – *ашники* или *ашки*, "Б" – *бэшники* или *бэшки;* Трамваи "А" и "Б" в некоторых городах называются словами *Аннушка, Букашка* (например, в Харькове; в Москве 20–30-х годов).

Это явление распространено в профессиональных жаргонах, ибо многие реалии специальных сфер (марки машин, названия изделий) имеют официально-номенклатурные буквенные номинации (типа: паровоз ОВ именуется *овечка,* самолет Ту – *тушка*).

СУБСТАНТИВАЦИЯ

В РР обнаруживает определенную активность субстантивация. Продуктивны субстантиваты с такими значениями[87].

1) Наименования людей по месту их жительства, работы, учебы – в форме мн. числа – *университетские, заводские, школьные, институтские, совхозные,* например: У меня на дне рожденья мои *школьные* были//; Ты со своими *институтскими* встречаешься?; Играли *киевские* и наши//

2) Наименования видов кушаний в форме ср. р. – *мясное, рыбное, горячее, холодное, жидкое, сладкое,* например: У нас ничего *рыбного* нет//; Купи *молочного*!; А что *горячее* есть? Я не люблю одни закуски//; Мам! Что на *сладкое?*

---

[86] Ср. диалог школьников, приводимый в газете "Комсомольская правда":" – Целый месяц по всем предметам буду ехать на одних двойках. . . – По всем? И по *физре*?" И далее автор находит необходимым дать объяснение: *"Физра"* – – так в дневниках порой помечаются уроки физкультуры . . ." (Комс. правда, 30 авг. 1980 г).

[87] О типах субстантиватов, продуктивных в КЛЯ, см.: *Лопатин В.В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. – В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., "Наука", 1967. – О субстантиватах в РР см.: Русская разговорная речь, 1973, с. 413–417. О субстантиватах, функционирующих в профессиональной РР металлургов, см.: *Полякова И.М.* Процессы включения в лексике и словообразовании, с. 12–15.

3) Наименования видов одежды в форме ед. ч. ср. рода – *летнее, зимнее, теплое, шерстяное, простое,* например: У меня ничего нового *летнего* нет/ а лето на носу//; Ты уже в *зимнем?* Не рано?; Это у тебя *праздничное*?

Отдельные виды одежды могут называться субстантиватами в форме мн. ч., например: *выходные* (туфли, сапоги).

4) Названия магазинов – по виду товаров, в форме м.р. ед. ч.: *овощной, молочный, фруктовый, рыбный, мясной, обувной* и т.п., например: Ты в *обувной* не заходила?; Я только в *овощной* и домой//; Это ты в *молочном* сыр покупал?; Жаль у нас *рыбного* нет поблизости//; У нас очень близко *овощной*//

5) Наименования видов отпусков в форме м.р. – *декретный, очередной, двухгодичный, шестимесячный* и т.п.; например: Она в *декретном* уже?; Я хочу взять *академический*/; Ему обещали *шестимесячный*//

6) Наименования видов экзаменов, в форме мн. числа – *выпускные, государственные, вступительные.* Например: У нее *государственные* начинаются//; В июне *выпускные*/ в июле *вступительные*/ когда тут отдыхать?

7) Наименования видов собраний, в форме ед.ч. ср. р. – *комсомольское, профсоюзное, партийное, открытое, закрытое, общеинститутское* и т.п. Например: У нас завтра *профсоюзное*//; Это будет *перевыборное*?

8) Названия разного рода учреждений институтов, библиотек и т.п. Субстантиват имеет форму рода в соответствии с родовой принадлежностью элиминированного существительного: *Медицинский, Педагогически, Физико-технический* (институт); *Ленинская, Историческая, Горьковская, публичная* и т.п. (библиотека). Несколько примеров: У нее сын в *медицинском*/ на третьем курсе//; Почему вы решили идти *в педагогический*?; Наш Вася *в детскую* записался//; Пора билет в *Ленинскую* перерегистрировать//; Я люблю в *Историческую* ходить//

По сравнению с такими видами номинаций, как усечения и универбаты, субстантиваты отличаются отсутствием стилистической окраски сниженности. Ср. *государственные* и *госы, Историческая* и *Историчка, снотворное* и *снотворка*. Кроме перечисленных типов, в РР функционируют универбаты, создаваемые по требованию конситуации и контекста: Мне *на надувном* не нравится спать// (о матрасе); А где твой *спальный*? (о мешке); *Я в резиновых* не пойду// Холодно// (о сапогах); Ты *сливой* пьешь? (о соке); Вы *в кооперативном* живете?; Не знаешь/ Митя на *Ученом*? (ученый совет); Мы не получили *пригласительные*//; Я вчера встретил нашу *классную*// Лет десять не виделись// (классную руководительницу); Помнишь/ когда мы ходили *на Лебединое* . . . (о балете "Лебединое озеро").

АББРЕВИАЦИЯ

Аббревиация не принадлежит к числу активных способов словообразования в РР. Однако в РР употребительно небольшое число аббревиатур, как правило, заимствований из КЛЯ: *ГУМ, ЦУМ* и т.п. Ср. Также *чэпэ* (ЧП) – "чрезвычайное происшествие". В РР аббревиатура ЧП имеет еще два значения: ЧП – частная практика (из речи медиков), ЧП – "четвертая

полоса" в газете – (юмористическая страница); Цэу – ценное указание, например: (шутливо) Какие последуют *цеу*?; У нас *чэпэ*// Залило соседей/ забыли кран зарыть//[88].

В РР обнаруживается та же тенденция, которая регулирует создание современных аббревиатур в КЛЯ: «"создать" неаббревиатурную" аббревиатуру, которая бы маскировалась под обычное слово, вплоть до полной омонимии»[89]. При этом "подгоняются друг под друга аббревиатура и ее расшифровка"[90]. Что касается РР, то для нее характерны такие виды сокращения сложных названий, при которых аббревиатура создается с установкой на шутку. Возникает каламбурное столкновение в результате омонимии аббревиатуры с обычным словом. Вот несколько примеров. Сокращения названий журналов: *Литобоз* ("Литературное обозрение"), *Вопли* ("Вопросы литературы").

Раздел III

ГЛАГОЛ

ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ В РР

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В сфере словообразования РР своеобразно проявляется характерный для системы русского языка в целом контраст имени и глагола (см. подробнее ч. II, раздел I). Если имя обладает определенным набором специфически разговорных словообразовательных средств, то у глагола такой набор отсутствует. Большинство глаголов в РР образуется по стилистически нейтральным моделям, активно функционирующим и в КЛЯ. Поэтому наша задача состоит не только в установлении совокупности продуктивных в РР словообразовательных типов глаголов, но и в выявлении некоторых общих закономерностей словообразования глаголов в РР, связанных со специфическими особенностями семантики глагола и условиями реализации РР. Такие характеристики РР, как высокая конситуативность, автоматизм, неофициальность общения, во многом определяют разнообразие и неоднородность словообразовательных процессов, адекватное описание которых далеко не всегда можно свести к анализу лишь бинарных отношений: производящее–производное. Поясним это на конкретных примерах, позволяющих выявить причины и конкретные условия возникновения производного глагола.

С одной стороны, существуют производные, для объяснения которых

---

[88] Об аббревиации в РР см.: Русская разговорная речь, 1973, с. 417.

[89] "Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литеатурного языка. М., "Наука", 1968, с. 97. Ср. также: *Алексеев Д.И.* Сокращенные слова в русском языке. Изд. Саратовского ун-та, 1979, с. 197–198.

[90] Русский язык и советское общество . . . , с. 98.

рассмотрение бинарных отношений является достаточным. Они заполняют соответствующую пустую клетку в лексической системе и не нуждаются в "материальной поддержке" со стороны контекста, например: По-моему он просто *переосторожничал*//; Мне еще 50 рублей осталось *донакопить*//

Другая группа производных обнаруживает тесные связи с контекстом и конситуацией. Как семантика, так и структура таких производных характеризуются конситуативной обусловленностью. При этом можно выделить два рода фактов.

1. Возникновение производного глагола может быть "спровоцировано" предыдущим контекстом, который содержит лексический материал, используемый в качестве производящей основы. Чаще всего он содержится в реплике собеседника: А. Хорошо бы капустник устроить// Б. Нет/ я уже *откапустничалась*//; А. Я Вам сейчас расскажу в назидание// Б. (шутливо) Ну давай *назидай*//; (разговор о фотографии) Ну ты посмотри! Исступление прямо в глазах// И главное мне не из-за чего *исступать*// Я по натуре не фанатичка//. В производных этого типа находит отражение одна из общих тенденций построения РР – тенденция к разного рода повторам, которая во многом обусловлена автоматизмом РР[91].

2) Возникновение других производных в РР объясняется влиянием соответствующего структурного образца, т.е. возникает как бы "структурной повтор" (см. об этом выше, стр. 81): А. Что-то она за последнее время здорово подурнела// Б. Даже можно сказать *пострашнела*//

Особенно характерно для РР нанизывание в речевой цепи нескольких глаголов с тождественным значением префикса: Я сегодня целый день *проходила/простояла/ прогуляла*//; Раньше у нас чуть не каждый день гости// *Переболтать/ перекусить / переобедать*//; Наконец-то четвертый зонт у меня останется// А то я все *пораскидала/ пораздарила/ пораздавала*//

Иногда цепочка одноструктурных производных отражает поиск наиболее адекватного средства выражения: Наверно этот договор *перекладут/ переложат/ передоверят* мне//

В ряде случаев появление изоструктурных производных связано с экспрессивно-оценочными намерениями говорящего: Да он *набухал/ набуровил* туда несколько ведер из колодца//; Ну что ж/ мы тоже *напишем/наваляем/ нашуруем*//

Для словообразования глаголов в РР характерна прежде всего свобода действия разнообразных словообразовательных типов и активность процессов взаимодействия между различными способами словообразования (и словообразовательными типами внутри них), что объясняется продуктивностью в РР чересступенчатого словообразования глаголов. При этом отыменные и отмеждометные глаголы смешанных способов словообразования обычно "ориентированы" на отглагольные глаголы, имеющие аналогичную словообразовательную структуру. Поэтому представляется целесообразным охарактеризовать сначала внутриглагольное словообразование, а затем образование глаголов от других частей речи.

---

[91] См. об этом, например, в главе "Синтаксис" книги "Русская разговорная речь" (1973), а также часть II раздел I этой книги.

ГЛАГОЛЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ГЛАГОЛОВ

Суффиксация

Суффиксы *-ну(ть), -ану(ть)*. Суфф. *-ну(ть), -ану(ть)*, вносящие в глагол значение однократности (суфф. *-ану(ть)* также особой интенсивности, неожиданности действия), относятся к числу активно функционирующих в РР экспрессивных словообразовательных средств. Глаголы с этими суффиксами производятся от глаголов несов. вида (за исключением *сказать–сказануть*), обычно обозначающих действия, состоящие из нескольких однородных актов. При образовании глаголов с суфф *-ну(ть), -ану(ть)* в РР обнаруживается целый ряд особенностей[92].

В РР (в отличие от КЛЯ) наблюдается образование глаголов с суфф *-ну(ть), -ану(ть)* от глаголов, семантически "нетипичных" для данных словообразовательных типов. Так, возможно образование глаголов с суфф. *-ну(ть), -ану(ть)* от глаголов, не вступающих в видовые оппозиции, т.е. не имеющих видовых пар несов. вида. Таковы, например, модальные глаголы: А. Я тоже намеревался в Ленинград поехать// Б. Ну и что же не *намеревнулся*?; глаголы душевного состояния: Мы его (фильм) все смотрели// Но никто не *восторгнулся*//; А. Сегодня на улице народные гуляния/ ликование// Б. Ну и ты сходи *ликовни*//

В РР свободно образуются глаголы с суфф. *-ну(ть), -ану(ть)* от глаголов, не обозначающих действия, состоящие из нескольких однородных актов: (на остановке автобуса) А. Сколько можно ждать? Пойдем пешком// Б. Смотри-ка/ он уже *стартанул*//; (о пятне на юбке) Если на затрепанных джинсах/ это никого не шокирует// А на юбке сразу *шокирнет*// (данными глаголами подчеркнута неожиданность, интенсивность и резкость действия).

В РР продуктивно образование глаголов с суфф. *-ну(ть), -ану(ть)* от глаголов с заимствованными основами на *-овать, -ировать*: (о приглашении артистов) Чтоб их приглашать/ деньги большие нужны/ А сейчас уж конец года/ так что не очень *манипульнешь*//; Ну давай/ *экспериментни*//; Я ее в своей книжке *цитнул*// (процитировал); (о книгах) Этот завал нужно *ликвиднуть*//; Придется мне с ним *конфликтнуть*//

Созданием глаголов с суфф. *-ну(ть), -ану(ть)* в РР достигается две цели. Во-первых, выражается актуальное для данного акта коммуникации значение совершенности действия, сочетающееся с оттенком однократности. При этом нужно учитывать, что образование префиксальных глаголов совершенного вида, которые бы выражали это же значение, от глаголов, подобных рассмотренным выше, часто невозможно (или затруднено) или же префикс вносит в значение производного дополнительные лексические оттенки. Во-вторых, глаголы с суфф. *-ну(ть), -ану(ть)* отвечают экспрессивным намерениям говорящего, так как обладают особой выразительностью: в них часто сталкиваются элементы противоположной стилистической окраски – книжная основа и разговорный суффикс.

---

[92] Интересно, что в РР отмечен глагол с суфф. *-ану(ть)*, образованный непосредственно от и м е н и (с усечением основы), что невозможно в КЛЯ: (шутливо) А. У Вас как в лучших домах Лондона// Б. Я захотела перед Вами *лондануть*//

Можно заметить, что наиболее часто выражаемая однократными глаголами экспрессия – это экспрессия иронии: А. Ну вот/ только я хотела порыдать у тебя на плече/ а ты уходишь// Б. Можешь рыдать по дороге// *Рыдани*/ если есть о чем//

Суффикс *-ива(ть)*. Многократные глаголы с этим суффиксом Гр.-70 относит к сфере РР и просторечия. Такая характеристика не представляется бесспорной. Глаголы этого типа (например, *хаживал, говаривал*) обладают стилистической окраской, которую нет основания называть разговорной. Более того, подобные глаголы не употребительны в РР. Их следовало бы охарактеризовать как "фольклорно-повествовательные"[93] и не соотносить данный словообразовательный тип со сферой РР.

Продуктивные в РР процессы имперфективации глаголов рассматриваются в главе "Морфология" нашего исследования. Здесь же отметим характерное для РР явление чересступенчатого образования имперфективных глаголов с суфф. *-ивать(ть)* (суффиксация сочетается с префиксацией, а сами глаголы относятся к смешанным способам словообразования): Что же ты вся на больную ногу *уплюхиваешься*! (ср. усаживаешься); А.А этот пылесос сильный? Б. Да он все *выпылесашивает*// (ср. выветривать); Давайте будем *насалачиваться*//. Соответствующие этим глаголы сов. вида легко "восстанавливаются" (уплюхаться, выпылесосить, насалачиться/.

Префиксация

Префиксация глаголов в РР отличается активностью, что находит свое выражение в многочисленных неузуальных глаголах, образованных при помощи различных префиксов. Префиксальные глаголы чрезвычайно пестры и разнообразны. Необходимо отметить,что опора на конситуацию позволяет говорящему в РР свободно образовывать префиксальные глаголы, омонимичные узуальным, реализующим другое значение префикса. Наиболее продуктивные типы деривационных значений, выражаемых различными префиксами, будут рассмотрены при описании семантики глаголов. Чтобы избежать повторения, отметим здесь, с одной стороны, префиксы, не проявляющие продуктивности в РР, с другой – префиксы, дающие наибольшее количество новообразований.

В РР не отмечается образования глаголов с префиксами *де-* и *дис-*, имеющих значение 'совершить (или совершать) действие, противоположное действию производящего глагола, аннулирующее результат этого действия', и префиксом *ре-* со значением повторного действия. Указанные значения регулярно выражаются в РР соответственно префиксами *раз-* и *пере-*: А. Я замерзла очень// Б. Ничего/ сейчас дома *размерзать* будем// (согреваться); А. Вы разве не поссорились? Б. А мы уже *рассорились*// (помирились); Эту главу придется *переизложить*//; Заседание на 12 часов назначили// Надо *переобъявить*//

---

[93] Термин И.И. Ковтуновой. См.: *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. М., "Просвещение", 1976, с. 138.

Среди неузуальных префиксальных глаголов преобладают глаголы с префиксами количественно-временны́х значений, а среди них глаголы, которые наряду с общими временными характеристиками процесса (начало, окончание) имеют дополнительные оттенки градуального характера – большой/малой интенсивности, полноты/неполноты действия. Наибольшую продуктивность при образовании глаголов этого рода проявляют префиксы:

пере- со значением 'совершить действие с нежелательно большой длительностью или интенсивностью': А. Недельку можно побездельничать// Б. Но он *перебездельничал*//; (о ребенке) А. Он у них капризный стал очень// Б. Потому что *перенянчили*//;

недо- со значением 'совершить действие не полностью, не довести его до необходимой нормы': Я еще *недоовладел* этим приемом//; (о книжной полке) Не ставь пока книги// Я ее еще *недоукрепил*//; Это я *недосообразила*//;

по-, под- со значением 'совершить действие с незначительной интенсивностью': Тебе нужно *поотвлечься*/ отдохнуть//; Это можно *подызменить*/ подправить и им дать//; Его разговоры уже *поднадоели*//

Глаголы, включающие в свое значение градуальные компоненты (прежде всего компонент интенсивности), могут использоваться в РР для выражения разных видов экспрессии. Глагол в РР лишен экспрессивных словообразовательных средств, подобных суффиксам субъективной оценки имен существительных и прилагательных. Однако словообразование глаголов не остается вне эмоционально-оценочной сферы. К словообразовательным типам, выполняющим в РР определенные экспрессивно-оценочные функции, могут быть отнесены типы, указывающие на интенсивность проявления действия (которая при несоответствии норме может оцениваться как нежелательно большая или малая) и фиксирующие положительный или отрицательный характер результата действия. Назовем некоторые из них.

Так, глаголы с префиксами *под-, при-*, указывающими на небольшую интенсивность действия, используются для выражения вежливости, подчеркнутой симпатии: (о статье) Я бы тебе советовал эту часть *подсократить*//; (об учебе ребенка) Он у вас немного *приотстал*//; А. Я ведь тебе этого не обещал// Б. Обещал// Ты просто *подзабыл*//; как определенная страховка от "саморекламы": А. Ну ты готов? (к экзамену) Б. Да так/ *подначитался*//; А. У тебя теперь марок наверно вагон? Б. Вообще-то *поднакопил*//[94]

[94] Ср. мнение М.В. Панова: "В обиходной речи словообразовательными средствами выражаются те формы экспрессии, которые в нормализованной литературной речи могут быть выражены и словообразовательно, и синтаксичееки, и средствами словосочетаний. Так, глагольная приставка *под-* в обиходной речи служит не столько для обозначения ослабленности действия, проявления его не в полную меру, немножко (как говорится в словарных определениях), сколько для выражения разного рода экспрессий (вежливости, иронии, стремления не обидеть и вместе с тем выразить нужную мысль и т.п.)". (Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, с. 10). О трансформируемости сем при актуализации разговорного слова в речи, в частности сем интенсивности в направлении оценочности, см. также: *Девкин В.Д.* Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис). Автор. докт. дис. М., 1974, с. 46–47.

Среди префиксальных глаголов, которые обозначают отрицательный характер результата действия, в РР продуктивны глаголы с префиксами:

про- со значением 'упустить, пропустить что-н., совершая действие, названное производящим глаголом': *проморгать, прохлопать, прошляпить*;

об- со значением 'причинить ущерб кому-л, совершая действие, названное производящим глаголом': *объесть, оббелить, обжулить.*

Яркую группу глаголов, фиксирующих отрицательный характер результата действия, составляют высокопродуктивные в РР глаголы с общим значением 'довести до нежелательного состояния (крайнего утомления, бессилия, исчерпанности) с помощью действия, названного производящим глаголом'. Это глаголы с префиксами:

за-: задергать, заездить, неуз. Он вас *запоет*//; Катюшка меня совсем *загуляла*//;

у-: Меня эти кастрюльки *уездили*//; *Умучила* я тебя?; (о ребенке) А. Заснула она? Б. Еле *учитала*//. Глаголы с префиксом *у-* указывают на высокую интенсивность действия и отличаются некоторой стилистической сниженностью.

Префиксально-постфиксальные глаголы

Процессы префиксально-постфиксального внутриглагольного словообразования активны в РР. При всем разнообразии используемых префиксов глаголы данного способа образования характеризуются общими семантическими чертами: они указывают на высокую интенсивность, насыщенность, исчерпанность действия и характеристику его результата. Названные семантические особенности обусловливают определенную экспрессивно-оценочную значимость подобных глаголов. Назовем наиболее продуктивные в РР словообразовательные типы глаголов, фиксирующих оценку результата действия.

Глаголы со значением 'довести себя до неприятных последствий в результате совершения действия, названного производящим глаголом':

до- . . . -ся: А. У меня кажется насморк начинается// Б. Это ты *допроветривалась*//; (о детях) Все-таки в таком возрасте их надо как-то контролировать// А то *додоверяешься*//;

из- . . -ся: (об актрисе) А. В ней обаяние пропало// Б. Да потому что *изломалась/искривлялась* вся//;

за- . . . -ся: заболтаться, забегаться; А. Голова болит// Б. *Зачиталась*//;

у- . . .-ся: *угуляться, учитаться.* Я сегодня *устиралась*//

Глаголы со значением 'прийти в нормальное состояние с помощью действия, названного производящим глаголом':

про- . . . -ся: продышаться, проплакаться, прочихаться;

от- . . . -ся: *отваляться, отвисеться.*

Глаголы подобного типа указывают на положительный характер результата совершенного действия (при отрицательном характере результата предшествующего действия).

Для префиксации глагола в РР специфичны следующие явления:

1) В РР обнаруживает большую активность вторичная префиксация[95] – прибавление префиксов к префиксальным глаголам. Это не свойственно книжным стилям КЛЯ и составляет характерную черту РР. В качестве вторых префиксов в РР продуктивны:

по- со значением распространения действия на ряд объектов или субъектов: Мне надо было много-много всяких вещей *понаполучать*//; Ты смотри как комары тебя *понакусали*//; Опять у меня на столе всё *поразбросали/ поперепутали*//; Они все одно и то же *понаписали*//; (шутливо) Теперь берегись! Она очки надела/ все *порассмотрит*//;

по- со значением небольшой интенсивности действия: Он непрочь цэу раздавать и *поприкрикнуть*//; У нас елка уже немного *пообсыпалась*//;

под- выражет то же значение: Я слегка *подотвыкла* от этого; Завтра должно это дело *подзакруглиться*//; Сашка малость *подразболтался*//;

до- со значением доведения действия до конца или дополнительного совершения действия, доведения его до необходимой нормы: Сейчас я воротник *допришью*//; Сейчас я *допоясню*//; (о ремонте) Мне осталось обои *доободрать*//; Картошки *доначистить* надо//;

пере- со значением повторного действия: Нужно теперь всех *переопросить*//; А. Я отгадал (кроссворд)/а она говорит неправильно// Б. Придется *переотгадать*//

2) В РР получает достаточно широкое распространение образование префиксальных глаголов путем так называемой заменительной префиксации: Телефон нужно *распарить*// (ср. спарить); Что-то ты *недоборщил*// (ср. переборщить); А. Ты эту доску к стене *прислони*// Б. Хорошо// Пусть так постоит// Пока кто-нибудь другой не *отслонит*//; Рукава мне пожалуйста *высучи*// (ср. засучи)[95].

Слова подобного рода нередко сталкиваются, противопоставляются в речи. В РР часто оказывается актуальным обозначение "противоположного" действия. При этом говорящему обычно легче бывает построить новый префиксальный глагол с тем же корнем, используя регулярные словообразовательные средства антонимообразования, чем воспроизвести готовую словарную единицу другого корня (ср. *вывихнуть – вправить* палец). Нередко антоним может и отсутствовать в словаре (*спарить–распарить* телефон).

3) В качестве специфического средства обозначения большой интенсивности действия в РР используются префиксы *пере-, пре-*, реже *раз-* в конструкциях с повторами. Подобные конструкции характерны и для других частей речи (см. раздел II): Дети всегда так// Кажется

---

[95] Явление глагольной полипрефиксации подробно рассматривается в работе: *Ройзензон Л.И.* Многоприставочные глаголы в русском и в других славянских языках. Самарканд, 1974.

[96] Многочисленные факты подобного рода отмечаются в детской речи, например: Клоуны сейчас будут фокусы показывать// Исчезать и *причезать*//; Пойдем гулять пока не *растемнело*// (=*рассвело, ср. стемнело*); Мам/ты не спишь! Я же тебе глаза *расщурила*//*Отщурь* глаза// (ср. *прищурить*); Лужи сначала застынут/ а потом *расстынут*// (=растают).

устали-переустали/ а через минуту опять на одной ножке скачут//; Ты не веришь/ а у меня нога *болит-преболит*//; У меня ведь Саша по физкультуре тоже *отставал-преотставал*//; Ты ему не очень верь// Он же *сочиняет-пресочиняет*//; А теперь/ он говорит/ я тебя *слушаю-расслушаю*//

ГЛАГОЛЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ИМЕН И МЕЖДОМЕТИЙ

Суффиксация

Если принять разграничение суффиксов глаголов на инвариантные и неинвариантные, предложенное И.С. Улухановым[97], то глаголы разных словообразовательных типов распадутся на две группы. В первую войдут глаголы с инвариантными суффиксами *-и-*, *-нича-*, *-ова-*, *-ствова-*, во вторую – с неинвариантными *-е-* (инхоативные глаголы) и *-ка-/-а-* (глаголы, означающие произнесение звука).

I группа (глаголы с инвариантными суффиксами).

Суффикс *-и(ть)*. Анализ парадигматических семантических связей инвариантных суффиксов обнаруживает их синонимичность (полную для суффиксов *-нича-* и *-ствова-*) и частичную (для *-нича-* и *-ствова-*, с одной стороны, и *-ова-*, *-и-*, с другой)[98]. Синонимичность инвариантных суффиксов предполагает возможность выбора при образовании глагола того или иного конкретного словообразовательного средства. Наши наблюдения показывают, что среди инвариантных суффиксов наиболее продуктивен в РР суфф- *-и-*:

Эта ручка *кляксит* //; Ты что/опять *французишь*? (говоришь в нос из-за простуды); *А.* Они не хотели дать отпуск? Б. Да / *канителили*/затеяли проверку//; (о ребенке) Он у меня полтора месяца *скарлатинил*//. С помощью суфф. *-и-* могут быть выражены все значения, передаваемые другими инвариантными суффиксами. Кроме того, он выражает значения, которые нельзя передать с помощью других инвариантных суффиксов. Так, значение наделять чем-л' не может быть выражено суфф *-нича-* и *-ствова-*, поскольку они образуют только непереходные глаголы. Активность процессов образования отыменных глаголов с суфф. *-и-* обусловлена также минимальным количеством ограничений со стороны производящих имен (ограничений семантического, стилистического и формального характера)[99].

---

[97] *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977, с. 85–90.

[98] Там же, с. 204–205.

[99] См.: *Бахтурина Р.В.* Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-Ø// -и*(ть). – В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., "Наука", 1966. Высокая продуктивность словообразовательного типа отыменных глаголов с суфф. *-и-* и свободное появление их в живой речи дают основание рассматривать их как грамматическую форму имени (см.: *Панов М.В.* О грамматической форме. – Уч. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина, 1959, т. XXIII, вып. 6, с. 18). Ср.: "Чем ближе тот или иной словообразовательный процесс (благодаря своему промежуточному положению между грамматикой и лексикой) к формообразованию, тем продуктивнее его окказионализмы" (*Девкин В.Д.* Немецкая разговорная лексика. М., 1973, с. 131).

Необходимо учитывать также, что из словообразовательных типов глаголов "идеально" приспособленным для передачи различных конситуативных значений является именно тип отыменных глаголов с суфф. *-и(ть)*, поскольку для семантики таких глаголов характерна свободная связь производящей и производной основы (словообразовательное значение глаголов с суфф. *-и(ть)* определяется как 'действие, имеющее отношение к тому, что названо производящей основой')[100].

Итак, подавляющее большинство отыменных глаголов в РР образуется с суфф. *-и(ть)*. Производные с другими инвариантными суффиксами – *-нича(ть)*, *-ова(ть)*, *-ствова(ть)* сравнительно немногочисленны. Однако они позволяют выявить некоторые закономерности функционирования названных словообразовательных типов в РР.

Суффикс *-ова(ть)*[101]. Нами отмечено лишь несколько глаголов с суфф. *-ова(ть)*. Показательно, что все они содержат заимствованные основы:

А. (иронически) Она же круиз совершила по Средиземному морю// Б. (шутливо) А/значит она *круизировала*//; А. Ты в кино с Юрой пойдешь? Б. Да нет// Он дома сидит/ *комплексует*//. (Глагол является непереходным и имеет значение 'испытывать состояние, названное производящей основой'). Обратим внимание, что Гр.-70 отмечает только подтип переходных глаголов с суфф. *-ова(ть)*, мотивированных названиями состояний, например *парализовать, гипнотизировать, нокаутировать.*

Еще один пример: (разговор о детях) А. Ты знаешь/ мой Вовка на физкультуре третий с конца стоит// Б. Не переживай// Придет время/ он быстренько *сакселерирует*// (быстро вырастет). Префикс имеет чисто видовое значение.

Приведенные непереходные глаголы с суфф. *-ова(ть)* можно, по-видимому, рассматривать именно как подтверждение функционально-стилистической прикрепленности данного словообразовательного типа к сфере книжной речи. В РР появление глаголов с этим суффиксом нами отмечено только при наличии у производящего имени яркой книжной окраски. Косвенным подтверждением наличия у словообразовательного типа глаголов с суфф. *-ова(ть)* определенной окраски "книжности" могут, вероятно, служить и неузуальные глаголы с суфф. *-и(ть)*, синонимичные узуальным с суфф. *-ирова(ть)*: А. В этой каше никакой пользы нет// Б. А я ее *витаминю*// (ср. *витаминизирую*); Мне теперь еще только описание *оматематить* надо// (ср. *математизировать*).

Суффикс *-ствова(ть)*. Продуктивность данного суффикса также обнаруживается прежде всего в сфере книжной речи. В РР нами отмечены глаголы с суфф. *-ствова(ть)*, созданные с установкой на шутку[102]: Вы опять *чаепитствуете*?; Мы с ней так сказать *соседствуем*// А. Вы участок (дачный) получили? Б. Да/ *огородствуем*//. Появление этих глаголов, выполняющих определенные экспрессивные функции, по-видимому, обус-

---

[100] См.: *Земская Е.А.* Русская разговорная речь (проспект). М., 1968, с. 68–72.
[101] Вслед за Гр.-70 элементы *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-* считаем единой морфемой.
[102] О таких глаголах см. ниже, с. 186.

ловлено осознанием функционально-стилистической окрашенности данного словообразовательного типа, поскольку известно, что одним из источников экспрессивности является объединение средств разной функциональной принадлежности.

Суффикс *-нича(ть)*. В работах отмечается продуктивность данного словообразовательного типа в РР. Некоторыми авторами он относится к числу стилистически отмеченных экспрессивных разговорных моделей[103]. Такая оценка основывается, по-видимому, прежде всего на анализе лексического наполнения данной модели. При этом, как представляется, должны приниматься во внимание некоторые ономасиологические характеристики глаголов с суфф. *-нича(ть)*. Бóльшая часть глаголов данного словообразовательного типа относится к актуальному в РР семантическому классу глаголов поведения. Для этого класса глаголов характерна следующая закономерность: разные виды "положительного" поведения получают обычно описательное выражение, а отрицательно оцениваемые действия и поступки – однословное выражение[104]. При этом глаголы, имеющие в своем значении отрицательно-оценочные компоненты, мотивируются как существительными с отрицательно-характеризующими значениями (*лентяй–лентя́йничать, подхалим – подха́лимничать*), а также прилагательными, обозначающими отрицательно оцениваемые признаки (*малодушный–малодушничать*), так и стилистически нейтральными именами (*виртуоз–виртуозничать, щепетильный–щепетильничать, оригинальный–оригинальничать*) и т.д. Наличие в семантической структуре глаголов с суфф. *-нича(ть)* отрицательно-оценочных компонентов, вероятно, и обусловливает их тяготение к определенному стилистическому центру, который лишь условно может быть назван разговорным (в противоположность книжному), поскольку принадлежность многих экспрессивно-оценочных глаголов с суфф. *-нича(ть)* к РР не представляется очевидной (например, глаголы *лизоблюдничать, скаредничать, невежничать* и некоторые другие, имеющие в словарях помету *разг.*).

Другую группу глаголов с суфф. *-нича(ть)* составляют глаголы деятельности, причем отмечается следующая ономасиологическая закономерность: глаголы деятельности с суфф. *-нича(ть)* – это глаголы ремесла, промысла, профессии прикладного характера [105] (*кухарничать, поварничать, полотерничать*), поэтому можно говорить об определенной экстралингвистической обусловленности тяготения данного словообразовательного типа к сфере РР.

Неузуальные глаголы с суфф *-нича(ть)* в РР вопреки ожиданиям сравнительно немногочисленны. Вероятно, одной из причин этого является активное функционирование в РР "конкурентного" типа непереходных глаголов на *-и(ть)ся* (см. о них ниже). Глаголы с суфф. *-нича(ть)* появляются в тех случаях, где позиции суфф. *-нича(ть)* наиболее сильны, –

---

[103] *Васильева А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1976, с. 46.

[104] *Васильев Л.М.* Семантический класс глаголов поведения в современном русском языке. – В кн.: Исследования по семантике. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1976, с. 41–65.

[105] *Улуханов И.С.* Указ. соч., с. 230.

это глаголы поведения, оцениваемого отрицательно. Число производных с суфф. *-и(ть)* в глаголах поведения невелико, еще менее распространен в них суфф. *-ова(ть)*. Например: Хватит тебе *актрисничать*! (т.е. кривляться, вести себя неестественно). Глагол мотивирован словом *актриса* в переносном отрицательно-характеризующем значении.

В других случаях (если глагол образован от стилистически-нейтральных слов) отрицательно-оценочный характер глагола проясняется ситуацией и контекстом: (ребенку) Иди обедать! Сколько можно *балетничать*!; (неодобр.) Ты не очень *энергичничай*//; У него сердце болит/ а он все *активничает*//; Если каждую неделю *ресторанничать*/ никакой зарплаты не хватит//; (иронически) Куда нам с тобой до Тани! Она за себя взялась// Три раза в неделю на гимнастику ходит/*физкультурничает*//. Интересно, что глаголы, производные от тех же основ, но лишенные отрицательной оценочности, образуются по типу глаголов на *-и(ть)ся*. При этом они, вероятно, не принадлежат к глаголам поведения: Вот здесь мы *ресторанились*// (т.е. вот в этом ресторане мы ели); Давай теперь по утрам *физкультуриться* будем// (заниматься физкультурой).

Глаголы с суфф. *-нича(ть)*, являясь непереходными, обозначают действие, замкнутое в сфере субъекта. Особо нужно выделить пример, в котором глагол с суфф. *-нича(ть)* обозначает действие, предполагающее объект: Она хороший редактор// Не *нервотрепничает*//

Можно заметить, что в РР продуктивны разные виды окказиональной транзитивации, связанные как с изменением морфемного состава слова, так и без него, например: А. Как Марина выкрутилась! Б. Это я ее *выкрутила*//; Ирин/ куда это ты носки *запропастила*?; Ты всех своих домашних *поправила*? (ср. *поправиться*); Я тебя сейчас *позавтракаю* и пойду в магазин//; Он по глупости своей собирается это делать// Я вчера его уже *лаял*// (ругал).

II группа (глаголы с неинвариантными суффиксами)

Сфера функционирования неинвариантных суффиксов не пересекается со сферой функционирования инвариантных суффиксов. Эти суффиксы – не конкурентны. С помощью неинвариантных суффиксов выражаются значения, которые не могут быть переданы суфф. *-и(ть)* и другими инвариантными суффиксами.

Суффикс *-е(ть)*. В сфере чистой суффиксации обнаруживает некоторую продуктивность суфф. *-е(ть)* (суфф. *-а(ть)* и *-ну(ть)* с инхоативным значением являются непродуктивными): А. Я вообще терпимей стала// Б. *Философе́ешь*//; Ребенок взрослеет и *похоже́ет* на Нину//. Для инхоативных глаголов характерен префиксально-суффиксальный способ образования: Что-то твоя борода *поблагороднела*//; А. Ну / как N. ? Б. Роскошно! *Пороскошнела* вся//; Ты не замечаешь? Я *помускулистела*//. Подобные глаголы нередко создаются по конкретному образцу: А. Они хорошо отдохнули// Б. (шутливо) Да/ *размордели*// (ср. *располнеть, растолстеть*).

Суффикс *-а(ть)/-ка(ть)*. Глаголы с этими суффиксами имеют значение 'произносить то, что названо производящей основой'. Такие глаголы многочисленны, они легко появляются в речи: Он тут десять минут стоял

аллёкал// (говорил "*алле*"); А. Ну ладно/ всё/всё//Б. Что ты *всё-каешь*?

В глаголах "звукопроизнесения" отчетливо проступает тенденция к сочетанию приемов суффиксального словообразования с префиксальным и с постфиксальным: А. Ну вот/опять опоздаем// Б. Что ты *разнувоткалась*! В качестве производящих таких глаголов часто выступает тот или иной речевой фрагмент предшествующего текста. Поэтому для глаголов "звукопроизнесения" характерно образование путем с р а щ е н и я в сочетании с суффиксацией: (ребенку) Не лезь ты в эту лужу// А то бабушка опять *божемойкать* будет//; (разговор о герое детской книги) А. А тебе нравится дедушка–голова моя персона? Б. А почему его так зовут? А. Потому что он *головамоясперсонкает* все время//

У узуальных глаголов с суфф. *-а(ть)/-ка(ть)* нередко имеются дополнительные семантические компоненты, устойчиво закрепленные за словом. На их присутствие в семантике глагола указывают его синтаксические связи – *баюкать кого-л.* (укачивать), *хрупать что-л.* (есть) и т.д. У неузуальных глаголов такие дополнительные компоненты обусловлены конситуативно. Они могут указывать на любое ситуативно актуальное действие. Например: (А. печет блины. Переворачивая их говорит) Раз! Раз! Б. Все *переразкала*? (т.е. перевернула); (А., Б., В. разговаривают об отсутствующем общем знакомом) А. Так этот тот самый человек? (данная реплика сопровождалась жестом) Б. Тот самый// (повторяет жест) В. (что-то записывает) А. (к В.) Что это Вы пишете? В. Ваш жест// А. А-а// Как мы *затоткали*//.

П р е ф и к с а л ь н о - с у ф ф и к с а л ь н ы е г л а г о л ы

В РР сфера префиксально-суффиксального словообразования представлена чрезвычайно разнообразно. Характерной особенностью РР является активность процессов, способствующих формированию специфических, по сравнению с КЛЯ, словообразовательных типов и семантических подтипов, взаимодействующих с типами отглагольных префиксальных глаголов с аналогичными префиксами. При этом представляется важным подчеркнуть следующее. Основной причиной появления смешанных способов словообразования глаголов обычно справедливо признается наличие в языке глаголов, находящихся на II или III ступени производности и имеющих опосредованные мотивации именем или глаголом (например: чистый–чистить–очистить–очиститься, по образцу которых создаются глаголы, уже непосредственно мотивированные именем или глаголом (*простой–опроститься, говорить–переговариваться*)[106]. В РР образцом для возникновения "чересступенчатых" отыменных глаголов могут служить конкретные семантически близкие префиксальные глаголы (с тождественным значением префикса), не имеющие никакой связи с именем (*перекормить–переконфетить, закрыть–заторить*).

В сфере о т с у б с т а н т и в н о г о словообразования наиболее продуктивны следующие словообразовательные типы:

[106] *Улуханов И.С.* Указ. соч., с. 35–36.

о-(об-)...-и(ть) со значением 'наделить тем или свойствами того, что названо производящим существительным': Эта стрижка ее сразу *отипажила*// (т.е. превратила в типаж, лишила индивидуальности); (шутливо) Сережка требует чтобы я его тоже *особачила*// (купила собаку); Они все хотят *осемиотить*//; Мне надо *обфольклорить* эту работу//;

обез-...-и(ть) со значением 'лишить того, что обозначено производящим существительным': Толя/ дайте мне пожалуйста скрепку// Или я Вас *обесскреплю*?; Галя меня *обесстолила*//; Ты меня совсем *обесхалатила*//. Субъектную разновидность глаголов данного типа образуют глаголы, производимые по модели *обез-...-е(ть)*: У меня жена *обезголосела*// Совсем по телефону говорить не может// Просила меня позвонить//;

раз-...-и(ть) со значением 'лишить свойств того, что названо производящим существительным': Лучше поторговаться о заглавии и его *разметодить*//; Это нужно немножко *раздифирамбить*//

Среди о т а д ъ е к т и в н ы х глаголов наиболее продуктивны префиксы *о-(об-)*, *у-*, *раз-*, *пере-*, которые в соединении с суфф. *-и(ть)* производят глаголы со значением:

о-(об-)...-и(ть), *у-...-и(ть)* – 'наделить признаком, который назван производящим прилагательным': Вам нужно *обмоднить* свой гардероб//; (об экзаменах) Это сейчас так *осерьезили*//; Он меня тоже *упричесить* хочет//; В этой главе композицию *устройнить* надо//;

раз-...-и(ть) 'лишить признака, названного производящим прилагательным': А. Студенты /говорит/ очень чопорные// Б. (шутливо) Ну/ надо их *расчопорить*//; Ты сегодня очень серьезная// *Рассерьезнить* тебя хочу//;

пере-...-и(ть) – 'чрезмерно наделить признаком, названным производящим прилагательным': А. Ты шерсть покрасила? Б. Да/ только *пересиренила*// (покрасила в сиреневый цвет с излишней интенсивностью).

Некоторые префиксально-суффиксальные глаголы в РР могут быть интерпретированы и как чисто префиксальные. Мы имеем в виду глаголы на *-и(ть)* типа: (о ребенке) Она теперь крепко спит// Я ее *надимедролила*//; Смотри/ *намандаринишь* его/ а потом диатез будет//. В РР высокопродуктивны типы отыменных глаголов на *-и(ть)* от названий потребляемых объектов, в частности лекарств: *кодеинить*, *антибиотить*. Поэтому существование в РР не зарегистрированных нами глаголов *димедролить*, *мандаринить*, от которых могут быть образованы соответствующие префиксальные глаголы, вполне допустимо.

Как префиксальные должны быть интерпретированы и глаголы "звукопроизнесения", образованные от междометий или "омеждомеченных" слов при помощи префикса *за-* в начинательном значении: А. Ну ты только посмотри! Б. Что ты там опять *засмотрикала*?. Образование префиксально-суффиксальных глаголов с префиксом *за-* в начинательном значении не допускается словообразовательной системой. В то же время в РР отмечается продуктивность суффиксальных глаголов типа *дакать*, неуз. *аллекать*, *божемойкать*, на фоне которых легко "восстанавливается" и беспрефиксный глагол *засмотрикать – смотрикать*.

Среди префиксально-суффиксальных глаголов в РР представляют большой интерес глаголы, образованные по типам, не выделенным в Гр.-70. Они обнажают связи между различными способами словообразова-

ния и указывают на возможность формирования в РР новых словообразовательных типов и семантических подтипов.

Так, среди префиксально-суффиксальных глаголов с префиксом *пере-* Гр.-70 выделяет только тип отадъективных глаголов со значением 'чрезмерно наделить тем признаком, который назван производящим прилагательным' – *перегорчить*. В РР отмечены также отсубстантивные глаголы с тем же значением префикса: (о посещении балетных спектаклей) Я в этом месяце ее *перебалетила*// Четыре раза были//; (шутливо) Дедушка у нас такой конфетник// Его не *переконфетишь*//

Словообразовательный тип глаголов с префиксом *от-* и суфф. *-и(ть)* квалифицируется Гр.-70 как непродуктивный. Глаголы имеют значение 'отделить то или посредством того, что названо производящим существительным'. В РР этот словообразовательный тип дает новообразования: *Отполовинь* мне! (отрежь половину); Помнишь/ как я палец чуть не *откофемолила*? (отрезать, отхватить палец кофемолкой). Появление этого глагола, по-видимому, "провоцируется" нестандартностью отношения между данным предметом и действием, которое не имеет в языке лексического соответствия.

В РР образуются отсубстантивные глаголы, реализующие другое значение префикса *от-*. Они имеют значение 'интенсивно, тщательно совершить действие с помощью того, что обозначено производящим существительным': Мне белье *отперсолить* надо// (ср. глагол *открахмалить*, опосредствованно мотивированный именем).

Гр.-70 отмечает словообразовательный тип отсубстантивных глаголов с префиксом *за-* и суфф. *-и(ть)*, имеющих значение 'покрыть, наполнить тем, что названо производящим существительным' – *захламить*, неуз. *зашторить*. В неузуальном глаголе *загурзуфить* – А ты не можешь Катю на все лето загурзуфить? (отправить в *Гурзуф*) – реализуется другое, пространственное значение приставки 'поместить в какое-либо место', ср. *задвинуть, забросить, засунуть*.

Суффиксально-постфиксальные глаголы

Среди суффиксально-постфиксальных глаголов отметим чрезвычайно характерный для РР тип глаголов на *-и(ть)ся* со значением 'совершить действие, имеющее отношение к тому, что названо производящей основой'. В качестве производящих используются как существительные, так и прилагательные: Я всю зиму *театралился*// (посещал театры); Я *массажиться* иду//; Я тоже буду *босоножиться*// (ходить в босоножках); Он теперь *эрмитажится*// (ходит в Эрмитаж); Мы сегодня будем *профсоюзиться*? (проводить профсоюзное собрание). Такие глаголы чаще всего мотивируются словосочетаниями. Их значение является в высшей степени конситуативно обусловленным.

В РР возможно образование суффиксально-постфиксальных глаголов от заимствованных основ и аббревиатур: А. (шутливо) Счастливого вам уик-энда! Б. Мы на овощной базе *уикэндиться* будем//; Ты *экагэкаться* (делать электрокардиограмму – ЭКГ) собираешься? Префиксально-постфиксальные глаголы подобного типа не характерны для КЛЯ.

Префиксально-суффиксально-постфиксальные глаголы

В литературе по словообразованию обычно указывается на немногочисленность глаголов, образованных с помощью постфикса *-ся* непосредственно от имен с одновременным присоединением префикса. В РР процессы образования подобных глаголов протекают активно. Обычно образцами для них служат семантически близкие префиксально-постфиксальные модели отглагольного словообразования, а сам глагол создается путем подстановки субстантива в определенную модельную рамку. Укажем наиболее продуктивные в РР типы подобных глаголов:

раз-...-и(ть)ся со значением 'достигнуть большой интенсивности в совершении действий': (о фигурном катании) Ну и *раскаскадился*// (ср. распрыгаться); Она совсем буржуйский ребенок стала// *Разбарилась* дома// (разленилась, разбаловалась); (А. входит в комнату, где включен телевизор. Показывают фильм о войне. Солдаты кричат "ура". А., желая узнать о предшествующих событиях фильма, спрашивает) А почему они *разуракались*? (ср. раскричаться, разохаться);

на-...-и(ть)ся со значением 'совершить действие в достаточной степени или в избытке': Это шерсть? Или мы так *насинтетились* что не различаем?; Придется мне опять *насупрастиниться*// (ср. наесться);

от-...-и(ть)ся со значением 'перестать заниматься чем-л.': Ты уже *отсубботился*? (отработал на субботнике); Вы уже *отдокладились*? (прочитали доклад) (ср. отбегаться, отделаться);

о-(об-)...-и(ть)ся со значением 'наделить себя тем или приобрести свойства того, что названо производящей основой': Ну/ сегодня все *обторти-лись*// (купили торты); (об актрисе) А. Это не она там играет// Там же роль фабричной девчонки// Б. *Офабричилась* значит//; Они сейчас очень *оретроградились*//; Я все больше и больше *осамариваюсь*// Волга!; ср. также ряд глаголов *окандидатиться* (стать кандидатом наук), *одокторить-ся, остепениться.* Высоко продуктивные в РР глаголы данного типа соотносятся с рассмотренным выше типом переходных глаголов *о-(об-)...-и(ть)* (*отипажить, обфольклорить* и др.). Это субъектная и объектная разновидности одного типа глаголов.

Суффиксально-постфиксальные глаголы с другими приставками немногочисленны, например: Мы ведь на первом этаже (живем)// Так что *зарешетились*// (поставили на окна решетки). Это глагол со значением включенного объекта: *зарешетить окна* (ср. *зазанавесить, зашторить*) — *зарешетиться.*

Итак, в РР глаголы нередко создаются не способом образования производного от производящего, а способом подстановки нового корня в модельную рамку префиксального глагола, что не характерно для КЛЯ.

Возможность образования глаголов способом подстановки корня предопределена специфическим характером семантики глагола и особенностями функционирования слова в РР (тесная связь с контекстом и ситуацией речи). Глагол обозначает действие, которое может быть связано с теми или иными предметами. Словообразовательный способ объективи-

зации таких связей – это образование отыменных глаголов (см., например, приведенный выше глагол *зарешетиться* – 'поставить решетки на окна').

Для РР чрезвычайно характерна актуализация разного рода ассоциативных связей. В таких случаях можно нередко констатировать образование глагола путем подстановки корня: Ну/ ты теперь *счемоданиваться* будешь? (ср. сматываться; чемодан – 'инструмент-место для дорожных вещей'); Кто же мою заколку *ушоферил*? (ср. унес, увез). В данном глаголе наблюдается расширение значения основы: *Шофер* – 'тот, кто каузирует перемещение кого-, чего-либо с помощью автомобиля' → 'тот, кто каузирует перемещение чего-либо'). В качестве производящей основы может использоваться имя, выступающее в качестве ассоциативного символа той или иной ситуации: (шутливо) Ты вся в науку ушла// *Офонемилась* совсем//[107]

На основе ассоциативного сближения действий, обозначаемых глаголами, возможно образование и отглагольных префиксальных глаголов: Я его еле *уплакала*// (с трудом уговорила; по типу *уговорить, упросить*).

Наиболее типичным случаем образования глаголов способом подстановки корня являются глаголы с семантически опустошенными основами: Мы 43 км по тайге *прочехвостили*// (=прошли); Это мы за один день килограмм яблок *умотали*? (съели, ср. *умять, усидеть*). Разные типы глаголов с семантически опустошенными корнями будут рассмотрены ниже. Здесь же отметим специфически разговорный контекстно и ситуативно обусловленный способ "погашения" семантики глагольной основы – повтор в основе глагола имени, выступающего в том же контексте: А. Давай я еще этот "Букет" (название конфеты) попробую// Б. Хватит/ ты уже и так *убукетилась*//

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ В РР

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗГОВОРНЫХ ГЛАГОЛОВ

Разнообразие словообразовательных типов глаголов, функционирующих в сфере РР, естественно ставит вопрос о возможности выявления некоторых общих характеристик глаголов, составляющих принадлежность лексического фонда РР и относящихся к разным словообразовательным типам. По-видимому, ответ нужно искать в установлении определенных закономерностей семантической организации разговорных глаголов. Для этого представляется важным учитывать специфические особенности семантики глагола.

Глагол относится к категории признаковых имен, что во многом обусловливает характер его семантики. Семантика глагола носит не

[107] Ср. разговорный глагол, отмечаемый К.И. Чуковским: Ах, как я *закастрюлилась*! (т.е. целиком погрузилась в домашнее хозяйство). (Цит. по: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, с. 34–35).

абсолютный, а относительный характер[108]. Описание смысловой структуры глагольных лексем предполагает обращение к анализу отношений сочетающихся с ними предметных имен[109], определяющими среди которых являются отношения "действие" – "субъект", "действие" – "объект".

Нередко характеристики глагольного действия выносятся за пределы глагольной лексемы в область синтагматических отношений и реализуются в сочетании глагола с его семантическими распространителями. Таким образом, семантика глагола раскрывается прежде всего в его синтагматических связях, что позволяет говорить об определенной семантической несамодостаточности глагола.

Однако глаголы в семантическом отношении неоднородны. Некоторые глаголы могут указывать не только на само действие, но и на его актанты, обстоятельственные характеристики действия[110]. Глагол может включать в свое значение такие семантические признаки, как, например, направленность действия (*карабкаться* – 'вверх'); интенсивность (большая интенсивность – *дубасить, колошматить, двинуть, жахнуть, орать, горланить* и т.д.; слабая интенсивность – *тюкнуть, копаться, мешкать*); вид орудия (*стегать, хлестать* – 'ударять чем-л. тонким и гибким'); та или иная характеристика объекта (*дробить, крошить, колоть, сыпать* и т.д.), цель действия (*рыскать* – 'ходить с целью найти что-л. нужное').

В семантику глагола нередко включается одновременно несколько конкретизирующих семантических признаков (*сечь, пороть* – 'бить чем-л. длинным, гибким с целью наказания'). Таким образом, наряду с глаголами с широким значением выделяются многопризнаковые глаголы с узкой семантикой.

Каждый язык располагает специфическими средствами включения в семантику глагола тех или иных "семантических добавок". Приведенные выше глаголы – это пример м о р ф е м н о н е в ы р а ж е н н о г о включения. Глаголы подобного типа в РР чрезвычайно многочисленны. Лексическая индивидуализация средств выражения того или иного действия является одной из характерных особенностей русского языка, которая, как представляется, находит яркое выражение в

---

[108] "Предметные имена отражают и обозначают предметы, признаковые имена – отношения, свойства последних, поэтому значения первых более автономны и абсолютны, значения вторых – о т н о с и т е л ь н ы (выделено нами. – *М.К.*) и детерминируются многими факторами" (*Уфимцева А.А.* Лексическая номинация (первичная нейтральная). – В кн.: Языковая номинация (виды наименования). М., "Наука", 1977, с. 67).

[109] См.: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., "Наука", 1974, с. 119–121.

[110] Так, например, Н.Д. Арутюнова среди семантических предикатов выделяет дескриптивный тип глаголов, характеризуемый многопризнаковостью: "В семантику глаголов в этом случае входят категориальные и другие свойства актантов, а часто и указание на орудие и способ осуществления действия, его цель (ср. *копать, штопать, латать, варить, парить, жарить, печь, томить, тушить, лить, сыпать, брызгать, капать, бежать, прыгать, ползти* и т.п.). Семантика глагола способна в принципе охватывать типы значений, которые соответствуют зависимым от него синтаксическим местам. Семантическая структура глагола то вбирает в себя значения, связанные с его актантной рамкой, то выталкивает их из своего значения" (*Арутюнова Н.Д.* Синтаксические функции метафоры. Изв. ОЛЯ АН СССР, 1978, № 3, с. 252).

сфере разговорной глагольной лексики. При этом "семантическая специализация" нередко осуществляется по линии как понятийной, так и оценочной характеристики действия (например, в лексико-семантической группе глаголов, объединяемых словом широкого родового значения *говорить*, можно выделить группу глаголов, характеризующих внешнюю (акустико-физиологическую) сторону речи: глаголы, указывающие на те или иные фонетические дефекты речи – *шепелявить, гнусавить, шамкать*; глаголы, указывающие на излишнюю громкость или быстроту речи – *тараторить, трещать* и др.).

К числу морфемно не выраженных способов семантической специализации глагола могут быть отнесены также метафорические переносы. РР широко использует разного вида непрямые обозначения действия (например, в названной выше лексико-семантической группе среди глаголов, характеризующих коммуникативную сторону речи, велика доля глаголов, имеющих переносное значение. При этом они могут фиксировать следующие признаки сообщаемой информации: ее малоценность или "невероятность" – *молоть, плести, городить*; ложность информации или нежелательность ее распространения – *звонить, трубить*).

И, наконец, конкретизация семантики глагола может быть достигнута при помощи словообразовательных средств. Так, для выражения направленности действия, интенсивности и количественно-временной протяженности русский язык широко использует префиксальные модели[111] (*прибежать, отбежать, набегаться, избегаться*), основа отыменных глаголов может содержать указание на используемый инструмент или средство (*мотыжить, багрить, пудрить, одеколонить*).

Синтагматическая обусловленность семантики глагольного слова, способность глагола включать в свою семантику или наоборот выталкивать значения, связанные с актантной рамкой, – эти особенности оказываются существенными для объяснения закономерностей словообразования глаголов в РР. Они создают благоприятные условия для тесного взаимодействия слова и контекста, слова и конситуации, что приводит к функционированию в РР глаголов разных семантических типов. Поясним это на конкретных примерах.

Сопоставим следующие употребления глагола *законопатить*:

1) Нам нужно окно *законопатить* (конопатя, заполнить, плотно заткнуть щели в окне); 2) У нас сейчас ремонт// Придется Сашу на кухню *законопатить*// (поместить, запрятать кого-л. в тесное или неудобное помещение); 3) Она несдержанная на язык// Иногда такое *законопатит*/ не знаешь что и отвечать// (скажет что-либо неожиданное, неприятное).

В первом случае глагол обозначает конкретное физическое действие, он употреблен в прямом значении и принадлежит к регулярной модели

---

[111] Ср. "... в связи со слабым развитием глагольной аффиксации во французском языке невозможно лексически, одним глаголом выразить те пространственно-временные и качественно-количественные оттенки, которые в русском языке передаются аффиксами" (*Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., Изд-во "Международные отношения", 1977, с. 80).

префиксальных глаголов (*забить, замазать, засунуть*). Префикс указывает на совершенность действия. Во втором высказывании глагол употреблен в переносном значении (оно отмечается словарем Д.Н. Ушакова). В этом глаголе наряду со значением совершенности действия актуализируется пространственное значение приставки – 'поместить в какое-либо место'. В третьем случае как прямое, так и переносное значение глагола противоречат контексту. Понимание этого глагола возможно только при исключении значения основы и включении информации, идущей от префикса (он выражает идею законченности, совершенности действия с оттенком интенсивности). Легко представить и другие контекстные значения этого глагола, обусловленные десемантизацией основы: *законопатить* 100 страниц (написать); лихо *законопатить* (выдумать, сочинить) и т.д. Глагол *законопатить* в таком употреблении обладает определенной выразительностью, которая создается контрастом этого значения с прямым лексическим значением. В силу этого он может реализовывать определенные экспрессивно-оценочные намерения говорящего (в частности, отрицательное отношение к субъекту действия).

Рассмотрим иной случай. Сопоставим различные употребления глагола с именным корнем *разматросить*:

1) Он всю жизнь мечтал во флот попасть// Но в военкомате его *разматросили*// (не взяли в матросы); 2) (о ребенке) Как ты его *разматросила*!(разодеть, как матроса), 3) Я сегодня в магазине опять десятку *разматросила*// (растратила).

В приведенных высказываниях префикс *раз-* в глаголе *разматросить* реализует разные значения, но для нас в данном случае важно проследить "поведение" основы глагола. В первом высказывании смысл глагола выводится из значения существительного. Префикс выражает значение аннулирования результата действия, которое имеет отношение к тому, что названо производящей основой. Глагол образован префиксально-суффиксальным способом (ср. с префиксальными глаголами типа *разминировать*). Во втором случае образован глагол, основа которого содержит сравнение (*разодеть, как матроса*), а префикс выражает идею интенсивности действия. В третьем высказывании приспособление глагола к контексту возможно только при десемантизации основы. Префикс выражает значение результата действия с оттенком интенсивности и разнонаправленности (ср. *разбросать, раскидать*). При этом конкретное ситуативное значение глагола легко выводится из контекста и конситуации.

Итак, в РР можно выделить разные типы глаголов в зависимости от семантического объема. Высокая конситуативная обусловленность, тенденция к разного рода свертываниям, стяжениям приводят в РР к появлению глаголов, впитавших в себя определенные элементы контекста. С другой стороны, контекст, речевая ситуация, общий опыт говорящих могут явиться причинами образования глаголов с семантически опустошенными основами.

Таким образом, семантика разговорных глаголов обнаруживает противоборство двух тенденций: тенденции к семантическому сжатию, информативному насыщению разговорного слова и тенденции к семан-

тическому "обеднению", размытости, диффузности значения[112]. При этом для семантически насыщенных разговорных глаголов характерно более регулярное (по сравнению с КЛЯ) включение в семантику различных актантных и оценочных значений.

При классификации глаголов исходным считаем деление на два класса. В первый войдут глаголы семантически насыщенные, впитавшие в себя разные элементы контекста, во второй – глаголы с семантически неопределенным, "диффузным" значением.

Глаголы с переносным значением занимают промежуточное положение в этом делении. Они могут быть в высшей степени семантически насыщенными, поскольку не только обозначают действие, но и содержат в себе указание на ассоциативный образ. При разрыве ассоциативных связей глаголы с переносным значением могут десемантизироваться (см. об этом подробнее ниже).

Объектом нашего наблюдения является не просто производное слово в его корреляции с однокорневыми словами, а сам словообразовательный акт как процесс формирования нового обозначения в виде производной единицы. Это создает благоприятные условия для исследования словообразования в ономасиологическом аспекте. Поэтому при классификации глаголов в зависимости от их семантического объема учитываются их ономасиологические характеристики.

В РР обнаруживаются разные виды семантически насыщенных и диффузных глаголов, поэтому выделенные классы не являются однородными и распадаются на ряд групп. Так, среди семантически насыщенных глаголов отмечаются как отглагольные, так и отыменные. Анализ словообразования в ономасиологическом аспекте позволяет выявить некоторые общие их характеристики. Производный глагол, представляющий собой семантически расчлененную структуру, можно трактовать как своеобразную вербализацию разных видов сложного предиката. "При отглагольном словообразовании, – пишет Е.С. Кубрякова, – этот сложный или составной предикат включает либо два глагола (ср. *запеть* 'начать петь', *засвистеть* 'начать свистеть', *раскричаться* 'начать сильно или громко кричать', *посадить* 'заставить сесть', *уложить* 'заставить лечь'), либо глагол с определенным квантификатором: *выбривать* 'брить дочиста', вызреть 'совершенно созреть'). При отыменном словообразовании сложный или

---

[112] Действие отмеченных тенденций в сфере номинации РР было описано в монографии "Русская разговорная речь" (1973). На материале немецкой разговорной лексики (а отчасти и на русском материале) оно было убедительно показано В.Д. Девкиным, который предложил следующую классификацию разговорных слов в зависимости от их семантического объема (объем разговорного слова устанавливается по сравнению с нейтральными эквивалентами аналогичного предметно-понятийного содержания): 1) э к в а т ы – единицы с минимальным семантическим осложнением. Применительно к русской РР это понятие распространяется прежде всего на усечения типа *маг* (магнитофон), *бад* (бадминтон) (см. подробнее раздел "Усечение"); 2) к о н д е н с а т ы – информативно насыщенные слова; 3) д и ф ф у з ы – слова с крайне расплывчатым, неопределенным содержанием. Эта классификация может быть применена и к лексике русской разговорной речи.

составной предикат включает глагол-идентификатор (глагол-связку) и соответствующую часть именного сказуемого: бледнеть 'становиться бледным ~ бледнее', *стареть* 'становиться старым ~ старее', *озвереть* 'стать похожим на зверя', *плутовать* 'вести себя подобно плуту', *разбойничать* 'вести себя как разбойник'[113].

Среди глаголов, сводимых к сложному предикату, необходимо выделить характерные для РР, по сравнению с КЛЯ, глаголы, которые включают в свое значение семантически полноценный глагол с конкретной семантикой (такие глаголы с конситуативно обусловленным значением представляют собой результат семантической конденсации): Мы сегодня радио не включали// Целый день *магнитофонились*// (слушали магнитофон); Мы в эти дни *начесночились*// (наелись чеснока).

Между отыменными и отвербальными глаголами нужно видеть и существенные ономасиологические различия. В первом случае производящее (имя) "переводится" в новый грамматический класс, во втором происходит лишь уточнение значения производящего (глагола) в том или ином отношении[114].

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГЛАГОЛОВ

СЕМАНТИЧЕСКИ НАСЫЩЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ

I. Первую группу составляют о т ы м е н н ы е глаголы, включающие в свою семантику различные а к т а н т н ы е значения. Глаголы этого типа обозначают действие опосредствованно – через указание на субстанцию, участвующую в нем. Классификация глаголов в зависимости от актантного значения производящего имени позволяет дать единую ономасиологическую интерпретацию производным разных словообразовательных структур, что представляется важным ввиду многообразия словообразовательных типов отсубстантивных глаголов, функционирующих в РР. Такая классификация дает также возможность выявить те актантные значения, включение которых в семантику глагола наиболее продуктивно в РР.

Глаголы, обозначающие действие по его с у б ъ е к т у (агенсу): Устал я очень// Полгода *деканил*//; А когда *секретарить* кончишь/ тоже в другое здание переедешь?; (о школьной елке) Ну как/ *отснегурилась*? (ср. *отбегаться, отвоеваться*); А. Надо нам капустник устроить/ а Нину премьершей сделать// Б. Я уже *отпремьерилась*//

Глаголы, обозначающие действие по его о б ъ е к т у: Ты нас *озодиачила*// (подарила знаки зодиака//; Мне еще ее (статью) *продефисить* надо// (проставить дефис).

Многочисленны производные глаголы, указывающие на потребляемый объект. Наиболее продуктивны глаголы, создаваемые по модели *на-...-ся*

---

[113] *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978, с. 108–109.

[114] Указанное явление имеет ономасиологическую интерпретацию в понятиях ономасиологического базиса и ономасиологического признака (см.: Dokulil M. Tvoreni slov v cestine, I. Praha, 1962, с. 197).

или *-и(ть)ся*: Сейчас весна/ *витаминиться* надо// (насыщаться витаминами); А. Я сегодня пельмени купила// Б. Так что вы сегодня *пельменитесь*// (едите пельмени); Я три килограмма винограда купила// *Навиноградимся*//

Среди глаголов с включенным значением объекта одним из наиболее продуктивных является словообразовательный тип глаголов с префиксом *об-*, имеющих значение 'наделить тем, что названо производящим существительным'. Выделяются объектная и субъектная разновидности этого типа: (шутливо) Меня в этот раз *околготили*// (подарили колготки); Так ты что/ *обрючилась*? (сшила себе брюки); (о прическе) А у тебя не сессун? А то моя свекровь тоже обсессунилась//; (шутливо) Я вам с Наташей лак привезла/ так что *облачились* вы//; Сибирь поздно начала *обуниверситечиваться*//

Антонимичной является модель с префиксом *обез-*, тоже включающая две разновидности – переходные глаголы на *-и(ть)* и непереходные на *-е(ть)*: Ну что я тебя *обесчаила*? (оставила без чая); Сашка в командировку уехал/ так что я *обезмужела*//

Глаголы, обозначающие действие по используемому инструменту: У нее пялец нет// Но можно его (платок) и на дверь *закнопить*// (закрепить кнопками); Я беру брезентовые рукавицы// Ведь *шестить* придется// (передвигаться в лодке с помощью шеста. Этот глагол является профессиональным); А. Ей она индивидуальную диету предложила// Б. Да ее *диеть – не диеть*/ просто она крупная//; А отец сегодня лечится// *Физкультурят* его/ массажируют// (производящим является словосочетание *лечебная физкультура*).

Глаголы, обозначающие действие по используемому средству: (о самоваре). А. Его сверху лудили// Б. Его сверху не лудят/ а *меднят*// А. Ну значит он омедненный// (покрывать медью); (о покупке письменного стола в комиссионном магазине). А. Я боюсь из-за этого стола тараканы у нас заведутся// Б. Ничего/ мы *попримим* как следует/ и все в порядке// (препарат "Прима"); А. Лицо сухое стало// Б. *Откефирить* надо// (смягчить, сделав маски из кефира; ср. *открахмалить*); Она меня так *залачила*/ волосы как войлок// (покрыть волосы лаком).

Многочисленны глаголы от названий лекарств: Я в этот раз его не *антибиотила*/ и видно зря// (лечить антибиотиками). Отмечены также *кодеинить, аспиринить*. Глаголы этого типа легко соединяются с приставками: *надимедролить, проаскорбиниться*.

Глаголы, обозначающие действие по месту его совершения. Такие глаголы в РР немногочисленны: Света сейчас в Коктебеле *пляжится*//; Надо в центре *магазиниться*// (ходить в магазины); А. А где же наши сумки? Б. Мы их в музее оставили// А. (шутливо) Их уже *замузеили*// (сделали экспонатами музея).

Можно заметить, что все названные глаголы образованы от имен, семантика которых является функционально ориентированной (пляж – 'место для купания и отдыха', музей – 'учреждение, занимающееся собиранием, хранением и выставкой для обозрения чего-л.', магазин – 'торговое предприятие'). Это дает основания сближать данный тип с глаголами, обозначающими действие по используемому инструменту.

II. Вторую группу составляют о т а д ъ е к т и в н ы е глаголы, представляющие собой результат вербализации разного вида и м е н н ы х с к а з у е м ы х, глагольная часть которых семантически ослаблена, т.е. выражена глаголами с широкой семантикой и десемантизованными глаголами-связками. Они сводимы к сложному предикату, включающему прилагательное и семантически малоценный глагол: Ну что ни говори/ а киевляне (футбольная команда) *обинтеллигентили* футбол// (с д е л а л и *интеллигентным*); (о работе) Теперь можно ее в другую сторону (изменить)// *Раскатегоричить*// (с д е л а т ь *менее категоричной*); А. Какой изящный заголовок! Б. Сейчас я его еще *уизящню*// (с д е л а ю *более изящным*); Если А. (работу А.) надо *улаконичнивать*/ то Вас наоборот// (д е л а т ь *более лаконичным*); Она не то чтобы *осолиднела*/ она просто оказалась не такая// (с т а л а *солидной*); Вы очень постройнели// (с т а л и *стройной*); А. Что же ты такая вредная? Б. Я и буду вредная/ если ты меня *вреднишь*// (д е л а т ь *вредной*); А. У них так// Весь текст придумывает Брагинский// А вот крючочки/ сюжет/ это Рязанов// Б. Ну да// *Окиношивает*// (д е л а т ь "*киношным*"); Все это *обесполезнело*// (п е р е с т а л о б ы т ь *полезным*).

III. В третью группу входят девербативные глаголы. Они могут быть интерпретированы как результат вербализации сложного предиката, включающего либо два глагола, либо глагол с тем или иным модификатором. Подобные глаголы распадаются на ряд семантических подгрупп.

П р о с т р а н с т в е н н ы е модификации действия: (ребенку, который полощет горло) Глотай скорей! А то *выбулькнешь*// (ср. *выплюнуть*); Не держи огурцы в воде// Они *высолятся*// (станут несолеными; ср. уз. *вымочить*); Я целую пачку анальгина *выглотала*//; А. Марин/ это Вы столько написали? Б. Это я из старого *иссокращала*//. Иногда неузуальный глагол ориентирован на конкретный лексический образец: (о юбке) Сестра ее сначала себе купила// А потом она *вытолстела* из нее и мне отдала// (ср. *вырасти* из чего-л., какой-л. одежды); Ты мне еще два рубля *вплюсуй*// (впиши, приплюсовав); Быстро мы с тобой переоделись// Из одного *вытряхнулись*/ в другое *втряхнулись*//; А. Не обожгись! Грелка горячая/ Б. А я буду *дотрагиваться* и *оттрагиваться*//

Среди глаголов, обозначающих направление действия в пространстве, выделяется группа глаголов с префиксом *за-*, имеющих значение 'покрыть(ся), закрыть(ся) чем.-л. с помощью действия, названного производящим глаголом'. Обычно это глаголы конкретных физических действий, связанных с использованием того или иного средства: *замазать, забрызгать, заштукатурить, запудрить* и т.д. С ориентацией на этот словообразовательный тип создается неузуальный глагол: Это Никулин поет песню волшебника Гудвина из "Волшебника изумрудного города"// А кто музыку написал и слова/ это вы *закричали*// (заглушили криком).

Чрезвычайно многочисленны и разнообразны модификации по степени и н т е н с и в н о с т и действия.

Небольшая интенсивность: Но со временем это *поостыло*/ *позаглохло*//; А. Тебе еще много? Б. *Подсобирать* материал осталось//; (о работе) У меня там всего сорок страниц осталось// Страниц десять я *подвымарал*//; Эту кофточку *подгладить*/ *подстирать* и я бы могла носить//

Большая интенсивность: А, Студенты там как одеты? Б. Студенты? Студенты *выдуриваются*// (ср. сниж. разг. *выпендриваться*).

Опора на конситуацию снимает в РР омонимию префиксов: Она себя любит// Никогда не *разневолится*// (т.е. не будет себя очень неволить); Совсем ты меня *разгрустила*//(ср. *разобидеть, разогорчить*). В приведенных примерах конситуация "подсказывает", что префикс выражает значение интенсивности, а не аннулирования результата предшествующего действия.

Чрезмерная интенсивность: (о футбольной команде) Можно сказать/ что они *переоборонялись* в первом тайме//; Он опять *переоткровенничал*//. Данная модель является чрезвычайно продуктивной в РР, а сам префикс обнаруживает тенденцию к самостоятельному употреблению.

Проявляет большую продуктивность в несколько сниженной фамильярной РР тип глаголов, образованных по модели *об-...-ся*: Они уже на эти балеты *обходились*//; (о многосерийном фильме) Мы в субботу смотрели/ на следующий день смотрели// *Обсмотрелись* прямо//; Я Ксеньке такой свитер там купила// Зоя *обзавидовалась*//; А. Ты что такой зеленый? Б. *Обкурился* наверно//

Категория высокой степени интенсивности представлена гораздо разнообразнее, чем категория слабой степени интенсивности, и располагает более широким репертуаром словообразовательных средств.

Компонент интенсивности входит в значение целого ряда словообразовательных типов, взаимодействуя с тем или иным денотативным значением. Например, глаголы со значением 'с помощью действия, названного производящим глаголом, превзойти другого исполнителя действия': Нашу Зою не *переопоздаешь*//. Данный глагол воспринимается как нарушающий определенные семантические закономерности словообразовательного типа глаголов (ср. *перекричать, переговорить*). Глаголы этого типа обозначают целенаправленные по своему характеру действия, тогда как глагол *опаздывать* обозначает действие, которое в наших традиционных житейских представлениях не соотносится с идеей соревнования.

Проявляет продуктивность в РР тип глаголов с префиксом *вы-*, имеющих значение интенсивного достижения результата: *выклянчить, выцыганить*; Ну что/ *выпыхтела* статью?; Я себе *выборола* отдельную палату//; Я *выгуляла* свою головную боль//

Компонент интенсивности входит также в значение ряда словообразовательных типов глаголов, объединяемых в группу богато представленных и чрезвычайно продуктивных в РР глаголов с общим значением 'довести до нежелательного состояния с помощью действия, названного производящим глаголом'. Отрицательная оценка, свойственная этим глаголам, направлена на результат действия.

Объектная разновидность: Дай ему волю/ он нас *заворчит*//; Она нас совсем *заходила*//

Субъектная разновидность: Она ведь ссор никаких не любит// Но ты увидишь/ она *домолчится*//; Решение она принять боялась/ ну и *доистерзалась*//; Ну ладно я кладу трубку/ а то уже *истрещалась*//; Ты поговори с ней/ а то она уже *измолчалась*//

Глаголы, характеризующиеся некоторой стилистической сниженностью: *Учиталась* я сегодня//; Я ей оттуда *узвонилась*// Три дня звонила//; Я масло за хлеб засунула/ а потом *уискалась*//; Я *ухихикалась* в этом кино//

Продуктивны в РР глаголы со значением в т о р и ч н о г о, п о в т о р н о г о действия: Придется мне все *переубирать*//; Ты книги уже *переотослал*?; Я ведь не знаю/ может он уже *переженился*//; А. Бабушка/ что что ж ты не смотришь как внучка танцует? Б. Ничего/ она *перетанцует*//

В РР отмечается продуктивность глаголов со значением а н н у л и р о в а н и я р е з у л ь т а т а предшествующего действия. Один из наиболее продуктивных префиксов в данном типе глаголов – это префикс *раз-*. Он присоединяется к глаголам разнообразных словообразовательных и семантических структур: Я уже *распредполагала* туда ехать//; Не надо его *разобнадеживать*//; А. Мы эту книгу так долго ждали/ что двое желающих отпало// Б. *Разжелали* значит//; Некоторые слова-табу теперь *растабуировались*//

Особо следует выделить семантически насыщенные глаголы, м о т и в и р о в а н н ы е с л о в о с о ч е т а н и я м и: *физкультуриться* – 'заниматься физкультурой', *диетиться* – 'соблюдать диету', *эрмитажиться* – 'ходить в Эрмитаж', *профсоюзиться* – 'проводить профсоюзное собрание'. Ср. также шутливые глаголы, омонимичные узуальным: *жмуриться* – 'играть в жмурки', *отозваться* – 'написать отзыв', *обзирать* – 'делать обзор', *фигурировать* – 'заниматься фигурным катанием', *прокатывать* – 'давать в прокат', *жестикулировать* – 'заниматься изучением жеста'.

СЕМАНТИЧЕСКИ ДИФФУЗНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Глаголы с размытым "диффузным" значением, которое конкретизируется ситуацией и контекстом, очень распространены в РР[115]. Функции их многообразны. Они облегчают для говорящего построение высказывания, часто освобождая его от поисков необходимого слова, например: Когда узнаю/ тогда и буду... *шебуршиться* насчет билетов// (узнавать, беспокоиться, доставать). Глаголы с десемантизованными основами часто

---

[115] Именные слова с обобщенной семантикой (типа *вещь, штука, времянка*) были рассмотрены в книге "Русская разговорная речь", 1973, (раздел "Номинация"). О глаголах с десемантизованными основами в РР см.: *Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.* Об актуализации морфемной членимости слова в речи. – В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., "Наука, 1975; *Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта. – VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., "Наука", 1978, с. 220. Широкое функционирование глаголов с диффузной семантикой в немецкой разговорной речи отмечает Девкин В.Д. Одна из наиболее распространенных моделей – модель ономатопеических слов (звукоподражательных): "По мере надобности образуются всякие "klumpsen, trarren, kirrsen, bulzen" и т.п., которые без особой мотивации бездумно изобретаются на ходу и, будучи удачно включенными в высказывание, не выделяются среди других слов. Иногда подобные слова пекут ради шутки. Так, в свое время журнал "Muttersprache" писал о всезначащем универсальном глаголе repunsieren, который мог приобретать в зависимости от применения любую семантику" (*Девкин В.Д.* Проблемы немецкой разговорной речи, с. 32).

используются в РР в качестве экспрессивного средства, создающего атмосферу подчеркнуто неофициального (с оттенком фамильярности) общения, например: Ты сюда эту брошку *пришпандорь*// (приколи). Нередко они используются для выражения разных видов оценки: А. Ты в школе работал? Б. Слава богу два с половиной года *отчебурахал*// (отработал).

В РР можно обнаружить разные типы глаголов с десемантизованными основами.

Прежде всего – это собственно д и ф ф у з ы, глаголы типа *валять, драть, дуть, шпарить*[116]. В РР закрепилось употребление многих глаголов с опустошенным значением. Они омонимичны полнозначным глаголам.

К употреблению в семантически диффузном значении склонны преимущественно те глаголы, семантика которых включает компоненты интенсивности и стилистической сниженности. Нередко это бывают глаголы с фонетически выразительными корнями: Может сразу три (билета) *жахнуть*? (купить); Вечером пришли мои знакомые/ и вся моя работа *грохнулась*//; Я наверно туда полкило сахара *шибанула*// (положила); Я хочу об этом статью *бацнуть*// (написать); Виталий *турзучит* Веру// (имитируя) Зачем вы из него профессионала (спортсмена) делаете? (ругает); Смотри как он его ловко *дернул*// (обыграл); (шутливо, неодобрительно) Вы наверное без меня дыню *треснули*? (съели); (о заварке чая) Чего бы еще сюда *шебурахнуть*? (положить); Они в том магазине всегда так (большими кусками) мясо *шваркают*// (рубят); (неодобрительно) Она всегда что-нибудь такое неприятное *жвакнет*// (скажет).

Глаголы рассматриваемого типа употребляются без префиксов и с префиксами, которые конкретизируют их контекстное значение в том или ином направлении:

Мне уже домой пора *мотать*// (идти); Хорошо еще узнала когда прийти// А то *примотала* бы в понедельник// (пришла); Она это платье год шила// Сначала раскроила/ потом рукава потеряла/ а потом вообще *замотала*// (потеряла);

Что же ты все подряд *лупишь*? (читаешь); А. Ну как грибы? Б. Две корзины *налупил*// (насобирал); Пойду с Тани три рубля *слуплю*// (возьму); А. Ты скоро кончишь? (печатать) Б. Сейчас последнюю страничку *долуплю*//;

Там до водохранилища еще долго *тяпать*// (идти); У меня кто-то *тяпнул* линейку// (взял); Я себе белую сумку купила/ а Люська приехала и *оттяпала*// (отобрала); Там такие домики *оттяпали*// (построили, ср. *отгрохали*);

Вечером вышли/ смотрим по всей тайге фары *шарашат*// (светят, перемещаясь); В этой булочной нет хлеба// Пошли в другую/ и там все *расшарашили*// (раскупили); (о молодом драматурге, неодобрительно) Двадцать два года/ *нашарашил* уже пятьдесят пьес// Тоже мне Лопе де Вега// (написал).

---

[116] О глаголах этого типа см.: *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, с. 31.

В РР чрезвычайно продуктивно образование п р е ф и к с а л ь н ы х глаголов с семантически опустошенными корнями. Семантическим центром подобного рода глаголов является глагольный префикс[117]. Среди префиксальных глаголов с семантически опустошенными корнями можно выделить:

а) глаголы с г л а г о л ь н ы м и корнями. Десемантизация основы обусловлена несовместимостью значения глагола с семантическим контекстом. Подобное семантическое рассогласование устраняется путем погашения семантики глагольного корня. Это глаголы типа рассмотренного выше *законопатить* в высказывании: Она несдержанная на язык// Иногда такое *законопатит*/ не знаешь что и отвечать//

Ну все/ *отпелись* мои колготки// (порвались, ср. относились); У меня в воскресенье и Таня и Саша (внуки) были// Так что я совсем *зачирикалась*// (ср. *замучилась*); (шутливо) Это вы уже сто страниц *накрякали*? (написали).

Понимание подобных глаголов в прямом значении абсурдно, противоречит реальным предметным отношениям, поэтому в контекст включается лишь информация, идущая от префикса глагола, а корень глагола десемантизируется;

б) глаголы с и м е н н ы м и корнями, чаще всего с конкретным предметным значением. Это глаголы типа *разматросить* в высказывании: Я сегодня в магазине опять десятку *разматросила*// (ср. также узуальные разговорные глаголы *насобачиться, наколбасить*).

(О съемке многосерийного фильма) Что тринадцать! (серий) Сразу бы уж пятьдесят *засобачили*//; Ничего/ все еще *устаканится*// (уладится). Приспособление таких глаголов к контексту возможно только при десемантизации значения основы. При этом конкретность лексического значения основы сообщает глаголу определенную экспрессивность[118], которая, однако, может стираться, не ощущаться говорящим в силу привычки к частому употреблению того или иного излюбленного глагола.

В некоторых глаголах могут ощущаться слабо мотивированные ассоциативные связи. Это переходные случаи от глаголов с переносным значением к десемантизованным глаголам: Поехали на метро// 12-й (троллейбус) долго ждать// Пока он по Горького *протараканится*// (протащится), но ср. употребление глагола с тем же корнем: Ну все/ *утараканил* я статью// (дописал, добил), где об ассоциациях по сходству уже говорить нельзя;

в) глаголы с з а т е м н е н н ы м и, д и а л е к т н ы м и или ж а р г о н н ы м и корнями: Это я тебе *подсуропила*//; Коля нас каждое утро *вздрючивал* (поднимал) и опять за грибами тащил//; (о ребенке) Ну что делать? Я его в сад *засупонила*// (отвела, ср. *засунула*); Кто это

---

[117] См. об этом подробнее: *Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.* Указ. соч.

[118] Экспрессивные глаголы подобного рода лишены ассоциативных связей, мотивирующих их семантику. Ср.: "Главная задача асемантической экспрессивизации – ошарашить, учудить... Чем немотивированнее иносказательное выражение, тем оно эффектнее. Чем невероятнее и непонятнее образ, тем он сильнее действует" (*Девкин В.Д.* Проблемы немецкой разговорной речи, с. 40).

у меня на столе *рассупонился*? (расположился); (о ребенке) А пишет он плохо// Так *наколпает*/ так *наколпает*//; Ему стало плохо// Он говорит жене/ надо в больницу// И его туда *утартáли*//;

г) в РР возможно появление глаголов с семантически опустошенными в ы д у м а н н ы м и корнями: Подожди/ я только себе нос *намурлюкаю*// (намажу). Глаголы такого типа обычно ориентированы на определенный структурно-семантический образец: (о ребенке) Не давай ему больше// Видишь как *набулюлился*// (наелся). Появление этого глагола обусловлено желанием выразить большую интенсивность действия (ср. *налопаться*) и в то же время смягчить отрицательную оценку. Своеобразной эвфемистической заменой является также и глагол с тем же значением *набузюкаться*: Я больше не буду есть// И так *набузюкался*//

Пути возникновения диффузов в РР разнообразны. Помимо вышеназванных, можно указать также и такой путь, когда к появлению глаголов с семантически опустошенными корнями приводит повтор в глагольном корне имени, названного в том же высказывании (часто это бывает имя собственное)[119]. А. (о лыжных соревнованиях) Кто победил? Б. Хелена Токала// А. Вот она нашим и *натокáла*//; (ср. *навредить, напортить*); А. Темирканов здорово "Кармен–сюиту" отдирижировал// Б. Да/ *откарменил*//; А. Бабуля/ давай в прятки сыграем// Б. Бабуля-бабуля// Бабуля уже *убабулькались*// (ср. *уходиться, убегаться*); (о ребенке) А. А где наша фигуристка? Б. Уже *сфигурилась*// (заснула); А. У меня в голове мура// Б. Ну вот из этой муры что-нибудь *вымурится*// (получится); А. (шутливо) Ты опять со своим тарантасом// (пылесосом) Б. Да/ уходи/ а то он тебя сейчас *затарантасит*// (ср. *задавить*).

В РР при образовании глаголов рассматриваемого типа роль, аналогичную роли контекста, может играть конситуация. Например: А. дала своей знакомой Б. на хранение некоторые вещи. При этом сам факт "оказания доверия" несколько раз шутливо обыгрывался. Через некоторое время А. и Б. встречаются. А. шутливо спрашивает: Ну как/ *прикулонили* мой кулончик? (= присвоили).

ГЛАГОЛЫ С ПЕРЕНОСНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Как отмечалось выше, глаголы с переносным значением занимают промежуточное положение между семантически насыщенными и семантически диффузными глаголами. Они семантически насыщены, так как не только обозначают действие, но и указывают на связанный с ним ассоциативный образ. С другой стороны, ассоциативные связи могут

---

[119] Ср: [*Лебедев*] Нам, брат, не время с тобою о мировоззрениях думать. Так-то... [кричит] Гаврила! [*Шабельский*] Ты уж и так *нагаврилился*..." (ср. *напиться*) (А.П. Чехов, Иванов); "Тогда так, – спокойно продолжал Василий Сергеевич Зюкин, это он созвал данный совет. – Надо воду толкать дальше. Только предлагаю изменить название. Зюкинская не очень. Напоминает слово "назюзюкался". – Ну и что? – возразили ему. Тут любое можно применить. Например, *нафонился*. Верно, Афоня?" (Вл. Крупин, Живая вода).

оказаться настолько отдаленными и "капризными", что это приводит к десемантизации глагола[120].

Примером семантически насыщенного глагола с переносным значением, впитавшего в себя элементы контекста и конситуации, может быть глагол *перекапустить* в следующем высказывании: Что-то я тебя сегодня *перекапустила*//. Значение этого глагола является конситуативно обусловленным. Он может предполагать разнообразные действия. Семантика основы подсказывает скорее всего значение 'перекормить'. И только конкретная ситуация – одевание ребенка – соотносит этот глагол с глаголом *перекутать*, т.е. префикс вносит в данный глагол значение чрезмерной интенсивности действия, а корень отсылает к ассоциативному образу.

Примером глаголов с более отдаленными ассоциативными связями могут быть: (о шубе) Они совсем сшили не так как я хотела// Впереди что-то *накурдючили*//; (о работе) Что-то опять меня *заколдобило*// (ср. *зациклило, заклинило*).

В сфере разговорного глагола переносы и аффиксальная деривация выполняют аналогичные функции, взаимно дополняя друг друга. Это средства конкретизации значения глагола в том или ином направлении.

Особенно важно учитывать возможности переносных обозначений для качественно-оценочной характеристики действия. Они нередко осуществляются с помощью семантической деривации, например: 'достать, добыть что-л. с трудом или хитростью' – *выудить*, 'надоедливо повторять одно и то же' – *жужжать*, 'говорить без умолку' – *трещать*.

Широкое функционирование в РР глаголов с переносным значением отражает стремление говорящего дать однословное, семантически емкое и точное обозначение действия[121]: А. Что у тебя с бритвой случилось? Б. Или провод/ или сама// Что-то *заикается*// (работает с перебоями); Там теперь новый вахтер/ такой дотошный// Каждый раз прямо *исповедует*// (расспрашивает излишне подробно)[122].

Процессы метафоризации тесно переплетаются с процессами аффиксальной деривации. Покажем это на примере отыменных глаголов с переносным значением. Семантика таких глаголов также выражает прежде всего качественно-оценочную характеристику действия. Своеобразие отыменных глаголов заключается в том, что в них тот или иной ассоциа-

---

[120] "Перенос значения слова также может быть связан с его десемантизацией". – *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972, с. 380.

[121] Ср.: "...предикатная метафора направлена в конечном счете на достижение гносеологических целей. Из средства создания образа метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений" (*Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры. – Изв. ОЛЯ АН СССР, 1978, т. 37, № 4, с. 336).

[122] Заметим, что в других случаях глаголы с переносным значением подобно диффузным глаголам являются конситуативно обусловленными, "приблизительными" обозначениями действия, облегчая говорящему построение высказывания: Она всегда такая замкнутая/ неприступная// Только вот в последний раз как-то немного... *проклюнулась*// (перестала быть замкнутой).

тивный образ выражен глагольной основой: Смотри/ как он ловко *сбоксерил*// (т.е. ударил, как боксер).

При этом можно заметить, что глаголы с переносным значением могут базироваться:

на узуально закрепленном переносном значении мотивирующего имени: Потом я сразу и балет и спорт бросила// И вот результат/ *окоровилась*//; Она совсем *окухарилась*// (стала похожей на кухарку); Такая холодина! Я на себя столько *наматрениваю*//;

на существенных дифференциальных признаках мотивирующего имени: Ты опять *тайфунишь*? (пылесосишь).

Для РР характерна актуализация разного рода ассоциативных связей. Многие переносные значения разговорных глаголов носят метонимический характер и основываются на реальной смежности сопоставляемых действий, ср., например, соотношения типа *дымить* – 'курить', *расписаться* – 'зарегистрировать брак', *морщиться, кривиться* – 'выражать неудовольствие'. Реальные зрительные впечатления отражены в глаголах *прилизаться* – 'причесаться', обозначение действий по сопутствующему звуковому эффекту – *шлепать, стучать* – в значениях 'идти', 'печатать на машинке'.

На основе реальной смежности обозначаемых действий развивается переносное значение у целого ряда слов. Например, глагол *разбудить* в КЛЯ имеет переносное значение 'вызвать к жизни, вывести из состояния вялости, равнодушия'. Аналогичное переносное значение в РР отмечается у глаголов однотипной словообразовательной структуры, образующих синонимический ряд – *расшевелить, раскачать, растеребить, растормошить*. Основанием для переноса служит метонимическая близость действий, обозначаемых глаголами *разбудить* и *расшевелить* (а также другими глаголами этого ряда) в прямых значениях.

В других случаях переносные значения разговорных слов основываются на ассоциациях, отражающих картину мира, существующую в нашем сознании. Поэтому нередко в разговорных глаголах реализуются образы и представления, проявляющиеся в лексической системе в целом. Так, например, интенсивные эмоции в языке предстают обычно в облике вскипевшей влаги, огня[123] (душа кипит, страсти пылают). Тот же образ присутствует и в разговорном глаголе *раскипятиться*. Эмоции обычно уподобляются жидкому, текучему веществу, горькому, сладкому, благотворному (ср. излить душу, испить до дна чашу страданий), вредному, которое человек может пить или изливать[124]. Эта система образов находит отражение в разговорных глаголах *расхлебывать, хлебнуть горя, усахарить, рассиропиться* и нек. др.

Как представляется, метафоризация глаголов в РР имеет следующие специфические особенности. Прежде всего обращает на себя внимание "личная" направленность метафорических переносов. Разговорная метафора характеризуется сфокусированностью на человеке, его чувствах, поведении, деятельности в определенных областях человеческой жизни

---

[123] *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 102.
[124] Там же, с. 99.

(чаще всего обиходно-бытовой)[125], при этом почти всегда она включает оценочный компонент.

Для РР характерны специфические источники ассоциативных образов, которые, по-видимому, во многом и объясняют присутствие в семантике переносного глагола экспрессивно-оценочных компонентов негативного характера.

Наблюдается перенос из сферы конкретных физических действий в сферу духовных действий. При этом глаголы в прямом значении обозначают такие конкретные физические действия, реализация которых тесно связана с обиходно-бытовой сферой. Укажем в качестве примера следующие "дематериализованные" глаголы: *переварить* – 'усвоить', *разжевать* – 'объяснить', *мариновать* – 'намеренно долго задерживать', *начихать, наплевать* – 'отнестись с пренебрежением, выказать полное безразличие к кому-чему-н.', *переплюнуть* – 'превзойти кого-л. в чем-л.', *насолить* – 'сделать неприятность'.

Чрезвычайно продуктивен перенос, имеющий направление животное → человек. Отмеченная направленность переноса определяет сниженный, резко оценочный характер метафоры.

В отыменных глаголах ассоциативный образ бывает представлен мотивирующей основой: *петушиться, ершиться, лисить, набычиться, проворонить, окрыситься, обезьянничать, ишачить, свинячить*. Для большинства мотивирующих данных глаголов ассоциативные признаки являются устойчивыми и закрепленными в языке.

Чрезвычайно продуктивен перенос 'действие, свойственное животному' → 'действие, свойственное человеку': *заклевать, загрызть* – 'извести, замучить придирками', *пронюхать, разнюхать* – 'узнать что-либо, содержащееся в тайне'[126].

Продуктивен также перенос 'действие, объектом которого является животное' → 'действие, объектом которого является человек': *заездить, заарканить, подковать, натравить*.

Итак, в РР глаголы разнообразной словообразовательной структуры распадаются на два основных семантических типа – семантически насыщенные и семантически "диффузные". Семантически насыщенные глаголы могут включать в себя указания на те или иные актанты глагольного действия, разнообразные обстоятельственные характеристики, нередко они включают и различные оценочные компоненты. Тесное

[125] «...формы этой экспрессивности (экспрессивности эмотивного характера. – *М.К.*) обычно не затрагивают предметов и явлений, хотя бы очень ярких и красочных, но лежащих за пределами интересов житейской повседневности и борьбы; и, напротив, разговорный язык громоздит "образ" на "образ" в названиях таких явлений, как человек, его тело и одежда, его переживания и физиологические акты, – передавая здесь тончайшие оттенки одобрения и неодобрения, сочувствия и отвращения, насмешки и почтения» (*Шор Р.О.* Язык и общество. М., 1926, с. 83).

[126] Ср.: "Я не встречал человека, который так беззаветно любил бы чужие стихи. Артист, инструмент вкуса, нюха, он, как сухая нервная борзая, за версту чуял строку – так он цепко оценил В. Соснору и Ю. Мориц" (А. Вознесенский, Мне четырнадцать лет).

взаимодействие слова и контекста, слова и конситуации обусловливает широкое функционирование в РР глаголов с диффузной семантикой, причем неопределенность значения глагола легко снимается контекстом и ситуацией речи.

Обозначение действия при помощи глаголов разных семантических типов обнаруживает зависимость как от коммуникативных и экспрессивных задач высказывания, так и от индивидуальных склонностей говорящих.

АНАЛИЗ ГРУПП ГЛАГОЛОВ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ОБЩИМ СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Общие семантические особенности глаголов в РР были выявлены при рассмотрении глаголов, разнообразных по лексическим значениям и словообразовательной структуре. Установленные закономерности подтверждаются анализом нескольких лексико-семантических групп глаголов (далее принято сокращение ЛСГ), объединенных общим семантическим компонентом. В их числе рассматриваются минимальные ЛСГ – характерные для РР экспрессивно-синонимические ряды глаголов, имеющих однотипную словообразовательную структуру (типа *прозевать–прошляпить–проворонить*).

Тематический диапазон глагольной лексики в РР достаточно широк. Можно выделить целый ряд богато представленных ЛСГ. Это глаголы движения, группы глаголов, входящих в семантическое поле глаголов речи, глаголов поведения, группы глаголов, обозначающих разные виды эмоционального и волевого воздействия на лицо, группы глаголов с общим значением 'делать', 'действовать', 'поступать каким-либо образом' (в эти группы входят глаголы с широким значением, дающие качественно-оценочную характеристику действия или характеристику по степени интенсивности – 'делать что-либо хорошо или плохо', 'быстро или медленно' и т.д.), глаголы конкретных физических действий (глаголы с общим семантическим компонентом 'есть', 'бить'[127] и нек. др.).

Рассмотрение разговорной лексики в предметно-тематическом плане обнаруживает актуальность в РР прежде всего тематических групп, связанных с семантической сферой человек (его внешний вид, характер, речь, интеллектуальные и эмоциональные свойства, поведение, отношение к труду и т.д.)[128]. Отмеченную тематическую направленность разговорной лексики представляется важным учитывать при объяснении такой специфической черты семантики разговорных слов, как присутствие в лексическом значении глагола различных экспрессивно-оценочных компонен-

---

[127] Актуальность глаголов данной ЛСГ во многом обусловлена одной из тенденций словоупотребления в РР. Дело в том, что глаголы с исходным значением 'бить', 'ударять', а также глаголы других ЛСГ, включащие в лексическое значение этот компонент (наряду с другими признаками), широко функционирует в РР в качестве глаголов с неопределенной диффузной семантикой.

[128] Тематическая специфика разговорной лексики отмечалась рядом авторов. См., например: *Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976.

тов[129]. Непринужденному человеческому общению более свойственно выражение отношения к человеку, его свойствам, поступкам и т.д., чем выражение отношения к предметам. Вероятно поэтому функция выражения отношения ярко проявляется в словах, принадлежащих названной семантической сфере.

Глаголы, входящие в ту или иную ЛСГ, обладают разным семантическим объемом. Это и глаголы с широким значением, и семантически специализированные глаголы. Пути и средства специализации семантики в каждой ЛСГ различны.

Для передачи разнообразных характеристик действия РР располагает достаточно богатым репертуаром как собственно лексических, так и словообразовательных средств. При этом в одних случаях преобладают прямые собственные обозначения действий, в других же семантическая специализация может осуществляться за счет использования переносных обозначений действия. Особенно важно учитывать возможность "непрямого" обозначения при выражении качественно-оценочных характеристик действия и уточнении самого характера, способа осуществления действия.

Для выявления специфических семантико-словообразовательных особенностей разговорных глаголов важно установить источники ассоциативных представлений, характерные для той или иной ЛСГ. В тех случаях, когда глаголы, имеющие одинаковые переносные значения, принадлежат в прямых значениях к разным тематическим группам, следовало выявить мотив переноса, объединяющий их.

Главная задача – установление зависимости между различными характеристиками действия и способами их выражения. Основное внимание при этом уделяется роли словообразовательных средств. Это позволит выделить структурно-семантические типы глаголов, наиболее характерные для каждой из рассматриваемых ЛСГ. В ряде случаев обнаруживается тесная связь словообразовательных и лексических процессов.

ГРУППА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПАЧКАТЬ'

Действие, обозначаемое глаголом, обычно вызывает в нашем представлении определенные ассоциации с предметами – участниками данной ситуации, а также с возможными модификациями действия, прежде всего в отношении пространственно-временном и количественном. Действие, обозначаемое глаголами этой группы, родовым (опорным) словом которой является глагол *пачкать*, предполагает субъект действия (субъектная валентность распространяется преимущественно на имена лиц), объект

---

[129] Ср.: «Та нерасчлененная, как бы подспудная оценка, которая содержится в экспрессивно-оценочной лексике, никак не соответствует способам выражения "первого лица" в научном сообщении или официальном документе. Поэтому соответствующие слова и по существу не могут освободиться от наложенного на них традицией отпечатка "разговорности" и преодолеть барьер стилистической ограниченности. Таким образом, помимо того, что значительная часть указанной лексики чужда этим стилям тематически, она принципиально чужда им своей семантической структурой» (*Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 90).

действия (объектная валентность распространяется преимущественно на имена конкретных предметов)[130], средство и инструмент действия. Само же действие воспринимается как варьирующееся в зависимости от способа осуществления, интенсивности и достижения результата. Поскольку действие, обозначаемое глаголами данной ЛСГ, в типических ситуациях обычно оценивается как нежелательное, отрицательное, естественно предположить наличие средств выражения оценочной характеристики действия. Рассмотрим, какие средства используются глаголами с общим компонентом 'пачкать' для конкретизации действия в указанных направлениях.

Глаголы данной группы делятся на два структурно-семантических разряда.

1) Глаголы с именными основами, характеризующие действие по используемому средству, при этом:

а) средство может быть только одно – *слюнить, заслюнить, засмолить;*

б) средство может быть не одно. Семантика глаголов в данном случае фиксирует разные его признаки: *замаслить, засалить* – 'запачкать чем-либо жирным' (в том числе и маслом). При деривации имеет место расширение значения основы; *зажелтить, зазеленить, забелить* – 'запачкать чем-либо желтым, зеленым (преимущественно краской или зеленью), белым (преимущественно мелом или известью)', т.е. отмечается цвет средства действия.

Глаголы с именными основами рассматриваемого типа в большинстве своем являются префиксальными. Соотносимые с ними беспрефиксные глаголы не имеют значения 'пачкать'. Обычно это глаголы со значением 'покрывать чем-либо' – *маслить* (отсубстантивные глаголы), или 'делать каким-л.' – *желтить* (отадъективные). Рассматриваемое значение могло бы, вероятно, возникнуть только в глаголах, образованных от названий средств с четкой функциональной ориентацией, т.е. средств, специально предназначенных для того, чтобы пачкать. Иногда возможно появление этого значения как результата развития регулярной многозначности действие → результат действия, например, *слюнить* 1. 'Смачивать слюной'. 2. 'Пачкать слюной'. Ср. возможность появления значения 'пачкать чем-л.' в неуз. отыменных глаголах: Смотри/ ты же опять кофту *помидоришь*!

Эта семантическая особенность, вероятно, и обусловливает образование глаголов со значением 'пачкать' от соответствующих отыменных при помощи префиксов, характеризующих действие по отношению к достиже-

---

[130] "Глаголы механического (физического) действия сочетаются с объектами предметного значения. Ср. *пилить дрова, шить платье, бить стекла, поливать цветы* и т.п. Появление абстрактного (пропозитивного) существительного в роли дополнения "субстанционального" глагола либо ведет к его конкретизации, истолкованию в предметном смысле (проглотить какую-нибудь гадость), либо "дематериализует" глагол (проглотить обиду)" (*Арутюнова Н.Д.* Указ. соч., с. 129). Можно заметить, что некоторые глаголы рассматриваемой нами ЛСГ также имеют "дематериализованные" значения (*пачкать, марать*), как и многие другие слова, принадлежащие тому же ассоциативно-тематическому полю (*грязь, пятно, запятнать, нечистый, очернить* и т.д.).

нию результата (чаще всего с оттенком интенсивности – в сочетании с префиксами *за-* и *из-* – *засалить, иззеленить* или охвата действием всего объекта – в сочетании с префиксами *об-* или *пере-*). Наиболее типичны (и чаще лексикографически фиксируются) префиксальные глаголы с приставками *за-* и *из-*. Глаголы с префиксами *об-* и *пере-* больше тяготеют к сфере потенциального словообразования.

2) Глаголы с глагольными основами, характеризующими сам способ осуществления действия: *обкапать, измазать, заляпать, наследить.*

Для глаголов данного разряда также характерна сочетаемость с результативными приставками *за-, из-, об-, пере-*. В отличие от глаголов с именными основами в данной группе характеристика действия по отношению к результату выражается и с помощью префикса *на-* (с оттенком интенсивности). В группе глаголов с именными основами префикс *на-* вносит в значение производного глагола лишь указание направленности действия на поверхность объекта. Так, *намаслить* не обозначает 'напачкать маслом'.

В глаголах второй группы обнаруживается и более детальная конкретизация значения 'пачкать'. Однако средства этой конкретизации не имеют морфологического выражения. Те или иные характеристики действия присутствуют в значении глагольного корня имплицитно. Так, семантика корня может указывать на некоторые свойства средства действия – *закапать, набрызгать* можно скорее всего чем-л. жидким, а *замазать, наляпать* более густым и вязким.

Для глаголов данной ЛСГ не характерно обозначение действия по используемому инструменту, т.е. образования отыменных глаголов, основа которых указывала бы на инструмент действия, не отмечается. Однако во вторую группу входят глаголы, значение корня которых содержит имплицитное указание на активный орган действия: *захватать*– 'запачкать частым прикосновением рук'; *натоптать, наследить, нашлепать* – можно только ногами, причём действие должно быть локально ограничено (в доме, на полу). Данные глаголы несколько по-разному отражают одну и ту же ситуацию. В глаголе *наследить* акцентируются зрительные впечатления ('оставляя следы ног'), глагол *натоптать* указывает на большую интенсивность действия, а *нашлепать* отражает сам характер движения ('вяло, не отрывая ног').

Глагол *мусолить* и его производные включают в свою семантику указание на средство действия и активный орган (см. толкование МАС – 'оставлять грязные следы, пачкать, дотрагиваясь до чего-либо намоченными слюной грязными пальцами').

Оценочная характеристика действия в данной ЛСГ осуществляется путем использования экспрессивно-выразительных глагольных корней. Отрицательная оценка разной степени интенсивности может быть направлена на само действие, но чаще всего она переключается на субъект действия (*наляпать, замызгать, замазюкать, нашлепать, надрызгать, загваздать* и др.).

Итак, можно сделать вывод, что для глаголов с общим значением 'пачкать' характерно обозначение действия по используемому средству, что выражается глаголами с именными основами. Производные с глаголь-

ными основами указывают на сам способ осуществления действия. Характеристика действия по отношению к достижению результата (чаще всего с оттенком интенсивности) выражается с помощью префиксов. Для оценочной характеристики действия используются экспрессивно-выразительные глагольные корни. Обозначение действия по используемому инструменту и по объекту, на который направлено действие, не выражается с помощью морфологических средств. Указания на данные характеристики действия могут лишь имплицитно присутствовать в значении глагольного корня.

Большинство глаголов данной ЛСГ свидетельствует о проявлении тенденции к специализации, семантическому насыщению значения. Некоторые же глаголы, в своих прямых значениях входящие в ЛСГ 'пачкать', в переносных значениях отражают противоположную тенденцию – тенденцию к расширению, диффузности значения. Так, глагол *ляпать* и его производные могут обозначать разнообразные по своему характеру действия, совершаемые небрежно и наспех, а глагол *мусолить* – действия, совершаемые в течение чрезмерно длительного времени или с чрезвычайно незначительной интенсивностью. Кроме того, к глаголам, корень которых тяготеет к десемантизации, могут быть отнесены слова с просторечными, затемненными корнями – *надрызгать, загваздать.*

ГРУППА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПРИМЕНЯТЬ КОСМЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА'

Представляет интерес сравнительно немногочисленная, но активно пополняемая в РР новообразованиями группа глаголов с общим значением 'применять косметические средства'. Глаголы данной ЛСГ обозначают действия, совершаемые лицом-субъектом, при этом действия замыкаются в сфере субъекта, т.е. адресатом действия является сам субъект. Осуществление действия требует использования того или иного средства. Само действие может варьироваться в количественном отношении, прежде всего по степени интенсивности. Действия, обозначаемые глаголами этой ЛСГ, носят целенаправленный характер (они направлены на достижение определенного эстетического эффекта), поэтому для данной ЛСГ является актуальной качественно-оценочная характеристика действия. Учет перечисленных признаков, объективно присущих действиям, обозначаемым глаголами этой группы, оказывается важным при определении путей специализации семантики глаголов, входящих в нее.

В рассматриваемой группе прежде всего выделяется структурно-семантический тип отыменных глаголов, основа которых указывает на используемое средство – *пудриться, одеколониться, душиться.* В РР наблюдается свободное образование глаголов от названий конкретных видов пудры, духов, а перечисленные выше глаголы выступают в роли родовых слов, значение которых включается в значение производного глагола: (шутливо) Я сегодня *набалетилась*// (напудрилась пудрой "Балет"); (о стрижке в парикмахерской) Не люблю я когда они одеколоном// Насквозь *прополетился*// (пропитался одеколоном "Полет").

В рассматриваемой ЛСГ можно выделить подгруппу глаголов с опорным родовым словом *краситься* в значении 'красить себе волосы, лицо'. Возвратный глагол *краситься* обозначает действие, адресатом которого является сам субъект. Этот глагол относится к числу возвратных глаголов со значением включенного объекта, причем этот объект предметно и лексически ограничен (волосы – борода, кудри, усы, локоны, брови и т.п.; лицо – губы, щеки, глаза и т.п.). В качестве синонима к глаголу *краситься* в РР функционирует глагол *мазаться*.

Основной структурно-семантический тип глаголов в подгруппе 'краситься' составляют отыменные глаголы с включенным значением средства действия. Глаголы образуются от названий разных декоративно-косметических средств: Я сильно в этот раз *налондатонилась*// (покрасить волосы лондатоном); Инна хорошо выглядит// Да/ *подкосметилась*// (подкрасилась). В этом глаголе в качестве мотивирующего выступает слово с родовым значением – *косметика*.

Глаголы со значением 'краситься', как мы уже отмечали, относятся к глаголам со значением включенного объекта (лицо, волосы). В том случае, если требуется более конкретная, точная локализация действия, возможно появление неузуальных отыменных глаголов со значением включенного и единственного в этом случае объекта: Ты сегодня здорово *наресничилась*// (накрасила себе ресницы). Однако характеристика действия по строго определенному объекту не типична для глаголов данной группы. Это обусловлено, вероятно, тем, что данная характеристика является очевидной и в отыменных глаголах с включенным значением средства действия: *помадить* – (губы), *румянить* – (щеки).

Действия, обозначаемые глаголами со значением 'краситься', носят целенаправленный характер, который обнажается и становится очевидным в таком неузуальном глаголе, как: Видите/ как я сегодня *подхорошилась*// (подкрасилась с целью хорошо выглядеть).

Действия, обозначаемые глаголами со значением 'применять косметические средства' являются пространственно-ориентированными. Указание на направленность действия на поверхность предмета может содержаться в самой основе глагола (*мазаться, пудриться*). Кроме того, пространственная характеристика действия в зависимости от конкретного объекта отражается на выборе префиксов, вносящих в семантику глагола значение совершенности действия (доведения его до результата): *накраситься* – о лице; *покраситься, выкраситься, прокраситься* (направленность действия внутрь, сквозь объект с оттенком интенсивности) – о волосах.

Характеристика действия с точки зрения интенсивности осуществляется префиксальными средствами: *подкраситься, подмазаться, подкосметиться* – незначительная интенсивность; на чрезмерную интенсивность действия указывает префикс *пере-*, например: Я в последний раз здорово *перерыжилась*// (покрасила волосы в рыжий цвет с излишней интенсивностью).

Характеристика действия с точки зрения интенсивности тесно переплетается с его качественно-оценочными характеристиками, поскольку глаголы данной группы обозначают действия, совершение которых с

излишне большой интенсивностью приводит обычно к отрицательно оцениваемому с эстетической точки зрения результату. При этом отрицательная оценка обычно направлена на субъект действия.

Какие же средства используются в данной ЛСГ для выражения качественно-оценочной характеристики действия? Это, во-первых, лексические ресурсы, т.е. слова, лексическое значение которых включает экспрессивно-оценочные компоненты: *малеваться* – 'краситься грубо, неумело или с излишней интенсивностью'. Во-вторых, это своеобразное использование лексических и словообразовательных средств, приводящее к появлению глагола с переносным значением. Перенос имеет при этом следующее направление – 'действие, объектом которого является неодушевленный предмет' → 'действие, объектом которого является лицо'. В качестве структурно-семантического образца используются типичные модели данной ЛСГ: *наштукатуриться* (ср. *накраситься, намазаться, напудриться*), *заштукатуриться* (ср. *загримироваться*). Об устойчивости источника ассоциативных представлений в группе глаголов со значением 'краситься' говорят неузуальные глаголы: (шутливо) Подожди/ она сейчас *зашпаклюется*/ губы *наолифит*/ тогда пойдем//[131]

Итак, для глаголов с общим значением 'применять косметические средства' наиболее характерно обозначение действия по используемому средству. Это значение выражается основой отыменного глагола. Обозначение действия по его инструменту не актуально в данной ЛСГ. То же самое можно сказать о характеристике действия по его объекту. Это, по-видимому, обусловлено тем, что глаголы данной группы обозначают действие, строго ограниченное в отношении объекта. Более четкая локализация действия в сфере субъекта может быть выражена или вне глагольной лексемы (красить губы), или же указание на нее может имплицитно присутствовать в отыменном глаголе с включенным значением средства действия: *помадиться*. Характеристика действия по отношению к достижению результата осуществляется аффиксальными средствами и часто сочетается с пространственной характеристикой. Характеристика действия по интенсивности (которая может выражаться аффиксальными средствами) тесно переплетается с качественно-оценочными характеристиками. Основным средством выражения оценочной характеристики действия являются глаголы с переносным значением, образованные по наиболее типичным для данной ЛСГ словообразовательным моделям.

ГРУППА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'РУГАТЬ'

Глаголы данной ЛСГ обозначают действия, совершаемые лицом-субъектом. Объектом действия является также прежде всего лицо[132]. Осуществление этого действия не требует применения какого-либо инструмента или средства (данное актантное значение включено в семантику глагола:

[131] Ср.: "Грим на лице и прическа напомнили мне почему-то облицовку капитально отремонтированного дома" (Алексин, Сердечная недостаточность).

[132] Ср.: "Для этих глаголов (глаголов словесного выражения отношения типа *издеваться, высмеивать, осуждать, хвалить* и пр. – *М.К.*) первична личностная ориентация. Мишенью шуток, насмешек, издевок, подковырок и пр. бывают

ругать – это словесный акт)[133]. Действия, обозначаемые глаголами данной группы, носят целенаправленный характер, при этом компонент целенаправленности также включается в семантику глагола. Само же действие воспринимается как варьирующееся в количественно-временном и качественном отношении.

Поскольку актантные значения инструмента и средства включены в семантику глаголов со значением 'ругать', образование отыменных глаголов с соответствующими актантными значениями основы в данной ЛСГ не наблюдается. Также не отмечается образование отыменных глаголов, основа которых указывала бы на объект действия. Это значение выражается вне глагольной лексемы (ругать сына). Актуальным в данной группе является обозначение качественной характеристики действия (ругать к а к). Семантическая специализация в этом направлении осуществляется при помощи глаголов, имеющих переносное значение. Постараемся выявить мотив переноса, объединяющий глаголы со значением 'ругать'.

В ЛСГ глаголов со значением 'ругать' можно выделить: I. непроизводные беспрефиксные глаголы, которые являются производящими для префиксальных глаголов; II. префиксальные глаголы, входящие в экспрессивно-синонимические ряды.

I. К беспрефиксным глаголам, имеющим вторичное переносное значение 'ругать', относятся глаголы *пилить* и *грызть*. Переносное значение глагола *грызть* указывает на большую длительность и интенсивность действия. Глагол же *пилить* в значении 'ругать' характеризует данное действие как действие незначительное по интенсивности, но длительное и монотонное[134]. Отмеченные различия, вероятно, обусловлены своеобразием лексической семантики глаголов *грызть* и *пилить* в прямых значениях, а также ассоциациями с обозначаемыми этими глаголами конкретными физическими действиями. Так, действие, обозначаемое глаголом *пилить*, складывается из четко выделимых квантов: квантом "пиления" является движение инструмента из одной крайней точки до другой (ср. характерный изобразительный жест, часто используемый при употреблении этого глагола в речи). Данное действие воспринимается как монотонное, однообразное, сопровождаемое резкими неприятными звуками. Глагол *грызть* в прямом значении обозначает интенсивное по своей природе действие,

---

именно люди, а их свойства или поступки служат для этого лишь причиной (или поводом)..." (*Арутюнова Н.Д.* Указ. соч., с. 163). Для разговорных глаголов со значением 'ругать' личностная ориентация является, вероятно, не только первичной, но и единственной. Если *ругать, бранить* можно и погоду, то *пилить, грызть* (в значении 'ругать') можно только человека.

[133] Возможность заполнения инструментальной позиции при глаголе *ругать* связана с выражением качественной характеристики действия, например, *ругать страшными словами* – ругать грубо, т.е. ругать к а к, но не ч е м.

[134] Указание на разную степень интенсивности действия содержат просторечные глаголы со значением 'ругать': *честить, костить* – большая интенсивность, *жучить* – большая интенсивность и длительность. Компонент незначительной интенсивности включен в семантику глагола *журить*, квалификация которого словарями как разговорного не представляется бесспорной. Помета "разг." указывает на некоторые стилистические ограничения, обусловливающие его употребление, но эти ограничения связаны скорее с закреплением его за сферой художественной речи, чем за РР.

требующее от субъекта периодического конденсированного приложения физических усилий. Поэтому, вероятно, и в переносном значении он указывает на действие, более "агрессивное" по форме своего проявления, чем глагол *пилить*. Это, возможно, обусловлено и тем, что переносное употребление глагола *грызть* актуализирует ассоциации с возможным субъектом действия – животным.

В своих основных прямых значениях эти глаголы обнаруживают общие семантические компоненты – 'деструкция' и 'воздействие острым'. Названные глаголы обозначают конкретные физические действия, связанные с деформацией, нарушением целостности объекта. Отмеченная функциональная ориентированность действий, обозначаемых этими глаголами, вероятно, и послужила основой для развития переносного значения, поскольку сам глагол *ругать* обозначает сознательное, целенаправленное и негативное в отношении объекта действие. Оно связывается с представлением о каузации эмоций отрицательного плана, о причинении некоторого морального ущерба объекту действия. Известно, что отрицательные эмоции, причиняющие душевные страдания, обычно описываются по образцу физических ощущений боли[135]. Поэтому значение 'ругать' и отмечается у глаголов конкретных физических действий, которые актуализируют негативное функциональное назначение действия при направленности его на объект-лицо.

Глаголы *пилить* и *грызть* имплицитно содержат в себе указание на оценочную характеристику действия. Эти глаголы выражают отрицательное отношение говорящего как к самому действию, так и его субъекту.

Для глагола *пилить* возможно выражение с помощью префиксов временных модификаций действия и характеристики действия по отношению к достижению результата (с оттенком интенсивности или отрицательной оценки). Если глагол *пилить* в переносном значении 'ругать' легко сочетается с префиксами, что приводит к появлению потенциальных слов, то глагол *грызть* в переносном значении не обнаруживает свободной сочетаемости с префиксами. Это, вероятно, обусловлено тем, что в возможных префиксальных глаголах с переносным значением 'ругать' (*загрызть, погрызть*) восприятие значения как переносного подавляется прямым значением тех же глаголов.

Глагол *пилить* в переносном значении характеризуется более ограниченной сочетаемостью с префиксами, чем тот же глагол в прямом значении. Кроме того, в ряде случаев в глаголе с переносным значением реализуется иное значение приставки, чем в глаголе с прямым значением (в этом проявляется дифференцирующая функция глагольных префиксов[136]. Глагол *пилить* в прямом значении может сочетаться со следующими префиксами: *выпилить, допилить, запилить, испилить, напилить, надпилить, недопилить, обпилить, отпилить, перепилить, попилить, подпилить, пропилить, распилить, спилить*. Глагол *пилить* в переносном значении не имеет пространственных модификаций действия. Он может сочетаться

[135] *Арутюнова Н.Д.* Указ. соч. с. 106.

[136] См.: *Соколов О.М.* О дифференцирующей и интегрирующей функциях глагольных префиксов. – Труды Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева, 1968, т. 197.

с приставками, указывающими на протекание действия во времени: *за-, по-*. В отличие от глагола *пилить* в прямом значении он сочетается с префиксами *за-* и *из-*, вносящими значение интенсивности (Если ты не придешь к нам/ меня *испилят* дома//), и значение 'довести до нежелательного состояния (утомления и т.д.) объект действия' (Она его *запилила* совсем//). Глагол же *пилить* в прямом значении в сочетании с префиксом *за-* указывает на распространение действия на часть объекта (= *надпилить*) или на начало действия (=*начать пилить*). В сочетании с префиксом *из-* он обозначает действие, распространяющееся на много объектов.

II. Один из префиксальных рядов в рассматриваемой группе формируется приставкой *раз-*[137]. Этот ряд глаголов опирается на нейтральное слово аналогичной структуры *разругать*, которое имеет значение 'совершить действие, названное производящим глаголом, с большой интенсивностью'. Значение 'разругать' отмечается как переносное у глаголов такого ряда: *разгромить – раздолбать – расщелкать – распушить – распечь* (у глагола *распечь* прямое значение отсутствует). В указанном значении могут употребляться также глаголы с семантически опустошенными (в составе данных глаголов) или затемненными основами: *раздраконить – распатронить – расчехвостить*. Оно же может реализовываться как фразеологически связанное у слова с родовым корнем *разделать* (под орех).

Приставка *раз-* имеет в этих глаголах значение совершенности действия с оттенком высокой интенсивности. Синонимия переносных значений производных анализируемого экспрессивно-синонимического ряда обусловлена общностью их словообразовательной структуры, поскольку вычленяемые в их составе беспрефиксные глаголы не образуют синонимического ряда, но обнаруживают некоторую семантическую общность. Выявление общего семантического компонента у основ глаголов *разгромить, раздолбать, расщелкать* не представляет трудностей – это глаголы с общим значением удара (вероятно, к этой группе примыкает и глагол *распушить*, который можно соотнести с фразеологическим выражением *разнести, разбить в пух и прах*). Но какие же общие семантические компоненты можно обнаружить между основами этих глаголов и основой входящего в тот же ряд глагола *распечь*? Основа глагола *распечь* включает компонент 'воздействие горячим', т.е. тот "деструктивный" по своему характеру компонент, который объединяет этот глагол и глаголы со значением удара[138]. Данной семантической общности оказывается доста-

[137] Способность префиксов формировать синонимические ряды (в которые входят слова как с синонимическими, так и несинонимическими основами) интерпретируется как проявление свойственной префиксам интегрирующей функции (подробнее см.: *Соколов О.М.* Указ. соч.).

[138] Интересно, что "деструктивное" значение может иметь и приставка *раз-*, поскольку она может указывать на направленность действия в разные стороны с возможным нарушением единства, целостности объекта. Вероятно, этот факт нужно принимать во внимание, поскольку в глаголах данного ряда с семантически опустошенными основами (*раздраконить, расчехвостить*) деструктивный компонент, представленный обычно в основах глаголов данного ряда, отсутствует, однако он может быть выражен приставкой, служащей в подобных глаголах семантическим центром слова.

точно для возникновения синонимии производных в переносных значениях. Таким образом, обнаруживается тот же мотив переноса, что и у беспрефиксных глаголов *пилить* и *грызть*. Механизм переноса состоит в актуализации негативного функционального назначения действия, обозначенного глаголом, при направленности его на объект-лицо.

Другой экспрессивно-синонимический ряд в группе глаголов с общим значением 'ругать' формируется префиксом *про-*, значение которого в данном случае 'интенсивность, тщательность действия, направленного на объект'. В этот ряд входят глаголы, которые синонимичны в своих переносных значениях: *проработать – пропесочить – пробрать – прохватить – протянуть – протащить – продернуть*. Данные глаголы, реализующие значение 'ругать' при переносном употреблении, указывают на следующие характеристики обозначаемого действия: это действие, совершаемое с большой интенсивностью, которое предполагает некоторую локальную ограниченность (например, *проработать, пропесочить* – преимущественно на собрании, заседании; *прохватить, протянуть, протащить, продернуть* – в статье, газете, по радио, т.е. с использованием некоторых средств информации).

Мотив переноса у глаголов данного ряда аналогичен отмеченному для беспрефиксных глаголов *пилить* и *грызть*, а также для префиксальных синонимов с приставкой *раз-*. Лексическая семантика глаголов префиксального ряда с приставкой *про-* в прямых значениях включает некоторые элементы негативного характера, на актуализации которых, вероятно, и основывается переносное значение. Так, глаголы *пробрать, прохватить* имеют значение 'подвергнуть сильному воздействию (мороза, холода, сырости, ветра и т.д.)' и связаны с представлением о причинении объекту-лицу неприятных физических ощущений. Глаголы *протащить, протянуть, продернуть*, обозначающие каузированное перемещение объекта, также связаны с представлением о неприятных физических ощущениях объекта (*дернуть* – это 'переместить рывком, резким отдельным движением', а *протащить* – 'переместить волоком').

Рассмотренный экспрессивно-синонимический ряд иллюстрирует тесную взаимосвязь между явлениями лексическими (процессы развития многозначности слова) и словообразовательными. Так, значение 'ругать' у глаголов *пробрать, прохватить, продернуть* скорее всего можно объяснить как вторичное, переносное, не обусловленное словообразовательными процессами. Однако синонимизация данных глаголов в переносных значениях (во многом обусловленная однотипностью их словообразовательной структуры), а также вовлечение в этот ряд других глаголов – *прочистить, проработать, пропесочить*, привело к формированию структурно-семантического типа, который в РР служит ориентиром для образования глаголов, в том числе с семантически опустошенными и затемненными корнями: А. Ну как? Досталось ему? Б. Да-а// *Пропекли* как надо// В том же значении нам встретились глаголы *продрючили, прочехвостили, продрашли*.

ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ЭКСПРЕССИВНО-СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ ГЛАГОЛОВ

Префиксальные экспрессивно-синонимические ряды глаголов составляют одну из наиболее ярких и характерных примет словообразования глаголов в РР. В них прослеживается действие тех же тенденций – к семантическому насыщению и семантической диффузности, которые определяют особенности семантической организации разговорного глагола.

Префиксальные ряды синонимичных глаголов включают производные разных способов образования (отыменные и отглагольные), объединенные однотипностью словообразовательной структуры. Мотивирующими могут быть как синонимичные основы, так и основы, которые обнаруживают тот или иной общий семантический компонент только в условиях однотипного деривационного окружения[139]. Особый интерес представляют для нас синонимические ряды, в которых есть глаголы как с именными, так и с глагольными основами. Основа отыменного глагола в таком случае отражает обычно те или иные предметные ассоциации, связываемые с действием, обозначаемым глаголами данного ряда. Выразительность отыменного глагола обусловлена конкретностью, предметностью значения основы. Иногда предмету, название которого включается в значение основы, можно приписать то или иное актантное значение. Например: *пристроиться – присоседиться. Пристроиться* (разг.) – 'поместиться, расположиться где-н., около кого-чего-н.' *Сосед* – 'человек, который живет вблизи, рядом с кем-н.' и (расширенное значение) 'человек, который занимает ближайшее к кому-нибудь место'. Толкования обнажают общий семантический компонент у этих двух слов: *пристроиться* – 'поместиться, расположиться б л и з к о'; *сосед* – 'тот, кто расположен б л и з к о', что и объясняет возможность синонимизации глаголов *пристроиться* и *присоседиться*.

Рассмотрим несколько синонимических рядов глаголов. Ряд глаголов *проворонить–прошляпить–прозевать* со значением 'упустить кого-что-л. в результате собственной оплошности' включает глаголы с синонимичными в переносном значении именными (*ворона, шляпа*) и глагольными (*мигать, моргать*) основами. Между глаголами *мигать, моргать*, с одной сторо-

---

[139] Первый опыт специального изучения синонимии производных с однотипной словообразовательной структурой (при условии несинонимичности мотивирующих) содержит докт. диссертация О.П. Ермаковой, посвященная анализу лексической семантики производных и членимых слов. Автор, в частности, пишет: «Одной только общностью словообразовательной структуры это явление (синонимизации. – *М.К.*) не может быть объяснено; одинаковую словообразовательную структуру имеют все производные определенного типа, а общие переносные значения получают только некоторые из них, а совсем не любые... По-видимому, одинаковые деривационные условия позволяют выявиться такой семантической общности слов, которая не вполне отчетлива вне деривационного окружения. Так, хотя смысловая структура слов *дерево* и *камень*, с одной стороны, *камень* и *столб*, с другой стороны, явно не совпадает, в каждой паре есть общие коннотации. В первой паре "твердость", во второй "неподвижность". Механизм переноса состоит в актуализации именно этих признаков и в "снятии" всех прочих (см. *окаменеть, одеревенеть, остолбенеть*)» (*Ермакова О.П.* Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. Докторская диссертация. М., 1977, с. 165).

ны, и глаголом *зевать* также можно усмотреть некоторую семантическую общность: они обозначают конкретные физические действия, которые ассоциированы в нашем сознании с несобранностью, невнимательностью. Синонимия между глаголами *проворонить, прошляпить* и *прозевать, проморгать, прохлопать* возможна благодаря тому, что в первой паре глаголов реализуется обозначение того же действия по его субъекту (*шляпа, ворона,* перен. – 'тот, кто зевает').

Ряд глаголов *вбить–вколотить–вдолбить–втемяшить* со значением 'с трудом втолковать, внушить' подтверждает наблюдения о том, что для качественно-оценочной характеристики действия используются глаголы, имеющие или развивающие переносные значения. В данном ряду используется арсенал семантически близких глагольных корней – *бить, долбить, колотить.* В отыменном глаголе реализована объектная валентность производящего имени, причем сам объект обозначен метонимически (голова → темя).

Глаголы, входящие в ряд *выделывать – выкамаривать – выкаблучивать* – неуз. *выплясывать* (Отец там ни при чем// Это Валя все *выплясывает*) с общим значением 'поступать своенравно, давая волю своим прихотям, не считаясь с окружающими', имеют переносные значения и обнаруживают устойчивость ассоциативных представлений: *выделывать* (перен.) – 'делать (о затейливых движениях, странных выходках и т.п.'; *выкамаривать* (первонач.) – 'выделывать замысловатые па в камаринской'. Глагол *выкаблучивать* по сути дела характеризует то же действие по активному органу, обозначенному метонимически (плясать → → нога → обувь → каблук).

Сравним два ряда глаголов: *распуститься* ('стать непослушным, недисциплинированным') – *развинтиться–распоясаться* и *распуститься* ('потерять выдержку, перестать владеть собой') *–развинтиться–расклеиться–размагнититься.* Первый ряд глаголов относится к группе глаголов поведения, а второй – эмоционального состояния. Действия, обозначаемые глаголами данных рядов, свидетельствуют об ослаблении сдерживающих начал в организме человека. Это представление помогает выявить общий семантический компонент, присутствующий в основе глаголов и объясняющий возможность их синонимизации. Основы глаголов обозначают различные конкретные орудия или средства действия (винт, клей, магнит, пояс), характеризующиеся одинаковой функциональной направленностью – они предназначены для соединения предметов или частей предметов. Эти ряды глаголов имеют переносное значение (в глаголах *развинтиться, расклеиться, размагнититься* находим перенос предмет → лицо, а в глаголе *распоясаться* – конкретное → абстрактное, т.е. перенос из сферы физических действий *распоясаться* – 'снять с себя пояс' в сферу психических действий – поведение).

В синонимический ряд глаголов со значением 'не желая сделать что-л., уклониться от выполнения чего-л.' *отделаться – отбояриться – отвертеться – открутиться* – (неуз.) *отбрыкаться* входят глаголы с родовым корнем, семантически опустошенным корнем, а также глаголы, имеющие переносное значение, в котором живо ощущается образ конкретного физического действия.

В других же экспрессивно-синонимических рядах ассоциативный образ уже не ощущается. Так, в ряду глаголов *опростоволоситься – обмишуриться – обмишулиться* ассоциативные связи глагола *опростоволоситься* с синхронной точки зрения не представляются мотивированными. В этот ряд входят также глаголы с затемненными корнями.

Экспрессивно-синонимические ряды однотипных по словообразовательной структуре глаголов отражают тенденцию к вариативности в выражении одного и того же значения. Средства реализации этой тенденции те же, что и в других рассмотренных нами ЛСГ: обозначение действия по одному из его актантов, разного рода непрямые обозначения действия, а также использование глаголов с десемантизованными корнями.

ВЫВОДЫ

1. В РР активно образуются глаголы разных словообразовательных типов, большая часть которых продуктивна и в КЛЯ.

2. В качестве экспрессивного специфически разговорного средства функционирует только суфф. *-ану (ть)*.

3. Продуктивность в РР "чересступенчатого" словообразования глаголов обусловливает активное взаимодействие разных способов словообразования, способствующее формированию новых словообразовательных типов и семантических подтипов.

4. В РР отмечается значительное расширение круга производящих основ глаголов по сравнению с КЛЯ (в частности, активно функционируют в качестве производящих имена собственные, междометия и "омеждомеченные" слова, возможны образования от словосочетаний и от выдуманных корней). Образование глаголов путем мены корня обогащает репертуар глагольных корней (это могут быть корни с переносным, деривационно связанным значением, корни диалектного, жаргонного, просторечного происхождения, а также затемненные корни).

5. В РР обнаруживают продуктивность способы словообразования глаголов путем "субституции" – мены префиксов и подстановки именного, десемантизованного, междометного и т.п. корня в модельную рамку глагола.

6. Условия функционирования РР (опора на контекст и конситуацию) "гасят" омонимию словообразовательных средств, в первую очередь префиксов.

7. В РР активны процессы использования именных и глагольных корней в переносном значении.

8. Наблюдения над словообразованием глаголов в РР и анализ нескольких ЛСГ глаголов позволяет выявить некоторые общие особенности семантической организации разговорных глаголов. Семантика разговорных глаголов обнаруживает противоборство тенденций к семантической насыщенности и семантической неопределенности, "диффузности".

9. Обнаруживается определенная корреляция между теми или иными семантическими характеристиками действия и средствами включения их в семантику глагола. Так, указание на инструмент, объект, средство глагольного действия реализуется созданием соответствующих отымен-

ных глаголов. Характеристика действия с точки зрения его направленности, результата и интенсивности осуществляется префиксами.

10. Словообразовательные процессы в РР нередко тесно переплетаются с лексическими. Так, качественная характеристика действия (связанная с обстоятельствами образа действия) нередко осуществляется лексическими средствами (путем развития метафорически мотивированной многозначности слова).

Раздел IV

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОТЕНЦИЙ ЯЗЫКА

В начале этой книги были высказаны такие утверждения:

1) система РР имеет меньше пустых клеток, чем система КЛЯ;

2) в РР говорящий творит единицы разных уровней, в том числе слова, легче и свободнее, чем в КЛЯ;

3) для РР характерно творческое отношение к форме речи; в РР всегда допустима установка на слово как средство выразительности.

Посмотрим, как реализуются эти положения в словообразовании РР.

СВОБОДА РЕАЛИЗАЦИИ В РР РАЗЛИЧНЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Не раз отмечалось, что словообразование является той областью языка, в которой силам регулярным, т.е. тенденции к строгой организации системы с последовательным заполнением всех клеток, противостоят силы нерегулярные, нарушающие строгую системную организацию. Словообразование тесно связано с лексикой, с потребностями номинации и поэтому в нем "капризы лексики" (В.В. Виноградов) обнаруживаются особенно резко.

Для того чтобы изучить словообразование как систему, чрезвычайно важно установить те виды ограничений, которые действуют в словообразовании. При этом одна из важнейших проблем теории словообразования – разграничение явлений, не представленных в системе по причинам узуальным, лексическим (явления омонимии, наличие слова другого корня с тем же значением)[140], и явлений, в п р и н ц и п е не допустимых системой языка. Такое разграничение с успехом применяется в фонетике, где, например, принято различать непредставленность тех или иных сочетаний звуков в словарном составе языка и их принципиальную недопустимость фонетической системой[141]

[140] См.: *Янко-Триницкая Н.А.* Закономерность связей словообразовательного и лексического значения в производных словах. – В кн.: Развитие современного русского языка. М., изд. АН СССР, 1963.

[141] См.: *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967, "Просвещение", с. 99–100; *Он же.* Современный русский язык. Фонетика. М., "Высшая школа", 1979, с. 141. Ср.: *Морозова Т.С.* Разговорная речь как сфера реализации возможностей системы словообразования. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 9. Горький, 1978, с. 50–54.

В своей реакции на "капризы лексики" и власть узуса словообразование РР резко отличается от словообразования КЛЯ. Раскованный характер протекания РР, обусловливающий свободу словотворчества, приводит к тому, что в РР силы регулярные оказываются более действенными и влиятельными, чем силы нерегулярные и власть узуса. Система словообразования в РР организована более регулярно, чем в КЛЯ. В ней наблюдается большее сходство с системой морфологии, проявляющееся в возможности заполнения всех словообразовательных клеток системы, допустимых семантикой. В словообразовании РР меньше лакун. Это проявляется в сфере действия всех способов словообразования и всех словообразовательных типов и касается как плана выражения, так и плана содержания. Продвинутость системы, заполнение пустых клеток, обнаруживается во всех тех сферах словообразования, о которых шла речь выше (номинативное, экспрессивное, конструктивное, компрессивное).

Рассмотрим это положение на примере словообразования разных частей речи.

Существительные со значением ж е н с к о с т и. Имена существительные с суфф. *-ш(а)*, обозначающие лиц женского пола, соотносительные с именами лиц м.р., обозначающими лиц мужского пола. В КЛЯ существуют лишь отдельные слова с суфф. *-ш(а)*, произведенные от основ на сонорные (*кондукторша, лифтерша*) и на сочетания, в которых несонорному предшествует сонорный. В РР существительные этого типа образуются от основ с исходом на любой согласный: *адвокатша, кандидатша, гомеопатша, завша, невропатологша, стратегша, йогша* и т.п.[142]

В действии этого типа нет и ограничений, идущих от "содержания" слова: в РР лицо любой специальности, даже "очень не-женской", "очень высокой" может быть названо словом на *-ша*. Приведем такой пример. Во время спектакля, на котором дирижировала оркестром единственная в большом городе женщина-дирижер, зрители называли ее между собой *дирижерша*, без всякого затруднения или желания выразиться как-то необычно, уничижительно, обидно для называемого лица. Свободное производство наименований лиц женского пола обнаруживается в том, что они создаются не только от имен лиц мужского пола (как в КЛЯ), но и от существительных, не имеющих значения лица. Так, имя лица женского рода с суфф. *-ш(а)* создается от сочетания *ухо-горло-нос*, которым в РР называют врача-отоларинголога: (девушка-инженер, которой предстоит лечить нос, обращаясь к хорошей знакомой) Никак не могу решить/ идти мне к *ухогорлоносше* или оставить такой нос? Ср. существительное с суфф. *-их(а)* *профсоюзиха* – 'профсоюзная работница' (от слова *профсоюз*): Наша *профсоюзиха* на цветы собирает// Юбилей у кого-то//

Тип существительных со значением е д и н и ч н о с т и. Если в КЛЯ есть такие слова, как *горошина, соломина* и под., то в РР этот ряд

[142] Например: Надо спросить у этой *кандидатши*/ она же физик//; У вас нет опытной *гомеопатши*?; А что советует наша *йогша*?; Моя *невропатологша* сказала... Ср. от слова общего рода *коллега*: Это ваша *колле́гша* или просто знакомая?

практически неисчерпаем. Слова со значением единичного предмета образуются от всех существительных, обозначающих вещества, продукты питания, лекарства, сорта сигарет и т.п.: *урючина, инжирина, зефирина, беломорина, кентина, гемитонина, этазолина, аспиринина* и т.п.

Более регулярную реализацию, чем в КЛЯ, в РР получает класс слов, имеющих деривационное значение "производитель действия". При этом существительные с семантикой агенса производятся как от глагольных основ, так и от именных. В последнем случае в производном не выражено эксплицитно наименование действия[143]. Для выражения значения 'любитель того, что названо производящей основой', в РР наряду с узуальными *грибник, лошадник, собачник, кошатник, бабник* образуются *телефонник* (любитель звонить по телефону), *газетник* (любитель читать газеты: Мой тесть/ *газетник* страшный!), *творожник* (любитель есть творог: Папа у меня *творожник*) и т.п.

Следуя потребностям номинации, в РР создаются слова самых разных типов. Например, по типу *разговорник* ('собрание разговоров') создается *диаложник*: Он составляет такой разговорник/ вернее *диаложник*// Для иностранцев//; по типу *селедочница, сахарница* создается: *крюшонница*; по типу *творожник* (кушанье из творога) – *морковник* (Можно приготовить такой творожник из этой моркови/ вернее *морковник*// Будет вкусно//); по типу *цветник* – *маргаритник, пионник* (Какой *маргаритник* вы тут развели!; У меня под окном *пионник*//).

Отглагольное словопроизводство регулируется синтаксико-семантическими особенностями глаголов. Существует известный параллелизм между синтаксическими связями и словообразовательными потенциями производящего глагола. В отглагольном словообразовании могут быть реализованы лишь те производные, семантика которых соответствует актантной структуре производящего глагола[144]. Проиллюстрируем это положение одним примером. Деривационное значение 'остаток от действия' может быть выражено лишь производными таких глаголов, которые являются переходными и в семантике которых реализуется компонент 'производя действие, тратить, расходовать что-либо'. На выражении этого деривационного значения специализируется тип отглагольных существительных, производимых по модели *о-(об-)* + глагольная основа + суфф. *-к-* (часто в форме мн.ч.). Этот типа в КЛЯ включает слова: *обрывки, опилки, обрезки, осколки, окурки.*

В РР этот тип формируется более широким кругом глаголов (*есть, пить, грызть, кусать, клевать, мыть, скрести, плевать* и др.). Производные соотносятся с бесприставочным глаголом, т.е. приставка и суффикс участвуют в акте словопроизводства одновременно: *есть–объедки, грызть–огрызки, пить-опивки, глодать–оглодки* и т.п. Несколько примеров:

---

[143] См.: *Ермакова О.П.* Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. Докт. дисс., М., 1978.

[144] См.: *Bazássyová K.* Sémantická štruktúra slovenských deverbativ. Bratislava, 1974; *Гинзбург Е.А.* О словообразовательном значении. – Československá rusistika, 1972, № 4. Ср.: *Морозова Т.С.* Структура словообразовательных парадигм природных деструктивных глаголов. – В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, Ташкент, 1978, с. 152–156.

Что это за *огрызок*? Съела яблоко/ убери за собой//; Л. Ты что/ вылила туда все *опивки*? Е. Не опивки/ а *омывки*// Сполоснула чашку и вылила//; Чьи это *окуски* здесь лежат? (об обкусанных кусках хлеба); Как жалко! Сколько ягод птицы испортили// Остались какие-то *оклевки*//; Кастрюльку отскреби и *оскребки* выкини//; А. Бери ягоды из пакета// Б. Там уже ничего нет// Одни *оплевки*//; Эти *оглодки* куриные в ведро надо//; На столе *объедки*//

В сфере глагола в РР более регулярно, чем в КЛЯ, реализуется значение однократности действия. В РР более широк, чем в КЛЯ, состав глаголов с суфф. *-ну-*, имеющих значение однократного действия. Основную массу таких глаголов составляют глаголы, обозначающие звучание или конкретное физическое действие; например: *брякнуть, звякнуть, ляпнуть, ругнуть, катнуть, шарахнуть, тяпнуть, хлебнуть, рубнуть, шугнуть, мазнуть, резнуть, дербалызнуть, гавкнуть, рявкнуть, кокнуть, шваркнуть, нюхнуть, буркнуть, пискнуть, тукнуть, хмыкнуть, цыкнуть, булькнуть, тюкнуть, вякнуть, шмякнуть, бабахнуть, трахнуть, чебурахнуть, дыхнуть, громыхнуть, бултыхнуть, плюхнуть, пальнуть, пульнуть* и др. Однократные глаголы представляют собой не просто многочисленный ряд, но высокопродуктивный тип, производящий глаголы разной семантики. Несколько примеров: Давай *махнем* на Север!; Не хочешь со мной *катнуть*?; Думаешь он *хвастнул*?; Он любит *кутнуть*!; *Нюхни* разок! Хорошо пахнет/ да?; *Щегольни* в своем пальто новом!; *Звякни* мне завтра// Ср. носящие печать индивидуальности: Телефонистка на меня *орнула*//; Дай *курнуть* разок//; *Писни* мне письмишко//; Я *полирнул* этот камешек слегка//; Он мне *телепатнул*//; (о рассказе для учебника) Я его здорово *адаптнула*; *игнорнуть* (ср. *игнорировать*), *дифференцнуть*.

Особую группу однократных глаголов составляют глаголы, образуемые префиксально-суффикальным способом с помощью суфф. *-ну-* и различных приставок (они обозначают действие недолгое и ослабленное): *вздремнуть, простирнуть, прихворнуть, прилгнуть* и под.

Высокую продуктивность в РР обнаруживает тип отсубстантивных глаголов с суфф. *-Ø/и(ть)*, обозначающих разные виды отношения действия к предмету, названному производящей основой (о семантике таких глаголов см. подробнее в разделах I и III). Производящее имя выполняет роль одного из приглагольных распространителей – субъекта, объекта, инструмента, средства, места, характера действия. Естественно, что конкретизация семантики глагола зависит от семантики производящего субстантива. Вместе с тем подобные глаголы относятся к классу слов, семантика которых в высокой степени определяется контекстом и конситуацией, отличаясь этим от производных имен и глаголов на *-нуть, -ануть*[145].

Приведем несколько глаголов на *-ить*, свидетельствующих о легкости образования подобных структур в РР и разнообразии их значения: Он начал *шаблонить*//; Я думаю/ он нарочно *жаргонит*//; Ср. отадъективные: Она *шикарит* во всю/ то на "Волге"/ то на "ЗИМе"//; Не надо *вульга-*

[145] Ср. семантическую характеристику глаголов на *-ить* в кн.: *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке. М., "Наука, 1977.

рить//; Пора тебе перестать *парадоксалить*// (по смыслу связано с *парадокс*; по форме – с прилагательным *парадоксальный*; ср. возможное *парадоксить*); (о магнитофоне) И почему он так *буратинит*? (пищит, как Буратино); *бумеранить* – лететь, как бумеранг: (об игрушке "летающая тарелка") Бывают тарелки/ просто летают/ а бывают *бумеранят*//; Ну/ я тебе *наболотила*// (о луже от мокрых сапог); Я стал книгу *парафить*//

В сферу глаголов на *-ить* в качестве производящих вовлекаются и сложные слова: А. Иди купайся/ пока не хлынул дождь с градом// Б. Подожди/ я *пищеварю*//

Свойственная РР "замкнутость на субъекте", объясняет особую продуктивность глаголов на *-ится*: (о лечении изотопами) В среду я пойду *изотопиться*//; Сейчас я буду *овощиться*//; Вы все продолжаете *морковиться*? (делать морковный сок); (о кинофестивале) Я сегодня *фестивалился*//; Не люблю *мемуариться*/ но покажу вам эти фотографии//; (мать – сыну, который идет крайне медленно) Ну что ты *черепашишься*? Ползи скорее!

В РР многие словообразовательные типы префиксальных глаголов обнаруживают полноту реализации[146]. Наиболее активны глаголы со значением полноты–неполноты, интенсивности, повторности действия. Вот несколько иллюстраций:

н е д о- со значением недостижения должной степени действия образуется от всех глаголов, могущих обозначать разную степень действия, легко присоединяясь к глаголам, уже имеющим приставку: Я *недовзбила* крем//; Я *недоуловил* это//; Я *недопрочел*/ не успел//; Я *недоузнала* о славянском отделении//; Я так и *недовлюбился* в нее//; Лучше *недоодеться*// но питаться надо хорошо//;

п е р е- со значением повторного действия ("еще раз", "снова") также нередко присоединяются к глаголам, уже имеющим приставку: Он все *переобдумывает*//; *Перезажги* свет!; Мне надо *пересдать* экзамен//; *Перезапиши* меня к зубному на другой день//; (шутливо) Она мне советует временно *перевлюбиться*//; Мне надо *перегипсовать* руку//

п е р е- со значением превышения степени ("чересчур"): Ты *перечесночил* мясо//; Он сегодня *перезагорал* и *перенырял*//; Она *перепудрилась*//; Этот бром/ я его уже *перепила*//; Ты боялся/ я давление *переснижу*//

з а- со значением начала действия: В это лето она *зарисовала*//; В этом году Катя *зачитала* по-французски//; Я *заскряжничал*//; Я сегодня немножко *засоображал*//; (о новой кинокартине) Я *завожделел*//

Различные приставки в соединии с аффиксом *-ся* активно образуют экспрессивные глаголы с такими значениями:

з а-...-с я со значением увлеченности действием: Он *забегался*/ *загулялся*/ *за – не знаю что*//; И вот с этим Ленькой они где-то *зашатались*//

---

[146] Ср. наблюдения над широкой сочетаемостью приставок и производящих основ в немецкой РР: *Кан Е.* Коллоквиальные глаголы с перефиксоидами в современном немецком языке. Автореф. канд. дис. М., 1978, с. 6–7.

н а-...-с я со значением доведения действия до полной исчерпанности субъекта: (врач) С пациентами *насдерживаешься/* потом очень трудно//;

и з-...-с я со значением пересыщения результатом действия: Мы совершенно все *испраздновались*//; Я *искалькулировался*// Все считаю-считаю//; Я вся *исплакалась*//; И весь *изведешься/ изволнуешься*//; Я затушил чайник/ он у меня *иссвистелся*//

Префиксально-суффиксальный способ действует в сфере производства глаголов от основ прилагательных и существительных:

у-...-и т ь (с я) (сделать таким, что обозначено производящей основой): Надо *упроблемнить* тебе твой доклад//; Она *устройнила* свою дочку//; Ты *уконкреть* свое предложение//; Это надо *уочевиднить*//

о б е з-...-и т ь (лишить того, что называет производящая основа): Я хочу тебя *обезлыжить*//; Осторожно//Так можно меня *обезлампить*!; Я вас *обезмакаронил*//; (шутливо) Мы тебя *обезрыбили*//; (шутливо) Эту курицу надо *обестребушить*//; (в автобусе, набитом туристами с чемоданами, шутливо) Которые *обесчемоданенные* выходить могут?

. *о(б)-...-и т ь(с я)* (снабдить тем, что называет производящая основа): Спасибо! Вы меня *обутербродили*//; Ты одетая и мы уже *осапожились*//; А. Давай я тебе для огурцов пакетик найду// Б. А зачем их *оцелофанивать*//; (в комнате много гвоздик) А. Это Вася нас всех *огвоздичил*//; Сейчас все *обжигулились*// (купили машину "Жигули"); Мы сегодня *объинжирились*//; (шутливо) Я пришел вас *обумажить*//

Из сферы п р и л а г а т е л ь н ы х приведем лишь один пример. В РР обнаруживают некоторую продуктивность о т г л а г о л ь н ы е производные с суфф. *-ист-*[147], имеющие, качественно-характеризующее значение: Бывают такие *артачистые* люди/ которые всегда борются за свою идею//; Он *ковырялистый*// (о рецензенте); Чай хороший/ *заваристый*//

ШИРОТА КРУГА ПРОИЗВОДЯЩИХ ОСНОВ

Регулярность словообразования РР связана с тем, что в РР действует более широкий круг основ, чем в КЛЯ. В разговорном словообразовании участвуют те классы слов, которые бездействуют или обнаруживают очень слабую активность в словообразовании КЛЯ. Это несклоняемые заимствованные слова, аббревиатуры, междометия, имена собственные, целые словосочетания[148]. Как конструктивное строительное средство широко используются интерфиксы. Несколько иллюстраций.

---

[147] В русском литературном языке XIX в. этот тип также пополняется преимущественно экспрессивными прилагательными, относящимися к РР. См.: "Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., "Наука", 1964, с. 456.

[148] См. об этом: "Русский язык и советское общество. Развитие словообразования современного русского литерат. языка", М., "Наука", 1968, гл. II; *Санджи-Гаряева З.С.* Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи (имя существительное). Канд. дис., М., 1974. Ср. *Лагутова Е.Н.* Словообразование на базе неизменяемых слов в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1979.

Существительные–имена лиц – с суфф. *-ник* и интерфиксом *-ш-*; *эмгеушник* (МГУ), *гаишник* (ГАИ), *пэтэушник*[149] (ПТУ) и т.п.

Предметные существительные с суффиксом *-к(а)* и интерфиксом *-ш-*: *удвашка* (от У-2), *тушка* (от Ту- самолет), *нупогодишка* (от "Ну, погоди!").

Прилагательные с суфф. *-н-* и интерфиксом *-ш-* легко образуются от аббревиатур, наречий, междометий, несклоняемых заимствованных слов и даже словосочетаний: *Эмгэушный* спектакль// (от МГУ); Театр приезжает *фээргэшный*// (от ФРГ); Надену *хабэшное* платье// (от х/б – хлопчатобумажное); Не могу найти *экагэшную* сестру// Не видели? (от ЭКГ – электрокардиограмма); Это *фуфушное* предприятие (от *фу-фу*; ср. сделать на фу-фу)[150].

Прилагательные с суфф. *-н-* и интерфиксами *-j-* или *-ш-*, производимые на основе словосочетаний: *Таксебейная* комедия//; Это сахар *ссобоишный*// Я его на работу с с о б о й беру// Чай пить//; *Елеелешный* свет//; Это моя *когдатошняя* соседка// и т.п.

Используются целые выражения, сочетания слов и при производстве глаголов. Отдельные примеры такого рода приводились выше. Напомним здесь производство глаголов на *-(к)ать* (см. подробнее в разделе "Глагол") типа *нумамкать* (Хватить тебе *нумамкать* – мать к дочери, которая повторяет *Ну мама*! *Ну мама*!), *тьфутьфукать* (А. Надо сказать/ тьфутьфу! чтоб не сглазить// Б. Я уже *тьфутьфукал*//) и под.

Регулярность реализации словообразовательных потенций обнаруживается особенно ярко в сфере экспрессивного словообразования. Она проявляется как в высокой продуктивности специфических словообразовательных средств (см. выше раздел "Экспрессивное словообразование"), так и в широте используемых производящих основ. Экспрессивные производные создаются от основ самого разного строения и семантики. Запреты, действующие в КЛЯ, на РР не распространяются.

В РР создаются экспрессивные производные от несклоняемых существительных (типа *киношка, метрошка, доминошка, кафэшка, безешка*; Около нас *кафешку* открыли//; Там все такие *сабошки* носят// (от *сабо*); от фамилии Роб Грийе – *Роб Грийешка*; Я купила себе *брашечку* (от *бра*); *Бийедушку* легче писать чем заявление// (от бийеду́ – фр. billet doux); от основ относительных прилагательных (например: У них домик *деревянненький*/ крошечный!; Конструкции *железобетонненькие*//; У него лопаточка *железненькая*/ деревянной он копать не любит// – (о мальчике), от несклоняемых слов типа *спасибо* (*спасибище*!; *спасибочки* – просторечное), *нет* (*не́тушки*), *так* (*та́кушки*) – чаще в детской речи; от междометий (все *хиханьки* да *хаханьки*/ пора и за дело браться); от местоимений: Вот *такусенькая* мышка!; Что значит холодно! *Никогошеньки* на пляже//; *Ничегошеньки* мне от тебя не нужно//; ср. также: Такая *тютельная* девочка//

Ч е р е д о в а н и е *н/ш*. В РР имеется специфический вид чередований: конечный *-н-* основы чередуются с *ш*: (*окунь–окушок, олень–*

[149] Слова такого типа проникают в письменную речь; ...он будет учить будущих *пэтэушников* (Комс. правда, 24.VI.78).

[150] Возможны структурные варианты типа *фээргешный – фээргевский*.

олешек и т.п.). В КЛЯ функционируют лишь отдельные единицы с таким чередованием (типа *гребень–гребешок, карман–кармашек*). В РР чередование *-н-/-ш-* обнаруживает продуктивность в кругу слов различной семантики с основой на *-н-*.

Среди экспрессивных модификатов на *-ш(а)* особый разряд составляют слова, которые скорее должны быть интепретированы как особый вид суффиксальных производных, чем как слова с чередованием[151]. В производных этого разряда *-ш-* не всегда выступает как коррелят конечному *-н-* основы, например: *Маякоша* (Маяковский), *Чукоша* (Чуковский), *Кондраша* (Кондрат), *Корнюша* (Корней), *стипеша* (стипендия), *гемоглобиша, дракоша, Оргоша* (Оргон), *Нептуша, Якобсоша, ресторaша, апельсиша, магнитофоша, магазиша* и под.

ПРОИЗВОДНЫЕ, СОЗДАВАЕМЫЕ С УСТАНОВКОЙ НА ЯЗЫКОВУЮ ИГРУ

Владение языком включает разные степени компетенции. Несколько перефразируя слова Ю.М. Скребнева[152], можно сказать, что использование языка в целях шутки, с установкой на творчество, на языковую игру, есть высшая стадия владения языком[153]. В принципе она доступна всем говорящим – носителям литературного языка, просторечия и диалектов. В этой книге нас, естественно, интересует применение языковой игры в РР. В РР словообразование часто используется как средство языковой игры.

Изучая экспрессивные свойства РР и явления языковой игры, следует разграничивать стилистическое з а д а н и е (т.е. наличие установки на экспрессивное выражение у говорящего) и стилистический э ф ф е к т (т.е. восприятие речи как не нейтральной слушающим), ибо в РР они часто не совпадают. Как отмечает Т.Г. Винокур, "отождествление задания и эффекта нежелательно из-за регулярно наблюдаемой неадекватности экспрессии и импрессии: экспрессия отсутствует в отправлении речевого акта, но возникает в восприятии; задание направлено на экспрессию, но не дает соответствующего эффекта"[154].

Естественно, что при несовпадении задания и эффекта нас будет в первую очередь интересовать наличие экспрессивного задания, т.е. мы изучаем речь с позиций говорящего, а не слушающего; лишь изредка мы будем обращать внимание на наличие эффекта, не вызванного заданием–намерением говорящего.

Индивидуальное словотворчество – один из наиболее распространенных способов, реализующих желание говорящих пошутить, "поиграть" с формой речи. Вот один пример, показательный в том отношении, что говорящий сам объясняет, как он творит новое слово. (Разговор про-

[151] Подробную аргументацию этого положения см. в ст.: *Земская Е.А.* Чередование или суффиксация? (К изучению словообразования русской разговорной речи). – В кн.: Памяти академика В.В. Виноградова. М., Изд-во МГУ, с. 79–84.

[152] См. *Скребнев Ю.М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975, с. 171.

[153] См. *Григорьев В.П.* Поэтика слова. М., "Наука", 1979, с. 46–47.

[154] *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. Автореф. докт. дис. М., 1980, с. 21.

исходит в академическом поселке. Говорящий – экономист, научный работник, говорит женщине, недавно поселившейся там): Вы живете в *академятнике*// Я пробовал было образовать с другим суффиксом/ но не получается// *Академарий*// не звучит//

Существительное *академятник* создано по образцу слов *тигрятник, слонятник* и под., обозначающих помещение для животного, названного производящей основой. Выразительность создается контрастом между книжной основой *академ-* и типовым значением производного.

С установкой на особую выразительность, шутку, форму речи создаются слова и с помощью специальных экспрессивных деривационных аффиксов и способов словообразования (см. об этом раздел II), и с помощью нейтральных словообразовательных средств. Отметим, что экспрессивными могут быть и производные, создаваемые по образцу высокопродуктивных словообразовательных типов, т.е. так называемые потенциальные слова[155], и окказиональные слова. Для создания окказиональных слов, так же как для создания слов потенциальных, могут использоваться и экспрессивные средства, и средства нейтральные.

Окказиональные слова служат типичнейшим средством языковой игры. В отличие от слов потенциальных, которые рождаются и без установки на творчество (как нейтральные заполнители пустых клеток системы словообразования), окказиональные слова производятся с нарушением законов словообразования, как правило, намеренно и с установкой на творчество, на форму речи.

Изучение языка как творчества представляется чрезвычайно важным. Без внимания к этому аспекту исследования нельзя создать ни полного описания языка, ни охарактеризовать язык как деятельность[156]. В этой книге мы делаем лишь первые шаги по пути такого изучения РР.

Можно выделить 4 вида окказионального словообразования: 1) производство слова с нарушением тех или иных законов действия продуктивных типов; 2) производство слова по типам непродуктивным; 3) производство слова по конкретному образцу; 4) производство слова по типам, специфическим для окказионального словообразования[157].

---

[155] Производные такого рода мы отмечали и выше.

[156] Ср. мнение В.П. Григорьева: "Особого внимания заслуживает вопрос о творческом аспекте устной речи вообще, в каких бы формах они ни осуществлялись... Задача охватить весь этот разнородный материал, выработать детальные программы его сбора, описания и интерпретации, выявить в нем динамические системы инвариантных структур во всем многообразии их вариантов и функций, найти оптимальные методики определения информантов и "полевой" работы с ними и т.п. – эта задача стоит перед лингвистической поэтикой как филологической дисциплиной, призванной изучать поэтический язык во всех его проявлениях" (*Григорьев В.П.* Указ. соч., с. 47).

[157] Типы, специфические для производства окказиональных слов, рассматриваются в работах: *Янко-Триницкая Н.А.* Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования. – В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I. Ташкент, 1975, с. 413–418; *Калниязов М.У.* Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования. – Там же, с. 285–290; *Ханпира Эр.* Окказиональные элементы в современной речи. – В кн.: Стилистические исследования. М., 1972, с. 245 и след.; *Лыков А.Г.* Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., "Высшая школа", 1976.

В РР функционируют более активно окказиональные слова 1–3 видов; из словообразовательных типов, специфичных для окказионального словообразования, РР присущи лишь некоторые (см. о них в книге II, гл. "Языковая игра").

Производные, создаваемые с установкой на языковую игру, вводят нас в атмосферу шутливой тональности и индивидуального словотворчества[158]. Такие слова, как правило, произносятся с особой выделительной интонацией (интонацией подчеркивания). Перед говорящим при этом могут стоять разные (осознанные и неосознанные) психологические задачи – избежать единообразия и неинтересности обыкновенной речи[159] ("не быть занудой"), пошутить, сострить, скаламбурить, формируя тем самым ситуацию непринужденности общения ("мы свои люди") и т.п.

Рассмотрим шутливые производные разных частей речи.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Производные по конкретному образцу: (о прогулке в дождливую погоду) Мы с вами *лужепроходцы* сегодня// (ср. *землепроходцы*); Там крыс развелось! *Крысландия*! (ср. *Голландия, Гренландия* и под.)[160], Он у нас главный *сластун*// (ср. *хвастун*); ср. еще несколько шутливых сложных слов: Не люблю *дубленконосителей*//; Потом началось *особитие*//; Он у нас *печатехранитель*//; А. Ты любишь кильки? Б. Люблю// А. Я тоже// Я такой *килеед*//; Тебя там ждет твоя *цветоносица*// (о женщине, постоянно дарящей цветы);

Окказионализм может быть создан как реакция (и своего рода эхо) на обычное слово: – Сейчас будет ч а е п и т и е? – *Кофепитие*//; А. Люба мне очень нравится// Л. Она не д у р е х а// А. (подхватывает) И не *вылезоха*//. Ср. также: А. Прервемся/ отдохнем// Б. (шутливо) П е р е к у р – *перечай*// Ну а чай-то будет?; Художественный *домысел* – *примысел* должен быть//; А. Там он передергивает постоянно// Б. Где п е р е д е р г и в а е т/ а где *недодергивает*//

Шутливые слова могут реализовать возможности продуктивных типов, концентрируя элемент выразительности в контрасте семантики новообразования и общей семантики типа, или же выступая как заменитель имеющегося в языке узуального производного. Например: Подожди/ сейчас возьму *писало*// (ср. ручку, карандаш; по типу *точило*); Поставь веник *подметалом* вверх//; Передай поздравление моей *созодиачнице*// (девочке, с которой родились под одним знаком задиака; ср. *сокомнатница*); (вспоминая о детстве) Мы были *сомладенцами*// (ср. *соавтор*,

---

[158] Ср. *Koževniková Kv.* Problematika porovnávací stylistiky. – Slovo a Slovesnost, 1979, № 4, с. 312.

[159] Говорящие нередко сами объясняют причины своего словотворчества. См. об этом: *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., "Русский язык", 1979, с. 180.

[160] Об окказиональных словах на *-ландия* с семантизованной первой частью (типа Спортландия) см.: *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., "Просвещение", 1973, с. 237.

соредактор); Чувствуешь что какая-то туя или кипарис/ *сверх-бабушка*/ а они ее топором/ без всякого трепета//; Надо устраивать такие *слушалища*// (ср. *училище*); (по типу красильня) А. Где ваша Катя работает? Б. Да в *клеи́льне*/ как я ее называю// Все клеит и клеит//; Там была *взвешивальня*//

Особый эффект создается контрастом между: а) сниженной основой и книжным аффиксом или б) книжной основой и разговорным аффиксом и способом словообразования: а) Эти лекции нужны были для меня как *пихатель* мысли//; б) Я вчера *нетленку* создал// (нетленное произведение; ср. также *эпохалка, шедевралка, гениалка* – шутливые слова, созданные способом универбации и распространенные среди журналистов, литераторов).

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В сфере прилагательных окказиональные производные создаются наиболее продуктивными суфф. *-н-, -ов-, -ист-* от основ, которые не проявляют большой активности в обычном словопроизводстве, например, от междометий: Какое-то состояние *айяяйное*//

Экспрессивность производных от несклоняемых существительных и аббревиатур может создаваться нарушением закономерностей их построения, например: *бюрный* от *бюро, вачный* от *ВАК* (вместо закономерного *вакóвский*): *Бюрная* стенка оцарапана//; Надоели эти *вачные* дела! (способствует комизму также каламбурная ассоциация с *жвачный*); Попробуй-ка дать *клишовую* фразу!

Выразительность отглагольных и отсубстантивных прилагательных может определяться экспрессивностью основ: День был очень *тарарамистый*//; Вся ночь такая *трепыхальная*/ боишься проспать//

ГЛАГОЛ

В целях шутки производятся глаголы и тех типов, которые в РР не продуктивны (см. подробнее раздел III этой главы). К таким относятся, например, отсубстантивные глаголы с суффиксом *-ствова-* с разными нетиповыми значениями. В КЛЯ глаголы на *-ствовать* производятся от имен лиц, обозначающих субъект – производитель действия (*директорствовать* – быть директором, выполнять работу директора). В РР встречаем глаголы на *-ствовать* от существительных конкретной семантики, имеющих разнообразные актантные значения. Например: – А чего это вы не *апельсинствуете*? (т.е. не едите апельсин); Сейчас мы будем *компотствовать*//; А. Где №№? Л. В Дагестане// *Дагестанствует* а также дагестанит//; *Не скелетствуй!* (='не превращайся в скелет') – к молодой девушке, которая хочет похудеть); Я буду *салатствовать* (готовить салат)/ а ты щи грей//

Таким образом экспрессивность глаголов на *-ствовать* создается контрастом между узуальным книжным наполнением модели и ее сниженной реализацией в шутливой РР[161].

[161] Ср., впрочем, записанное в РР: Я совершенно не люблю ни руководить/ ни *мэтрствовать*// – по типу книжных *учительствовать* и под.

Другой вид шутливых экспрессивных глаголов производится по образцу узуальных слов, но с изменением типа производящих основ: применяется именная основа вместо глагольной. Так, по типу глаголов *изрисовать, исписать* – создается *ископытить*: (шутливо – об одеяле на котором делают зарядку) Все одеяло *ископытили*//; Кресло все *искотенкано*//; Она меня всю *исскорпионила*// (метафорически – о женщине с плохим характером).

Глагол содержит метафорическое изображение действия: перенос действия животного на человека обычен для РР.

Отметим, что схема *из-... -ить* приобретает, по-видимому, характер модели окказионального образования, в которой роль основы выполняет обозначение субъекта–производителя действия. Ср. известное *испешеходить* (*Улицы испешехожены*) у Маяковского.

Как средство языковой игры используется также создание слов по конкретному образцы, когда фоном окказионализма служит обычный узуальный глагол. Игра состоит в заполнении модели префиксального или префиксально-суффиксального отглагольного словопроизводства конкретной именной основой. Так, по типу *переодеться* создается *перебрюкаться, перерубашкаться*: (два друга собираются в гости: А., переменив брюки) Я *перебрюкался*// Б. Ну тогда и я *перерубашкаюсь*//; Вы из-за этого *разэмоцились*! (ср. *разволновались*); Я *отмашинкал* рассказ// (ср. отпечатал).

Особенно часто именные основы вставляются в модальную рамку "префикс... *-ся*". Имя обозначает объект потребления действия. *на ...-ся*: А. Хочешь щей? Б. Я *нащи́лся*//; В. Я сегодня *намяси́лся*// Три кэгэ мяса купил//; Петя наш *нагамзи́лся*// (напился гамзы – марка вина); А. Заходи обедать// Вкусный торт есть// Б. Я *наторти́лся* сегодня//; (к женщине, вернувшейся из лесу) Ты *накислородилась*?; Не *наленинградилась*? *от-... -ся*: (уезжая из столицы Эстонии города Таллина) Ну всё/ *отталинились*/ *отэстонились*//

НАРЕЧИЕ

Я зашел в универсам/ и *верблюдно* вернулся// (нагруженный, как верблюд); Моя машинистка меня бросила// Она увидела как это все *уморно* ('тяжело' – от *уморить*: ср. узуальное *уморительно* – 'смешно'); Е. А брюки вы не носите от этого костюма? Г. Дома// Е. А в институт// Г. Нет// Е. Что? Слишком пляжно? Г. Нет/ скорее *ресторанно*//

Итак, выразительность производных может быть вызвана рядом причин. Основная из них – новизна формы данного слова. При этом играют роль такие факторы: контраст между средством и способом словообразования и семантикой и стилистической окраской основы (например: сниженная основа *пиха(ть)* и книжный суфф. *-тель*; книжная основа *эпохальный, шедевральный* и разговорный способ словообразования – универбация с суфф. *-ка*: *эпохалка, шедевралка*); контраст между семантикой данного слова и семантикой образца (ср. *лужепроходцы* и *морепроходцы, землепроходцы*); каламбурные сопоставления и отталкивания (ср. *вачный* и *жвачный*).

СЛОВОТВОРЧЕСТВО ИЛИ ШАБЛОН?

Как совмещается приверженность РР к словотворчеству со столь характерным для РР широким использованием всякого рода клише, трафаретов, готовый выражений? В I части этой книги уже отмечалось, что РР свойственно и то и другое. Она допускает и речь клишированную, стандартную, и речь раскованную, свободную. Именно эта двойственность самой РР приводит к тому, что одни исследователи замечают (и, естественно, подчеркивают) одну ее сторону, другие – иную. Только этим можно, вероятно, объяснить мнение, которое высказывается некоторыми исследователями, что производство новообразований для РР – нетипично, что говорящие на РР предпочитают пользоваться лишь самыми обычными усредненными словами, никак свою речь не расцвечивая[162]. Отсюда можно сделать лишь такой вывод: контраст между говорящими субъектами в использовании РР обнаруживается особенно наглядно в сфере словообразования, лексики и фразеологии (хотя и не только в них!). Синтаксис, фонетика и морфология более нейтральны, поэтому оценка исследователем тех или иных явлений в сфере словообразования в очень высокой степени зависит от лиц, от которых ведутся записи, а также от их собеседников, места разговора и т.п. И, следовательно, сам спор о том, какие слова чаще употребляются в РР – нейтральные или экспрессивные – беспредметен. Чтобы закончить этот спор, приведем мнение М.В. Панова, который пишет: "Эмоциональная окрашенность лексических единиц в разговорной речи выявляется особенно резко и подчеркнуто"[163].

Необходимо учитывать, однако, что использование в РР индивидуальных неологизмов – явление сложное и неоднородное, своеобразная палка о двух концах.

С одной стороны, это̄ стремление освободиться от шаблона, жажда речетворчества, с другой – нежелание утруждать себя поисками готового, имеющегося в языке слова или необходимостю построить сложную синтаксическую конструкцию. Ведь, как отмечалось выше, порой легче "слепить" свое слово, чем найти нужное.

---

[162] Об этом пишет, в частности, О.Б. Сиротинина в книге "Современная разговорная речь и ее особенности" (М., "Просвещение", 1974), приводя свои наблюдения по поводу употребления двух однокоренных слов: нейтрального *жара* и экспрессивного *жарища*. Проведенный автором опрос информантов дает такие оценки слова *жарища*: "Так не говорят"; "когда по книжному говорят", "раньше так говорили", "наверное (?) молодежь так говорит" (см. с. 59). Оценки эти, на наш взгляд, свидетельствуют не только о том, что информанты не употребляют слова *жарища*, но и о том, что у них отсутствует языковое чутье (ср. три такие контрастные мнения: "р а н ь ш е так говорили", "м о л о д е ж ь так говорит", "когда п о к н и ж н о м у говорят"). Отметим, что в наших записях зафиксировано неоднократно не только *жарища*, но и *жарюга* (вероятно, некоторые ревнители русского языка скажут, что такого слова вообще нет). Ср. записанные нами от разных говорящих экспрессивные реакции на различные явления погоды: *Скользотища*!; *Пылюга*!; *Дождина*!; *Холодрыга*!; *Ветрище*!; *Морози́на!*

[163] *Панов М.В.* О развитии русского языка в советском обществе. (К постановке проблемы). – ВЯ, 1962, № 3, с. 8.

ВЫВОДЫ

1. Вся сфера разговорного словообразования распадается на два больших класса – узуальные производные слова, общие для всех носителей РР, и конситуативные неузуальные слова, создаваемые ad hoc. Свобода неузуального словообразования – очень важная особенность русской РР.

2. Словообразование в РР выполняет такие функции: а) выступает как одно из основных средств производства разного рода номинативных единиц, в том числе таких, которые создаются по потребностям данного акта коммуникации, данной конситуации; б) активно применяется как сильное средство экспрессивизации речи; в) используется как конструктивное средство, способствующее более экономному осуществлению акта коммуникации; г) служит целям компрессии уже имеющихся номинативных единиц. Все названные функции словообразования известны и КЛЯ. Своеобразие РР состоит в том, что они обнаруживают в РР бóльшую активность, т.е. словообразование в РР действует как более динамическая сфера языка.

3. Широта и свобода словотворчества в РР обнаруживает своеобразное разрешение одной из языковых антиномий[164]: антиномии между кодом и текстом. На данном участке системы РР эта антиномия разрешается в пользу текста. Говорящий часто предпочитает построить слово, т.е. использовать комбинацию из нескольких элементов, чем использовать целостную словарную единицу, отыскивая в памяти то или иное готовое слово. Эта черта РР ярко обнаруживается во многих словообразовательных типах.

4. Семантика неузуальных слов в РР своеобразна. Если для узуального слова характерна фразеологичность семантики, заложенная в системе языка и известная говорящим из общего языкового опыта, то фразеологичность семантики неузуального слова (если она у него есть) заложена в контексте, конситуации, общности апперцепционной базы партнеров данного коммуникативного акта. Поэтому конситуативные слова поразному осмысливаются в разных определенных условиях. Так, например, слово *арбузник* в разных ситуациях может значить "любитель арбузов" и "продавец арбузов". Ср.: – Я не думал что вы такие дынники// Сам-то я *арбузник*// и Там у вас на углу *арбузник* торгует/ и арбузы хорошие//

Конситуативность семантического наполнения характеризует и многие непроизводные узуальные слова РР (так называемые диффузы типа *дуть, шпарить*). Кроме того, она обнаруживается в семантике целого ряда типов производных слов, таких, например, как существительные на *-лка* вроде *держалка, хваталка,* универбаты типа *времянка* и многие другие. Это важная общая черта, свойственная словообразованию и глагола и имени.

5. Активность словотворчества в РР обусловливает одну из принципиальных особенностей разговорного словообразования, которая харак-

---

[164] О языковых антиномиях см.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., "Наука", 1968.

теризует РР в целом – большую свободу действия любых (в том числе словообразовательных) моделей, свободу их от ограничений самого разного рода. Это проявляется и в суффиксации, и в префиксации, и в области словосложения. РР можно характеризовать как идеальную сферу реализации словообразовательных потенций языка. Новообразования РР, как правило, обладают прозрачностью строения.

6. С рассмотренными особенностями разговорного словообразования связано следующее. Слово в РР выступает чаще, чем в КЛЯ как легко членимая конструкция, чем как целостная немотивированная и нечленимая единица. Это сближает слово как особую единицу с единицами других уровней, такими, как словосочетание и предложение, обладающими расчлененностью.

7. Если рассматривать РР как поле действия двух противоборствующих тенденций – тенденции к расчлененности и тенденции к синкретизму, то структура номинаций–производных слов в РР поддерживает тенденцию к расчлененности. В сфере номинативных средств производное слово в РР как расчлененная номинация стоит ближе к словосочетанию, чем к непроизводному слову, как немотивированному знаку[165].

---

[165] Ср. такие ряды: *взбивалка, чем взбивать* и *венчик; цедилка, чем процеживать* и *ситечко; точилка, чем точить* и *перочинный нож; открывался, открывашка, чем открывать* и *штопор, консервный ключ.*

ЧАСТЬ III

СИНТАКСИС

Раздел I

КОНСИТУАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ КОНСИТУАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

1. В разговорном коммуникативном акте высказывание находится в тесном взаимодействии с конситуацией. Синтаксическая система РР будет адекватно описана только тогда, когда удастся понять закономерности этого взаимодействия[1]. Вне соответствующей конситуации ни синтаксическая, ни смысловая структура многих высказываний РР не может быть осмыслена[2]: (у рекламного щита кинотеатра) А. Видел? Б. Ерунда//; (А. и Б. с трудом успели на электричку) А. Еще бы минута и ждать// (ждать следующую электричку); (А. и Б. обычно укладывают спать гостей на раскладной диван, который можно разложить только тог-

[1] Определяя русскую РР как особую систему, Е.А. Земская первым отличительным признаком этой системы справедливо называет конситуативность. Подчеркивается, что "в РР ситуация является полноправной составной частью акта коммуникации"; говорится не просто о взаимодействии РР с ситуацией, а о том, что ситуация вплавляется в РР (Русская разговорная речь, М., 1973, с. 19). Кв. Кожевникова при описании русской спонтанной устной речи (что в целом соответствует нашему понятию РР) к основным факторам, определяющим характер высказывания в этой речи, относит "постоянный учет коммуникативной ситуации, складывающейся в каждый данный момент по-другому, и учет собеседника, т.е. того, что, по мнению говорящего, содержится в каждый конкретный момент речевого акта в сознании собеседника" (*Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1973, с. 15). Внимание к изучению окружения высказывания характерно не только для исследователей русской РР. Г. Штегер в программной статье, посвященной изучению немецкой произносимой (gesprochene Sprache), и в первую очередь разговорной (Umgangssprache), речи специально выделяет фактор ситуационного контекста, который "существенно влияет на языковую формулировку информации, образцы предложений, семантику" (*Steger H. Gesprochene* Sprache. Zu ihrer Typik und Terminologie. – In: Sprache der Gegenwart, Bd. I. Satz und Wort in heutigen Deutsch. Düsseldorf, 1967, s. 267–275). См. также: *Bausinger H.* Bemerkungen zu den Formen gesprochener Sprache. – In: Sprache der Gegenwart, Bd I. 370] О большой опоре французской разговорной речи в отличие от письменной на ситуацию пишет Л. Зёлль (Söll L. Gesprochenes und geschriebenes Französisch. Berlin, 1974, с. 14).

[2] Ср. замечание А. Мартине: "В повседневной жизни говорение часто является только комментарием к ситуации" (*Martinet A.* Eléments de linguistique générale. Paris, 1960, p. 150)

да, если от него отодвинуть кресло; приехал гость) А. Отодвинь спать// (отодвинь кресло, чтобы разложить диван и уложить спать гостя).

Высказывания подобного типа назовем к о н с и т у а т и в н ы м и. Необходимо прежде всего определить их семантико-синтаксический статус.

2. Отличительными (дифференциальными) признаками конситуативных высказываний считаем следующие: (1) не весь смысл, передача которого является целью данного коммуникативного акта, вербализован в данном конситуативном высказывании; (2) невербализованный, но необходимый для данной коммуникации смысл не может быть приписан ни одному из вербальных компонентов высказывания; (3) вербальные компоненты своими валентными свойствами задают позиции для невербализованного смысла – незамещенные позиции; (4) конкретное лексико-семантическое значение этих позиций определяется конситуацией[3].

Высказывание *И мне полей//* со значением 'и мне полей мясо соусом' является конситуативным потому, что (1) имеет невербализованный смысл 'мясо соусом' (полить); (2) не имеет вербальных компонентов, которым этот смысл можно было бы приписать; (3) глагол *полей* задает своей валентностью позиции *полей что? чем?* (4) конкретное значение этих позиций *что?* – 'мясо', *чем?* – 'соусом' определяется из конситуации: за столом, где едят несколько человек, один из них поливает мясо соусом. Смысл, передаваемый незамещенными позициями при опоре на конситуацию назовем конситуативным[4]. Конситуативные высказывания могут быть развернуты в неконситуативные. Для этого необходимо вербализовать конситуативный смысл, ср.: *И мне полей мясо соусом//*

ДВА ТИПА НЕЗАМЕЩЕННЫХ ПОЗИЦИЙ В КОНСИТУАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

3. В зависимости от того, каким образом можно вербализовать конситуативный смысл в РР, различаются два типа незамещенных позиций: синтаксические и смысловые.

Незамещенная с и н т а к с и ч е с к а я позиция сигнализирует не только определенный смысл, но и строго определенную синтаксичес-

[3] Понятие "незамещенная позиция является общим для многих синтаксических явлений. Кроме незамещенных позиций, опирающихся на конситуацию, сюда относятся: нулевая связка (Он ∅ инженер), нулевой бытийный глагол (Он ∅ в саду), нулевой полнозначный глагол (Татьяна ∅ в лес); нулевое подлежащее в неопределенно-личных и некоторых других односоставных предложениях (о нулевом подлежащем см.: Языки народов СССР. т. I, Индоевропейские языки. М., 1966, с. 105–107). Все эти явления объединяются понятием "незамещенная позиция" потому, что: а) во всех высказываниях (предложениях) с незамещенной позицией есть смысл, который нельзя приписать ничему, кроме этой незамещенной позиции; (б) имеются собственно языковые синтагматические или парадигматические сигналы незамещенной позиции. См. об этом подробнее: Русская разговорная речь, с. 288–291.

[4] Ср. введенное здесь понятие конситуативного смысла и сходное с ним понятие речевого грамматического смысла в кн.: *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 75.

кую форму компонентов, которые могут заместить эту позицию при развертывании данного конситуативного высказывания в неконситуативное: А. *Он уже все экзамены сдал*// Б. *А она?* Подлежащее *она* своей валентностью прямо отсылает к контексту (предшествующей реплике), в котором уже заданы все необходимые формы – *А она сдала экзамены*?

Незамещенные с м ы с л о в ы е позиции сигнализируют только смысл, а в какую языковую форму следует облечь этот смысл, сказать нельзя. Конситуативные высказывания с незамещенными смысловыми позициями могут быть развернуты очень многими способами. Чтобы доказать это, был проделан следующий несложный эксперимент. Пяти информантам-лингвистам было предложено развернуть конситуативное высказывание *Позвони в лес*// в неконситуативное. При этом была описана конситуация: дети А. (Артем) и Б. часто перезваниваются для того, чтобы договориться о прогулке; об этом знает бабушка Б., которая водит их гулять; с данным высказыванием она обратилась к Б., чтобы побудить его пригласить Артема на прогулку. В качестве ответа были получены по-разному оформленные следующие неконситуативные высказывания:

1) Позвони Артему и позови его с нами в лес//
2) Позвони Артему и зови его в лес//
3) Позвони Артему и скажи что пойдем в лес//
4) Позвони Артему чтобы позвать его в лес//
5) Позвони Артему чтобы он собирался в лес//

Как видно, одинаково представлена только позиция *позвони кому*?, позиция *позвони зачем*? у всех информантов представлена по-разному.

Если незамещенные синтаксические позиции широко представлены как в РР, так и в КЛЯ, то незамещенные смысловые позиции регулярны только в РР[5].

КОНСИТУАЦИЯ И ЕЕ ТИПЫ

4. На структуру высказывания в РР оказывают влияние факторы трех типов: (а) контекст–речевое окружение данного высказывания; (б) визуально-чувственная ситуация – все, что партнеры коммуникации видят и ощущают; (в) частно-апперцепционная база – индивидуальный

[5] Незамещенные синтаксические позиции уже многократно были предметом наблюдения при анализе неполых предложений или диалогических единств (см., например: *Попова И.А.* Неполные предложения в современном русском языке. – В кн.: Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1953, т. II; ***Винокур Т.Г.*** О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи. – В кн.: Исследования по граматике русского литературного языка, М., 1955). На незамещенные смысловые позиции мы впервые обратили внимание в ст.: *Ширяев Е.Н.* О некоторых аспектах описания конситуативных высказываний разговорного языка. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. Горький, 1972, с. 260–264. Актуальность изучения конструкций с такими позициями для РР была впоследствии подчеркнута в работах: *Инфантова Г.Г.* О некоторых общих закономерностях передачи в синтаксисе невербализованных включенных значений. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 1. Горький, 1976, с. 217–224; *Кафкова О.* О роли контекста в разных типах коммуникатов. – В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 240–247.

опыт говорящих, их знания. Эти факторы имеют большое значение как для незамещенных позиций в высказываниях, так и вообще для разговорной коммуникации (см. об этом в части I). Для одних целей исследования названные факторы целесообразно рассматривать отдельно. Для анализа высказываний с незамещенными позициями их можно объединить одним общим термином – конситуация. Общность этих разных по своей "физической" природе факторов в этом случае состоит в следующем: (1) все они оказывают одинаковое воздействие на незамещенные позиции, сообщая им нужный смысл. Существуют такие высказывания с незамещенными позициями, один и тот же смысл которых может быть сообщен на основе любого из типов конситуации. Ср.: А. Этот шкаф стоит очень дорого. – Б. Сто семьдесят пять? (175 рублей стоит этот шкаф?) – контекст; (А. показывает на шкаф) Сто семьдесят пять? – визуально-чувственная ситуация; (А. знает, что Б. пошел узнать цену шкафа, который они видели в витрине закрытого магазина; А. к возвратившемуся Б.) Сто семьдесят пять?; (2) все типы конситуации индивидуальны, т.е. известны только ограниченному кругу людей, прежде всего партнерам коммуникации, поэтому коситуативные высказывания вне конситуации или совсем непонятны, или понятны не до конца.

Заметим, что термин конситуация как обобщающее название для трех названных типов окружения высказывания не является вполне удачным хотя бы уже потому, что он многозначен и может иметь омонимичные значения. Мы выбрали этот термин только потому, что не нашли более удачного. Важен в конце концов не термин, а та суть, которая за ним стоит; в данном случае принципиальная необходимость подчеркнуть одинаковое воздействие на семантико-синтаксическую структуру высказывания разных по своей природе окружений.

5. Если понятия контекста и визуально-чувственной ситуации представляются достаточно ясными, то понятие частно-апперцепционной базы требует специального комментария. На роль апперцепционной базы в РР впервые обратил внимание Л.П. Якубинский. Он писал: "Наше восприятие и понимание чужой речи, как и всякое восприятие, апперцепционно: оно определяется не только, а часто и не столько внешним речевым раздражением, но и всем прежде бывшим нашим внутренним и внешним опытом". И далее: "Апперцепцирующая масса, определяющая наше восприятие, включает в себя элементы постоянные и устойчивые, которыми мы обязаны постоянным и повторяющимся влияниям свойственной нам среды или сред, и элементы переходящие, возникающие в условиях момента"[6].

Апперцепционную базу с постоянными и устойчивыми элементами назовем общей, а с преходящими элементами частной. К конситуации,

---

[6] *Якубинский Л.П.* О диалогической речи. – В кн.: Русская речь, I. Пг., 1923, с. 147. – Л.П. Якубинский показывает, как преходящая апперцепционная база может исказить коммуникацию: "Мой сожитель пришел со службы очень голодный, поджарил картошки и понес к себе; я тоже захотел есть и спрашиваю, можно ли еще поджарить картошку, т.е. топится ли плитка, он отвечает "нет", догадавшись по началу фразы "можно ли", что я прошу у него картошки; плитка же ще топилась. Здесь определяющим неправильное восприятие момента явилось чувство голода" (Там же, с. 151).

как нам представляется, следует отнести только частно-апперцепционную базу [7].

Общая апперцепционная база – это некоторый фон общих знаний, свойственный всем носителям языка[8]. Общая апперцепционная база может проявлять себя в бессоюзных полипредикативных высказываниях, ср. *Не очень жарко сегодня будет/ ветерок есть//*, где причинные отношения между предикативными конструкциями определяются нашим повседневным опытом – ветер снимает жару. Общая апперцепционная база известна всем носителям языка столь же хорошо, как, скажем, лексическое значение слова. Конситуация же, по нашему определению, должна быть индивидуальна, известна только говорящим или небольшому микроколлективу. Этому последнему требованию отвечает только частно-апперцепционная база, представляющая знания и опыт данных конкретных партнеров коммуникации в данный момент, ср. (у А. весь день болела голова, на следующий день утром) Б. Ну как? А. Лучше немного вроде//. Такое высказывание понятно только говорящим, подобно тому как контекстные и визуально-чувственные высказывания понятны только тем, кто знаком с контекстом или находится в условиях данной ситуации[9].

6. Суждения Л.П. Якобинского об апперцепционной базе обратили на себя внимание Л.С. Выготского. Он показал, что использование апперцепционной базы чрезвычайно характерно для внутренней речи, составляет ее первичную особенность. Апперцепционная база способна сделать внутреннюю речь совершенно непонятной, отрывочной и сокращенной[10]. При этом Л.С. Выготский подчеркивает, что тенденция к сокращению и опусканию слов во внутренней речи показывает "не простой переход к телеграфному стилю, но и совершенно своеобразную тенденцию к сокращению фразы и предложения в направлении сохранения сказуемого и относящихся к нему частей предложения за счет опускания подлежащего и относящихся к нему слов. Эта тенденция к предикативности синтаксиса внутренней речи проявляется во всех наших опытах, – сообщает Л.С. Выготский, – со строгой и почти не знающей исключений правильностью и закономерностью, так что в пределе, мы, пользуясь методом интерполяции, должны предположить чистую и абсолютную предикативность как основную синтаксическую форму внутренней речи"[11]. Это свойство внут-

---

[7] Можно вообще, как это сделано в I части этой книги, термин апперцепционная база оставить только за частно-апперцепционной базой.

[8] Ср. понятие энциклопедических знаний в кн.: *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 114–115.

[9] Отметим, что Ш. Балли прямо включал в понятие ситуации не только предметное окружение, но и то, что здесь названо частно-апперцепционной базой. Он писал: "То, что мы называем ситуацией, имеет более широкое значение: здесь налицо не только элементы, воспринимаемые чувствами в процессе речи, но и все известные собеседникам обстоятельства, которые могут послужить мотивом для их разговора (*Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955, с. 52; выделено нами. – *Е.Ш.*)

[10] *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.–Л., 1934, с. 293.

[11] Там же.

ренней речи имеет прямой выход в РР, о чем говорит сам Л.С. Выготский: "Чистая предикативность возникает во внешней речи в двух основных случаях, как показывают наши наблюдения: или в ситуации ответа, или в такой ситуации, где подлежащее высказываемого суждения наперед известно собеседникам"[12]. (Это не что иное, как в первом случае микроконтекст, а во втором – частно-апперцепционная база).

Действительно, общая закономерность коммуникативного устройства конситуативных высказываний состоит в том, что смысл, имеющий вербальное выражение, обычно является рематическим, информативно наиболее значимым, конситуативный же смысл не рематичен. Случаи, когда конситуативный смысл входит в рему высказывания, весьма немногочисленны[13] и должны рассматриваться как исключения, подтверждающие общую закономерность.

Итак, наличие в РР конситуативных высказываний и прежде всего высказываний, опирающихся на частно-апперцепционную базу, роднит РР с внутренней речью, причем в важнейших, определяющих чертах последней.

7. Возможность прямого вовлечения конситуации в коммуникативный акт, возможность оставить без вербального выражения то, что дано в конситуации, в полной мере осознавал еще Ш. Балли, писавший: "Ситуативные знаки – два слова, казалось бы, совершенно не гармонирующие одно с другим: каким образом вещи, существа, движения, события, воспринимаемые нашими чувствами в момент, когда мы говорим, могут фигурировать в нашей речи? А между тем нам вполне достаточно указать на самолет и одновременно произнести: "Regardez!" "Смотрите!", чтобы этот самолет стал составной частью предложения, в частности объектным дополнением глагола"[14].

Как показывают современные логико-грамматические исследования, взаимодействие вербальных средств с конситуацией вообще заложено в самой основе семантической структуры предложения и, следовательно, не является чем-то необычным в процессе коммуникации. Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что предложения, содержащие суждения об окружающем мире, устроены так, что одной своей стороной они непосредственно связаны с конкретной действительностью, а другой – с мыслью о ней[15]. "Действительность" явным и непосредственным образом должна быть включена в коммуникацию. Предложение-высказывание *Огурцы, которые мы вчера купили, очень вкусные* только тогда выполнит свою коммуникативную функцию, если слушающий (и, конечно, говорящий) будет точно представлять, о каких конкретных огурцах идет речь. Мало знать лексическое значение подлежащего *огурцы*, необходимо, чтобы это слово обладало конкретной референцией, т.е. было индентифициро-

[12] Там же, с. 293–294.

[13] О возможностях конситуативного смысла выполнять рематическую функцию см.: *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности М., 1974, с. 103.

[14] *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка, с. 52

[15] *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 371–373.

вано слушающим с конкретным предметом: определительная придаточная часть – *которые мы вчера купили* – служит исключительно целям такой идентификации. Предикат *очень вкусные* имеет сигнификативное значение, для его осмысления достаточно знать лексическое значение входящих в его состав слов. Та часть высказывания, которая "привязывает" мысль к действительности – в нашем примере подлежащее *огурцы*, и открывает широкие возможности для использования незамещенных позиций с опорой на конситуацию. Если ясно, о каком предмете идет речь, то этот предмет можно не называть, поскольку компоненты, называющие его в высказывании, не имеют никакой другой функции, кроме той, чтобы точно обозначить этот уже явно "обозначенный" в конситуации предмет. И поэтому, если нужные огурцы находятся перед говорящими, можно просто показать на них и сказать *Очень вкусные//*

8. Роль конситуации как поставщика конкретного смысла для незамещенных позиций хорошо видна на примере конситуативных высказываний, в которых при одном и том же лексическом составе одна и та же по своей синтаксической функции позиция получает в разных конситуациях разное лексико-семантическое значение. Так, конситуатвное высказывание *Два//* у билетной кассы означает 'дайте (продайте) мне два билета'; при обращении к хозяйке семьи, раскладывающей блинчики на тарелки – 'положи мне два блинчика' и т.п.

Особенно хорошо роль конситуации для соответствующих незамещенных позиций видна в тех случаях, когда говорящие по-разному воспринимают конситуацию, в результате чего возникает непонимание.

Ср. две совершенно разных конситуации, любая из которых, в данном случае чисто случайно, может придать смысл незамеченной позиции: [1] А. и Б. ранее условились, что вынесут из спальни в коридор небольшой шкаф; [2] в той же спальне стоит большой букет черемухи, который вредно оставлять на ночь в спальне) А. к Б. *Вынести бы надо//* Б. *Ну не сейчас же*? А. (поняв суть нарушения коммуникации) *Да нет/ не шкаф/ черемуху//* Б. *А./ ну конечно/конечно//*[16].

9. Стремление определить те речевые и внеречевые условия, которые делают любое предложение (высказывание) осмысленным, привело к разработке понятия пресуппозиции. Как показывает Н.Д. Арутюнова, этот термин имеет множество различных толкований. Ч. Филлмор, например, называет пресуппозицией некоторые условия эффективности речевого акта. Высказывание *Откройте дверь//* эффективно тогда, когда есть некоторая закрытая дверь, есть лицо, которое может эту дверь открыть и т.п. Это – прагматические пресуппозии. Дж. Лаков называет пресуп-

---

[16] Ср. использование подобного рода "многозначности" конситуации в художественных целях:

– Но почему турецкие? – спросил Шерлок Холмс, упорно разглядывая мои ботинки. Я сидел в широком плетеном кресле, и мои вытянутые ноги привлекли его недремлющее внимание.

– Нет, английские, – удивленно отозвался я. – Я их купил у Латимера на Оксфорд-стрит.

Холмс обреченно вздохнул. – – Бани! Бани турецкие, а не ботинки! Почему расслабляющие и очень дорогие турецкие бани, а не бодрящая ванна дома! (*Дойль К.* Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс. Пер с англ. Ю. Жуковой).

позициями представления говроящих о естественных отношениях между событиями.

Высказывание с противительными отношениями *Сейчас июль, но идет снег* нормально функционирует только в том случае, если известно, что в июле в данном месте снег – редкость. Это – логические пресуппозиции[17].

Действие разных пресуппозиций на высказывание и роль конситуации для конситуативных высказываний принципиально различны.

Конситуация "добавляет" необходимый смысл в конситуативное высказывание, в то время как пресуппозиции проявляют ("оправдывают") уже готовый смысл. И поэтому действие пресуппозиций никак не связано с незамещенными позициями, порождаемыми валентными свойствами слов. Конситуация включается как бы внутрь конситуативного высказывания. Пресуппозиции – это фон, на котором должно функционировать высказывание.

Нужную для функционирования незамещенных позиций конситуацию нельзя в точности предсказать, ее надо видеть (предметная ситуация) или знать (контекст, апперцепционная база). Нужные для нормального функционирования высказывания пресуппозиции всегда заведомо известны.

10. Окружение высказывания может включать множество разнородных компонентов. Среди них необходим выбор тех, на которые опирается данная незамещенная позиция: (на праздничном столе множество угощений, А. показывает на яблоки) *Свои?* – 'яблоки из своего сада?' Нужный предмет, на который опирается данное конситуативное высказывание, "выбран" из множества других указательных жестом. В описательной части этого раздела будут показаны основные способы выбора конситуации.

ОТЛИЧИЕ КОНСИТУАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ОТ СХОДНЫХ СТРУКТУР

11. От высказываний с незамещенными "конситуативными" позициями следует отличать высказывания с конситуативными словами. Сюда относится впервые описанное Л.А. Капанадзе[18] и очень характерное для РР явление, названное ею "имя ситуации". Ср. высказывание *Надя на учебнике//*. Вне конситуации данное высказывание также непонятно, как и любое конситуативное высказывание, но конситуация позволяет осмыслить здесь не незамещенную позицию, а слово *учебник*. Смысл высказывания такой: 'Надя находится на заседании по обсуждению учебника'. Значение 'заседание по обсуждению учебника' вводится в это высказывание словом *учебник*, которое в данном коллективе выступает для обоз-

---

[17] Об этих и других видах пресуппозиций см.: *Арутюнова Н.Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике. – Изв. АН СССР, СЛЯ, 1973, т. XXXI, № 1. См. также: *Арутюнова Н.Д.* Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора. – ВЯ, 1973, № 1; *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976, с. 205–301; *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 28–29.

[18] Русская разговорная речь, 1973, с. 434–438.

начения большой и сложной ситуации – все, что связано с написанием ученика. Таким образом при развертывании высказывания с конситуативной лексемой конситуативный смысл должен быть поставлен на место этой конситуативной лексемы.

Типичный пример конситуативного слова как в РР, так и в КЛЯ – местоимения и местоименные наречия. В КЛЯ они обчно отсылают к определенному слову в контексте. В РР, в резком отличии от КЛЯ, местоименные слова могут отсылать к предметной ситуации, в тексте в этом случае нет соответствующего имени: (в обувном магазине А. меряет туфли) А. Легкие *они*? – Б. Да-да/ *эти* очень легкие//; (А. показывает на приближающийся автобус) А. *На этом* можно? Б. *На этом* с пересадкой//; (А. смотрит на экран телевизора; к ребенку) *Это* не детская// – 'не детская передача'; (А. к Б., показывая на другую сторону улицы) Пойдем *там*?

Такие высказывания с местоимениями весьма близки по своей семантико-синтаксической структуре к конситуативным. Местоимение в них является только формальным заместителем позиции, а поэтому без труда во всех приведенных случаях может быть элиминировано (см. табл. 1).

12. Специального рассмотрения требует статус конситуативных бессоюзных полипредикативных высказываний. Конситуативным считаем такое бессоюзное полипредикативное высказывание, в котором смысловые отношения между предикативными конструкциями задаются конситуацией: (у А., ребенка, есть постоянная обязанность: прежде чем идти гулять, он должен убрать свои игрушки) Б. к А. *Убирай/ гулять сейчас идем*// – 'убирай свои игрушки, потому что гулять сейчас идем', где причинная связь 'потому что' выводится из конситуации.

В конситуативных бессоюзных полипредикативных высказываниях общие признаки конситуативных высказываний преломляются по-особому. Такие высказывания в полной мере обладают двумя первыми признаками: (1) не весь смысл, передача которого является целью данного коммуникативного акта, вербализован – не вербализованы смысловые отношения между предикативными конструкциями; (2) этот смысл является необходимым для данной коммуникации, и он не может быть приписан ни одному из вербальных компонентов высказывания. Говорить же о незамещенной позиции выразителя смысловых отношений (союза, союзного слова) в таких высказываниях нет оснований, поскольку, по нашему определению, незамещенная синтаксическая позиция должна сигнализироваться валентными свойствами слов, а в бессоюзном полипредикативном высказывании возможность экспликации смысловых отношений союзами и другими языковыми средствами определяется не валентными свойствами слов, а тем, что в задачу коммуникации входит установление смысловых связей между предикативными конструкциями.

Итак, в конситуативных бессоюзных полипредикативных высказываниях вместо незамещенной позиции существует возможность вербальной экспликации смысловых отношений между предикативными конструкциями.

Таблица 1

Предметная ситуация	Высказывания с местоименными словами	Конситуативные высказывания
Ждут гостей, А. смотрит в окно и видит их.	А. Идут они наконец//	А. Идут//
А держит в руках книгу	А. Вот это посмотри еще//	А. Вот посмотри еще//
А. и Б. проходят мимо продуктового магазина	А. Зайдем еще сюда// колбасы мне надо//	А. Зайдем/ колбасы мне надо//

Конситуативные бессоюзные полипредикативные высказывания широко представлены в РР и почти неизвестны в КЛЯ.

13. Особо должны быть рассмотрены высказывания такого типа: (известно, что Б. считает нужным отдыхать перед лекциями и часто использует для этих целей лыжные прогулки). А. *На лыжах поедешь сегодня*? Б. *У меня лекция завтра*//, что при описанной конситуации означает 'да, поеду'. По-видимому, конструкцию *У меня лекция завтра*// в данной конситуации можно рассматривать как часть полипредикативного высказывания. Во всяком случае данное конситуативное высказывание естественно развернуть в такое неконситуативное: *Я поеду на лыжах, потому что у меня лекция завтра.*

НЕЗАМЕЩЕННЫЕ ПОЗИЦИИ И ИХ СИГНАЛЫ В КОНСИТУАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

14. О незамещенных позициях сигнализирует валентность вербальных компонентов (словоформ) высказывания. Валентность – это такие семантико-синтаксические признаки слова, которые предсказывают при данном слове другие слова. Предсказываться может смысл и морфолого-синтаксические способы его выражения, ср. при глаголе *рисовать* может и должен быть смысл 'что', выраженный существительным в вин. п. без предлога – *рисовать картину*, такая валентность лежит в основе незамещенных синтаксических позиций. Предсказываться может только смысл, но не форма его выражения, ср. сделать что-то – 'зачем' – *для общей пользы, ради общего дела, чтобы всем было хорошо* и т.д.; в этом случае делаются возможными незамещенные смысловые позиции.

15. Потенциальные валентные свойства вербальных компонентов далеко не всегда используются полностью в конситуативном высказывании. Например, в конситуативном высказывании *Поколи ему*// глагол *поколоть* открывает на основе своей сильной валентности (модели управления [19]) позиции *кто*? *что*? *чем*? и многочисленные не входящие в модель управления необязательные позиции – *когда*? *где*? *почему*? и под. Среди

[19] В модель управления включаются те позиции, без учета которых невозможно истолковать значение слова и которые, следовательно, предопределены существенными семантическими компонентами значения этого слова. См. об этом: *Апресян Ю.Д.* – Указ. соч., с. 133–156.

всех этих возможных при данном глаголе позиций незамещенной является только одна: *поколи что*? – из конситуации очевидно, что речь идет о грецких орехах для ребенка. Только эта позиция актуальна для говорящих. Хотя из конситуации вполне можно определить и чем предполагается колоть эти орехи, и где их будут колоть, и многое другое. Таким образом, будем различать потенциально возможные для данного высказывания позиции и незамещенные позиции, предопределенные данным коммуникативным актом. Если в высказывании нет некоторых потенциально возможных позиций, то это еще не делает высказывание конситуативным. Следовательно, для того чтобы сделать неконситуативным высказывание *Поколи ему*// достаточно вербализовать только незамещенную позицию *что – Поколи ему грецких орехов*//

16. В роли сигналов незамещенной позиции используются прямая и обратная валентности слов. При прямой валентности есть господствующее слово, которое своей валентностью сигнализирует незамещенную позицию, ср.: (проходят мимо чебуречной) А. *Съедим*? – 'съедим что' (=чебурек). При обратной валентности есть зависимое слово, которое сигнализирует о незамещенной позиции главенствующего над ним слова, ср.: (А. разливает чай) *Тебе крепкий?* 'крепкий что' (=чай)

(1) Компонентами конситуативного высказывания, сигнализирующими своей прямой валентностью незамещенные позиции, могут быть:

(I) Личная форма глагола в позиции предиката. Глагол, имея хорошо развитую валентность, способен задавать в высказывании особенно большое, по сравнению с другими частями речи, количество позиций, в том числе и незамещенных. Незамещенные позиции при глаголе в личной форме следующие:

(а) позиция подлежащего:

(на кухне кипит чайник) А. Закипел// Выключи//; (А. видит приближающуюся электричку) Идет//; (А. показывает Б. начищенный чайник) Блестит!; (слышно пение какой-то птицы) А. Как заливается//; (слышна возня перед входной дверью в квартиру) А. Идет// (идет ребенок из школы);

(б) позиции обязательных распространителей галагола-предиката (распространители предиката справа). Эти незамещенные позиции могут быть замещены существительными, наречиями, глаголами:

(А. ходил покупать часы) Б. Купил?; (А. показывает рисунок) Кирилл рисовал//; (в столовой о компоте, до которого А. не может дотянуться) А. к Б. Передай-ка пожалуйста//; (в комнате, где громко звучит телевизор) А. к Б. Приглуши пожалуйста//; (А. смотрит на колбасу) Б. Поешь/ поешь//; (А. бежит к автобусу) Б. Не спеши/ не спеши// – 'не спеши на автобус'; (в машине, некоторое время назад А. объяснял шоферу, где надо поворачивать на мост) А. Ну вот сейчас/ поворачивай//; (известно, что тяжело болеет сосед А., дед) А. Вчера деда отвезли все-таки// – 'отвезли в больницу'; (о передаче по телевизору) Совсем там не интересно// Не стал я// 'не стал смотреть телевизор'; (А. готовит салат) А. А огурец-то я забыла// – 'забыла положить огурец в салат; (А. ищет пакет с молоком) Б. к А. А/ я там наверно оставил//; (А. приносит домой сверток) Б. Покажи// – 'покажи что купил'; (А. вер-

нулся из очереди за билетами в театр) А. Достал? – Б. На "обмен" два// – 'два билета'.

(в) позиции любых необязательных распространителей глагола-предиката. Такие незамещенные позиции встречаются реже по сравнению с незамещенными позициями обязательных распространителей глагола-предиката. Чтобы активизировать в коммуникативном акте смысл, передаваемый в соответствующем развернутом неконситуативном высказывании необязательными распространителями глагола, нужна достаточно насыщенная, "сильная" конситуация, ср.:

(когда засыпает ребенок, надо, чтобы у телевизора была небольшая громкость; А., только что уложив спать ребенка) Телевизор сделай// – 'сделай телевизор тише'

(2) Именной член предиката при связке, обычно нулевой, может сигнализировать незамещенную позицию подлежащего:

(в вагоне электрички, о месте) А. Свободно?; (о подошедшем к остановке автобусе) А. Полный//; (А. меряет костюм) Велик// Нет/ совсем велик// (А. видит птицу) Маленькая какая-то//

(3) Предикативное наречие в позиции сказуемого может сигнализировать незамещенную позицию своего обязательного распространителя, который в соответствующем неконситуативном высказывании выражается глаголом в форме инфинитива или существительным:

(А. хочет выкинуть старый журнал) Б. Не жаль? – 'не жаль выкидывать'; (А. недавно вернулся из библиотеки) Б. к А. Тебе еще разок не трудно? – 'не трудно сходить в библиотеку'; (А. подходит к форточке с намерением открыть ее, к окружающим) *Можно*?; (А. ходил узнавать нужно ли идти на заседание) Б. Ну/ нужно? – А. Нужно говорят// (А. подходит к креслу) А. Можно? – 'можно ли сесть в это кресло'; (в цирке у А. сидит на коленях ребенок Б.) А. к Б. Тебе удобно? – 'сидеть'; (в кинотеатре) А. к Б. Видно? – 'видно ли экран'.

(4) Глагол-инфинитив в позиции предиката или в позиции обязательного распространителя предиката может на основе своей обязательной валентности сигнализировать любую незамещенную позицию, предполагаемую обязательной валентностью:

(очередь за билетами в театр) А. к Б. Стоять? – 'стоять ли в этой очереди'; (А. в данное время обычно зовет Б. обедать, но на этот раз почему-то не зовет) Б. к А. Ну идти? – 'идти обедать'; (А. – школьник выяснял по телефону у своего товарища школьное задание) Б. к А. Читать? – 'читать упражение'; (с наступлением теплых дней семья обычно уезжает на дачу) Тепло уже совсем// Пора бы нам наверно уже собираться// – 'собираться на дачу'; (о ребенке) Надо уже наверно укладывать// – 'спать'.

(5) Глагол *быть* в личной форме регулярно сигнализирует незамещенную позицию второй части из состава так называемого будущего аналитического времени:

(А. держит в руках пакет с сухарями) Будешь? – 'есть сухари'; (А. разливает чай; Б. к А. об отсутствующем лице) И она будет/ налей// 'пить чай'.

(II) Компонентами конситуативных высказываний, сигнализирующи-

ми обратной валентностью соответствующие незамещенные позиции, в РР являются:

(1) Обязательный распространитель глагола-предиката, сигнализирующий незамещенную позицию самого глагола-предиката[20].

(в столовой) А. к Б. Мне котлету и чай// – 'возьми'; (А. учит Б. кататься на велосипеде) Давай вот до дороги// – 'поезжай до дороги'; (А. разливает суп) Б. И ему/ и ему// – 'налей ему (ребенку)'.

(2) Существительное (или местоимение) в позиции подлежащего сигнализирует о незамещенной позиции предиката:

(звонит телефон) А. Я/ я// – 'послушаю, возьму трубку и т.п.'; (А. указывает Б. на незакрытую дверцу машины) А. Дверца у тебя// – 'открыта'.

(3) Необязательный распространитель глагола-предиката сигнализирует незамещенную позицию самого глагола-предиката:

(А. ставит горчичники Б.) Б. Пониже// – 'поставь, положи'; (А. читает второй раз рукопись Б.) А. к Б. Ну вот теперь вроде лучше// – 'лучше получилось, написано'; (А. опускает с 3-го этажа ведро с водой для поливки цветов) Б. Медленней/ медленней// – 'опускай'; (А. за рулем машины) Налево? – 'налево поворачивать'; (А. отходит от железнодорожной кассы) Б. Когда? – 'когда едешь?' А. Пятого только//

(4) Определение к существительному сигнализирует незамещенную позицию этого существительного, независимо от того, какую роль (подлежащее, предикат, второстепенный член) в высказывании могло бы выполнять это существительное:

(о регулировании напряжения трансформатором) А. А у тебя сейчас на высоком или на низком? Б. На самом низком//; (А. проводит пальцем по столу) Смотри пыльный какой//; (А. собирается в кино) Я хочу на самый последний сходить// – 'на самый последний сеанс'; (А. подыскивает себе в магазинах куртку) Очень светлая только я вчера видела на Кирова//

(5) Числительные, количественные или порядковые, сигнализируют о любой незамещенной позиции существительного:

(А ранее договаривался с Б. о заказе книг) А. к Б. Так вот нам сто семнадцать пожалуйста// – 'сто семнадцать экземпляров'; (А. отправ-

---

[20] Обязательный распространитель глагола-предиката сигнализирует не только незамещенную позицию в конситуативных высказываниях, но и нулевой (эллиптированный) глагол в высказываниях типа *Я в кино*// – 'иду', которые не требуют для своего осмысления конситуации. Нулевой глагол сигнализируется своим обязательным распространителем тогда, когда по отношению к этому обязательному распространителю значение действия, передаваемое нулевым глаголом, является наиболее характерным, типичным. Однако конситуация может перебивать значение нулевого глагола, сообщая незамещенной позиции иное значение. Так, *Я газету*// означает 'читаю', потому что по отношению к газете наиболее типичное, характерное действие именно читать, однако в ситуации, когда говорящие проходят мимо газетного киоска это высказывание станет конситуативным, получив значение 'я куплю газету' (см. об этом: Русская разговорная речь, 1973, с. 295–296; *Ширяев Е.Н.* Лексико-синтаксические характеристики высказываний с нулевыми глаголами-предикатами. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, сб. 4. Горький, 1973, с. 152–160).

Таблица 2

	Компоненты с прямой валентностью				
	Глагол-предикат	Именной член предиката при связке	Предикативное наречие в позиции сказуемого	Глагол-инфинитив в позиции предиката или обязательного распространителя предиката	
Позиция подлежащего	+	+			
Позиция глагола-предиката					
Позиция обязательного распространителя глагола-предиката	+	+		+	
Позиция необязательного распространителя глагола-предиката	+				
Позиция инфинитива как части формы будущего аналитического					
Позиция существительного при прилагательном или числительном					

ляется за железнодорожными билетами) Ну так три я пока беру/ Лена неизвестно еще// – 'три билета' (А. и Б. идут из книжного магазина) А. Две я все-таки взял/ Вите пошлю// – 'взял (купил) две книги'; (А. идет в хлебный магазин) Б. к А. Купи две сегодня// – 'две булки'.

Компоненты с обратной валентностью, являющиеся необязательными для соответсвующих господствующих членов (необязательные распространители глаголов-предикатов, прилагательные-определения, числительные при существительных), проявляют особую активность в РР как сигналы незамещенных позиций. Это объясняется тем, что необязательные компоненты имеют широкую лексико-семантическую сочетаемость и, следовательно, открываемые или незамещенные позиции пригодны для широкого круга конситуаций. Так, например, высказывание *В парке*? может в соответствующей конситуации означать 'встретимся', 'погуляем', 'что-то обсудим' и т.д.

Нетрудно заметить: то, что в одних случаях является сигналом незамещенной позиции, в других является самой незамещенной позицией: например, необязательный распространитель глагола-предиката может быть сигналом незамещенной позиции глагола-предиката, а может быть и сам представлен в высказывании незамещенной позицией.

17. Система незамещенных позиций и их сигналов представлена в табл. 2.

	Компоненты с обратной валентностью					
	Глагол *быть* из состава будущего аналитического	Обязательный распространитель глагола – предиката	Существительное (или местоимение) в позиции подлежащего	Необязательный распространитель глагола – предиката	Определение к существительному (прилагательное или порядковое числительное	Количественное числительное
		+	+	+		
	+					
					+	+

18. В РР регулярны такие высказывания, в которых валентность вербального компонента задает цепочку незамещенных позиций, ср.: (А. снимает чайник с газовой плиты) А. к Б. *Не надо*?, где заданы позиции инфинитива глагола с прямым объектом при нем – 'не надо выключать газ'. Еще несколько примеров: (в вагоне метро А. дает Б. газету) *Будешь*? – 'будешь читать газету'; *(А.* вешает картину) *Б. к А. Нет/ повыше//* – 'повыше повесь картину'.

19. Особое место среди сигналов незамещенных позиций занимают предлоги. В отличие от КЛЯ предлоги в РР могут сигнализировать незамещенную позицию существительного. Употребление предлога как сигнала незамещенной позиции во многом определяется его фонетическим обликом: наиболее часто незамещенная позиция существительного выступает при слоговых предлогах: *без, под, над, по, до* и др.

(А. ранее объяснил Б, водителю машины, как ехать; подъезжают к мосту) А. Ну вот туда теперь// Б. Под или по? А. По конечно// По// – 'под мостом или по мосту'; (А. обычно ест суп без мяса, Б. разливает суп) Б. к А. Тебе конечно без? А. Без/ без// – 'без мяса'; (рецепты обычно лежат на радиоприемнике или под ним) А. Галь/ принеси мне этот рецепт// Там он на или под//[21]

[21] От собственно предлогов следует отличать онареченные предлоги, при которых нет незамещенных позиций, ср.: Все проголосовали *за* / только он был *против*//

В РР, обычно при шутливом ее использовании, сигнализировать незамещенные позиции существительных могут и неслоговые предлоги – *к, в* и прочие:

(осматривают церковь) А. А туда в/ никак нельзя попасть бы/ а? – 'в саму церковь, во внутрь ее'; (на пляже, А. выходит из воды, Б. идет купаться) А. к Б. /Ну вот/ я из а ты в/ мы так вообще с пляжа не уйдем сегодня//; (разговор по телефону) А. Ну так у метро встретимся? Б. У или в? А. Нет/ у лучше/ я ведь на автобусе поеду//

Как показывают приведенные примеры, употреблению предлогов в роли сигналов незамещенных позиций благоприятствуют случаи сопоставления двух предлогов, ср.: *по* или *под, у* или *в* и т.д.

20. Конситуативные высказывания, в которых вербальный компонент имеет прямую валентность, назовем перспективными. Конситуативные высказывания, в которых вербальный компонент имеет обратную валентность, назовем р е т р о с п е к т и в н ы м и.

Характерной особенностью РР, отличающей ее от КЛЯ, является регулярность п е р с п е к т и в н о-р е т р о с п е к т и в н ы х высказываний, когда смысл высказывания развивается как бы с двух противоположных сторон: от компонентов с прямой валентностью перспективно и от компонентов с обратной валентностью ретроспективно, ср. (А. раскладывает по тарелкам торт) Б. к А. *Можно с розочкой*? – можно → [взять] → → [торт] ← с розочкой, где предикативное наречие *можно* задает своей прямой валентностью позицию глагола-инфинитива, а существительное-определение *с розочкой* задает обратной валентностью позицию существительного (эта позиция смыслом 'взять' квалифицируется как объектная при инфинитиве).

Очень характерны для РР такие перспективно-ретроспективные высказывания, в которых одна и та же незамещенная позиция задается дважды – и компонентом с прямой, и компонентом с обратной валентностью; (А. выбирает в магазине свитер) Б. к А. Бери яркий// – бери → 'что' ← яркий ('что' = 'свитер'). Такая двойная сигнализация незамещенной позиции полезна для РР, поскольку гарантирует обнаружение незамещенной позиции.

КОНСИТУАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НЕКОНСИТУАТИВНЫЕ

21. Развертывание конситуативного высказывания в неконситуативное, когда вербализуется конситуативный смысл, наглядно показывает, что на долю конситуативного смысла может приходиться весьма большая часть смысла всего высказывания. Большой конситуативный смысл характерен в РР для контекстных высказываний, ср.: А. *Завтра я пойду в кино на час*// Б. *И я*// – 'и я завтра пойду в кино на час' (в КЛЯ такие высказывания также возможны) и, в отличие от КЛЯ, для частно-апперцепционных высказываний: (к остановке подошел переполненный автобус, А. и Б. знают, что на данном маршруте в данное время легко дождаться свободного автобуса) А. к Б. *Поедем почитаем*// – 'поедем не на подошедшем автобусе, а на следующем, потому что он будет, вероятно, свободнее, и можно будет сесть и почитать'.

"Величина" конситуативного смысла все же имеет свои пределы. Они определяются тем, что говорящий должен без труда, автоматически определить и незамещенные синтаксические позиции, и конситуацию, на которую они опираются[22].

22. Для РР характерны такие конситуативные высказывания, которые могут быть развернуты в условиях данной конситуации в полипредикативные. Полипредикативность высказываний, включающих два (и более) глагола в личной форме, вполне очевидна: (А. завертывает творог) Б. *Заверни получше/ промокнет//* – 'заверни творог получше, а то он промокнет'. Полипредикативность конситуативного высказывания, которое не содержит глагола в личной форме, устанавливается менее очевидно. Ее можно видеть в тех случаях, когда данное высказывание при развертывании в неконситуативное дает полипредикативную структуру. К числу таких полипредикативных высказываний принадлежат известные только в РР перспективно-ретроспективные высказывания, т.е. высказывания, в которых член с прямой валентностью задает одну предикативную конструкцию, а член с обратной валентностью другую: (А. собирает белье в прачечную, которую перевели дальше от дома) Б. *Получше уложи далеко//* → *Получше уложи белье в сумку/ потому что далеко его нести//*

Особый интерес представляют конситуативные высказывания, которые могут быть развернуты и в простые, и в полипредикативные: (А. и Б.

---

[22] Некоторые писатели заставляют своих персонажей употреблять конситуативные высказывания со слишком большим конситуативным смыслом, за счет этого нарушения норм РР создается калоритная языковая индивидуальность персонажа. Весьма показательна в этом плане речь Дарьи Степановны, домработницы профессора Николая Николаевича (Энэн) из повести И. Грековой "Кафедра" ("Новый мир" № 9, 1978):

"Особое своеобразие речи Дарьи Степановны придавали провалы и зияния, от которых многие фразы становились какими-то ребусами. Провалы заполнялись интонацией, иногда с помощью контекста. Нечно вроде титлов в церковнославянском, заменяющих пропущенные буквы, только здесь пропускались не буквы, а смыслы. Дарья Степановна обращалась с родным языком царски свободно, на мелочи не разменивалась. Собеседник – не дурак же он! – сам должен был понимать, о чем речь. В эту априорную осведомленность каждого о ходе ее мыслей она верила свято, обижалась, когда ее не понимали, считала за насмешку. Энэн, человек привычный, уже приспособился и обычно ее понимал, лишь изредка и ненадолго становился в тупик перед фразой вроде: "Эта, века синяя, портки, кругом ковров, рулит", что означало просто знакомую женщину в брюках, с накрашенными глазами, самостоятельно водящую машину с коврами на сиденьях...

... Больше всего любила передачу "Человек и закон". Невнимание профессора к этому зрелищу понять не могла, осуждала.

– Все с книжками да с книжками, вот и прозевали. Про шпану шестнадцать тридцать. Жене восемь лет, наточил ножик – раз! Ее в реанимацию, три часа, умерла.

– Восемь лет жене? – с ужасом спрашивал Энэн

– Все вы понимаете, слушать не хотите. Не жене, а ему восемь лет. Мало. Я бы больше дала.

... Пили вино, ими же принесенное. Стульев не хватило – молодежь расселась на полу. Дарья Степановна сурово стояла в дверях и всего происходящего не одобряла: "Сказали бы за два, придете люди людьми, я бы пирогов, срам, а то как на паперти нищие".

смотрят расписание, собираясь ехать на электричке) А. *Посмотри около шести//*. Это высказывание может быть развернуто двояко: а) *Посмотри электричку около шести часов//*, где около шести обычное для РР несогласованное определение к слову *электричка;* б) *Посмотри электричку/ которая идет около шести//* По-видимому, в этом случае можно говорить о присущей РР своеобразной нейтрализации противопоставления простое/ полипредикативное высказывание.

ТИПЫ КОНСИТУАЦИИ И СТРУКТУРА КОНСИТУАТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

23. Как уже было сказано, конситуация может быть трех типов: 1) контекст, 2) визуально-чувственная ситуация, 3) частно-апперцепционная база.

(1) К о н т е к с т. Будем различать микро- и макроконтекст. В условиях микроконтекста становятся возможными незамещенные синтаксические позиции, поскольку конситуативное высказывание опирается не только на смысл, но и на синтаксическую структуру соответствующего высказывания (контекста): А. *Я с вечерним* (поездом) *хочу поехать//* Б. *Ну и я/ ну и я//* (→ *Ну и я с вечерним хочу поехать*); А. *Он уже два раза говорил мне об этом//* Б. *И мне раз//* (→ *И мне говорил об этом раз*).

Микроконтекстное высказывание по своей структуре всегда тождественно тому высказыванию, на которое оно опирается и которое, следовательно, является для него микроконтекстом. Высказывания такого типа наиболее близки к неполным предложениям КЛЯ. Но это не значит, что микроконтекстные высказывания в РР не имеют по сравнению с КЛЯ никакой специфики. Достаточно сказать, что многие уже описанные системные синтаксические черты РР находят прямой выход в структуру диалога: (в очереди) А. *А рядом стояла ушла*? Б. *Рядом предупредила//*. Первая реплика имеет специфическую предикативную номинацию: *рядом стояла* – 'та женщина, которая стояла рядом'. На основе этой номинации создается не характерная для КЛЯ микроконтекстная реагирующая реплика[23].

В условиях макроконтекста возможны только незамещенные смысловые позиции: *Очень мне хотелось все-таки к ним с цветами придти// И нигде их конечно не было/ декабрь// Мне говорят вот рынок Центральный на Цветном (бульваре)// И действительно//*. На основе данного макроконтекста, в первую очередь лексем *рынок – цветы* последнее конситуативное высказывание *И действительно//* получает такое осмысление: 'и действительно мне удалось купить цветы на этом рынке' или 'я сумел купить цветы на этом рынке' и т.п.

---

[23] На материале русской РР микроконтекстные высказывания анализируются: *Camutaliova.* Obsahova vystavba a jazykové prostředky informativního dialogu. – In: Slavica Pragensia. XIII. Universita Karlova. Praha, 1971, с. 111–130; *Инфантова Г.Г.* Набор дифференциальных признаков неполных предложений как основа для их изучения и классификации. – В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 5. Горький, 1974, с. 64–66.

(2) В и з у а л ь н о - ч у в с т в е н н а я с и т у а ц и я. Визуально-чувственная ситуация – это наблюдаемые (видимые) предметы, действия, слышимые звуки (разумеется, не языковые), осязаемые запахи и многое другое. То, что дано в визуально-чувственной ситуации, может не вербализоваться в конситуативном высказывании, построенном на основе этой ситуации. При этом естественно, что визуально-чувственные компоненты ситуации имеют в языке свое название. И поэтому конситуативный смысл визуально-чувственных высказываний равен, как правило, смыслу определенного слова или слов. Позиция, которая предназначена для этого слова, однозначно задает его формы. И поэтому незамещенная позиция в визуально-чувственных высказываниях обчно бывает синтаксической: (видят белку) А. *Пушистенькая какая*!; (слышат песню птицы) А. *Соловей похоже*?

Визуально-чувственные высказывания предельно активны в РР и не свойственны КЛЯ, которая рассчитана на письменную передачу, а при такой передаче "прихватить" с собой окружающую реальную обстановку коммуникативного акта просто невозможно. Но визуально-чувственная обстановка может быть описана, т.е. может быть "выведена" в контекст; *Они увидели белку. "Пушистенькая какая"! – сказал А.*; *Они услышали, как где-то запела птица. "Соловей похоже?" – сказал А., прислушившись.*

Подобного рода контекстные высказывания самым прямым образом соотносятся с ситуативными визуально-чувственными высказываниями[24]. И такие контекстные высказывания достаточно активны в КЛЯ при имитации РР[25], ср.:

Генеральша несколько времени, молча и с некоторым оттенком пренебрежения, рассматривала портрет Настасьи Филипповны, который она держала пред собой в протянутой руке, чрезвычайно и эффектно отдалив от глаз.

– Да, хороша, – проговорила она наконец, – очень даже (Ф. Достоевский).

(3) Ч а с т н о - а п п е р ц е п ц и о н н а я б а з а. Для частно-апперцепционных высказываний характерны как незамещенные синтаксические позиции, так и в равной степени незамещенные смысловые позиции: (накануне А. просил Б. положить ему в портфель книгу) А. *Положил*? Б. *Вчера еще*// – 'положил книгу'; (Б. известно, что А. кормит птиц на балконе, но часто забывает дать корм) Б. *Прилетали там/ опять*// – 'прилетали птицы, но опять не было корма'.

---

[24] Различая конкретное, существующее в момент коммуникации окружение и "описательное" окружение, Кв. Кожевникова говорит о примарной и секундарной ситуативной прикрепленности высказывания (*Кожевникова Кв.* Указ. соч., с. 42).

[25] Анализ подобных ситуативных высказываний, выполненный на материале литературных произведений, см.: *Назаров А.Н.* О возможном взаимодействии слова и наглядно-чувственных восприятий в построении предложения. – В кн.: Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. Горький, 1960, с. 149–152; *Чувакин А.А.* О структуре ситуативно-обусловленных неполных предложений. – Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, 1971, т. 98, с. 30–43; *Он же.* Структурно-синтаксические разновидности ситуативно неполных предложений в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1971.

Апперцепционные высказывания совершенно не свойственны КЛЯ. Нам известен только один письменный приведенный А.Н. Гвоздевым пример бесспорного апперцепционного высказывания: (из письма М. Горького к А.П. Чехову) Супружнице кланяйся. Василису – она? – 'она ли играет Василису (в пьесе "На дне")'[26]. Однако принадлежность и этого примера к кодифицированному языку далеко не бесспорна: в отношении некоторых видов эпистолярного жанра существует "серьезное подозрение" в том, что это – письменное воплощение РР[27].

Частно-апперцепционная база может быть описана, т.е. переведена в контекст. В КЛЯ можно было бы ждать контекстных высказываний, прямо соотносимых с частно-апперцепционными высказываниями РР, однако такие высказывания для КЛЯ не характерны. Вот один из редких в КЛЯ примеров такого рода высказываний: из предшествующего текста повести А. Чехова "Драма на охоте" известно, что Ольга собирается остаться на ночь у графа и это не нравится Сергею: "Мне уйти отсюда? Да? – спросил я (Сергей), стараясь прочесть истину на ее хорошеньком разгоревшемся личике. – Да?" Чуть заметным движением своих длинных черных ресниц она (Ольга) ответила: "Да". – "Ты обдумала?"

Какой объект имеется в виду при глаголе *обдумать* можно установить только из макроконтекста – 'обдумала ли ты свое намерение остаться у графа'.

ПРОСТАЯ И СЛОЖНАЯ КОНСИТУАЦИЯ

24. Характерной чертой РР является то, что в ней незамещенные позиции могут базироваться на сложной конситуации. Сложной называем конситуацию: (1) включающую несколько разных типов конситуации: (А., возвращаясь домой, часто забывает закрыть за собой дверь – частно-апперцепционная база; дверь в квартире открыта) Б. к А. Опять! – 'опять не закрыл за собой дверь'; (2) включающую разные виды одного типа конситуации, например, визуально-чувственное окружение, состоящее из ряда компонентов: (включенная газовая плита – один компонент ситуации; картошка, которая жарится на этой плите – другой компонент) А. Выключи готова// – 'выключи газ, картошка готова'.

В условиях сложной конситуации высказывания могут быть двух видов:

(а) в высказывании есть несколько незамещенных позиций, каждая из которых опирается на свою простую конситуацию, дающих в совокупности сложную: (А. передает Б. письмо – предметная ситуация; известно, что Б. идет на работу мимо почтового ящика – частно-апперцепционная база) А. *Возьми/ мимо//* – возьми письмо и опусти, потому что пойдешь мимо почтового ящика', где предметная ситуация дает смысл 'письмо', а апперцепционная база – смысл 'идти мимо почтового ящика';

---

[26] *Гвоздев А.Н.* Современный русский язык, ч. II. Синтаксис, 2-е изд. М., 1961, с. 178–179.

[27] См. об этом: *Кручинина И.Н.* Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра. – В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 24–43.

Таблица 3

	Два типа незамещенных позиций		Направление валентности и структура конситуативного высказывания			Конситуативные и соответствующие неконситуативные высказывания
	Незамещенные синтаксические позиции	Незамещенные смысловые позиции	Перспективные высказывания	Ретроспективные высказывания	Перспективно-ретроспективные высказывания	Конситуативные высказывания, развертывающиеся в полипредикативные
РР	+	+	+	+	+	+
КЛЯ	+	–	+	+	–	+

Таблица 3 (*окончание*)

	Конситуативные и соответствующие неконситуативные высказывания	Типы конситуации и структура конситуативного высказывания				Комплексность конситуации	
	Конситуативные высказывания, развертывающиеся и в полипредикативные и в простые	Контекстные		Визуально-чувственные высказывания	Частно-апперцепционные высказывания	Простая	Сложная
		Микроконтекстные высказывания	Макроконтекстные высказывания				
РР	+	+	+	+	+	+	+
КЛЯ	–	+	–	–	–	+	–

(б) вся сложная конситуация необходима для определения смысла одной незамещенной позиции: (выпал снег – визуальная ситуация; А.и Б. обычно чистят ковер на снегу – частно-апперцепционная база) А. *Почистить бы надо*// – 'ковер на снегу'. Сложные конситуации для КЛЯ нехарактерны.

25. Выявленные системные признаки конситуативных высказываний РР в их соотношении с КЛЯ представлены к табл. 3.

" + " РР и " – " КЛЯ этой таблицы показывают: система конситуативных высказываний РР имеет значительно меньше ограничений и поэтому более последовательна, чем система КЛЯ.

Задача описания конситуативных высказываний состоит в следующем: определить типичные для РР виды конситуаций и те позиции, которые эта конситуация позволяет оставить незамещенными в высказывании.

ТИПЫ КОНСИТУАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (ОПИСАНИЕ)

ВИЗУАЛЬНО-ЧУВСТВЕННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

1. Визуально-чувственная ситуация, сопровождающая разговорную коммуникацию, бывает особенно насыщенной и разнородной. Выбор в ней элементов, которые необходимы для данных незамещенных позиций, осуществляется с помощью (1) языковых и (2) неязыковых средств.

(1) Языковые средства выбора – это лексическая семантика компонентов, открывающих незамещенные позиции. Эта семантика направляет внимание слушающего на нужные элементы в визуально-чувственном окружении: (А. с цветами в руках) Б. *Давай в большую вазу*// – в данной ситуации единственное, что может иметь отношение к вазе – это цветы, поэтому смысл высказывания – 'давай поставим цветы в большую вазу'; (А. держит в руках разбитую тарелку) Б. Выброси/ не сделаешь// – 'выбросить из окружающих предметов уместно только разбитую тарелку'.

(2) К неязыковым средствам выбора ситуации принадлежат прежде всего указательные жесты[28] и направление взгляда[29], так, в магазине достаточно просто посмотреть на кресло и спросить *Семьдесят пять*?, чтобы стало ясно: речь идет о цене этого кресла; указательный жест на определенный цветок среди многих и вопрос *Уже цвел*? точно показывает, о чем спрашивают.

Выбор нужного предмета из ситуации может осуществляться и его местоположением: держа часы в руках, можно сказать *Удивительно точные*// и ясно будет, что речь идет именно об этих часах; проходя мимо грядки с клубникой, можно сказать *Поищи*// и ясно, что речь идет о клубнике, а не о малине, которая также есть в саду, но не там, где находятся в данный момент партнеры коммуникации.

Характерные позы человека также могут способствовать нужному выбору из визуально-чувственного окружения: (А. прислушивается [поза прислушивания]) *Соловей*// – 'поет соловей'.

Обычно языковые и неязыковые средства выбора нужных элементов из ситуации действуют в совокупности, обеспечения легкость и точность такого выбора. Неудачи в коммуникации (легко ликвидируемые по ходу дела), связанные с неправильным выбором элемента ситуации, редки, ср.: (маленькая девочка ведет на поводке бульдога, ростом почти с нее) А., показывая на них взглядом *Какая прелесть!* (имеется в виду "умильность" сценки: маленькая девочка – большая собака) Б. *Терпеть не могу*! (терпеть не могу бульдогов) А. *Да нет/ не собака/ девчонка*//

---

[28] Об указательных жестах в РР см.: Русская разговорная речь, 1973, с. 467.

[29] Существует особый канал передачи информации – визуальный, основными параметрами которого являются мимика, жест и направление и характер взгляда. Ср.: *Гаспаров Б.М.* Устная речь как семиотический объект. – В кн.: Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика, I. Тарту, 1978, с. 88.

Обратимся к описанию наиболее типичных визуально-чувственных высказываний.

2. Самым распространенным типом визуально-чувственной ситуации является предметная ситуация. Различаются следующие предметные ситуации:

(а) Ситуации с предметом, не реализующим в данном случае никаких особых признаков, которые могли бы быть использованы в коммуникации для того, чтобы оставить позиции незамещенными. Важен сам факт наличия предмета. Предмет же может быть любым. Наиболее характерными для такой предметной ситуации являются конситуативные высказывания с незамещенной позицией подлежащего, которая может быть замещена названием данного предмета, и вербальной частью, представляющей из себя предикат-рему. Такой предикат чаще всего имеет оценочно-характеризующее значение, значение принадлежности предмета определенному лицу, отнесенности предмета к определенному классу и многие другие значения, свойственные главным образом именному предикату. Часто конситуативное высказывание представляет собой вопрос о предмете без названия самого предмета:

(А. вынимает из сумки длинный огурец) Б. Ой какой кривой!; (в обувном магазине; пожилые женщины рассматривают светлые туфли) А. Непрактичные// Б. Это молодым уж// А. Да-а// А так красивые//; (в столовой А. несет чай) Б. Ну что/ горячий? А. Так// – 'не очень горячий'; (А. о туфлях Б.) Чьи? Б. Румынния// – 'туфли румынского производства'.

Состояние предмета могут показывать глагольные предикаты: (А. ест суп) Б. Остыл? А. Ничего//; (А. зимой приносит с балкона бутылку кефира) Замерз? А. Нет вроде//

На визуальный предмет могут опираться также незамещенные позиции обязательного распространителя глагола-предиката: (А. держит плащ) Б. Давай в сумку положу/ сложи// А. Да ладно/ я так/ на руку//; (А. и Б., ребенок, выходят на лестничную площадку с велосипедом) А. Ну сам тащи/ уж можешь//; (А. собирается уходить; Б. дает А. грязную бумагу) А. Захвати выкини пожалуйста//

Возможны достаточно развернутые диалоги о визуальном предмете, при этом функция незамещенной позиции в репликах диалога может быть разной:

(А. примеряет очки) А. Ничего? Б. Попроси светлее//; (А. и Б. видят бегущую собаку) А. Твоя? Б. Да вот// Подарили тогда/ эта//;

(б) Визуальные ситуации с предметом, реализующим в данных условиях такие признаки, которые используются для "нужд" незамещенных позиций. К числу таких признаков принадлежит в первую очередь признак функциональности предмета. "Следует обратить внимание, – пишет Д.Н. Шмелев, – на то, что все или почти все названия предметов, созданных человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации"[30] (выделено автором). Конситуативные высказывания в ситуации

с функциональным предметом содержат конситуативный смысл, касающийся не только предмета, но и действия, если это действие соответствует функции предмета и поэтому предсказывается данным предметом.

Вербализованными элементами, вводящими в высказывание соответствующие незамещенные позиции, могут быть: вспомогательный глагол *быть*, модальные глаголы, предикативные наречия, приглагольные обстоятельства:

(А. показывает Б. сушки) А. Будешь? – 'есть сушки' Б. Давай//; (А. подходит к выключателю) Нужно? – 'нужно включить свет?' Б. Давай//; (А. трогает батарею) Б. Ну как? А. Вовсю//; (за кулисами театра; А., осветитель, держит в руке фонарь) А. к Б. (художнику по свету) Куда? – 'куда должен светить этот фонарь?' Б. На Малыша// (персонаж спектакля); (А. возвращает Б. журнал) А. (удивленно) Так быстро? – 'прочел журнал?' (А. кладет Б. на тарелку второе) Б. Да разве я смогу столько! – 'съесть'.

Ситуация с функциональным предметом позволяет обсуждать в конситуативном высказывании функциональную пригодность предмета, также оставив незамещенными позиции со смыслом 'функциональный предмет – его функция': (вешают картину, А. рассматривает гвоздь) Нет не пойдет// Б. (подавая другой гвоздь) А этот? Б. Сейчас попробую// – 'забить этот гвоздь'; (А. пришла на работу в новых зимних сапогах) Б. Ну уж в любой мороз/ да? – 'в этих сапогах можно ходить в любой мороз' А. Не знаю я/ не очень они все же/ но лучше// – 'лучше греют'.

Выделим ситуации с предметами, функция которых сообщение некоторых сведений (часы, термометр и т.п.). В конситуативных высказываниях реализуются сами сведения, например цифровые показатели, а к чему эти сведения относятся, показывает наличие функционального предмета, с которого эти сведения сняты: А. (смотрит на часы) Пять уже// Пошли что ли//; А. (смотрит на уличный термометр) Двадцать// (двадцать градусов мороза).

Иногда вербализуются не сами сведения, а их оценка: (А. смотрит на термометр, только что вынутый у ребенка) Б. Сколько? А. Нет/ нет// Ничего// – температура нормальная;

(в) Особо выделим ситуации с функциональным предметом-местом. Функциональным местом называем, например, кинотеатр – место, где смотрят кинофильмы, магазин – место для торговли и т.д., а также кресло – место для сидения, письменный стол и пр. Незамещенные позиции в таких высказываниях передают смысл 'функциональное место' и иногда 'функции, которые осуществляются в этом месте', вербализованными компонентами, сигнализирующими незамещенные позиции, являются глаголы движения, модальные предикаты: (А. и Б. пр ходят около магазина) А. Чуть не забыла/ надо мне// – 'надо мне зайти в магазин' Б. Еще успеем// А что нужно-то? А. Да тут целый список//; (А. и Б. идут около кинотеатра). А. Пойдем? Б. Не-не// Я не могу сегодня//; (А. подводит гостей к дивану) Пожалуйста// – 'садитесь на диван'.

[30] *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 234.

Все конситуативные высказывания, опирающиеся на ситуацию с функциональным предметом или местом, имеют одну характерную особенность: если будет замещена позиция, связанная с функциональным предметом, то позиция соответствующего функционального действия уже не требует для своего осмысления конситуации, так как в этом случае образуется позиция нулевого полнозначного глагола: *Ты мне можешь это мясо топориком*? – 'разрубить'; *В кресло пожалуйста/ помягче*// – 'садитесь'.

Интересно отметить, что между высказыванием с нулевым полнозначным глаголом, сигнализируемым функциональным именем предмета или места, и визуально-предметными высказываниями, построенными на основе ситуации с функциональным предметом или местом, могут быть прямые соответствия, определяемые тем, вербализованно имя функционального предмета (места) или оно "оставлено" в конситуации[31], ср.:

Визуально-предметное высказывание	Высказывание с нулевым полнозначным глаголом
(А. и Б. рассматривают сувениры на витрине) А. Ну вот эту матрешку/ да? – 'покупаем'	Мы эту матрешку вчера в сувенирном/ на углу тут// – 'купили'

(г) Визуальная ситуация с предметом, находящимся в необычном и нежелательном состоянии. В таких ситуациях вербальная часть конситуативного высказывания является экспрессивной, "осуждающей", в ней называется либо лицо, приведшее предмет в нежелательное состояние, либо сам предмет, либо некоторые обстоятельства, при которых предмет пришел в негодность, а конситуативный смысл показывает само нежелательное состояние и иногда предмет:

(А. входит в комнату, держа разбитую тарелку) А. Тарелочка// Б. (с негодованием) Опять тарелочка!; (А. показывает Б. разорванный лист книги) А. Ты? – 'ты разорвал лист в книге' Б. Что ты? Первый раз вижу//; (А. увидел на столе пыль, проводит пальцем по столу и показывает грязный палец Б.) А. к Б. Опять? – 'опять у тебя стол пыльный?' Б. Ну только утром вытирал/ честное слово//

3. К о н с и т у а ц и я в и з у а л ь н о г о д е й с т в и я - с о б ы т и я. Такая конситуация позволяет очень широко пользоваться незамещенными позициями. Незамещенными в этом случае могут быть позиции предиката и всех его распространителей, обозначающих лицо, предметы и обстоятельства, связанные с данным действием, за исключением тех, которые составляют рему высказывания. Это не исключает, конечно, вербализации и некоторых нерематических компонентов, но их вербализация необязательна.

Как правило, конситуативные высказывания в ситуации визуального действия являются или вопросительными, или побудительными, преследуя цели качественной или количественной коррекции действия, коррек-

[31] О роли имени функционального предмета в высказываниях с нулевым полнозначным глаголом см.: *Ширяев Е.Н.* Лексико-семантические характеристики высказываний с нулевыми глаголами-предикатами, с. 155–157.

ции направленности действия на определенное лицо, в определенное место, уяснение времени действия и пр.:

(А. упал на глазах Б.) Б. Сильно? – 'ударился' А. Да нет , нет// Отряхни сзади-то//; (А. чистит ковер) А. Лучше/ лучше// – 'лучше чисти'; (А. и Б. собираются в кино, А. одевается) Б. к А. Ну пойдем/ быстрей давай// – 'быстрей одевайся'; (А. наливает Б. молоко) А. Еще?; (А. пытается затолкнуть в угол чемодана электробритву) Б. Сверху лучше// – 'положить'; (А. пишет объявление) Б. Покрупнее/ покрупнее/ всех касается//– 'пиши покрупнее'.

Вербальная рематическая часть может выражать требование прекратить визуальное действие:

(А. поливает грядки) Б. Хватит/ хватит// Куда ты столько//; (А. и Б. идут по вагонам электрички в поисках удобного места) А. Может хватит? – 'искать место' Б. (останавливаясь) Ну давай// – 'сядем здесь'; (А. что-то пишет) Б. Кончай уж// – 'писать'; (А. целый день сидит за письменным столом –работает) Б. Хватит тебе уж сегодня// – 'работать'; (ребенок громко бьет в детский барабан) Б. Кир/ перестань/ ну что ты честное слово//

Регулярна вербальная часть, содержащая оценку действия:

(А. и Б. в электричке, которая идет очень медленно) А. Ну совсем уж// – 'совсем уже медленно'; (А. учит ребенка тормозить на велосипеде) Слишком уж ты резко// – 'затормозил'; (фигуристка выполняет определенный элемент) Тренер. Нет/ плохо// Снова давай//(А., смотря по телевизору хоккей) Отлично!; (А. видит курящую девушку) Ну что это/ зачем?[32]

Чем больше лиц, предметов и обстоятельства причастно к действию, событию, тем больше компонентов смысла может быть передано незамещенными позициями:

(А. и Б. в вагоне электрички, на которую они чуть не опоздали) А. Минута и ждать! – 'опоздай на минуту и долго пришлось бы ждать' Б. Да-а/ как мы! Чуть-чуть// – 'как мы успели, чуть-чуть не опоздали'; (А. сервирует стол) А. (с облегчением) Кажется все// –'все поставила' Б. Один фужер еще нужно по-моему//; (А. меряет плащ) Ну? –'ну как сидит на мне плащ' Б. Покороче наверно бы надо//; (у соседей музыка, шумно, уже поздно, А. и Б. не могут уснуть) А. Ну когда же?! – 'когда же кончится этот шум' Б. Брат к нему приехал//

4. К о н с и т у а ц и я с и г н а л а. Эта конситуация весьма характерна для современной жизни: мы постоянно слушаем сигналы точного времени, реагируем на сигналы светофора и т.п. Сигнал по природе своей предназначен для коммуникативных целей, и поэтому его взаимодействие с языковыми средствами вполне нормально и естественно: сигнал заставляет реагировать на себя. Реакция может быть и вербальной. "В ответ" на один и тот же сигнал вербальная реакция может быть очень разнообразна по содержанию и проявляться в различных по семантико-синтаксической структуре конситуативных высказываниях.

---

[32] Ср. с репликами телекомментатора футбольного матча: (о подаче в штрафную площадку) Слишком сильно//; (об ударе по воротам) Слишком уж как-то тихо и неточно//; (об игре вратаря) Очень неуверенно!

Так при звонке телефона до поднятия трубки зафиксированы следующие конситуативные высказывания с разнообразными незамещенными позициями:

Послушай/а?; Подойди! Телефон//; Я/ Я// –'я подойду и послушаю'; А. Ты? – 'ты послушаешь?' Б. Я//; А. к Б. (который идет к телефону) Если Диму после двух// –'если спрашивают Диму, то пусть позвонят после двух часов'; Это меня// – 'это мне звонят по телефону'; Это мне//; Мне//; и не совсем этичное Меня нет/ ладно? – 'если спрашивают меня, то скажи, что меня нет дома'.

Еще примеры конситуативных высказываний в ситуации сигнала:

(А. и Б. подходят к перекрестку, по-видимому, давно горит зеленый сигнал светофора) А. Быстрей// – 'пошли быстрей, а то будет красный сигнал'; (А. увидел зажженный глазок у лифта) Работает// –'работает лифт'; (сигналы точного времени) А. кивая на часы Б. Сколько у тебя? Минута в минуту//

5. Конситуация чувственных ощущений: звуки, запах и. Звуки и запахи, воспринимаемые говорящими, могут активизировать в их сознании события, сопровождаемые этими звуками и запахами. Незамещенные позиции в высказываниях могут опираться на эти события:

(А. слышит в другой комнате звон разбитого стекла) А. Рюмка? – 'разбилась' Б. Две кокнула//; (А. и Б. слышат, как что-то шипит на газовой плите в кухне, где стряпает В.) А. Молоко там у нее наверно// – 'молоко убежало' Б. Нет/ это кофе/ кофе тоже// – 'кофе тоже может убегать'; (А. чувствует у Б., внука, запах духов) А. Где это ты? – 'надушился' Тетя Нина тебя что ли? – 'надушила'; (А. нюхает воздух) Что это у нас? – 'что это у нас чем-то пахнет' Б. Да/ да/ курили они в кухне//

ЧАСТНО-АППЕРЦЕПЦИОННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

6. Различаются два типа частно-апперцепционной базы.

(1) Апперцепционная база представляет собой некоторые постоянные, или во всяком случае обычные долговременные, устойчивые знания данного микроколлектива о лицах, предметах, событиях, об их естественных, в понимании данных говорящих, связях; на эти знания и опираются соответствующие незамещенные позиции: (А. каждый вечер открывает перед сном форточку) Б., ложась спать, к А. *Открыл*? – 'открыл форточку'.

Эти знания играют роль частно-апперцепционной базы, дающей смысл незамещенной позиции именно в силу своего постоянства, привычности. Назовем такую частно-апперцепционную базу устойчивой.

(2) Апперцепционная база представляет собой временные, а точнее – кратковременные знания данного микроколлектива о преходящих свойствах лица, события и т.п. Чтобы такие временные знания стали апперцепционной базой, которая может дать смысл незамещенным позициям, нужно, чтобы они были в данный момент актуальными для говорящих, только тогда на них могут опереться незамещенные позиции:

(А. просил некоторое время назад отпечатать Б. текст; через некоторое время после этого) А. к Б. Скоро? – 'отпечатаешь' Б. Полстранички/ сейчас// – 'полстранички осталось, сейчас (=быстро) кончу'; (А. поехала в

редакцию править корректуру книги, о чем знают и что интересует окружающих) А. (возвратившись из редакции) Пустяки там некоторые надо было// – 'пустяки надо было исправить в корректуре'.

Назовем такую частно-апперцепционнуб базу а к т у а л ь н о й.

7. Выбрать среди всего многообразия нашего опыта и знаний тот, который представляет устойчивую или актуальную частно-апперцепционную базу, помогает лексическое значение вербальных компонентов. Их роль особенно ясна в том случае, когда у партнеров коммуникации имеется несколько апперцепционных баз, каждая из которых готова вступить в игру, ср.: А. и Б. ждут начала интересной телевизионной передачи; одновременно А. и Б. ждут гостя; и та и другая апперцепционные базы одинаково актуальны, высказывание *Началось*? именно в силу лексической семантики вербального компонента явно выбирает первую апперцепционную базу – 'началась телепередача?', лексическое значение компонентов высказывания *Долго не идет*// выбирает вторую апперцепционную базу – 'долго не идет гость?'

КОНСИТУАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОЙ ЧАСТНО-АППЕРЦЕПЦИОННОЙ БАЗЫ

8. Частно-апперцепционная база может включать в себя знания о некоторых постоянных действиях – событиях с их производителями, с их направленностью на определенный предмет, обстоятельствами и т.п. Можно выделить несколько типов такой частно-апперцепционной базы.

Апперцепционная база содержит знания о постоянных действиях-функциях определенного лица. Вполне понятно, что постоянное действие-функция лица – это прежде всего профессия данного лица, его профессиональные действия. При опоре на такую апперцепционную базу можно назвать действие, оставив на долю незамещенных позиций смысл обязательного для него объекта или, наоборот, назвать объект, оставив в конситуативном смысле 'действие':

(А. – доцент, Б. – его жена) Б. к А. Завтра тебе читать? – 'читать лекцию' Б. Перенесли там что-то/ звонили они// –'перенесли лекцию'; (А. – почтальон, хороший знакомый Б.) А. (встречая Б. на улице) Положила я вам много/ взяли? – 'много корреспонденции'; Б. Да-да/ все в порядке/ спасибо//; (А. занимается в научном учреждении технической работой – рассылает ротапринтные научные издания) Двадцать мне вчера удалось//– 'вчера мне удалось отправить двадцать книг'; (А. – учитель) А. Сорок штук вчера проверила// – 'сорок штук сочинений'.

Кроме профессиональных, у человека могут быть и другие постоянные функции, например семейные обязанности. При такой апперцепционной базе чаще вербализуется объект, а действие – в конситуативном смысле:

(А., Галя, такой человек в семье, который покупает продукты;) Б. Петь/ а Галя еще не ушла/ огурцов бы// – 'Галя не ушла с работы, можно позвонить ей и попросить купить огурцов'; (в той же семье Б. – человек, который готовит) В. к Б. Селедку бы/ давно// – 'приготовить бы селедку, давно ее не ели' Б. Так попроси Галю// –'попроси купить' В. А разве нет?– 'разве нет купленной селедки'; (А. в секторе, где работает Б., обычно со-

бирает деньги на разные мероприятия) А. к Б. На елку потом ко мне спуститесь// – 'спуститесь потом ко мне в комнату, чтобы внести деньги на детский новогодний праздник – елку'.

Если частно-апперцепционная база содержит знания о том, что лицо выполняет действия только по отношению к определенному объекту из многих возможных для данного действия, то незамещенная позиция имеет смысл 'объект', смысл 'действие' вербализован: (А. обычно в семье, возвращаясь с работы, покупает хлеб) Б. к А. (перед уходом А. на работу) Купишь? – 'сегодня хлеба' А. Ну да//

Апперцепционная база 'лицо – его функция' может выявлять отношения между частями полипредикативного высказывания: (известно, что Иванов – член Ученого совета) Б.А. Иванов не придет? В. Нет/должен/ Ученый совет будет// – 'Иванов должен придти, потому что он – член Ученого совета, и Ученый совет будет'.

Аналогичную роль выполняет рассматриваемая апперцепционная база в полипредикативных высказываниях со следующей семантико-синтаксической структурой: в первой предикативной конструкции сообщается, что функция обычная для А. передается другому лицу, во второй предикативной конструкции раскрывается, что мешает А. выполнить его обычную функцию:

(обычно А. вечером гуляет с ребенком) А. к Б. Ты погуляешь/ мне на машинку сдавать?; (обычно квартиру убирает А.) А. к Б. Уберешь/ я в магазин побыстрей?; (обычно ребенка для гуляния одевает А.) Б. к А. Ты иди/ одену я// – 'иди куда тебе надо, потому что ребенка могу одеть и я'.

9. Частно-апперцепционная база содержит знания о том, при каких обстоятельствах протекает то или иное действие-событие. Такая апперцепционная база открывает следующие возможности:

(а) Устанавливается конситуативная обстоятельственная связь между предикативными конструкциями в полипредикативном высказывании: (вечером можно говорить не шепотом в определенной комнате только тогда, когда уснул ребенок (Кирилл): А. к Б. Давай сюда/ Кирилл уснул// – 'давай сюда пойдем разговаривать, потому что Кирилл уснул';

(б) Предикативная конструкция, в которой сформулировано обстоятельство, может актуализировать значение 'то, что существует при данном обстоятельстве'. Такой невербализованный смысл обычно бывает рематическим: (А., научный работник, обычно ходит обдумывать свои работы в парк, об этом знают Б. и В.) В. к Б. о А.А где Петя? Б. Петя думает// – 'Петя в парке'; (А. ездит в издательство на трамвае, при поездке в другие места, в том числе и на работу, он этим транспортом не пользуется; об этом знает Б.) Б. Ты как поедешь? А. Я в издательство сейчас прямо// – 'я поеду на трамвае';

(в) Предикативная конструкция, в которой названо действие, может активизировать значение 'обстоятельство, при котором существует данное действие'. Смысловые связи здесь прямопротивоположны связям в высказываниях (б). Конситуативный смысл также рематичен:

(известно, что обычно собрания у А. заканчиваются поздно) Б. к А. Ты завтра когда придешь? – 'домой'. Б. Завтра собрание// – 'я завтра приду

поздно, потому что завтра собрание'; (известно, что лекции у А. заканчиваются в пять часов) Б. к А. Ты сегодня как? – 'когда придешь' А. У меня лекция// – 'я приду в шесть часов (час на дорогу)'.

В этом случае возможны полипредикативные высказывания такой структуры: в первой предикативной конструкции так или иначе сигнализируется незамещенная позиция обстоятельства, а вторая предикативная конструкция называет действие (событие), из которого "извлекается" на основе апперцепционной базы смысл этой незамещенной позиции: (известно, что А. по вторникам уходит из дому на работу раньше обычного, потому что посещает бассейн) Б. к А. Завтра обычно пойдешь? А. Нет/ я завтра уйду/ бассейн ведь у меня еще не кончился (абонемент)// – 'уйду раньше обычного';

(г) Апперцепционная база 'осуществление действия (события) в фиксированное время' позволяет вообще весь смысл 'действие (событие) – время' оставить на долю незамещенных позиций. Вербальная часть высказывания в этом случае содержит компоненты со значением побуждения к действию:

(А., Б., В. и другие лица обычно ходят обедать вместе в два часа) А. (ко всем; время: без пяти два) Так как? – 'собираетесь ли вы идти обедать'; (А., придя с работы, обычно ужинает, но почему-то не садится за стол) Б. к А. Ну что ты там/ иди// – есть (обычно ребенок выходит гулять вечером в шесть часов) А. к Б. Галь/ ну давай/поздно уже// –'одевай ребенка гулять, потому что уже больше шести часов'.

10. Особо выделим частно-апперцепционную базу, которая содержит знания о том, что предмет с определенными, важными для говорящих свойствами бывает только в определенных обстоятельствах. Связь "предмет – его свойства – обстоятельства, в которых эти свойства существуют" позволяет не вербализовать обстоятельственную связь в полипредикативных высказываниях. Обычно на основе этой же апперцепционной базы остаются незамещенными позиции, обозначающие предмет, о которых сигнализируют прилагательные, обозначающие свойства предмета. Приведем серию конситуативных высказываний, построенных на следующей апперцепционной базе: мягкий, свежий (особые свойства) хлеб (предмет) можно купить поблизости от дома только в одном определенном магазине – за школой (обстоятельство):

А. Сходи за школу/ черствый надоел// –'сходи в хлебный магазин за школу, чтобы купить там мягкий хлеб, потому что черствый надоел'; А. Хлеб сходи мягкий//; А. Хлеб у нас сегодня ничего/ мы не ходили// – 'хлеб в нашем ближайшем хлебном магазине сегодня неожиданно ничего (хороший, мягкий), и поэтому мы не ходили в магазин за школу, где хлеб всегда мягкий'.

Еще одна сходная апперцепционная база: мягкий свежий хлеб можно купить только в определенное время в данном магазине – после одиннадцати часов утра:

А. к Б. Хлеба покупать? – Б. Хлеб мы сходим// – 'мы сходим потом, после одиннадцати часов, чтобы купить мягкий хлеб'; А. к Б. Хлеб не бери/ я потом схожу/ мягкий// – 'не бери хлеб сейчас, потому что я потом, после одиннадцати часов схожу, чтобы купить мягкий'.

Знание о местоположении одного предмета позволяет в полипредикативных конситуативных высказываниях особой структуры сообщать о месте другого предмета, ориентировав его по отношению к первому: (в первой части называется искомый предмет, во второй – известный):

(А. и Б. известно, где в кухонном шкафу стоят крупы) А. к Б. А где соль у нас? Б. Соль/ крупы разные// – 'соль стоит (находится) там, где стоят крупы разные'; (А. известно, где в библиотеке стоят собрания сочинений писателей) А. А томик Цветаевой где мне? – 'где мне искать' Б. Собрания сочинений// – 'на тех же полках, где и собрания сочинений'.

Ср. более сложный пример действия данной апперцепционной базы: (известно, что железнодорожная касса расположена по дороге А. на место работы в институт; А. собирается в командировку, и ему надо покупать билет на поезд) Б. к А. Ты сегодня за билетом? – Б. Нет/ вот я завтра в институт двадцать раз не таскаться// – 'нет, я завтра в институт и тогда уж заеду в кассу за билетом, чтобы лишний раз не ездить (двадцать раз не таскаться)'.

11. Отметим еще одну типичную для разговорной коммуникации апперцепционную базу: знания об устройстве обычного для данного микроколлектива функционального предмета, о его функционировании. В конситуативных высказываниях, построенных на основе такой ситуативно-апперцепционной базы, могут обсуждаться некоторые обстоятельства функционирования предмета. Незамещенные позиции имеют смысл: сам предмет (или его часть) и действие с предметом:

(скороварка и приготовление пищи в ней) А. С курицей я не могу понять/ перевариваю// – 'не могу понять, сколько времени надо варить в скороварке курицу'; (работа транзисторного радиоприемника) Не слышно у меня что-то// – 'плохо работает транзистор – не слышно' Б. Не слышно/ меняй// – 'меняй батареи'; (ремонт тормозов в машине) А. Прокладки наверно надо// – 'менять прокладки' Б. Попробуй//

12. Особого рода ситуация возникает, когда разрушается устойчивая частно-апперцепционная база. Разрушение устойчивой апперцепционной базы является поводом для вопроса о таком нарушении. В этом вопросительном высказывании обычны незамещенные позиции, опирающиеся на "бывшую" устойчивую апперцепционную базу:

(А. обычно приходит домой с работы в определенное время, на этот раз пришел позже; Б., открывая дверь, А.) Что? – 'что случилось, почему задержался' А. Да так/ погода сегодня/ прошелся от метро// – 'хорошая погода и прошелся пешком от метро'; (окружающим известно, что А. не пользуется очками; Б. видит что А. читает в очках) Б. к А. Ну вот и ты уже? – 'читаешь в очках' А. Да нет/ я вот только мелкий когда// – 'читаю в очках только мелкий шрифт'; (в прошлом году А. ездил с Б. на его машине много раз за грибами в определенное место; на следующий год они снова едут за грибами, подъезжают к прошлогоднему месту) А. Разве не здесь? – 'нужно сворачивать с шоссе' Б. Ничего тут/ три раза был// – 'никаких грибов тут теперь нет'; (в ящике письменного стола А. в определенном месте лежит фломастер, А. не находит фломастер на привычном месте, рядом с ним его маленький сын Б.) А. к Б. Кирилл/ ты? – 'ты взял фломастер' Мы же договаривались не лазить//

КОНСИТУАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ АКТУАЛЬНОЙ АППЕРЦЕПЦИОННОЙ БАЗЫ

13. Актуальная частно-апперцепционная база чаще всего содержит сведения о событии-действии с некоторой актуальной конечной целью, причем активные роли в таком событии принадлежат самим говорящим или по крайней мере одному из них. Такая апперцепционная база открывает широкие возможности для использования в структуре высказывания незамещенных позиций. Покажем некоторые, наиболее частые из этих возможностей:

(а) в вербальной части высказывания представлен глагол в личной форме, открывающий незамещенные позиции распространителей глагола, прежде всего с объектным и целевым значениями. Конситуативные высказывания такого рода бывают обычно либо вопросительными, либо побудительными, но возможны и повествовательные высказывания:

(А. и Б. не могут дозвониться к В.) А. к Б. Набери-ка еще// – 'набери еще раз номер телефона В'; (А. и Б. должны идти в кино, А. работает за письменным столом) Б. к А. Все/ кончай/ давай// – 'кончай работать и давай собирайся в кино'; (А. и Б. собираются идти на электричку с определенным временем отправления) А. к Б. Посмотри/ может отменили// – 'посмотри расписание электричек, может отменили нужную нам электричку'; (у А. пропал котенок) Б. Нашел? А. Да где теперь!; (А. долго искал пропавшую в доме книгу, о чем знает Б.) А. (на следующее утро) Я нашел все-таки//; (А. обещал Б. принести определенный журнал из библиотеки) Б. Принес? – 'обещанный журнал' А. Что ты// Там за ним целая очередь// Месяца через три/ не раньше//; (А. хочет купить куртку, о чем знает Б.) А. возвратился домой со свертком в руках) А. Ты знаешь/ купил! – 'куртку' Б. Ну-ка/ Ну-ка// – 'покажи';

(б) вербальная часть высказывания содержит модальное слово и распространители глагола, они сигнализируют незамещенную позицию глагола:

(А. – автор книги, идет корректура этой книги, Б. – редактор книги) А. к Б. А корректура/ мне надо? – 'читать корректуру'; (А. следит за тем, как давать лекарства больному ребенку) А. Аспирин уже не надо// – 'не надо давать';

(в) вербальные компоненты – частицы со значением конца действия – сигнализируют незамещенную позицию глагола:

(А. и Б. собираются в гости; А., входя в комнату к Б.) Я уже// – 'я уже оделся, уже готов'; (А. в течение нескольких дней ищет подарок Б., о чем значет В; А. возвращается домой со свертком в руках; В., видя сверток) Наконец-то // –'наконец-то купил подарок' А. Не знаю вот// – 'хороший ли подарок';

(г) в вербальной части содержатся компоненты, показывающие результат той или иной актуальной акции; к чему относится этот результат, показывают соответствующие незамещенные позиции. Часто такого рода высказывания предваряются вопросами *как*?, *что*?, *ну*? и под.:

(А. ходил с ребенком к зубному врачу; А., возвратившись от врача к Б.) Ну вот/ два даже// – 'у ребенка болят даже два зуба'; (А. сдавал экза-

ИРЯ
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
www.ruslang.ru

мен, о чем знает Б.; А., возвратившись домой после экзамена) Хорошо//– 'сдал экзамен на "хорошо"'; (та же апперцепционная база) Б. Ну? А. Пять//; (А. и Б. ездили в лес за грибами, о чем знает В.; на следующий день В.) Ну как вчера-то? – 'много ли набрали грибов' А. Да вот Татьяна сковородку пожарила//; (А. и Б. ищут в магазинах батарейки к детской игрушке) А. к Б. Зашли/ нет// – 'зашли с ребенком в магазин, но батареек нет';

(д) если в вербальной части обозначено время начала некоторого актуального события, то это может служить побуждением к участию в этом событии:

(известно, что заседание сектора начнется в два часа; А. к присутствующим членам сектора) Два// – 'два и поэтому надо идти на заседание'; (известно, что по телевизору в восемь часов начнется интересная для А. и Б. передача) А. к Б. Восемь// – 'включай телевизор'; (известно, что успеть на электричку можно, если выйти из дома не подзднее, чем без пяти минут час) А. к Б. Уже без пяти// – 'без пяти и поэтому необходимо идти'.

14. Особо выделяются конситуативные высказывания, в которых говорящий дает оценку тому или иному актуальному событию, не называя самого события. Особенно часто здесь встречается оценка разных зрелищ: кинофильмов, спектаклей, спортивных соревнований и т.п.:

(А. только что вернулся из театра, Б. знает об этом) Б. Ну как тебе? – 'понравился спектакль' А. Да так// Не очень они// 'не очень они (актеры) хорошо играют'; (А. и Б. ходили на выставку деревянной игрушки, о чем знает В.) В. к А. Ну как вы? – 'понравилось ли' А. Интересные есть// – 'игрушки'; (А. смотрела по телевизору хоккейный матч "Спартак" – ЦСКА результат этого матча интересует Б. А. и Б. болеют за "Спартак") Б. Смотрела? А. Проиграли// – 'проиграли спартаковцы'; (А. и Б. смотрели вместе хоккей по телевизору, потом А. отвлекли другие дела и он не смог досмотреть матча; после окончания матча А. к Б.) Ну что? – 'как закончился матч' Б. Забросили/ ничья// (А. вернулся на работу из отпуска, Б. знает, где отдыхал А.) Б. к А. Ну как? – 'как отдохнул' А. (показывая загар на руках) Да вот// Зачем юг-то? – 'зачем отдыхать на юге, если и в других местах можно хорошо загореть'; (А., Коля, и его друзья ездили путешествовать на машинах, о чем знают Б. и В.) Б. к В. Коля приезжал/ довольны// – 'Коля приезжал и рассказывал, что он и его друзья довольны поездкой на машинах'.

Активны конситуативные оценочные высказывания о здоровье окружающих (и говорящих, в том числе) (А. утром к больной Б.) Ну как ты? Б. Лучше/ лучше// Не волнуйся ты//; (та же ситуация) А. Ну? Б. Спала// Нормально//; (о температуре больного ребенка) А. Ну что? Б. Нормальная пока//

15. Особого рода актуальную апперцепциальную базу представляют знания, заданные предварительной договоренностью о чем-то. Незамещенные позиции в этом случае передают многие смысловые компоненты этой договоренности. Какая же часть смысла вербализуется и выполняет роль сигнала этих незамещенных позиций, зависит от общей коммуникативной задачи.

Эта общая коммуникативная задача может быть следующей:

(а) сообщается о том, что принятые ранее условия не могут быть выполнены:

(А. ушел по делам из дома и обещал Б. вернуться к двум часам; А. по телефону Б.) Мам/ я тут еще дела всякие/ в общем через час я// – 'вернусь домой только через час, т.е. позже двух';

(б) на основе достигнутой ранее предварительной договоренности уточняются некоторые частные детали:

(А. и Б. условились обо всем, кроме времени встречи; А. по телефону Б. Так что/ давай в пять что ли? – 'давай в пять встретимся' Б. В четыре// А. Я не могу/ в пять или позже//; (Наташа пригласила Б. и других в гости, уточнить время прихода она решила позже, по телефону) Б. к В. К трем/ Наташа звонила// – 'Наташа звонила и сообщила, что собирает гостей к трем часам'; (А. и Б. договорились встретиться в метро, нужно еще уточнить место встречи; А. по телефону Б.) Ну я еду// У первого/ да? – 'у первого вагона поезда встретимся' Б. Нет/ давай у последнего/ ближе// – 'ближе к выходу';

(в) в случае альтернативной договоренности снимается альтернатива:

(А. и Б. договорились, что если А. не может купить продукты, то их купит Б; Б. к А. по телефону) Ну? – 'купил' А. Нет/ купи// – 'нет, я не купил, поэтому купи ты'; (А. и Б. договорились, что ребенка из детсада приведет А., если она будет хорошо себя чувствовать) Б. к А. (по телефону) Ну как? – 'как температура' Б. Да нормальная// А. Ну приведешь/ да? – 'ребенка из детсада' Б. Да/ да//;

(г) в случае невыполнения договоренности конситуативное высказывание содержит оценку нарушения, оправдания и т.п.:

(А. опаздывает к условленному времени встречи с Б.; Б., качая головой) Ну и ну// А. Не мог/ не мог я/ сектор перенесли// – 'не мог я прийти вовремя, потому что перенесли начало заседания'.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД КОНСИТУАТИВНЫМИ ВЫСКАЗЫВАНИЯМИ В СЛОЖНОЙ КОНСИТУАЦИИ

15. Для коммуникативного акта РР характерна тенденция максимально использовать конситуацию. Важная отличительная черта РР – высказывания с несколькими незамещенными позициями, каждая из которых опирается на свою конситуацию. Комбинации конситуаций, а следовательно, и незамещенных позиций отличаются большой свободой и разнообразием. Семантико-синтаксическая структура высказывания с учетом незамещенных позиций, опирающихся на сложную конситуацию, едва ли может быть сведена к закрытому списку схем. Но это не исключает того, что могут быть выявлены некоторые типические сложные ситуации и соответственно семантико-синтаксические структуры конситуативных высказываний[33].

[33] Высказывания с несколькими незамещенными позициями, опирающимися на сложную конситуацию, как, впрочем, и многие другие высказывания РР, характеризуются О.А. Лаптевой как слабооформленные построения (*Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 120–123). Понятие слабооформленности, на наш взгляд, требует уточнений и разъяснений, – пока оно ма-

Обратимся к полипредикативным высказываниям, в которых незамещенные позиции существуют в каждой из частей и эти позиции опираются на различные простые конситуации. Характерны следующие комбинации простых конситуаций:

(1) визуально-чувственная ситуация – устойчивая частно-апперцепционная база:

(А. и Б. бегут на электричку – ситуация визуального действия; известно, что в данное время электрички ходят часто – апперцепционная база) А. к Б. Не надо/ скоро// – 'не надо бежать на электричку, потому что скоро пойдет следующая'; (А. что-то пишет – ситуация визуального действия; время обеда – апперцепционная база) Б. к А. Кончай/ иди// – 'кончай писать и иди обедать'; (А. видит из окна, что много народу катается на лыжах – визуальная ситуация, известно, что в данном месте, если много народу, то кататься плохо – апперцепционная база) А. Народу! плохо будет//.

Более редки полипредикативные высказывания, в которых незамещенные позиции первой части опираются на устойчивую частно-апперцепционную базу, а незамещенные позиции второй части на визуально-чувственную ситуацию:

(А. и Б. нужно проехать только одну автобусную остановку, и они ждут автобуса только в том случае, если видят, что он идет, в противном случае идут пешком – апперцепционная база; А. видит, что подошедший к перекрестку автобус мигает, что обозначает поворот – визуальная ситуация) А. к Б. Пошли мигает// – 'пошли пешком, потому что автобус, который приближается, мигает и, следовательно, повернет (т.е. это автобус не нашего маршрута)'.

(2) визуально-чувственная ситуация – актуальная частно-апперцепционная база:

(А. в магазине вертит в руках игрушку – предметная ситуация; А. и Б. обещали ребенку купить игрушку – апперцепционная база) А. к Б. Бери/ бери/ обещали ведь// – 'бери (покупай) игрушку, потому что обещали ее купить'; (А. вешает пальто на вешалку – предметная ситуация; А. и Б. ждут много гостей – апперцепционная база) Б. к А. Убери/ придут// – 'убери пальто в другое место, потому что придут гости (нужно освободить им место для пальто)'.

(3) визуально-чувственная ситуация – визуально-чувственная ситуация:

(А. стоит около занавески – предметная ситуация; солнце светит в глаза Б. – визуальное событие) Б. к А. Задерни/ в глаза прямо// – 'задерни занавеску, а то солнце светит прямо в глаза'; (А. и Б. в саду – визуально-чувственная ситуация; жарко, безоблачно – визуально-чувственная ситуация); А. к Б. Коль/ польем/ не будет// – 'польем сад, потому что дождя явно не будет'.

ло помогает уяснению синтаксиса РР. "Чтобы обнаружить специфику разговорного синтаксиса, – подчеркивает О. Кафкова, надо ... уделять особое внимание... конситуативно-обусловленным высказываниям и заранее их не отбрасывать на том основании, что они с чисто языковой точки зрения недостаточно оформлены" (*Кафкова О.* Указ. соч., с. 241).

(4) устойчивая частно-апперцепционная база – актуальная частно-апперцепционная база:

(А. и Б. обычно убирают свою квартиру по субботам утром – устойчивая апперцепционная база; А. и Б. идут со своим ребенком в субботу на утренний спектакль в театр – актуальная апперцепционная база); в пятницу вечером А. к Б. Уберемся в театр? – 'уберемся сейчас, потому что как обычно убраться не удастся, так как идем в театр'.

16. Особо должны быть выделены полипредикативные высказывания, в которых незамещенная позиция первой части опирается на конситуацию, а незамещенная позиция второй части опирается на смысл первой части (при этом учитывается и смысл незамещенной позиции этой части). Можно сказать, что для незамещенной позиции второй части первая часть является контекстом; (известно, что А. по субботам (сегодня – суббота) ездит на лыжах – апперцепционная база) А. к Б. *Не поеду я сегодня/ липнет по-моему//*. Здесь в первой части – незамещенная позиция распространителя глагола, которая при опоре на отмеченную апперцепционную базу имеет смысл '(не поеду) на лыжах', а вторая часть, используя значение 'лыжи' и его ассоциативные синтагматические связи 'лыжи – снег', имеет незамещенные позиции липнет 'что' 'на что' – *липнет снег на лыжи*. Ср. еще: (А. и Б. у телевизора – визуальная ситуация) А. к Б. Включи/ детская// – 'включи телевизор, потому что начинается детская передача'; (А. о соли, которая стоит на столе – предметная ситуация, А. пробует суп – ситуация действия) А. к Б. Дай-ка/ мало по-моему// – 'дай соль, потому что суп мало посолен'.

17. Можно отметить случаи, когда для уяснения значения незамещенных позиций, а также для уяснения смысловых отношений между предикативными конструкциями требуется более, чем две, простых конситуации, ср.: (Б. надевает куртку, это видит А. – визуально-чувственная ситуация; А. видит из окна, что на улице качаются деревья – визуально-чувственная ситуация; Б. и А. по качающимся деревьям определяют состояние погоды – ветрено, и, так как на улице декабрь – холодно – постоянная апперцепционная база; А. в холодную ветренную погоду обычно ходит не в куртке, а в пальто – устойчивая апперцепционная база) А. к Б. *Качаются пальто бы*// – 'на улице ветрено, я определила это по качающимся деревьям, и лучше бы тебе одеть не куртку, а пальто'.

18. Носители РР, склонные к языковому творчеству, не обходят своим вниманием и конситуативные высказывания. Творческое начало проявляется в двух планах: (а) употребляется необычный сигнал незамещенной позиции при вполне обычной конситуации: (А. ездил в учреждение по важному делу) Б. к возвратившемуся А.: Ну/ *со*? А. Что *со*? Все в порядке// Б. Вот я и говорю/ со щитом// А. А/ну да/ да// Хотя вполне мог бы быть и на// (на щите); б) при обычном сигнале используется необычная конситуация: (А. видит, что Б. купила лотерейный билет) А. к Б. Покатаешь? Б. Чего покатаешь? А. Чего?! На машине// (которую можно выиграть по лотерейному билету) Б. А// Надейся/ надейся//

Приведенные примеры интересны еще тем, что один из говорящих не сразу сориентировался на "творческую установку" другого. И именно это хорошо доказывает творческий компонент в приведенных диалогах.

Конситуативные высказывания могут быть использованы и для языковой игры. Это может проявляться в том, что конситуация, прежде всего апперцепционная база, переосмысляется с установкой на шутку: (А. и Б.– научным сотрудникам, стало известно об официальной бумаге, в которой научные сотрудники приглашаются читать лекции в различные города; совершенно очевидно, что речь идет только о городах СССР) А. на следующий день после ознакомления с этой бумагой к Б. *Ну я решил в Оксфорд/ хотя конечно в Сорбонну бы тоже//* Б., подхватывая игру *Нет/ нет/ только в Японию// Только//*

19. Проведенное описание конситуативных высказываний показывает:

1. Визуально-чувственные и частно-апперцепционные высказывания проявляют большую активность в РР: обычно там, где есть необходимая визуально-чувственная ситуация или частно-апперцепционная база, она используется для того, чтобы оставить некоторые позиции в высказывании незамещенными.

2. Регулярно употребляются в РР конситуативные высказывания в условиях сложной ситуации. Комбинации простых ситуаций в сложную отличаются большим разнообразием. В условиях сложной ситуации конситуативное высказывание может включать вербальные компоненты, семантико-синтаксическая связь между которыми опосредована несколькими незамещенными позициями. Конситуативные высказывания, опирающиеся на сложную ситуацию, неизвестны КЛЯ и наиболее резко отличают его от РР в области конситуативных высказываний.

Раздел II

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Две и более предикативные конструкции с помощью таких синтаксических средств, как союзы и союзные слова, интонация, порядок следования предикативных конструкций, соотношение видо-временных форм предикативных конструкций и пр., могут быть связаны в одну грамматическую (синтаксическую) единицу – полипредикативное высказывание (далее – ППВ). Эта связь осуществляется для того, чтобы выразить смысловые отношения между предикативными конструкциями. Такие смысловые отношения в единстве с синтаксическими средствами их выражения (средствами связи) представляют синтаксическую форму ППВ.

Предикативную конструкцию, являющуюся частью ППВ, определяем как синтаксическую конструкцию с глаголом в личной форме или другими средствами выражения предикативных категорий времени и наклоне-

ния в отвлечении от тех средств (интонация и пр.), которые сообщают конструкции свойства коммуникативной единицы (т.е. свойства высказывания). В коммуникативном плане ППВ представляет собой единое целое[34].

2. ППВ могут быть союзными и бессоюзными. Устройство синтаксических форм тех и других различно. Ведущим средством связи в союзных высказываниях являются, как это ясно из названия, союзы или союзные слова, выражающие смысловые отношения между предикативными конструкциями. Ведущим средством связи в бессоюзных ППВ является интонационная незавершенность непоследней предикативной конструкции. Такое интонационное средство не способно выражать смысловые отношения так, как это делают союзы и союзные слова. Синтаксическая роль интонации в бессоюзном высказывании иная. Интонационная связь двух предикативных конструкций является сигналом того, что смысловые отношения между предикативными конструкциями можно и нужно выявить из семантики этих конструкций, ср. *Я зайду в аптеку еще/ лекарство мне надо заказать//*, где причинная связь определяется ясным семантическим соотношением: аптека – 'учреждение, где покупают лекарство'. Если из содержания предикативных конструкций не следуют очевидным образом смысловые отношения между ними, то бессоюзная связь невозможна, тогда необходимы союз (или союзное слово), способные эксплицировать смысловые отношения между предикативными конструкциями независимо от лексико-семантического содержания самих предикативных конструкций. Высказывание *Я зайду в аптеку еще/ потому что молодой кенгуру в Австралии повернул голову направо//* вполне понятно, хотя и вызовет недоуменный вопрос – почему? Бессоюзное высказывание **Я зайду в аптеку еще/ молодой кенгуру в Австралии повернул голову направо//* невозможно, поскольку никаких смысловых отношений между предикативными конструкциями установить нельзя[35].

---

[34] Ср. противопоставление сложного предложения в статике и динамике в кн.: *Белошапкова В.А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., "Просвещение", 1967, с. 8–9.

[35] Примеры такого рода опровергают долго державшееся в науке мнение А.М. Пешковского, Н.С. Поспелова и др. о том, что интонация может подобно союзам и союзным словам выражать смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении (см.: *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., "Учпедгиз", 1956, с. 470–471; *Поспелов Н.С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. – В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. – Как показывает Е.А. Брызгунова, интонация может выполнять роль дифференциатора смысловых отношений только в том случае, если из содержания предикативных конструкций очевидным образом вытекает не одно, а несколько смысловых отношений, ср.: Сдам экзамены/ поеду отдыхать// (когда сдам экзамены, то поеду отдыхать) и Сдáм экзамены/ поеду отдыхать// (если сдам экзамены, то поеду отдыхать). (см.: *Брызгунова Е.А.* Смысловое взаимодействие предложений. – В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 80–81). Но при этом общий вывод о том, что интонация не заменяет союзов и союзных слов, остается верным, потому что никакой интонацией нельзя передать временные, следственные и любые другие смысловые отношения, если они не заложены в значении предикативных конструкций, ср.: *Когда построили дом напротив/ я поступил в институт//*, конструкция **Построили дом напротив/ я поступил в институт//* при любом интонировании бессмысленна.

Как полагает И.Н. Кручинина, интонация в бессоюзных сложных предложениях (полипредикативных высказываниях) вообще не является синтаксическим средством, поскольку не эксплицирует смысловых отношений подобно тому, как их эксплицируют союзы и союзные слова; смысловые отношения, выражаемые в том "объединении", которое называют бессоюзным сложным предложением, возможны и в тексте. На этих основаниях делается вывод: бессоюзные сложные предложения вообще не имеют синтаксической формы и, следовательно, не являются синтаксической единицей[36]. На наш взгляд, неспособность интонации выражать самостоятельно смысловые отношения, не является причиной того, чтобы отказать интонационным средствам бессоюзного сложного предложения в синтаксической функции. Если коммуникативной задачей высказывания является выражение тех или иных отношений между предикативными конструкциями, то необходимо воспользоваться формой союзного или бессоюзного ППВ и нельзя просто поставить рядом два законченных высказывания, хотя нужные смысловые связи и будут в них заложены. Так, на причинный вопрос: *Почему ты думаешь, что будет дождь?* можно ответить ППВ*/ Дождь будет/ потому что барометр упал//* или *Дождь будет/ барометр упал//* (с интонацией повышения после первой предикативной конструкции) и принципиально невозможно ответить двумя фразами: *Дождь будет// Барометр упал//* именно потому, что ответ на вопрос требует поставить в центр коммуникации выражение причинных отношений. Можно, конечно, ответить и просто: *Барометр упал//*, но и это высказывание также предполагает скрытый смысл 'дождь будет' и его причинную связь с вербальным смыслом.

Итак, бессоюзная интонационная связь двух предикативных конструкций означает: 1) между данными предикативными конструкциями имеются смысловые отношения, для их выражения предикативные конструкции и связываются между собой; 2) смысловые отношения между предикативными конструкциями заложены в содержании предикативных конструкций.

3. ППВ в РР и сложное предложение в КЛЯ сходные, но не идентичные единицы[37]. Подход к РР как к особой системе требует построения системы ППВ вне зависимости от системы сложного предложения КЛЯ. Система ППВ в РР не должна сводиться к системе сложного предложения КЛЯ и не должна выводиться из нее. Такой подход ни в какой степени не исключает сравнения этих двух систем. Такое сравнение представляется полезным и в дальнейшем будет проводиться.

---

[36] См.: Проспект "Русской грамматики", М., 1972 (ротапринт), с. 112–113; *Кручинина И.Н.* Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения. – ВЯ, 1973, № 2, с. 115.

[37] О необходимости различать высказывания и предложения как основные единицы соответственно РР и КЛЯ см.: Русская разговорная речь, 1973, с. 217–222. См. также: *Ширяев Е.Н.* Об основной синтаксической единице разговорного языка. – В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 130–132. – Синтаксическую единицу РР, соотносимую со сложным предложением КЛЯ, называем полипредикативным высказыванием в отличие от монопредикативного высказывания (или просто высказывания), соотносимого с простым предложением КЛЯ.

ВЕДУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕССОЮЗНОГО ПОЛИПРЕДИКАТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

4. В сложном предложении КЛЯ смысловые отношения между предикативными конструкциями выражаются с помощью союзов и союзных слов. В бессоюзном оформлении в КЛЯ возможно передать только некоторые смысловые отношения. В таких сугубо кодифицированных стилях, как, например, научный, бессоюзные сложные предложения употребляются очень редко. Союзный тип является бесспорно господствующим типом сложного предложения в КЛЯ, поэтому в грамматиках КЛЯ союзы и союзные слова рассматриваются как конситуативные компоненты, определяющие всю систему сложного предложения. При систематизации сложноподчиненного предложения КЛЯ особо (и в разных концепциях по-разному) учитывается также роль соотносительных слов в главной части, поскольку для многих сложноподчиненных предложений соотносительное слово является (наряду с союзами или союзными словами) строго обязательным компонентом в синтаксической организации сложного предложения.

Во всех описаниях, в которых анализируются и союзные, и бессоюзные сложные предложения КЛЯ, сначала дается развернутая характеристика первых, а затем "обзорные" сведения о вторых. И хотят того или не хотят авторы полных систематизаций сложного предложения КЛЯ, бессоюзные сложные предложения предстают как некоторые вторичные образования, как некий пасынок в семействе сложного предложения. Собственно говоря, ведущее положение союзного типа по отношению к бессоюзному в КЛЯ зафиксировано в самом названии – бессоюзные.

5. В РР положение принципиально иное. Там нет ни одного типа ППВ, в котором союз или союзное слово не могли бы быть элиминированы. На возможность оформления определительных отношений в РР без союзных слов, что совершенно невозможно в КЛЯ, обратила внимание О.А. Лаптева: *Я ему показал одну икону/ у Сони висит в комнате//*[38]. Действительно, бессоюзные определительные ППВ распространены в РР очень широко: *А это и есть та кукла/ ты из ГДР привез?; Ты знаешь я в нашей мебельной комиссионке видел кровать/ вот по-моему им хочется//; Дай-ка мне рубашку/ я в театр хожу//* (ту рубашку, в которой я в театр хожу).

Но дело не ограничивается только определительными высказываниями. Без союза в ППВ разговорной речи могут быть выражены и многие другие смысловые отношения, для передачи которых в КЛЯ совершенно необходим союз (или союзное слово), например, п р о т и в и т е л ь н ы е отношения (для выражения которых в КЛЯ обязателен союз *но*): *Пыталась я ее гимнастикой* (заставить заниматься)*/ не вышло у нее ничего//; Я на такси даже/ опоздал все равно//* (поехал); у с т у п и т е л ь н ы е отношения (в КЛЯ обязательны союзы *хотя, несмотря на то что*): (о билетах в театр

[38] *Лаптева О.А.* Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. – В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966, с. 57; *Она же,* Русский разговорный синтаксис, с. 284–352.

на дефицитный спектакль) *Зайди там в кассу на всякий случай/ ничего конечно не будет//*; сравнительные (в КЛЯ обязателен союз *как*): *Я ему медведя купил большого этого коричневого/ у меня помнишь был//*; А. *А ты бегаешь теперь как*? (в каком темпе) Б. *Я бегаю/ мы вот с тобой в Смоленске тогда бегали// Так примерно//*; к о м п а р а т и в н ы е (в КЛЯ обязателен союз *чем*): *У них же однокомнатная кооперативная какая-то страшно дорогая/ но она такая/ даже больше/ у нас была на Кадомцева//*

Не являются обязательными компонентами связи в РР и соотносительные слова. Исследования Е.А. Земской и И.Н. Кручининой не оставили сомнения в том, что отношения в местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложениях типа *Кто весел, тот смеется* вполне последовательно и регулярно оформляются в РР без соотносительного слова: *Кормимся что Степанна купит//*; *Если что вчера приготовили//*[39].

Так же — без соотносительного слова (и без союза) — могут оформляться в РР смысловые отношения, для выражения которых в КЛЯ строго обязательны и соотносительное слово, и союз; это так называемый местоименно-союзный тип: *Машина сползла так глубоко, что втроем ее нельзя было вытащить;* в РР возможно: *Машина сползла/ втроем нельзя было вытащить//*, ср. другие примеры РР: А. *Он крепко у вас спит?* Б. *Он спит/ разбудить невозможно//* (в КЛЯ только *Он спит крепко* [или *Он так спит*], *что разбудить невозможно)*; А. *Вы долго гуляли?* Б. *Гуляли мы долго/ замерзли совсем//*; *Дождь был/ до нитки промокли//*

Эти факты позволяют при описании полипредикативных высказываний РР избрать путь, противоположный тому, которым идут исследователи сложного предложения КЛЯ, а именно: положить в основу описания ППВ бессоюзные ППВ, представив союзные на их фоне. Путь тот же, что и в КЛЯ — от союзных к бессоюзным — нецелесообразен для РР потому, что нельзя строить систему на основе таких факультативных для ее организации показателей, как союзы (союзные слова) и соотносительные слова.

ИНТОНАЦИЯ И СОЮЗЫ КАК СРЕДСТВА СВЯЗИ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

6. Интонационное средство, общее для бессоюзного ППВ разговорной речи и бессоюзного сложного предложения КЛЯ, — интонационная незавершенность непоследней предикативной конструкции: *Я оглянулся/ никого нет//*. Только в РР предикативные конструкции могут объединяться в одно ППВ без каких-либо специальных интонационных показателей на стыке предикативных конструкций: *Он сказал не придет она завтра//*[40]. Отсутствие специальных интонационных показателей на стыке

---

[39] *Земская Е.А.* Русская разговорная речь (проспект). М., 1968, с. 60–61; Русская разговорная речь, 1973, с. 228–231; *Кручинина И.Н.* Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). Автореф. канд. дисс. М., 1968, с. 14.

[40] На возможность соединения в РР предикативных конструкций (в частности, таких, между которыми существуют изъяснительные смысловые связи) без каких-либо показателей интонационного стыка обратила внимание И.Н. Кручинина, подчеркнув, что при изъяснительных отношениях такое соединение

двух предикативных конструкций показывает связь этих конструкций в одно ППВ и поэтому оно синтаксически значимо. Условно назовем такую связь б е з ы н т о н а ц и о н н о й.

7. Система союзов и союзных слов в РР по сравнению с КЛЯ предстает в значительно редуцированном виде: если в КЛЯ развиты синонимические ряды союзов (союзных слов), то в РР таких рядов либо вообще нет, либо они состоят из меньшего числа членов, чем в КЛЯ. Синонимия характерна прежде всего для союзов и союзных слов с обстоятельственными значениями. Так, в КЛЯ представлен следующий синонимический ряд уступительных союзов – *хотя (хоть), несмотря на то, что, невзирая на то, что,* в РР употребителен только союз *хотя*; синонимический ряд союзов цели в КЛЯ включает *чтобы; для того чтобы; с тем чтобы; затем чтобы;* в РР употребляется только *чтобы.* В РР употребляются обычно те союзы и союзные слова, которые в КЛЯ рассматриваются как доминантные в синонимическом ряду.

8, Интонация и союзы как средства связи находятся в системных отношениях, о чем свидетельствует синтаксическое поведение союзов в РР. Не являясь необходимым средством выражения смысловых отношений между предикативными конструкциями, союз (союзное слово) может занимать в ППВ разговорной речи не только первое место в предикативной конструкции, на котором располагаются обычно коммуникативно наиболее нагруженные компоненты, но и любое другое, в том числе и последнее, на котором, напротив, располагаются коммуникативно наименее важные члены[41]: *Неприятно дождь пойдет если//; Холодно ветер потому что//; Довольна ты гости когда приходят к папе?* Такая подвижность союза (союзного слова) в КЛЯ исключена.

Коммуникативная малозначимость союза (союзного слова) проявляется и в том, что он может иметь ослабленное ударение или вообще терять ударение: *Он звонил придет что* [штъ]//[42].

Учитывая сказанное, можно построить такую шкалу перехода от союзной связи к бессоюзной:

Союз (союзное слово) под ударением в препозиции:	Союз (союзное слово) без ударения (с ослабленным ударением) в препозиции:	Союз (союзное слово) без ударения (с ослабленным ударением) в постпозиции (или интерпозиции)	Бессоюзная связь:
Он звонил что придет//	*Он звонил что* [штъ] *придет//*	*Он звонил придет что* [штъ]//	*Он звонил придет//*

для РР является "абсолютной нормой" см.: *Кручинина И.Н.* (Егорова). Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). – В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967, с. 90–91.

[41] Эта особенность местоположения союзов (союзных слов) описана Е.А. Земской в кн.: Русская разговорная речь, 1973, с. 393–397.

[42] См. об этом: *Розанова Н.Н.* Суперсегментные средства русской разговорной речи (на материале ударения в потоке речи) Автореф. канд. дисс. М., 1978, с. 17–19.

Эти системные отношения бессоюзной и союзной связи еще раз убеждают в неправомерности исключения интонационных средств связи из числа синтаксических средств организации ППВ.

ИНТОНАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ БЕССОЮЗНЫХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

9. Роль интонации в ППВ не ограничивается тем, что она связывает предикативные конструкции в одно высказывание. На интонационной основе различаются следующие типы бессоюзных ППВ (I) О т к р ы т ы е (п е р е ч и с л и т е л ь н ы е)/(II) з а к р ы т ы е П П В.[43] Открытые структуры характеризуются потенциальной неограниченностью состава и особой перечислительной интонацией. Основным признаком перечислительной интонации является равномерное, однообразное, средней высоты интонационное повышение каждой, кроме последней предикативных конструкций: [А. Что ты/ болеешь там? Б. Да не знаю я//] *Делать ничего не хочется/не читается как-то/ к телевизору не тянет даже//* [Не знаю//]. В закрытых структурах смысловые отношения между предикативными конструкциями таковы, что эти структуры двучленны и по отношению к другим предикативным конструкциям в так называемых усложненных ППВ выступают как одно целое.

Существует точка зрения, согласно которой статус сложного предложения признается только за закрытыми двучленными структурами, а перечислительный ряд считается простой последовательностью предложений (высказываний) в тексте. Основанием для такого вывода служит то, что в перечислительных рядах предикативные конструкции не имеют между собой имплицитных смысловых связей.[44] Это, по-видимому, не совсем верно. Перечисляемые события, явления определенным образом объединены между собой по смыслу. Перечислительный ряд, приведенный выше, рисует общую картину недомогания. Перечислительная интонация заставляет обратить внимание на то, з а ч е м нужно перечислять предикативные конструкции. Эта синтаксическая роль перечислительной интонации особенно ясна в тех случаях, когда именно она, без посторонней помощи, заставляет увидеть особый смысл в перечислении. Ср. ряд таких высказываний: *Очереди везде/ не продерешься// Цветы хватают// Мжчины бегут/ свертки тащат//* Едва ли можно понять, зачем эти высказывания поставлены рядом. Если же эти высказывания соединить перечислительной интонацией, то уже есть некоторая гарантия увидеть, что речь идет о кануне праздника,

---

[43] Признак открытости/закрытости структур подробно рассматривается В.А. Белошапковой, показавшей, что этот признак должен быть выдвинут уже на первой ступени классификации сложных предложений, см.: *Белошапкова В.А.* Сложные предложения в современном русском литературном языке. М., "Просвещение", 1966, с. 62-69.

[44] О нуле непосредственного отношения между членами перечислительного ряда писал С.О. Карцевский (*Карцевский С.О.* Бессоюзие и подчинение в русском языке. – ВЯ, 1961, № 2, с. 126). См. также: *Бунина М.С.* К вопросу о сложном предложении. – В кн.: Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка М., 1973, с. 57.

в данном случае Дня 8 марта. Можно полагать, таким образом, что перечислительная интонация обнаруживает ту "общую идею", ради которой и соединяются в одно перечислительное высказывание предикативные конструкции.

10. Среди закрытых (неперечислительных) бессоюзных ППВ можно выделить две группы:

(1) Бессоюзные ППВ с такими имплицитными смысловыми отношениями, которые регулярно выражаются именно в форме ППВ и не часто выступают в тексте или же вообще не могут быть в тексте. К таким высказываниям относятся: (а) высказывания с отсутствием интонационно выраженного стыка предикативных конструкций (безынтонационная связь): *Она говорила в ателье пойдет еще//;* (б) высказывания, в которых интонационная незавершенность непоследней предикативной конструкции выражена или может быть выражена тем, что интонация высоко, энергично поднята вверх; такая интонация была названа А.М. Пешковским яркой [45]:(об игре с ребенком) *Мяч катится/ с места не сдвинется//; Хлеб они не сеют/ у них же негде//*

(2) Бессоюзные ППВ с такими смысловыми имплицитными отношениями, которые одинаково регулярно выражаются и в тексте, и в бессоюзном ППВ. В таких высказываниях интонационная незавершенность непоследней предикативной конструкции выражена менее ярко, чем в (1б) – интонация поднята вверх невысоко: *На меня не произвела впечатления статья/ мне она не понравилась// → На меня не произвела впечатления статья// Мне она не понравилась//;* (о балете) *И в конце идет самая общая заключительная часть/ такая быстрая она часть/ это называется кода// → И в конце идет самая общая заключительная часть/ такая быстрая она часть// Это называется кода//.* В этих высказываниях та степень яркости, которая возможна в высказываниях (1б), была бы явно неуместна.

Хотим специально подчеркнуть: здесь не ставится задача дать исчерпывающую характеристику того, что названо яркой и неяркой интонацией. Важен сам факт различия интонационного оформления непоследней предикативной конструкции в (1б) и (2).

Ядро категории неперечислительных бессоюзных ППВ составляют высказывания группы (1), поскольку они наиболее контрастно противопоставлены простым последовательностям высказываний в тексте.

СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

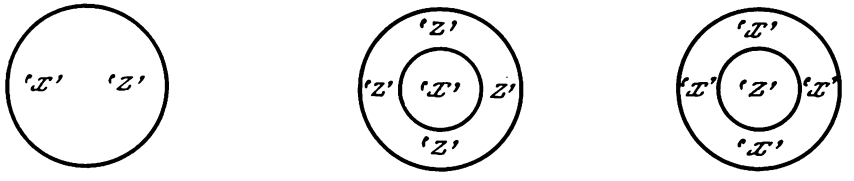
11. Чтобы охарактеризовать смысловые отношения в бессоюзных высказываниях, необходим особый метаязык. Таким языком можно сделать "естественный язык" союзов и союзных слов, дополненный названиями тех отношений, которые союзами и союзными словами не выражаются, ср., например, пояснительные отношения в конструкциях типа

[45] См. об этом: *Николаева Т.М.* Интонация сложного предложения в славянских языках, М., 1969, с. 236.

У них там событие/ собаку завели//. Союзы и союзные слова – специальные грамматические средства для выражения смысловых отношений между предикативными конструкциями, и ориентация на них при описании не только союзных, но и бессоюзных высказываний представляется вполне оправданной. Определение смысловых отношений в бессоюзных высказываниях на метаязыке, в основе которого лежат союзы и союзные слова, не означает, что все отношения сводятся к союзным. Наоборот: использование такого метаязыка показывает принципиальную несводимость многих смысловых отношений к отношениям, эксплицируемым союзами. Далее различаем дифференцированные и недифференцированные отношения.

Дифференцированными смысловыми отношениями называем такие, которые или эксплицируются союзами, или такие имплицитные смысловые отношения, которые в точности соответствуют союзным. Семантика союза (союзного слова) при дифференцированных смысловых отношениях полностью покрывает имплицитные смысловые отношения. Бесспорным примером таких отношений являются изъяснительные: *А мне сказали ты не едешь// – А мне сказали что ты не едешь//*

Недифференцированные – это такие смысловые отношения, которые включают значения нескольких союзов или союзных слов, ср.: *Я окно открываю/ спать ложимся//*, где имплицитные смысловые отношения включают компоненты 'когда', 'если' и 'так что'[46]. Конкретный союз, выражающий любое из этих значений (условное, временное или следственное), может быть введен в данное ППВ, но при этом эксплицируемое союзом значение становится основным, а другие значения либо уходят на второй план, либо подавляются. Если значение обозначить как 'x', 'z', а соответствующие союзы x, z, то схематично это можно представить следующим образом:

Следовательно, недифференцированные значения не могут быть в точности эксплицированы союзами.

[46] Недифференцированный характер отношений в некоторых типах бессоюзных предложений отмечается многими исследователями. Характерно следующее наблюдение: "В некоторых бессоюзных сложных предложениях значение первой части недостаточно дифференцировано, она может быть воспринята и со значением условным, и со значением временным, например: *Увидишься с Горьким – поговори с ним* (Чехов) (ср. 1) Если увидишься с Горьким – поговори с ним, 2) Когда увидишься с Горьким – поговори с ним), см.: *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., "Просвещение", 1969, с. 142.

12. Есть два типа недифференцированных смысловых отношений:

(1) Союзы (x) и (z), способные эксплицировать часть имплицитного недифференцированного значения, могут быть введены в одну и ту же предикативную конструкцию, ср. недифференцированное причинно-определительное значение: *Меня там привели прямо к редактору/ решает эти вопросы//→ Меня там привели прямо к редактору/ к о т о р ы й решает эти вопросы//* и *Меня там привели прямо к редактору/ п о т о м у ч т о он решает эти вопросы//*; причинно-альтернативное недифференцированное значение: (о грибах) *Не ешь/ отравиться можешь// →Не ешь/ п о т о м у ч т о отравиться можешь//* и *Не ешь/ а т о отравиться можешь//*

(2) Союзы (x) и (z), способные эксплицировать часть имплицитного недифференцированного значения, могут быть введены только в разные предикативные конструкции: недифференцированное условно-следственное значение *Потеплей станет/ пойдем на пляж//→ Е с л и потеплей станет/ пойдем на пляж//* и *Потеплей станет/ и п о э т о м у (т а к ч т о) пойдем на пляж//*

Известен случай, когда союзы (x) и (z) не исключают один другого, а могут быть в ППВ одновременно. К такому совмещению способны уступительные и противительные союзы: *Холодно/ все равно гуляет// →Х о т я холодно/ все равно гуляет//, Холодно/ а все равно гуляет//* и *Х о т я холодно/ а все равно гуляет//*

Недифференцированные смысловые отношения – важная отличительная особенность РР, в которой эти смысловые отношения проявляются с большой регулярностью. В КЛЯ недифференцированные смысловые отношения также возможны, но далеко не так активны, как в РР. В стилях, не подверженных влиянию РР (научный, деловой), они совсем не встречаются.

ПРЯМЫЕ/ОПОСРЕДОВАННЫЕ СМЫСЛОВЫЕ СВЯЗИ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

13. Между предикативными конструкциями в ППВ могут устанавливаться н е п о с р е д с т в е н н ы е (прямые) отношения: *Полежать хочется/ разложи раскладушку//* и о п о с р е д о в а н н ы е некоторым не представленным специальными вербальными средствами смыслом: *Устал я очень/ разложи раскладушку//* – 'устал я очень – (поэтому полежать хочется) – и поэтому разложи раскладушку'. Опосредованные отношения бывают двух типов.

Опосредованные отношения типа (1) связаны с валентностью опорного слова. Отношения считаем прямыми, если одна из предикативных конструкций заполняет место в модели управления опорного слова[47] другой предикативной конструкции: Я вижу/ он стоит// (вижу что); *Я убедился/ нет этого слова в словаре//* (убедился в чем). Опосредованные отношения на основе таких прямых связей появляются в том случае, когда вторая предикативная конструкция по своему значению является распро-

[47] О модели управления см.: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 133-163.

странителем некоторого слова, которого в первой предикативной конструкции нет, но которое может быть введено на основе имеющихся слов. Обычно непредставленное слово легко соединяется с имеющимися союзом *и: Я оглядываюсь/ он стоит//* (оглядываюсь и вижу); *Я взял словарь/ нет там этого слова//* (взял и убедился).

Рассмотрим опосредованные отношения типа (2). Для этого сравним: (а) *Телефон мне записать надо/ дай ручку и* (б) *Забуду я телефон/ дай ручку//* Высказывание (а) позволяет видеть в (б) скрытый смысл, который опосредует в (б) смысловые отношения между предикативными конструкциями: 'забуду я телефон – поэтому телефон мне записать надо – и поэтому дай ручку'. Будем считать (а) – высказыванием с прямыми отношениями, а (б) – высказыванием с непрямыми опосредованными отношениями. Опосредование в этом случае осуществляется за счет лексико-семантического содержания одной из предикативных конструкций: из содержания *Забуду я телефон* выводится скрытый опосредующий смысл 'записать надо'. Определить границы между прямыми и непрямыми опосредованными отношениями этого типа не всегда просто. Действительно, и высказывание *Записать мне надо телефон/ дай ручку//* можно интерпретировать как высказывание с опосредованными смысловыми связями, если иметь в виду, например, такое его развертывание 'телефон мне записать надо, а записать нечем, и поэтому я прошу дать ручку'. Свою задачу мы видим в том, чтобы, приняв несколько условно одно из высказываний за прямое, определить и систематизировать модели возможных опосредованных отношений. Пусть, например, моделью высказываний с прямыми отношениями будет следующая: 'необходимость в функциональном действии вызывает необходимость в функциональном предмете': *Мясо разрубить мне надо/ дай топорик//; Не проспать бы мне завтра/ заведи будильник//; Есть что-то хочется/ сделай-ка бутерброд//.* Опосредование отношений осуществляется по модели,' (1) цель функционального действия – (2) необходимость данного действия – (3) необходимость в соответствующем функциональном предмете', в которой не вербализовано среднее звено: *Мясо я к обеду хочу потушить/ дай топорик//; Рано мне его встречать завтра/ заведи будильник//*

14. Опосредованные отношения возможны не только в полипредикативных высказываниях РР, но и в сложных предложениях КЛЯ[48]. В РР, по сравнению с КЛЯ, имеются свои характерные модели опосредования. Скрытый опосредующий отношения смысл в РР может быть больше того, который допустим в КЛЯ. Ср. возможное только в РР высказывание с опосредованными отношениями (о ребенке – школьнике) *Одевай теплей/ совсем отстанет в школе//* – 'одевай теплей – [простудится – не пойдет в школу] – отстанет в школе'.

---

[48] См. об этом: *Колосова Т.А.* Семантические отношения в сложном предложении. – Филол. науки, 1972, № 5, с. 61-72; *Она же.* О диктусе и модусе в сложном предложении. – Филол. науки, 1979, № 2, с. 47-53.

15. Для РР характерен состоящий из двух непосредственно следующих друг за другом высказываний текст, который близок по своей семантико-синтаксической структуре ППВ:

Полипредикативное высказывание	Текст из двух высказываний
Ты никуда не пойдешь/ поздно уже// – 'ты никуда не пойдешь, потому что поздно уже'	Ты никуда не пойдешь? Поздно уже// – 'ты никуда не пойдешь? я спрашиваю тебя об этом (мой вопрос имеет основания), потому что поздно уже'.

Этот текст из двух высказываний отличается от ППВ только тем, что первое высказывание в нем имеет функцию вопроса, выраженную вопросительной интонацией, а второе имеет повествовательную функцию с соответствующей повествовательной интонацией. И повествовательная интонация, и вопросительная интонация сигнализируют конец, завершенность высказывания, и поэтому вопросительность первой части и повествовательность второй заставляют видеть в данном образовании именно текст, а не ППВ, поскольку в ППВ, согласно принятому определению, предикативные конструкции не имеют самостоятельной формально выраженной коммуникативной целеустановки: в плане коммуникативной целеустановки ППВ оформляется как одно целое, что и позволяет рассматривать соединение двух предикативных конструкций как одно высказывание. По-видимому, в основе рассматриваемого текста лежат семантико-синтаксические схемы ППВ. Вполне очевидно, что из некоторых полипредикативных высказываний РР можно легко вывести ряд текстовых образований. Для этого достаточно частям ППВ придать самостоятельную формально выраженную функцию. Можно думать, что текст, построенный по схеме ППВ, не производится каждый раз, а воспроизводится подобно тому, как воспроизводятся грамматические единицы. Во всяком случае для РР характерны тексты, построенные по схеме приведенного ППВ, типа: *Сходим в рыбный? Судаки бывают//; Вынесешь ведро? Класть уже некуда//; Ты за мной зайдешь? Мимо тебе ехать все равно//; Сырок ему купишь? За молоком идешь//*

Особый характер рассматриваемых текстовых образований, их "ориентация" на ППВ подтверждается тем, что одна часть, отличная по своей функции от другой, может располагаться интерпозитивно по отношению к этой части, ср.: *Футбол/ п о е д и м? будет//* – 'поедим сейчас? потому что скоро по телевизору будет футбол (и поесть будет некогда)'; (о книге) *Далеко мне/ з а в е р н е т е? нести//; Мне все это/ п о м о ж е т е? вниз отнести надо//.*

Такие интерпозитивные функционально маркированные части напоминают вставные конструкции. Однако это сходство чисто внешнее, по сути своей они ничем не отличаются от "обычной" части ППВ кроме того, что имеют свою функциональную целеустановку.

ППВ и базирующийся на их структуре текст можно объединить в функциональные группы. Это название выбрано потому, что в русской грамматической традиции повествовательность (утвердительность), побудитель-

ность и вопросительность высказывания (предложения) рассматривается как его функциональная (или коммуникативная) целенаправленность.

Выделяется, например, функциональная группа с причинными отношениями:

Я на лыжах пойду/ снежку поднавалило//[49]

Иди на лыжах / снежку поднавалило//

Ты на лыжах пойдешь? снежку поднавалило//

Ты на лыжах идешь/ снежку поднавалило ?

с условными отношениями:

Я подольше с ним погуляю (с ребенком)/ дождя не будет//

Погуляй с ним подольше/ дождя не будет//

Погуляешь с ним подольше? дождя не будет//

Как и в ППВ, выражение смысловых отношений между членами функциональной группы входит в задачу коммуникативного акта и в этом также отличие функциональной группы от текста с двумя повествовательными высказываниями. Ср.: *Ты на лыжах поедешь? Снежку поднавалило//* и *Ты на лыжах поедешь// Снежку поднавалило//*

16. Возможны ли в КЛЯ сложные предложения с разнофункциональными частями? Г.В. Валимова отвечает на этот вопрос положительно, выделяя, например, сложноподчиненные предложения с обязательным вопросительным компонентом в позиции главной части и такой придаточной частью, которая "может состоять как из повествовательных, так и вопросительных компонентов", ср.: *Разве ты не слышал от стариков, что на краденом коне далеко не уедешь?*[50]

Разнофункциональность частей в этом случае устанавливается на чисто смысловой основе, интонационно-грамматическими средствами она не выражена. При этом и анализ смысла не всегда бесспорен. Так, если Г.В. Валимова находит, что в сложноподчиненных предложениях с изъяснительными отношениями типа: *Он поинтересовался, почему я опоздал* первая часть является повествовательной, а вторая вопросительной, то А.Ф. Кулагин считает, что такая придаточная часть в отличие от синтаксически независимой вопросительной конструкции не имеет собственного плана коммуникативной целеустановки. "В силу определенных лексико-грамматических условий (лексическое значение опорного слова в главной части и сходство статической структуры придаточной части со статической структурой вопросительных предложений) может в большей или меньшей степени проявляться лишь оттенок вопросительного значения, иногда доходящий до нуля, ср.: *Он даже не поинтересовался (ему было безразлично), почему я опоздал*"[51].

Итак, части членов функциональной группы отличаются от частей ППВ тем, что имеют формально выраженную функциональную направленность.

---

[49] Вторую часть во всех членах функциональной группы будем начинать со строчной буквы.

[50] *Валимова Г.В.* Функциональные типы предложений. Ростов-на-Дону, 1967, с. 172, 188, 223, 239.

[51] *Кулагин А.Ф.* Основные структурно-семантические типы сложного предложения в аспекте коммуникативной целеустановки. Автореф. докт. дисс., Л., 1972, с. 8.

ОСОБЫЙ ТИП ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

17. Разнофункциональность членов группы предопределяет особый характер отношений между ними. Суть этих особых отношений в следующем. В высказывании *Я на лыжах пойду/ снежку поднавалило//*, на котором основывается функциональная группа, вторая предикативная конструкция показывает, какие природные условия способствуют действию определенного лица, о котором сообщает первая предикативная конструкция. При комбинации частей "вопросительная – повествовательная" (*Ты на лыжах пойдешь? снежку поднавалило//*) эти смысловые связи также, естественно, существуют, но на их основе складываются другие смысловые связи: вторая часть объясняет, почему выбрана вопросительная направленность для части первой – 'я спрашиваю тебя о том действии, которое ты собираешься предпринять, потому что для выполнения этого действия существуют благоприятные обстоятельства (мой вопрос не случаен, при данных обстоятельствах он вполне естественен, обоснован)'. При комбинации "повествовательная – вопросительная части" (*Ты на лыжах идешь/ снежку поднавалило?*) смысловые отношения можно интерпретировать так: 'некто предпринял определенные действия, я спрашиваю, являются ли определенные обстоятельства причиной этих действий'.

Смысловая связанность одной из частей с функциональной направленностью может быть показана с помощью вопросов. Так, вопрос ко второй части при комбинации "вопросительная – повествовательная части" требует обязательного введения слова, обозначающего функциональную направленность первой части: *Почему я с п р а ш и в а ю тебя о том, поедешь ли ты на лыжах?* Важно отметить, что в ППВ с его единой функциональной перспективой аналогичный вопрос не требует слов, обозначающих функциональную направленность: *Почему я иду на лыжах? – Потому что снежку поднавалило//*

Важная особенность РР состоит в том, что в ней есть такие ППВ (и соответствующие функциональные группы), в которых вторая предикативная конструкция соотнесена исключительно с функциональной характеристикой первой, а не с ее содержанием (пропозицией): *А причалы в Куйбышеве сделали/ я ездил//* – 'я утверждаю (знаю), что причалы в Куйбышеве сделали, потому что я ездил'. Вполне понятно, что сооружение причалов в Куйбышеве и поездка по Волге не связаны причинными отношениями, доказательством чего является невозможность в подобных высказываниях союза *потому что* (**Причалы в Куйбышеве сделали, потому что я ездил*). Непосредственные причинные связи устанавливаются между второй предикативной конструкцией и функциональной целенаправленностью первой. Аналогичным образом складываются отношения и в соответствующих членах функциональной группы, ср., например: *А причалы в Куйбышеве сделали? ты ездил//* (ездил на теплоходе по Волге) – 'почему я спрашиваю тебя о том, сделали ли причалы в Куйбышеве – потому что ты ездил по Волге, был в Куйбышеве и можешь ответить на мой вопрос'.

18. Если в русской грамматической традиции повествовательность, вопросительность, побудительность рассматриваются в плане коммуникативной целеустановки (функциональных типов) предложений, то есть и иное, восходящее к работам Ш. Балли, их толкование. Ш. Балли различает в каждом предложении (высказывании) модус (модальность, модальный смысл) и диктум (пропозицию)[52]. Модус может быть имплицитным и может эксплицироваться специальными лексическими средствами – глаголами *утверждаю, что...; спрашиваю о том,* что... и под. Впоследствии такие глаголы были выделены в особый класс перформативных глаголов. Как считает Р. Зимек, возможно "предполагать существование более общих (хотя и конкретных) перформативных глаголов в широком смысле, как представителей основных четырех модальностей: 1) *Я говорю,* 2) *Я призываю,* 3) *Я спрашиваю,* 4) *Я желаю.* Эти широкие перформативы формируют синонимический ряд, в который входят перформативы в более узком смысле. Например, к *говорить* есть ряд: *провозглашаю, утверждаю, сообщаю, информирую, телеграфирую* и т.д., *к призывать – приказываю, велю, командую, прошу, умоляю, советую, рекомендую* и т.д. Эти синонимы отражают оттенки значения (интенсификационные, смягчающие или эмоциональные), которые могут как коннотации наслаиваться на основное модальное значение перформативного глагола в широком смысле"[53]. Именно с помощью таких глаголов и можно эксплицировать тот смысл в членах функциональной группы, который обслуживает одна из частей[54]. В частности, чтобы сделать возможным употребление причинного союза *потому что* в высказывании типа *А причалы в Куйбышеве сделали/ я ездил//* нужен перформативный глагол: *Я знаю, что причалы в Куйбышеве сделали, потому что я ездил* (по Волге).

19. Развитость в РР функциональных групп объясняется прежде всего тем, что в разговорном коммуникативном акте обязательно непосредственное участие говорящих. И поэтому разговорная речь ориентирована на 1-е и 2-е лицо. "Каждый тип речи, – пишет Д.Н. Шмелев, – характеризуется определенной тематикой, но каждому из них присуще и особое соотношение между первыми двумя лицами, т.е. отправителем сообщения и адресатом. Понятно, что не может быть речи без авторства, но проявление "авторства" в различных случаях различно. Разговорная речь предполагает непосредственное участие обоих первых лиц, и говорящий и адресат здесь конкретны и индивидуальны, причем – что существенно – соотношение между ними устанавливаются в самом акте речи"[55]. При этом особо подчеркивается, что "определенность 1-го и 2-го лица заключается не только в их непосредственном присутствии, но и в их непосредственной "индивидуальности"[56]. Мотивировка функциональной направленности непосредственно связана с ориентацией на определенное лицо, на его потенциальные знания, желания и т.п. модальные качества. Это особенно ясно проявляется в высказываниях типа *А в коробках там есть конфеты?*

---

[52] *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955, с. 43-44.

[53] *Zimek R.* Модальность высказывания и ее глубинная структура. – Jn: Otázky slovaské syntaxe, III. Brno, 1973, с. 118.

[54] Как показала А. Вежбицка, учет такого рода модальности вообще необходим для точного определения значений многих слов и предложений (*Вежбицка А.* Наброски к русско-семантическому словарю. – НТИ, серия 2, 1968, № 12, с. 23). См. также: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 33.

[55] *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 57.

[56] Там же, с. 57-58.

ты ходил//, где вопрос обращен не только к конкретному лицу, но и к лицу с "индивидуальной" особенностью – к тому, кто ходил в магазин, и именно эта индивидуальная особенность лица позволяет задать ему вопрос.

КЛЯ в этом отношении отличается от РР. Рассматривая научные стили, где с большой последовательностью и яркостью проявляется система КЛЯ, Д.Н. Шмелев отмечает, что в научной речи сообщение дается в форме объективной констатации фактов, независимой от субъекта речи и его адресата. Действительно, если попытаться эксплицировать модальность (или, что тоже самое, утвердительно-повествовательную функциональную направленность) такого, например, вполне обычного для КЛЯ высказывания как *В Москве строится много спортивных сооружений, потому что здесь будут проходить Олимпийские игры*, то, по-видимому, это следовало бы сделать примерно так – 'многие, в том числе и я, говорят (сообщают) многим лицам, что ...'

КЛЯ, основная задача которого опосредованное сообщение информации множеству лиц, по-видимому, потому, не имеет развитых функциональных групп, что они опираются на строго определенное 1-е и 2-е лицо.

БЕССОЮЗНЫЕ И СОЮЗНЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ИХ СООТНОШЕНИИ

СОЮЗНЫЕ И БЕССОЗНЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ВАРИАНТЫ

20. Систему полипредикативных высказываний в РР определяет бессоюзный тип. Место союзных высказываний в общей системе ППВ может быть осмыслено по их соотношению с бессоюзными. Дефференцированные значения в бессоюзных ППВ эксплицируются союзами (или союзными словами). В таких случаях союзные и бессоюзные высказывания выступают как варианты, способные замещать друг друга в тексте, не изменяя при этом ни его стилистическую окраску, ни его смысл, ср.: *Он рассказывал/ жутко она устала/* и *Он рассказывал что жутко/ она устала//; Очень плохо было/ дожди шли без конца//* и *Очень плохо было/ потому что дожди шли без конца//*

Наличие в РР вариантных союзных и бессоюзных ППВ подтверждает положение о том, что вариантность, лишенная функционального разграничения, характерна для РР в отличие от КЛЯ, где варианты стремятся дифференцироваться либо для выражения оттенков значения, либо стилистически[5 7]. КЛЯ в области сложного предложения не составляет в этом плане исключения. В КЛЯ, как и в РР, многие бессоюзные сложные предложения по смыслу идентичны союзным, но большинство таких бессоюзных сложных предложений стилистически маркированы: они встречаются или в стилях, использующих разговорные элементы – публицистика, некоторые типы авторского повествования в художественной литературе, или тогда, когда прямо имитируется РР – диалоги в худо-

[5 7] Русская разговорная речь, 1973, с. 26.

жественной литературе, особенно в драматургии. Следует заметить, что и в КЛЯ есть все же союзные и бессоюзные сложные предложения, свободно заменяющие друг друга в любых стилях. Их примером могут служить, по-видимому, союзные и соответствующие им бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями, ср.: *Можно констатировать, что план выполнен и Можно констатировать: план выполнен.* Но даже и в этих случаях КЛЯ не часто использует бессоюзную форму сложного предложения. Так почему же при наличии идентичных лексико-семантических структур РР предпочитает бессоюзную форму, а КЛЯ явно склонен к союзной?

21. Попытаемся понять эти особенности РР и КЛЯ в плане антиномии говорящий/слушающий. "В интересах говорящего упростить высказывание мысли, в интересах слушателя упростить процесс восприятия высказанного. Эти два устремления часто оказываются конфликтными"[58]. Оставить ППВ без союза (союзного слова) – значит заставить слушающего решить некоторую задачу: найти между предикативными конструкциями те смысловые отношения, которые имплицитно заложены в высказывании. Задача эта проста, ее решение очевидно, но все-таки это задача. Говорящий же при этом не утруждает себя поисками союза или союзного слова, подходящего для этих отношений. Антиномия говорящий/слушающий разрешается в пользу говорящего. Экстралингвистические условия, в которых функционирует РР, вполне способствуют этому: говорящий и слушающий находятся в непосредственном контакте, что позволяет постоянно контролировать понимание и исправлять любое неверное решение "задачи" по нахождению имплицитных связей. В КЛЯ антиномия говорящий/слушающий выступает в ином виде: пишущий/читающий, непосредственный контакт между ними отсутствует, и поэтому в КЛЯ антиномия такого рода чаще всего должна решаться в пользу слушающего (читающего): смысловые отношения эксплицируются союзами и союзными словами.

22. Есть и еще одна не менее важная причина, объясняющая более частое использование в КЛЯ союзных форм сложного предложения там, где, на первый взгляд, можно обойтись бессоюзной формой. Обратимся к такому тексту КЛЯ:

"Княгиня Щербацкая находила, что сделать свадьбу до поста, до которого оставалось пять недель, было невозможно, так как половина приданного не могла поспеть к этому времени; но она не могла не согласиться с Левиным, что после поста было бы уже и слишком поздно, так как старая родная тетка князя Щербацкого была очень больна и могла скоро умереть, и тогда траур задержал бы еще свадьбу" (Л. Толстой).

Все двупредикативные подчинительные конструкции, которые можно вычленить из этого усложненного сложного предложения, за исключением конструкции с союзным словом *который,* можно сделать бессоюзными, ср.: *Щербацкая находила: сделать свадьбу до поста невозможно;*

---

[58] Эта и некоторые другие антиномии выдвинуты в кн.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 24-25.

Сделать свадьбу до поста невозможно: половина приданного не могла поспеть к этому времени и т.д.

В таком изолированном от других двупредикативных конструкций виде они вполне обычны для КЛЯ. Но, если использовать все возможности элиминации союзов не в изолированных двупредикативных конструкциях, а во всем усложненном сложном предложении, то станет очевидным: такое усложненное сложное предложение выглядит неестественно, его понимание в значительной степени затруднено. В чем же дело? По-видимому, если достаточно большое число предикативных конструкций (больше четырех) вступают друг с другом в смысловые отношения, создавая усложненные сложные предложения, то оставить все эти отношения имплицитными нельзя, по крайней мере некоторые должны быть эксплицированы союзами или союзными словами. Можно предложить такое объяснение этому факту. Несмотря на всю очевидность имплицитных связей, их поиск подряд в большом количестве затруднителен. Эти затруднения усугубляются еще тем, что слушающий (читающий) должен не только найти имплицитные смысловые связи, но и уяснить, как эти найденные связи соотнесены и соотнесены ли вообще между собой. Именно поэтому хорошо развитые и широко распространенные в КЛЯ усложненные сложные предложения являются, как правило, союзными, хотя некоторые смысловые отношения и в усложненных сложных предложениях могут иметь бессоюзную форму выражения: *Как и в прошлый раз, он сидел в профиль к ней, но в этом заключалось и некоторое преимущество: не мешали очки, не заслоняла книжка, служившая ему как бы ширмой от посторонних наблюдателей* (Л. Леонов). Существуют и полностью бессоюзные усложненные сложные предложения, но с числом смысловых связей не превышающих двух, редко трех: *Я посмотрел кругом – сердце во мне заныло: не весело ночью войти в мужицкую избу* (И. Тургенев).

Для РР усложненные высказывания с большим числом предикативных конструкций вообще не характерны. Если в РР и встречаются такие высказывания, то число предикативных конструкций в них не превышает трех-четырех. Как и в КЛЯ, такие высказывания в РР обычно являются союзными. Вот два примера: (из воспоминаний Л. Успенского) *Но и причем я доказал Борису Алексанычу что может* (любой человек "провалить" экзаменующегося) *потому что я его провалил на трех вопросах по русской литературе так* что он вынужден был признаться что "совершенно вы правы"//; (из рассказа о походе) *И вдали/ вдали/ там где-то деревья так вот понатыканы/ сосны/ но чувствуется/ что там палатки даже поставить негде/ потому что склон-то такой* (жест)//

Ср. редкие для РР (и для КЛЯ): (о ребенке) *Они пришли/ он им торжественно заявил/ все в порядке/ ни капельки не ревел//; Никого нет/ он лучше себя ведет/ не дергают его//*

28. Недифференцированные значения, как было показано, включают несколько союзных, а потому союзами (или союзными словами) не эксплицируются и, следовательно, не имеют в качестве варианта союзного высказывания. Однако конкретные условия коммуникации могут

"выбрать" из недифференцированного значения такой компонент, который равен по значению союзу или союзному слову. И тогда, естественно, делается возможной вариантность союзного и бессоюзного предложения. Например, временной вопрос выбирает из недифференцированного временного – условного – следственного значения именно временной компонент, нейтрализуя все другие: А. *Ты когда придешь-то ко мне?* Б. *Димку отправлю/ забегу//*

Высказывания с недифференцированными значениями широко представлены в РР, поскольку значения такого рода соответствуют потребностям разговорной коммуникации. Разговорная коммуникация не требует той определенности значения, которая необходима, например, в научном стиле КЛЯ, в котором следует строго различать условие и следствие, а не представлять их недифференцированно.

Наличие недифференцированных значений – характерная особенность РР. Это хорошо подтверждают такие уже описанные факты: широко представленные в РР нулевые глаголы, значение которых вбирает в себя значения ряда вербальных глаголов, ср. (о ребенке) *Он повсюду за мной//* (ходит, таскается, бегает, плетется)[59]; конструкции с двойными глаголами типа *Они за перила держались спускались//*, когда остается невыраженной синтаксическая перспектива высказывания, ср. в КЛЯ: *Они за перила держались, спускаясь* или *Они за перила держались и спускались*[60].

БЕССОЮЗНОЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ И КАТЕГОРИЯ СОЧИНЕНИЯ/ПОДЧИНЕНИЯ

24. Изучая соотношение бессоюзного и союзного ППВ и РР, нельзя пройти мимо вопроса о том, можно ли дифференцировать при бессоюзной форме сочинение и подчинение. Решить этот вопрос было бы нетрудно, если бы были ясно сформулированы основы противопоставления сочинения/подчинения в сложном предложении (полипредикативном высказывании) вообще. Этот вопрос, хотя и имеет большую историю[61], еще весьма далек от решения. Наиболее непротиворечивыми представляются следующие общие исходные положения. В плане содержания, т.е. в плане своей синтаксической семантики, форма сложносочиненного и форма сложноподчиненного предложения не противопоставлены как формы, выражающие различные смысловые отношения. Доказательством этому служит тот факт, что одинаковые отношения между предикативными конструкциями могут быть и при подчинительном союзе: *На улице холодно, так что лучше сидеть дома,* и при сочинительном союзе: *На улице холодно, и лучше сидеть дома.* Союз *так что* своей семантикой эксплицирует следст-

[59] Русская разговорная речь, 1973, с. 302-303.

[60] Там же, с. 165-166.

[61] Назовем только некоторые, как представляется, этапные работы по проблеме сочинения/подчинения в сложном предложении, которые показывают всю сложность вопроса: *Петерсон М.Н.* Очерк синтаксиса русского языка. М. – Пг., 1923, с. 28-35; *Пешковский А.М.* Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений. – В кн.: *Пешковский А.М.* Избр. труды М., 1959; *Bauer J.* Parataxe a hypotaxe při studiu souvětí. – In: O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958; *Белошапкова В.А.* Указ. соч., с. 85-104.

венные отношения, при *и*, как и при бессоюзном соединении, эти отношения выводятся из лексико-семантической структуры высказывания. Синтаксическое содержание противопоставления сочинения/подчинения, на наш взгляд, в ином: при сочинении соединяемые предикативные конструкции одинаково относятся или могут относиться к третьей предикативной конструкции, ср.: *На улице холодно, и лучше сидеть дома – Он сказал, что на улице холодно и что лучше сидеть дома;* при подчинении соединяемые предикативные конструкции не могут находиться в одинаковых отношениях с третьей: *На улице холодно, так что лучше сидеть дома – *Он сказал, что на улице холодно и что так что лучше сидеть дома*[62].

Средством выражения сочинения/подчинения являются союзы (союзные слова). Поэтому при отсутствии союзов такое формальное средство, как интонационная связь, не может показать, является ли ППВ сложносочиненным или сложноподчиненным, так как многие бессоюзные высказывания могут трансформироваться и в те, и в другие. Ср. с приведенными выше союзными ППВ бессоюзное: *На улице холодно – лучше сидеть дома*//[63]. Чтобы установить отношение бессоюзных высказываний к категории сочинения/подчинения, нужно рассмотреть специфические для РР высказывания со связями свободного соединения между предикативными конструкциями. Связь свободного соединения в плане выражения является комплексным средством. Это такая безынтонационная связь, при которой одна из предикативных конструкций (свободная) произносится по сравнению с другой (основной) в убыстренном темпе и может занимать по отношению к основной предикативной конструкции разные позиции, причем наиболее характерна для нее интерпозиция: *Никуда я п л о х о с е б я ч у в с т в у ю не пойду*//[64]. Синтаксическое содержание формы ППВ со связью свободного соединения заключается не только в том, чтобы установить смысловые отношения между предикативными конструкциями, но и в том, чтобы показать зависимость одной предикативной конструкции от другой.

Возникает вопрос: если в бессоюзном ППВ может быть не выражено сочинение/подчинение, а в союзном оно обязательно выражено, то можно ли говорить о них как о вариантах? Существенно принять во внимание, что сочинение/подчинение – это такая синтаксическая категория, которая при союзной связи не может быть невыраженной, но ее выражение может и не входить в активные задачи коммуникативного акта.

25. По отношению к категории сочинения/подчинения союзные и бессоюзные варианты упорядочиваются следующим образом:

(1) бессоюзные ППВ, способные иметь в качестве свободного варианта только сочинительные союзные ППВ, ср. *Хотели на такси/ не было*//→*Хо-*

---

[62] Подробнее принятое здесь понимание противопоставления сочинения/подчинения изложено в работе: *Ширяев Е.Н.* Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе. Филол. науки, 1980, № 2.

[63] См. об этом: *Бунина М.С.* Двухкомпонентные сложные предложения как члены синонимических рядов. – Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, 1968, № 292.

[64] Полипредикативные высказывания со связями свободного соединения подробно описаны в кн.: Русская разговорная речь, 1973, с. 318-339.

тели на такси/ но (а, и) не было//. Такие высказывания не могут быть переведены в ППВ со связями свободного соединения;

(2) бессоюзные ППВ, способные иметь в качестве свободного варианта:

(а) и сочинительные, и подчинительные ППВ: *Ребенок-то твой все-таки/ смотри уж сам за ним// → Ребенок-то твой все-таки/ и смотри уж сам за ним//, Ребенок-то твой все-таки/ так что смотри уж сам за ним//;* (о балете) *Крутишься же в правую сторону/в левую сторону очень трудно делать туры// → Крутишься же в правую сторону, а в левую сторону очень трудно делать туры//; Крутишься же в правую сторону/ потому что в левую сторону очень трудно делать туры//;*

(б) только подчинительные высказывания: *Выключи лампу/ светло совсем уж// → Выключи лампу/ потому что светло совсем уж//.* Такие высказывания могут быть переведены в высказывания со связями свободного соединения: *Выключи с в е т л о с о в с е м у ж лампу//*

26. В общем виде система ППВ в РР представлена в табл. 4 (см. вкл.).

27. Основные выводы сформулируем в виде программы описания полипредикативных высказываний РР:

1. Определить, какие дифференцированные смысловые отношения могут быть выражены ППВ в разговорной речи. Высказывания с разными дифференцированными значениями назовем типами ППВ.

2. Определить для каждого типа характерный набор союзов и союзных слов.

3. Определить, какие недифференцированные смысловые отношения характерны для ППВ в разговорной речи.

4. Определить для каждого типа характерные модели опосредования смысловых отношений.

5. Определить характерные для РР функциональные группы, базирующиеся на определенном типе ППВ.

6. Определить, какие смысловые отношения в ППВ могут выражаться с опорой на конституцию.

ТИПЫ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ОПИСАНИЕ)

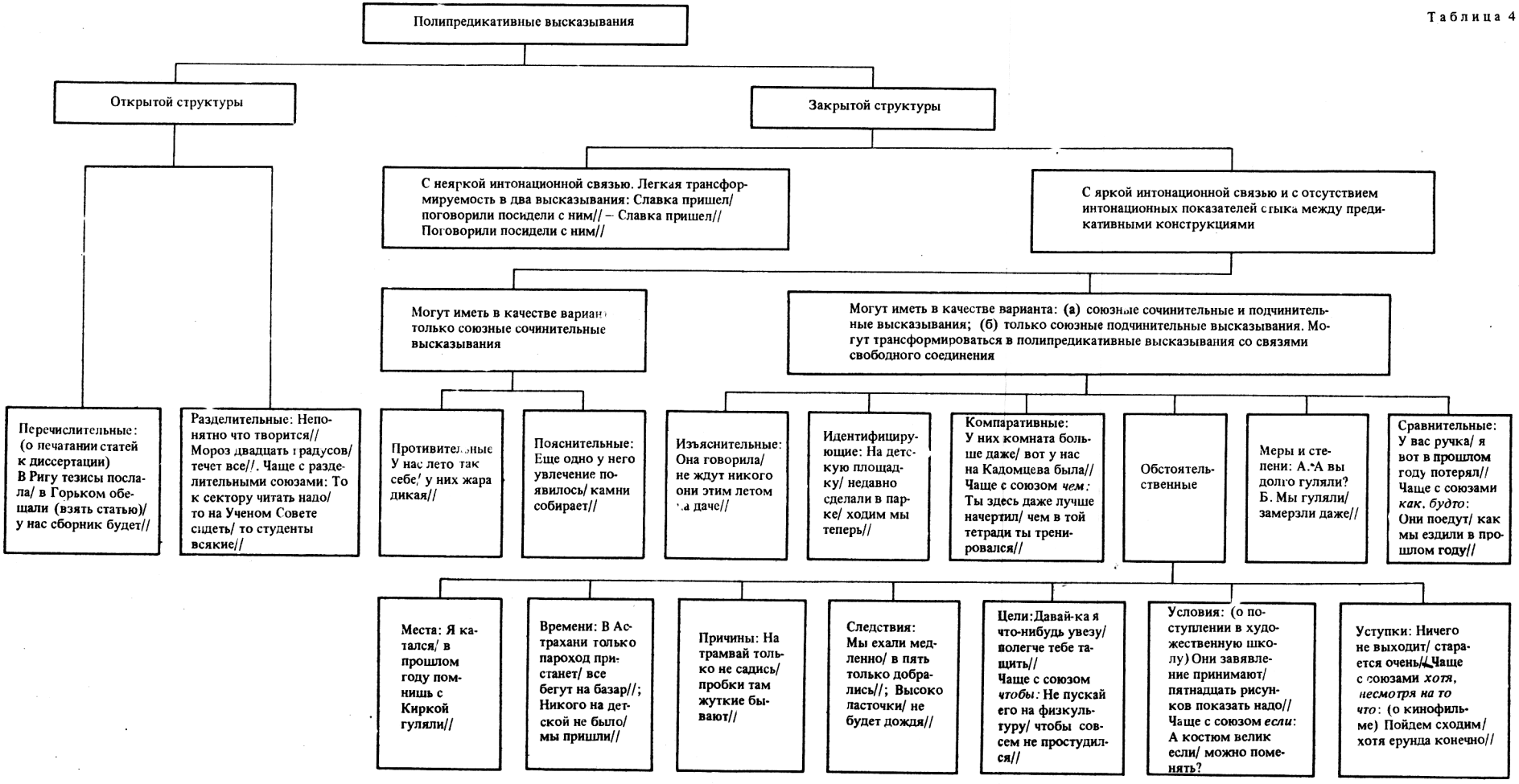
ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

1. В перечислительных ППВ называется ряд событий, явлений, которые связаны между собой особой перечислительной интонацией для того, чтобы выразить некоторую "общую идею". Перечислительный ряд предикативных конструкций является открытым, т.е. при необходимости может быть продолжен.

Перечислительные ряды, по-видимому, весьма универсальны в том плане, что не показывают большого семантико-синтаксического своеобразия в разных языках. Нет большого различия здесь между РР и КЛЯ. И все же ряд особенностей РР в них проявляется вполне ясно.

2. В плане выражения ППВ с перечислительным рядом, как показывают исследования интонации РР, имеют то характерное свойство, что высказы-

Таблица 4

Полипредикативные высказывания
Открытой структуры
Закрытой структуры
Перечислительные: (о печатании статей к диссертации) В Ригу тезисы послала/ в Горьком обещали (взять статью)/ у нас сборник будет//
Разделительные: Непонятно что творится// Мороз двадцать градусов/ течет все//. Чаще с разделительными союзами: То к сектору читать надо/ то на Ученом Совете сидеть/ то студенты всякие//
С неяркой интонационной связью. Легкая трансформируемость в два высказывания: Славка пришел/ поговорили посидели с ним// – Славка пришел// Поговорили посидели с ним//
С яркой интонационной связью и с отсутствием интонационных показателей стыка между предикативными конструкциями
Могут иметь в качестве варианта только союзные сочинительные высказывания
Могут иметь в качестве варианта: (а) союзные сочинительные и подчинительные высказывания; (б) только союзные подчинительные высказывания. Могут трансформироваться в полипредикативные высказывания со связями свободного соединения
Противительные: У нас лето так себе/ у них жара дикая//
Пояснительные: Еще одно у него увлечение появилось/ камни собирает//
Изъяснительные: Она говорила/ не ждут никого они этим летом на даче//
Идентифицирующие: На детскую площадку/ недавно сделали в парке/ ходим мы теперь//
Компаративные: У них комната больше даже/ вот у нас на Кадомцева была// Чаще с союзом *чем*: Ты здесь даже лучше начертил/ чем в той тетради ты тренировался//
Обстоятельственные
Меры и степени: А.А вы долго гуляли? Б. Мы гуляли/ замерзли даже//
Сравнительные: У вас ручка/ я вот в прошлом году потерял// Чаще с союзами *как, будто*: Они поедут/ как мы ездили в прошлом году//
Места: Я катался/ в прошлом году помнишь с Киркой гуляли//
Времени: В Астрахани только пароход пристанет/ все бегут на базар//; Никого на детской не было/ мы пришли//
Причины: На трамвай только не садись/ пробки там жуткие бывают//
Следствия: Мы ехали медленно/ в пять только добрались//; Высоко ласточки/ не будет дождя//
Цели: Давай-ка я что-нибудь увезу/ полегче тебе тащить// Чаще с союзом *чтобы*: Не пускай его на физкультуру/ чтобы совсем не простудился//
Условия: (о поступлении в художественную школу) Они завявление принимают/ пятнадцать рисунков показать надо// Чаще с союзом *если*: А костюм велик если/ можно поменять?
Уступки: Ничего не выходит/ старается очень// Чаще с союзами *хотя, несмотря на то что*: (о кинофильме) Пойдем сходим/ хотя ерунда конечно//

вание может обрываться, а точнее сказать, завершаться на одном из интонационных повышений[65]. В КЛЯ перечислительный ряд может заканчиваться, вероятно, только интонацией понижения. В плане содержания интонационная незаконченность перечислительного ППВ как раз и показывает открытость перечислительного ряда, возможность его продолжить:

(о лечении острой зубной боли) Она анальгин/ потом еще чего-то/ потом ехать пришлось/ (пришлось ехать к врачу); [Никак я не мог эту газету найти//] К Сорокиным ездил/ к Наташе звонил/ всех просил/; [А. А что в саду-то там у тебя теперь? Б. Ну что в саду//] Яблони я подрезал/ вишенку посадил/ клубники еще грядку сделал/

3. Другая особенность перечислительных рядов РР относится к плану содержания. В РР перечислительные ряды могут быть конситуативными: "вывести" из них некоторую общую идею могут только говорящие. Обратимся к такому хрестоматийному примеру:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора.
(А. Пушкин)

Здесь и без последней обобщающей предикативной конструкции ясно, что речь идет об осени. Сравним такой разговорный перечислительный ряд: *По городам каждый день/ вот черный смотри* (загорел)/ *с Витей посидели/ отключен от всего//*, где только говорящим понятно, что речь идет об удовольствиях туристской поездки по Волге, и весь ряд служит ответом на вопрос *Ну и что же ты делаешь едешь?* В таких перечислительных рядах на основе "общей" идеи могут быть объединены очень различные по содержанию предикативные конструкции, если подходить к этому содержанию изолировано: (о том, что делали в командировке на конференции) Встретили там нас/ очень хороший номер/ ну вечером уже выступили/ с Поповым поговорили//; (как обычно проходит день говорящего) Я в пять встаю/ кофе там/ работаю до семи/ потом провожаю это значит (провожаю сына в школу)/ чай/ до его прихода опять (опять работа)/ ну там уже мелочь всякая (потом делаю всякую мелочь)//

4. Характерной особенностью РР является то, что перечислительный ряд может состоять и из предикативных и из непредикативных компонентов: Он в Костроме катался там и на велосипеде/ и на машине/ и на лодке Коля его два раза брал/ на моторке//; Ну вот у меня и собрались так в общем случайно даже как-то Славка/ Толя с Галей/ Витя как раз приехал//

---

[65] Русская разговорная речь, 1973, с. 137.

В таких случаях предикативная конструкция опосредованным образом связана с другими, непредикативными, компонентами: смысл, нужный для перечислительного ряда, выводится из содержания предикативной конструкции: 'так как Витя приехал, то был и он', 'так, как на лодку брали, то и на лодке катался'.

5. В перечислительных рядах КЛЯ обычно отмечаются подчеркивающие перечисление повторяющиеся союзы *и... и..., ни... ни..., да... да....* В РР активен только повторяющийся союз *и,* ср.: И он ушел/ и Славка не пришел/ и в общем один я остался//; И на лыжах катается/ и зарядку делает/ и даже бегать летом пыталась//

В Грамматике-70 специально отмечается разговорная окраска союза *да..да...*: [Все потускнело – и цветы и травы.] Редко где виден выцветший за лето колокольчик, да прячется в тени незабудка, *да* отцветают бело-розовые кашки[66]. По нашим наблюдениям, РР этот повторяющийся союз не свойственен, в наших материалах он не встретился ни разу.

Из союзов, которые ставятся перед последней из перечисляемых предикативных конструкций, показывая завершение перечислительного ряда, в РР активе союз *а:* Галя читала/ мама телевизор включила/ *а* он (ребенок) всем мешал//

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

1. В РР разделительные ППВ в отличие от КЛЯ могут быть бессоюзными: [Дикая зима какая-то//] *Морозы двадцать градусов/ тепло тает все//* – 'или морозы 20°, или так тепло, что тает все'. Для бессоюзного выражения разделительных отношений в ППВ необходимо, чтобы для говорящих была очевидна несовместимость в одно время и в одном месте того, о чем сообщается в предикативных конструкциях: тепло и мороз одновременно в одном месте не бывают. Но и при наличии такой очевидности и, разумеется, без нее разделительные отношения в РР все же чаще выражаются с помощью союзов.

В РР употребительны те же разделительные союзы, что и в КЛЯ: *или – или; то – то (не то – не то, то ли – то ли):* То я на конференциях его вижу/ то он просто в Москву приезжает/ то я опять на спецкурсы к ним езжу// В общем полный контакт//; Или мы летом на дачу поедем/ или осенью в Крым/. Разделительный союз *либо – либо* встречается в РР очень редко.

2. В разделительные отношения могут вступать некоторые семантически однородные компоненты: Или будет *весело*/ или будет *скучно*// (весело – скучно). Если такие компоненты прямо представлены в предикативных конструкциях – отношения непосредственные.

В разделительных высказываниях регулярны опосредованные отношения: смысл, вступающий в разделительные отношения, выводится как следствие из семантики одной из предикативных конструкций: Или

[66] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 659.

он придет/ или скучно будет// – известно, что при нем всегда весело, следовательно, 'он придет → будет весело'; Или вы приходите/ или все отменяется// – 'вы приходите → все состоится'; Или я сегодня к ней схожу/ или у меня работы на неделю// 'работы на неделю → сходить не смогу'; Или завтра мы с тобой поработаем/ или я уезжаю на месяц// 'я уезжаю на месяц → поработать не удастся'; (о собаке) Или ты гуляешь/ или я отдам кому-нибудь//; Или подождем полчаса/ или вымокнем как собаки//

3. На основе разделительного высказывания в РР существует функциональный член "вопросительная – вопросительная части": *Или он посидит? или нам идти?* Если обе части имеют одно и то же подлежащее со значением лица, то: а) регулярно употребляется только один разделительный союз *или* при второй части: Всем подпишем? или никому не будем?; На пароходе ты едешь? или в Костроме отдыхаешь?; На троллейбусе поедем? или такси дождемся?; б) союз не употребляется вообще: Он будет поступать? в армию пойдет?; Он в пять придет? опоздает?

Вторая часть бывает нередко представлена предикатом *нет:* Ты опять в Кострому ездил? *нет?;* И оберточную бумагу принимают? нет?; Ты собираешься обедать? *нет?;* Ты едешь? нет?; А вот эта дочка моей подруги поступила? *нет?;* Ты Наташе позвонишь? *нет?;*

Союз *или* при второй предикативной конструкции в таких высказываниях с *нет* также вполне обычен, но при этом возможна уже и раздельная интонационно выраженная вопросительность частей и вопросительность высказывания в целом; ср. *В парк идем? или нет?; Ну так мы покупаем эту курточку? или нет?; Ты по-прежнему кофе пьешь? или нет уже?* и *На трамвае поедем или пройдем остановочку?; Ты первое будешь или нет?; Студентов нам в этом году опять дадут или нет?; Ты снова в Ленинке занимаешься или нет уже?*

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПРОТИВОПОСТАВИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

1. Противопоставительные отношения – это отношения двух видов: сопоставительные и противительные. Их объединение основывается на том, что данные отношения могут выражаться союзами *а* и *но,* которые находятся в следующих системных отношениях: союз *а* является немаркированным по отношению к союзу *но*. Он может употребляться при выражении и сопоставительных отношений – *Я работаю/ а он играет тут рядом//,* и противительных – *Мы даже такси взяли/ а все равно опоздали//.* Союз *но* употребляется только для выражения противительных отношений: *Мы даже такси взяли/ но все равно опоздали//; Я простоял там час/ но уже ничего не было хорошего//*

2. Союзы *а* и *но* регулярно употребляются в РР так же, как и в КЛЯ. Гораздо чаще, чем в КЛЯ употребляется в РР союз *да* в противительном значении: А. Ты ездил в магазин? Б. Ездил/ *да* толку-то что!; А. А в отпуск ты скоро? Б. Скоро-то скоро/ *да* погода вон какая// (плохая); За арбузом выстоял/ *да* по-моему белый//

Противительные отношения могут выражаться специальными словами *зато* и *однако*. Эти слова не являются союзами, поскольку в ППВ с ними позиция союза является всегда открытой и может быть замещена, ср.: Он долго пишет/ *зато* без ошибок// → Он долго пишет/ *но зато* без ошибок//

Зато в полипредикативных высказываниях РР употребляется регулярно. *Однако* встречается нечасто, но следует заметить, что некоторые информанты имеют особое пристрастие к этому слову.

Противопоставительные отношения в РР, в отличие от КЛЯ[67], регулярны и при бессоюзном выражении.

3. Поскольку противительные отноношения обычно несут в себе еще и уступительные отношения, при бессоюзном выражении получается одно недифференцированное противительно-уступительное значение, ср.: *Быстро до метро добежали/ вымокли все-таки// → Быстро до метро добежали/ но вымокли все-таки//; Хотя быстро до метро добежали/ вымокли все-таки// и Хотя быстро до метро /добежали// но вымокли все-таки//*

4. В соответствии со сказанным о распределении функций между союзами *а* и *но* в качестве союзного варианта к сопоставительным бессоюзным высказываниям могут употребляться высказывания с союзом *а*, в качестве союзного варианта к бессоюзным высказываниям с противительно-уступительными отношениями употребляются, если так или иначе нейтрализуется уступительная часть значения, высказывания и с *а*, и с *но:*

Он после школы у нас гуляет/ Артем спит → Он после школы у нас гуляет/ а Артем спит/ , Очень старается/ все равно ошибки лепит// → Очень старается/ а (или *но*) все равно ошибки лепит//

5. Сопоставление обычно касается одинаковых членов предложения: сопоставляются подлежащие, предикаты, распространители предикатов (локальные, темпоральные и под.), определения к существительным и т.д. При этом характер лексического значения этих сопоставляемых компонентов может быть весьма различным: *Я сплю/* (а) он *читает (пишет, хохочет, пляшет, рисует, слушает* радио, *убирает* квартиру и т.д., и т.п.)//. Вот примеры: Я учился в аспирантуре/ он в это время в армии служил//; Я купаюсь/ она загорает только//; Я ушел/ она еще оставалась//; Он хохочет/ я молчу//; (о практике студентов) Я испорчу (машину)/ они должны пустить//

---

[67] Бессоюзные сложные предложения с противопоставительными отношениями в КЛЯ встречаются, в основном, в поэтической речи и совершенно не известны в таких стилях как научный, деловой. Как правило, семантико-синтаксическая структура бессоюзных противопоставительных предложений КЛЯ устроена так: нечто противопоставляется тому, что отрицается:

Не за песни весной над равниною
Дорога мне зеленая ширь –
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь (С. Есенин);

Параша искала его, кричала на дворе, в липовой аллее, звала обедать, потом чай пить – он не откликался (И. Бунин).

Опосредованные отношения для сопоставительных высказываний нехарактерны.

6. Семантико-синтаксическая структура высказываний с противительными и соответствующими недифференцированными противительно-уступительными отношениями устроена иначе, чем с сопоставительными.

В противительных высказываниях речь идет об одном и том же действии, предмете, признаке. Этот общий компонент является основой противопоставления. Мотивы же противопоставления можно сформулировать с некоторой долей условности, так: в одной из предикативных конструкций общий компонент помечен знаком "+", в другой "–". Эти +/– и создают противопоставление, ср.: Я мог поехать в Харьков осенью/ но не поехал// – мог поехать/ не поехал; Трудно привыкнуть жара сорок пять градусов/ но я привык// – трудно привыкнуть/ но привык.

+/– хорошо объясняют и заложенное в ППВ с противительными отношениями значение уступки: + и – в принципе несовместимы, если их можно примирить, то только за счет некоторой уступки: Хотя я мог поехать в Харьков осенью/ но не поехал//; Хотя трудно привыкнуть жара сорок пять градусов/ но я привык//

Высказываниями с прямыми противительными отношениями будем считать такие, в которых смысл, составляющий основу противопоставления, выражен одним и тем же словом, а мотивы противопоставления ("+" и "–") выражены специально предназначенными для этого средствами: Он *хотел* его *встретить*/ *не встретил*// При опосредованных отношениях основа и мотивы противопоставления в одной из предикативных конструкций прямо не названы, а выводятся из ее содержания: Он хотел его встретить/ проспал// (проспал, и потому не встретил).

Опосредованные отношения в противительных высказываниях как РР, так и КЛЯ являются более регулярными, чем прямые. Далее покажем несколько активных в РР моделей опосредования:

(1) Прямые отношения: 'что-то должно быть, но этого нет' – Должен был в командировку *ехать*/*не поехал*// При опосредованных отношениях в одной из предикативных конструкций описываются такие обстоятельства, в которых что-то должно быть или, наоборот, что-то невозможно: Должен был в командировку ехать/ заболел//; Конец августа уже/ ни одного желтого листочка нет// (в конце августа должны быть желтые листочки); Десятое октября уже/ двадцать градусов на улице// (10 октября не должно быть на улице 20°С); Он шишку подставил/ не ревел совсем// (должен реветь от шишки, обычно ревет); У нас девять этажей/ один лифт// (должен быть не один лифт); До семи прождали/никто не пришел// (до семи должны были многие придти).

(2) Прямые отношения, обратные (1): 'что-то не должно быть, но это есть' – Совсем *не хотела опаздывать*/ *опоздала*// Опосредование отношений осуществляется так же, как и в (1): Совсем не хотела опаздывать/часы встали//; Облачко какое-то совсем маленькое/ дождь льет// (из маленького облачка не должно быть дождя); Ветер сильный/ тепло все-таки// (не должно быть тепло); Июль/листья уже пожелтели вон// (не должно быть

желтых листьев в июле); Год стержни лежали/ как новые пишут// (не должны после года хорошо писать).

Разновидностью высказываний этого типа является следующее: 'что-то трудно сделать, но сделали' – *Трудно достать* летом билеты до Ленинграда хорошие/ но я *достаю* там стою там по два часа//. Ср. опосредованные отношения: У нас поезда гремят/ мы привыкли//(трудно привыкнуть, но привыкли); По шесть часов мне иногда приходится читать/ ничего в общем//; Очень дефицитные путевки по Волге/ через местком Гале удалось мне достать//; На "Спартак" (балет) с ночи стоят/ достают все же//; В аспирантуру там два места было/ она поступила//

(3) Прямые отношения: 'нечто можно сделать, но это не сделано' – Она могла заниматься чешским с преподавателем/ не занималась// В высказываниях с опосредованными отношениями показывается, почему не выполняется возможное: Она могла заниматься чешским с преподавателем/ время ее не устраивало//; (об обмене) Нам в центре предлагали/ дышать там нечем//(можно было обменяться на центр города, но не обменялись, потому что дышать там нечем); Мне на юг предлагали/ тема кончается//(не могу поехать на юг, потому что тема кончается).

(4) Прямые отношения: 'некоторое действие – его преждевременное прекращение': Полгода марки собирал/ бросил собирать//. При опосредованных отношениях называется причина преждевременного прекращения: Полгода марки собирал/ новое увлечение появилось/ фантики//; Начала она гимнастикой заниматься/ терпения не хватило//; Она даже начала к аспирантуре потихоньку готовиться/ Светка родилась//; Мы к оленям пошли/ ногу он стер/ не дошли//

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

1. ППВ с изъяснительными отношениями считаем такие, в которых вторая предикативная конструкция служит обязательным распространителем предикатов (глаголов, предикативных наречий, кратких прилагательных) и отглагольных существительных первой предикативной конструкции: (а) По-моему я слышу кто-то идет//; (б) Он очень всех удивил/ на философский пошел//

Высказывание (а) возможно и в РР, и в КЛЯ в одинаковом оформлении: бессоюзном и союзном (По-моему я слышу/ что кто-то идет//). Высказывание (б) ведет себя в РР точно так же, как (а), ср.: Он очень всех удивил что на философский пошел// В КЛЯ "поведение" высказываний типа (б) иное: при союзном оформлении такие высказывания требуют в первой предикативной конструкции в качестве обязательного компонента соотносительное слово *то:* Он очень удивил всех *тем,* что пошел на философский факультет. Бессоюзное оформление таких высказываний в КЛЯ также возможно, хотя встречается нечасто.

В структурно-семантических классификациях союзных сложноподчиненных предложений КЛЯ факту обязательности соотносительного слова в предложениях типа (б) и его факультативности в предложениях типа (а) придается решающее значение. Предложения (а) и (б) распределены

по разным классификационным классам: (а) – изъяснительные, (б) – местоименно-соотносительные с вмещающими отношениями[68].

В РР соотносительное слово не только необязательно, но и факультативно употребляется очень редко. Приводимые далее примеры показывают, что в РР безусловной нормой является непосредственная, без соотносительного слова, связь изъяснительной предикативной конструкции, вводимой союзом *что*, с любым опорным изъясняемым словом первой предикативной конструкции:

А вы ее обрадовали что она ковер выиграла?; Он все ко мне пристает что блокнот ему нужен//; (о погоде в Средней Азии) Ты улыбаешься/ что у вас тридцать совсем не жара считается/ да?; (об игрушке) Он очень смеялся что она пищит//; Надо поговорить с ним что он лекции так часто пропускает//; Он очень был возбужден что в школу ему идти//; Я читал большую статью в Комсомолке/ что это серьезная проблема с рабочими//; У нас собрание было/ что делать дальше с этими "Обзорами"//; Я там оставил тебе записочку что не будет урока//; Ну я был на этом секторе/ что плохая у нее диссертация//

Следовательно, противопоставление (а) и (б) по формально-синтаксическим признакам в РР снято, и это показывает особую в плане выражения организацию системы полипредикативных высказываний с изъяснительными отношениями в РР.

2. Для изъяснительных высказываний РР характерны опосредованные отношения. Напомним, что изъяснительными высказываниями с прямыми отношениями считаем такие, в которых вторая предикативная конструкция непосредственно связана с опорным словом (глаголом и пр.) первой предикативной конструкции на основе валентных свойств опорного слова; при опосредованных отношениях в первой предикативной конструкции нет слова с валентностью, требующей другой предикативной конструкции, но это слово может быть введено с помощью союза *и* к имеющимся словам. В РР выделяются следующие активные модели опосредования.

(1) Прямые отношения: в первой предикативной конструкции глаголы типа *видеть, слышать, понимать*, к которым непосредственно относится вторая предикативная конструкция. Опосредованные отношения: в первой предикативной конструкции глаголы типа *смотреть, взглянуть, оглядеться, прислушаться*, имеющие с глаголами прямых высказываний существенные общие компоненты в значении, но лишенные валентных свойств этих глаголов:

Мы там поосмотрелись/ кафе рядом хорошее чистенькое недорогое такое// (поосмотрелись и увидели, обнаружили); Я заглянул в читальный зал/ там они сидят//; Я оглянулся/ его еще и не видно было даже//; Я выглянул утром на улицу/ солнышко вовсю/ дождя и в помине нет этого вчерашнего//; Я послушал вчера на лестнице/ на первом этаже этот магнитофон орет//; Я посмотрел/ любопытные стихи//

---

[68] Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 701–704, 691–694.

(2) При прямых отношениях – опорное слово глагол *видеть*, при опосредованных отношениях употребляются глаголы, обозначающие такие действия, в результате которых становится возможным видеть что-то. Особенно активны здесь глаголы движения:

Я завернула за угол/ Ирина с мужем идут//(завернула и увидела); Подъезжаю/ конечно они с Кирилкой стоят машут//; С Кириллом в лес пришли/ Артем уже там//; Я шел мимо там/ в витрине новые какие-то пылесосы// В Вохму (город) я летел/ все там сгорело//(выгорели поля от засухи); В лесу около башни гуляли/ белки там из рук берут//; Я пошел с ним/ какой-то малыш с огромной трубой ходит//; Водили нас по городу/ дом там один есть интересный/ расписанный такой/ яркий//

(3) При прямых отношениях опорными словами являются глаголы типа *сказать, знать*, при опосредованных отношениях этих глаголов нет, но описывается такая ситуация, в которой обычно говорят о чем-то, приобретают знания, что-то узнают, ср.: мы встретились и он мне сказал...; я был на лекции и узнал...:

Приходил Витя/ не едем мы завтра//; С Ивановым я шел/ советует писать//; Мы встретились там / ездил он в ГДР в прошлом году тоже//; Я видел ее вчера/ вечером в субботу мы собираемся//; Из Китая один у нас выступал/ плохо там все у них действительно//

Возможны и более сложные случаи опосредования, ср. такое конситуативное высказывание: (известно, что А. читает лекции в университете, по дороге к которому находится цирк) У меня лекция сегодня была/ Попов в новой программе выступает// – шел на лекцию мимо цирка и потому знаю, что Попов выступает.

В КЛЯ также возможны изъяснительные сложные предложения с опосредованными отношениями, но только (1) и (2): Он осмотрелся кругом – никого (Ф. Достоевский); Тихонов отложил газету и взглянул в окно – там простиралась неясная и высокая ночь (К. Паустовский); Я вошел в хату: две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель (М. Лермонтов).

Модель опосредования (3) в КЛЯ не отмечена.

3. В полипредикативных высказываниях с опосредованными отношениями невозможны союз (союзное слово). Союз (союзное слово) может соединять предикативную конструкцию только с тем глаголом, который непосредственно распространяется данной предикативной конструкцией.

Этот вывод подтверждается всеми приведенными выше примерами высказываний с опосредованными отношениями. Но существуют факты, которые требуют специального обсуждения: конструкции с глаголом *звонить* (по телефону). Ни один словарь современного русского кодифицированного языка не отмечает у этого глагола сильной валентности "о чем?", и нормы КЛЯ запрещают при этом глаголе как объектный распространитель, так и изъяснительную предикативную конструкцию с союзом *что*. Между тем, в РР возможно простое высказывание с этим глаголом и объектным распространителем при нем: *Он мне звонил о яблоках*//, а полипредикативные высказывания с глаголом *звонить* в первой части и союзной изъяснительной конструкцией при нем настолько

активны, что не оставляют сомнения в своей нормативности для РР, причем в таких полипредикативных высказываниях употребляется не только союз *что*, но и любые другие союзы и союзные слова, возможные при изъяснительных отношениях:

Я ему позвонил/ что не приеду на конференцию//; Нина звонила/ чтобы на уроки не опаздывать//; Она звонила когда приходить//; Он звонил/ почему не приехал//; Витя звонил/ что приняли наши статьи//; Звонила она/ что к двум к ним приходить//

Поэтому изъяснительные высказывания со словом *звонить*, по-видимому, в синхронном плане неверно рассматривать как высказывания с опосредованными отношениями, хотя эти высказывания и можно развернуть как другие высказывания с опосредованными отношениями: *Он звонил, что придет// Он звонил и сказал, что придет//* Правильным кажется на основе приведенных данных сделать заключение о том, что глагол звонить в РР может иметь, в отличие от этого же глагола в КЛЯ, обязательную валентность – *о чем*, и изъяснительные высказывания с этим глаголом являются прямыми. И тогда вывод о невозможности союза при опосредованных отношениях высказывания с глоаголом *звонить* не колеблют.

4. В ППВ с изъяснительными отношениями употребляется синсемантический союз *что*, функция которого состоит только в том, чтобы показать: предикативная конструкция, вводимая этим союзом, находится в сильной синтаксической связи с определенным компонентом из первой предикативной конструкции. Другие союзы и союзные слова являются автосемантическими, они, помимо значения, выражаемого союзом *что*, вносят еще некоторые более конкретные значения: *когда* – время, *где* – место и т.п. Поэтому автосемантические союзы и союзные слова в отличие от союза *что* элиминируются реже, ведь далеко не всегда то, что выражено данными автосемантическими союзами и союзными словами, может быть имплицитно заложено в содержании предикативных конструкций. Характерной чертой РР являются серии союзных слов в одной изъяснительной предикативной конструкции:

Слушай/ давай все-таки подумаем *где* мы их можем всех собрать//; Она спрашивала *когда* мы договорились// (собраться) Объясни все-таки мне *зачем* мы туда идем//; *Когда* и *куда* они меня пригласят я понятия не имею//; Нет/ она человек особый// Она просто указывает/ такой приказ/ *когда куда что* принести//; Я все-таки не понимаю/ *куда/ зачем/когда/ почему/* мы должны бежать//

В РР все изъяснительные ППВ с союзом *что* могут иметь в качестве варианта бессоюзное высказывание. Без союза изъяснительная предикативная конструкция может выступать при глаголе (как в КЛЯ) и при предикате любого выражения (предикативное наречие, краткое прилагательное), а также при отглагольном (и сходном с ним по семантике) существительном, что для КЛЯ совершенно нехарактерно:

Говорят прекрасно отдохнула/ я уже слышал//; И вот я помню/ я работала в Дедуве медсестрой//; Ну я был на этом собрании в институте завхоз плохой// (собрании о том, что завхоз плохой); Нина письмо прислала/ были у них все в июле//; Вы получили записочку/ в пять мы соби-

раемся//; Я получил письмо/ купаются по два раза в день//; Есть у меня предположение/ собрались бы мы//; Неудачно только/ дожди шли все время//; Я рад/ защитилась она все же//; Она права/ надо было ему помочь//

5. Рассмотрим теперь некоторые особенности изъяснительных высказываний с автосемантическими союзами и союзными словами.

(1) Союз *чтобы* в РР может расчленяться на *что* и *бы*: Я боюсь *что* Кирилл не заболел *бы*//; Я представить себе не могу/ *что* он *бы* это написал//; Главное *что* река *бы* рядом была//

Союз *что* при этом способен элиминироваться:

Он предлагает/ по очереди *бы* все дежурили//; Я боюсь/ Кирилл не заболел *бы*//; Он написал/ курточку *бы* ему прислали//

Таким образом, имеем следующий ряд вариантов: Я боюсь/ чтобы Кирилл не заболел// – Я боюсь/ что Кирилл не заболел бы// – Я боюсь/ Кирилл не заболел бы//

(2) В качестве варианта к изъяснительным ППВ с союзным словом *почему* могут выступать высказывания с союзом *что:* Я у него спросил/ почему он вчера ушел// – Я у него спросил/ что он вчера ушел//. *Что* со значением 'почему' в КЛЯ не отмечено. Ср. еще: Поинтересуйся что он не едет// – 'почему он не едет'. Бессоюзного варианта к таким высказываниям быть не может.

Заметим: *что* со значением 'почему' возможно в РР не только в полипредикативном, но и в простом высказывании: Ну что они не идут-то?

В сниженной РР, на границе ее с просторечием, активна форма *чего* вместо *что* – причинного: Узнай/ чего он не звонит//; Посмотри/ чего они там притихли//

6. На основе изъяснительных высказываний существует функциональная группа, включающая такие члены:

(1) Предикативная конструкция с опорным словом оформляется как вопросительная, а изъяснительная предикативная конструкция является повествовательной: Говорил он тебе? опоздает сегодня//; Вы знаете? отменили экскурсию вчера//

(2) Вопросительными могут быть обе части в том члене функциональной группы, который представляет из себя своеобразную разговорную модификацию косвенного вопроса: Как она их будет загружать? что вот она говорила?; ср. с обычным для КЛЯ (и для РР) косвенным вопросом: Что она говорила (о том), как она их будет загружать?

Отличительной особенностью таких образований является то, что часть, предикат которой "изъясняется" другой частью, должна иметь вопросительное слово *что*. При этом возможен любой порядок частей: *Почему мы это должны обсуждать? Что они говорят? – Что они говорят? почему мы это должны обсуждать?* Порядок, когда изъяснительная часть стоит на первом месте, даже более обычен:

А учебник когда будет? что говорили? (когда будут печатать учебник); Как проехать-то? что они нам говорили?; Надо позвонить ему что ли? что они там решили?; Что слышно? зарплата будет сегодня?; Зачем им такая бумага? что она говорила?; Какой прогноз на завтра? что пишут?; Почему он не пришел? что она сказала?

7. Возможны экспрессивные модификации изъяснительных ППВ, экспрессивное оформление получает изъяснительная часть:

И я подумал/ куда уже мне с моим педом в МГУ соваться! (поступать после педагогического института в аспирантуру МГУ); Мы туда пришли/ народищу! Она ко мне пристает/ ну хоть бы разок в Большой достать ей!; Посмотри/ хоть бы что на нем было сухое!; Полезла я в духовку/ хоть бы сухарики от моего торта остались//

8. От ППВ с изъяснительными отношениями следует, по-видимому, отличать высказывания, в которых глаголы *видишь* (*видите*), *понимаешь* (*понимаете*) и под. употребляются для активизации внимания слушающего, для поддержания контакта с ним. Такие глаголы могут занимать любое место в высказывании:

Видите/ до того дошли//; Понимаешь/ мы не сумеем так//; Знаете/ они наверно припрятали очень хорошо//; Слушай/ ну у тебя экзамены-то еще будут впереди или нет?; Так вот видите/ я ведь сегодня с шести часов утра на ногах//; ...Режиссер мне же советовал поступить/ в какую-нибудь более настоящую такую ощутимую студию/ понимаете?; Вот видите/ вот такой был//

Как и в КЛЯ, в РР возможно употребление глаголов, способных иметь при себе изъяснительные предикативные конструкции, как вводных слов – для выражения модальных значений уверенности/ неуверенности, удивления и т.п.

А огурцов у нас/ мне кажется в прошлом году больше было//; Я не понимаю/разве может комар на шестнадцатый этаж залететь//

И в том, и в другом случае варианты с союзом *что* исключаются, и это как раз показывает не изъяснительный характер отношений.

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

1. ППВ с идентифицирующими отношениями называем такие, в которых вторая предикативная конструкция относится к существительному (или местоимению) первой предикативной конструкции и служит целям идентификации этого существительного с денотатом[69]. Каждое существительное способно обозначить огромное множество предметов, например, слово *стол* все столы мира. Идентификация заключается в том, чтобы обозначить данный конкретный стол, о котором идет речь, ср.: *Стол/ у нас в коридоре стоит/ выкидывать уже пора//*. Среди различных способов идентификации, принятых в РР, идентификация предикативной конструкцией занимает одно из ведущих мест[70].

Бессоюзные ППВ с идентифицирующими отношениями соотносятся с такими союзными высказываниями, которые являются одним из видов класса относительных предложений, выделенного – как единый класс – А.А. Зализняком и Е.В. Падучевой. В смысловой (глубинной) структуре таких высказываний они различают 1-е исходное предложение и 2-е ис-

[69] Об идентифицирующих отношениях см.: *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 284–300.

[70] Там же, с. 194–196.

ходное предложение: "В 1-м предложении выделяется существительное (или в общем случае – именная группа) C_1, для которого во 2-м имеется дублер C_2, т.е. существительное (или именная группа), которое входит в анафорическую связь с существительными (или именной группой) из первого предложения"[71]. Выделяются два универсальных типа таких предложений: а) основной – сложные предложения, где хотя бы один член пары C_1–C_2 сохранен: *Вот дом* (C_1), *в котором мы жили и* б) бессубстантивный – сложные предложения, где и C_1, и C_2 подвергались устранению (т.е. заменены местоимениями или просто уничтожены): *Я не знаю того, о ком вы говорите.* Местоимения *тот, та, то* в предложениях бессубстантивного типа заменяют существительные с таким обобщенным значением, как *человек, предмет* и т.п.[72]. В структурно-семантических классификациях сложноподчиненного предложения КЛЯ с их вниманием к средствам связи эти типы разносятся по разным классификационным рубрикам: основной тип рассматривается как определительный, особый – как местоименно-соотносительный.

В РР могут быть полностью "уничтожены" и C_1 и C_2, что дает высказывания типа *С тобой на одной парте сидит/ встретилась мне//*. В КЛЯ в таких случаях необходимы либо существительное + союзное слово *который* (*Девочка, которая с тобой на одной парте сидит, встретилась мне*), либо местоимение + союзное слово *кто*: (*Та, кто с тобой на одной парте сидит, встретилась мне*). Очевидно, что принадлежность разговорных идентифицирующих ППВ без C_1 и C_2 к определительному или местоименно-соотносительному типу никак не выражена. Способность разговорных высказываний трансформироваться в любой из названных типов КЛЯ показывает, что противопоставление этих типов в РР снято. Следовательно, система идентифицирующих ППВ в РР иная, чем в КЛЯ.

При наличии существительного C_1 вариантом к соответствующему бессоюзному высказыванию является высказывание с *который*: Сарай/ во дворе был/ давно снесли// – Сарай/ который во дворе был/ давно снесли//

К бессоюзным высказываниям без C_1 и C_2 союзным вариантом является высказывание с союзными словами *кто* и под.:С нами в лесу гулял/ в его классе будет учиться// – В его классе будет учиться *кто* с нами в лесу гулял//[73]. Высказывания и с местоимением, и с союзным словом (В его классе будет учиться тот, кто с нами в лесу гулял) для РР не характерны.

Таким образом, идентифицирующие высказывания РР имеют следующий ряд вариантов: С тобой на одной парте сидит/ встретилась мне// – *Девочка*/ с тобой на одной парте сидит встретилась мне// – *Девочка*/ *кото-*

---

[71] Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения. – В кн.: Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975, с. 62.

[72] Там же, с. 66.

[73] И.Н. Кручинина приводит примеры употребления союзного слова *который* без C_1: Которые посмелее опять смеются; Которые верующие здесь и не было (*Кручинина И.Н.* Конструкция с местоимением который в современном русском языке. – ВЯ, № 2, 1968, с. 83–84). Такое употребление, по нашему мнению, не отвечает нормам РР (и, конечно, КЛЯ), стоит вне литературного языка.

рая с тобой на одной парте сидит/ встретилась мне// – Встретилась мне *кто* с тобой на одной парте сидит//[74]

2. В отличие от КЛЯ в РР возможны идентифицирующие высказывания с опосредованными отношениями. Прямыми, непосредственными, отношениями считаем такие, при которых прямо называется идентифицирующий признак. Опосредование отношений обычно осуществляется по такой линии: названы обстоятельства, в которых проявляется не названный идентифицирующий признак: Старая церковь/ на пароходе едешь/ очень красивая// (старая церковь, которую видишь, когда едешь на пароходе); А этот стол/ на трамвае ездили/ я купил все же// (стол, который продается в магазине, куда на трамвае ездили); Старинная мебель/ у Ивановой мы были/ создает особое настроение конечно/ но жить с ней? нет// (старинная мебель, которую мы видели у Ивановой, у которой мы были); Вот такой бы я портфель купил/ к вам приходил этот из издательства// (такой портфель, который был у человека, который приходил к вам из издательства); Вот такую мне шубу хочется/ женщина прошла// (шубу, которая на женщине, которая прошла мимо).

3. Название данного типа ППВ-идентифицирующие – введено здесь не случайно и призвано подчеркнуть еще одно важное отличие РР от КЛЯ.

В КЛЯ не существует такого структурно-семантического типа сложноподчиненных предложений (и бессоюзных сложных предложений), функцией которого было бы исключительно выражение идентифицирующих отношений. В частности определительные сложноподчиненные предложения (основной тип относительных предложений, по А.А. Зализняку и Е.В. Падучевой), кроме идентифицирующей (или собственно-определительной) функции, имеют еще и определительную функцию, не связанную с идентификацией. Ср. собственно-определительную функцию: *Озеро, которое открылось перед нами, было красивым* (в РР возможно *Озеро/ мы увидели/ было красивым//*) и определительно-распространительную функцию: *Озеро, которое было особенно красивым в лучах восходящего солнца, открылось перед нами.* Определительно-распространительные высказывания для РР не характерны, в РР в этом случае скорее был бы использован текст типа: *Озеро мы увидели// Очень оно было красивым утром на солнце//*

4. Другое важное различие РР и КЛЯ в том, что в РР идентифицирующая функция, как правило, выступает в "чистом" виде, не осложненная никакими побочными значениями. В КЛЯ, особенно в художественной литературе, идентификация в форме определительных придаточных часто сопровождается другими значениями. Например, Ф.М. Достоевский начинает рассказ "Скверный анекдот" таким предложением: "Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началась с такою не-

[74] Высказывания с идентифицирующими отношениями могут анализироваться в разных аспектах. Идентификация непосредственно связана с номинацией. Это послужило основанием для того, чтобы выделить рассматриваемые высказывания в особый объект, который Е.А. Земская назвала высказываниями с блоками- номинациями. Блок-номинации получили описание и в лексико-семантическом аспекте (Русская разговорная речь, 1973, с. 225–233, 438–440).

удержимою силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам". Очевидно, что здесь не только идентифицируется время, но и дается его весьма развернутая ироническая характеристика[75]. Для РР такое совмещение функций не характерно. Итак, некоторые значения, которые выражаются в КЛЯ определительными сложноподчиненными предложениями, в РР вообще в форме ППВ не выражаются.

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПРИЧИННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

1. Из большого класса обстоятельственных ППВ для описания выбраны причинные. Состав функциональных групп, способы опосредования смысловых отношений, возможности союзной и бессоюзной вариативности, возможность причинного значения входить в недифференцированное значение – все это зависит от вида причинного отношения.

2. Далее будут рассмотрены четыре характерных для РР вида причинных отношений:

(1) Высказывания с семантической структурой: 'кто-то предпринимает действие или испытывает состояние, потому что это действие (состояние) нужно, желательно или возможно в данных обстоятельствах': Я закрыл окно/ дует очень//; Я могу вам в бассейн взять билеты/ рядом с нами//(потому что бассейн рядом с нами); Новый портфель я купить хочу/ вываливается вон уже//(потому что из старого уже вываливается).

Такие высказывания лежат в основе четырехчленной функциональной группы, представленной в табл. 5.

В КЛЯ представлен только член группы побудительная – повествовательная часть. В РР встречаются все члены группы.

1) (в машине) Ремни застегни/ останавливают теперь//; Подольше звоните/ не слышат они//; Дай мне синий шарф/ у тебя был вроде//

2) (о ботинках) А в чем же мне идти-то? не высохли//; Ты в бассейн не хочешь? у нас абонементы есть в институте для всех//; Мороженое хотите поедим? кафе здесь есть недалеко//

Вопрос первой части часто содержит скрытое побуждение или просьбу: Зачем ты ключи (берешь с собой)? я же дома//(не бери ключи); (о ребенке) Ты его покормишь? я в поликлинику опаздываю//; (о телевизоре) Что ты не включаешь? началось уже//. Подобные конструкции особенно активны в РР: говорящие склонны смягчать свои требования, придавая им форму вопроса.

Часто в вопросительную форму первой части облекается экспрессивное отрицание: Что ты его зовешь все время?! не хочет он с тобой играть// –Не зови его/ не хочет он с тобой играть//; Что ты делаешь?! вымажешься же

[75] Подобные и многие другие особенности идентификации в КЛЯ рассматриваются Н.Д. Арутюновой в кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с. 315–332.

Таблица 5

Член функциональной группы	Смысловые отношения	Примеры
1) побудительная – повествовательная части	'кто-то побуждает кого-то к действию (состоянию), потому что это действие (состояние) нужно или возможно в данных обстоятельствах'	Закрой окно/дует очень//
2) вопросительная – повествовательная части	'кто-то спрашивает о действии, потому что это действие оправдано в данных обстоятельствах' (аргументация вопроса)	Ты окно закрыл? очень дует//
3) повествовательная – вопросительная части	'кто-то предпринимает действие (испытывает состояние), верно ли думать, что это делается потому, что это действие (состояние) нужно или возможно в данных обстоятельствах'	Ты окно закрыл/ очень дует?
4) вопросительная – вопросительная части	Совмещаются значения двух предшествующих членов	Ты окно закрыл? очень дует?

весь// Ну что вы из-за папки ссоритесь?! полно этих папок вон//; Что ты споришь?! ясно же все//; Куда они поедут? Сергей учится//; Зачем эти стереофонические нужны? все равно в наших домах на полную громкость не включишь// (стереофонические магнитолы); Чего ты ему трезвонишь? в школе он еще// Обстоятельственные местоименные вопросительные слова в экспрессивной части могут быть пустыми: *Куда ты лезешь?! ноги промочишь*// – из ситуации ясно, что ребенок лезет в лужу. Если данную конструкцию перевести в побудительно-повествовательную, то вместо местоименного слова *куда* нужно указать его конкретное значение: *Не лезь в лужу/ ноги промочишь*//. Ср. еще: Куда ты поехал! не развернешься там//; Когда ж ты пришел?! разошлись все//

3) Ты будешь дома завтра/ Киришка болеет?; Ты зонт таскаешь/ солнца боишься?; Ты ложишься/ рано вставать хочешь?

4) Член группы 'вопросительная – вопросительная части' менее частотен по сравнению с другими членами, но также вполне обычен для РР: Чайку дать? живот болит еще? (предлагаю именно чай, потому что, может быть, живот болит еще); На лыжах поедешь? нос-то твой?; Ты в кино идешь? интересный ты знаешь?

Рассмотрим характерные для РР способы опосредования смысловых отношений в высказываниях вида (1). Выделили два типа прямых непосредственных отношений – (А) – со значением желания или необходимости, (Б) – со значением возможности.

(А) Высказыванием с прямыми отношениями считаем такое, в котором причинная конструкция содержит глагол или предикативное наречие со значением желания (хотеть и под.) или необходимости (*должен, надо и под.*): Я *иду* в кино/ потому что *хочу*// (идти в кино); Я *пишу* статью/ потому что *должен писать ее*//. Подобного рода высказывания с прямыми отношениями для РР не характерны. Обычны же соотносительные с ними

высказывания с опосредованными отношениями, осуществляемыми следующим образом:

(а) сообщается, зачем желательно или необходимо что-то: Линейку возьми/ чертить ты там сегодня будешь// – 'линейку возьми, – потому что линейка тебе будет нужна – потому что чертить там будешь'; В хозяйственный я пошла/ полы скоро нам натирать//; Нож поточи пожалуйста/ рыбу я буду делать// (делать здесь 'готовить').

(б) сообщается о нежелательном событии, которое требует чего-то желательного или необходимого:

Полей как следует/ высохло все//; (о кипе газет) Перевяжи/ рассыплется//; Запиши/ забудешь//; Напиши поразборчивей/ не поймут//; (о радиоприемнике) Сделай потише/ орет очень//; Забери эти игрушки/ места нет совсем свободного//; Пошли подальше/ надоело вам здесь по-моему//; Пойдемте в павильоны сначала/ закроются потом//; (о зарплате) Приезжайте сегодня/ завтра мы уже не будем выдавать//; Пошли быстрей/ не успеем//

При отрицании действия в первой части причинная часть сообщает то нежелательное, что произойдет, если действие, обозначенное в первой части, осуществится: (о тюльпанах) Не ставьте на солнце/ распустятся они моментально//; Не отдавай трешки (трехкопеечные монеты)/ в трамвае поедем/ платить нечем будет//; (только что вымыли пол в кухне) Не ходи в кухню/ наследишь//; Выпей снотворного/ не уснешь//; В целлофан заверни/ промокнет//; (о покупке курточки) Покупай сейчас/ не купишь осенью//; (об арбузе) Убери в холодильник/ испортится//; Зонт бери обязательно/ вымокнешь/ целый день дождь передавали// (передавали прогноз погоды).

Нежелательность события в причинной части может указываться не прямо, а через обстоятельства: Я передохну только немного/ три часа сидим// – 'три часа сидим (работаем) – устал'; Помой его/ он босиком по двору бегал сегодня//; (говорящим известно, что лыжные соревнования в лесу портят лыжню) Иди на лыжах сегодня/ соревнования там начнутся скоро//; (говорящие давно предполагают, что в определенном месте сада все плохо растет из-за того, что ветки загораживают солнце) Видишь/ я там ветки срубил/ не растет ничего//

Нежелательность события может заключаться в том, что отсутствует нужный предмет или истощились его запасы: (о хлебе) Купи белого/ нет у нас//; Посмотри батарейки/ нет у нас для его игрушек//; Купи минеральной/ не осталось уж там ничего//; Галь/ принеси копирки/ у меня кончается//; Купи-ка спички/ два коробка там осталось//; Масла купи пожалуй еще/ там немного совсем//; На бензин талон купи/ мало у меня уже совсем//

Особо выделим высказывания, в которых сообщается о передаче действия от лица С. к лицу Д., потому что С. не может выполнить действия (в этом компонент значения – 'нежелательность'): (звонит телефон) Послушай/ молоко у меня там// (не могу отойти от молока на плите); Одень его/ я приняла// (приняла лекарство – должна после этого полежать – и поэтому не могу одеть ребенка); Ты сходишь? у меня работы много// (сходишь в магазин); Вымой сам посуду/ у меня палец порезан//; Напечатаешь мне тут немножко/ совсем у меня времени нет//

Характерной чертой высказывания (Аб), отличающей их от высказывания (Аа), является то, что в (Аб) представлено недифференцированное значение, складывающееся из двух близких значений: собственно-причинного, выражаемого союзом *потому что* и так называемого, значения альтернативной мотивации, выражаемого союзом *а то*[76], ср.: Запиши/ забудешь// →Запиши/ потому что забудешь// и Запиши/ а то забудешь//. Способность членов функциональной группы принимать в свой состав союзы *потому что* и *а то* различна.

(Б) Высказыванием с прямыми отношениями считаем такое, в котором причинная конструкция содержит глагол со значением возможности (*мочь* и под.): Подклеил он книгу/ потому что он мог это сделать//. Подобного рода высказывания, как и прямые высказывания типа (А), редки и даже не натуральны. Регулярны же восходящие к ним высказывания с опосредованными отношениями, осуществляемыми следующим образом:

(а) сообщается, что есть средство (функциональный предмет), делающий возможным осуществление данного действия: Поедем в Пирогово/ электричка сейчас будет//; Коль/ загни ему железку/ тиски там у тебя//; (о рисунке) Ты бы поярче как-то/ у тебя же двадцать цветов разных/ раскрашивал//; Положи/ там пакетик полиэтиленовый/ эти воблы// (о даче) Я одно окошко заколотил там немножко/ какая-то фанера у нас давно валялась//; (об измерении кровяного давления) Я могу теперь всем вам мерять/ купили мы этот// (прибор для измерения давления);

(б) сообщается, что существует предмет, на который направлено действие: Арбузик купи/ везде есть//; Полотенце дай мне/ вон лежит//; Я могу купить ковер/ у нас в институте будет разыгрываться//; (о кошке) Давайте сиамскую заведем/ вон у подъезда предлагают//; Давай я тебе напущу/ есть там у нас// (капли в нос);

(в) сообщается, что лицо, выполняющее действие, находится в том месте, где это действие возможно осуществить: Купи мне стержни (для ручки)/ в "Культтовары" идешь//; Кофе посмотри/ в Министерство едешь// (магазин, где продается кофе, рядом с министерством); Купи мне пуговицы/ за хлебом идешь// (магазин галантереи в одном здании с хлебным магазином); Выкини пойдешь за газетой эти коробки// (мусоропровод рядом с почтовым ящиком); Принеси мне поедешь на работу что-нибудь почитать// (на работе есть библиотека); Купите мне мясо/ пойдете обедать// (в столовой есть буфет, где продают мясо); Ларису по-

---

[76] О близости отношений, выражаемых союзом *а то* (*а не то, не то*) и причинным союзом *потому что* см.: *Белошапкова В.А.* Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке. – В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970, с. 19–22. – Место в системе сложного предложения предложений с альтернативной мотивацией пока еще не уяснено: Грамматика русского языка (т. II, ч. II, М., 1954) включает такие предложения в разряд сложносочиненных с противительно-условными отношениями, в "Грамматике современного русского литературного языка" (М., 1970) эти предложения отнесены к разновидности причинных сложноподчиненных предложений. В.А. Белошапкова в указанной статье оставляет вопрос о месте таких предложений открытым.

зовите/ пойдете в библиотеку// (Лариса работает в читальном зале библиотеки);

(г) сообщается, что есть время для осуществления действия:

(в поезде) Я посплю/ два часа еще ехать//; Погуляй/ полчаса еще тебе до уроков//; Давай-ка я кофейку (выпью)/ полчасика еще у меня есть//; Я поработаю/ не скоро они придут//; Пособирайте-ка малинку/ делать вам сейчас нечего//; Два раза давай позанимайся/ в школу не идешь//; Можешь даже еще немножко почитать/ рано ты проснулся очень сегодня что-то//;

(д) сообщается о благоприятных условиях для осуществления действия: Я сниму куртку/ хорошо на солнышке//; Может позагорать сходим/ солнышко вроде хорошее будет//; Пойдем купаться/ жарко очень//; Давайте на балконе чай пить/ хорошо там сейчас//; Сходи/ может нет народу в парикмахерскую//; На качели хотите? никого нет//; Расставь пошире места много// (тарелки на праздничном столе).

(2) Высказывания с семантической структурой: 'кто-то утверждает нечто, потому что знает об этом': Елочный базар открыли/ я проходил//. Высказывания с такой структурой – важная отличительная особенность системы ППВ разговорной речи, в КЛЯ они совсем неизвестны. Этот вид высказывания лежит в основе трехчленной функциональной группы, представленной в табл. 6.

Смысловые отношения в высказываниях данного вида и в членах функциональной группы, базирующейся на этом высказывании, имеют свои отличительные черты: вторая часть объясняет функциональную целеустановку первой части и не имеет причинных связей с препозицией (содержанием) первой части.

Другая особенность в том, что вторая часть имеет явное сходство с главной предикативной конструкцией изъяснительных полипредикативных высказываний, отличаясь только позицией. Свидетельством особого статуса данного высказывания является и то, что оно не допускает в свой состав союзы. Ср. невозможное **Елочный базар открыли/ потому что я там проходил//*. Если же вербализовать функциональную направленность первой части, то возможно построить такое ППВ, в котором эксплицируются и причинные, и изъяснительные отношения: *Я видел, что елочный базар открыли, потому что я там проходил.* Следовательно, смысловые отношения в этих высказываниях могут характеризоваться как особого рода недифференцированные причинно-изъяснительные.

Прямые и, соответственно, опосредованные отношения определяются в таких высказываниях, как и в высказываниях с изъяснительными отношениями, на основе валентных свойств опорного глагола.

При прямых отношениях вторая часть имеет прямопереходные глаголы, с которыми непосредственно изъяснительными отношениями может быть связана первая часть: (о телевизоре) Экран у "Рубина" немного больше/ я видел//; А как они квартиру обставили// Прелесть я видала просто//; (об аттракционе) На эту крутильню вас не пустят/ от двенадцати лет я прочитал у кассы//; Все это уже сто раз было/ я знаю//

Отличительной чертой рассматриваемых высказываний является то, что опосредованные отношения в них встречаются намного чаще, чем

Таблица 6

Члены функциональной группы	смысловые отношения	Примеры
1) вопросительная – повествовательная части	'я спрашиваю тебя о чем-то, потому что ты знаешь это' (аргументация вопроса)	Елочный базар открыли? ты проходил//
2) повествовательная – вопросительная части	'кто-то утверждает нечто, верно ли думать, что утверждение делается потому, что кто-то об этом знает'	Елочный базар открыли/ты проходил?
3) вопросительная – вопросительная части	Совмещаются значения двух предшествующих членов	Елочный базар открыли? ты проходил?

прямые. Опосредование заключается в тех "шагах", которые ведут к глаголам типа *видеть, слышать, знать* и т.п. Модели опосредования могут быть сходны с соответствующими моделями изъяснительных высказываний, но могут иметь и свои шаги. С изъяснительными моделями опосредования сходны:

(а) модели с глаголами восприятия типа *смотрел:* Очень добрый это такой спектакль/ я смотрел//(смотрел – знаю); Массу там предлагают всяких туристских путевок/ я смотрел// (смотрел объявление и знаю);

(б) модель, в которой вторая часть сообщает о пребывании в определенном месте и, следовательно о восприятии того, что там есть; Дождя там мы были не было//(были и знаем); Эту треску все хвалят/ в "Океане" я была//(была в магазине "Океан" и слышала); А все-таки лучше я ездил экскурсии стали организовывать//(ездил и знаю); Очень чистенький класс/ я заходил фотографировать//(заходил и видел); Макулатуру теперь только по абонементам/ я заходил//(заходил в приемный пункт и узнавал); Все в джинсах студенты/ заходила я в университет//(заходила и видела); Артем один гуляет/ я на балкон выходила//(выходила и видела); Бегает как сумасшедший/ я в магазин ходил//; А. Остатки там каких-то ворот/ я прохожу// Что это? Б. Это церковь старая была//. Ср. более сложный путь опосредования: В Калинине/ я читаю там на полставке/ набережная очень красивая// – 'читаю лекции в Калинине и, следовательно, видел(знаю)'; (возвращаясь из библиотеки) Там для вас что-то есть/ я книги сдавал// – 'сдавал – был в библиотеке – знаю'.

Приведем пример конситуативного высказывания: (известно, что книгу Сереже отвозил говорящий) А Бим у них/ Сережа книгу просил/ страшно линяет// –'просил книгу – отвозил книгу – был у Сережи – видел их собаку Бима'.

Только для рассматриваемых высказываний характерны такие модели опосредования:

(а) сообщается, что 3-е лицо имеет определенные знания, сведения, и поэтому говорящий в результате общения с этим 3-м лицом также владеет этими знаниями: Собаку они купили/ Света была//(Света была и рассказывала мне); На базаре/мама ходила/ огурцы дешевле чем в мага-

зине даже//; Ничего интересного на этой ярмарке нет/ Галя вчера ездила//; Галя завтра приедет/ звонила утром//;

(б) сообщается о причастности лица к источнику сведений (книги, газеты, радио и т.п.): Об этом ничего не говорили/ "Новости" были// (по телевизору была передача "Новости" – я ее слушал и утверждаю, что об этом ничего не говорили); Ничего полезного в этом вовсе нет/"Здоровье" я читал недавно//; У нее очень как-то путано все сделано/ посмотрел я ее диссертацию//; Очень плохая погода завтра будет/ прогноз передавали//; Детей приглашают на съемки/ "Вечерку" я читал//

Существует "отрицательный" эквивалент этой модели опосредования: собеседник чего-то не знает, потому что его не было в момент получения знаний на нужном месте, потому что он не читал (смотрел):

А. Артем в первый "А" идет? ты списки смотрела// – смотрела и, следовательно, можешь ответить на мой вопрос; Он уже из школы пришел? вы звонили//; Как сыграли-то? ты смотрел вчера//; А у Нины поступил Алеша? ты у них была//; Мост у Яузы сделали? ты ездишь на работу//; Закончил ты? я вчера легла// 'легла, не знаю, а потому спрашиваю'; А набережную в Горьком сделали? я уже пять лет там не был//; А что еще там было? я ушел//; А интересная вторая серия? у меня собрание было//; (о защите диссертации) Как проголосовали-то? я ушел вчера не досидел//; О чем же она там пишет? не достал я этого журнала//; А. У них прекрасный двор там// Б. Прекрасный/ ты был?; А вы-то знали об этой выставке? вчера в "Вечерке" было? Что нового в Саратове? она ведь приехала?

(3) Высказывания с семантической структурой 'событие – причины его': Будайка (речка) здорово разлилась/ снегу много было//; Электрички у нас не очень слышно/ дома загораживают//; Вечером ехать хорошо/ пустые совсем вагоны//

Высказывания такой семантической структуры в равной степени свойственны и РР и КЛЯ, но, в отличие от КЛЯ, в РР на основе этих высказываний существует активная двучленная функциональная группа, представленная в табл. 7.

Если в ППВ адресат не обозначен сколько-нибудь определенно, то в членах функциональной группы предполагается уже вполне конкретный, индивидуальный адресат, а конкретность и индивидуальность говорящих, как уже говорилось, важное отличительное свойство именно разговорной коммуникации: Летом электрички часто опаздывают/ дорогу ремонтируют?; Наташа из Егорьевска приедет/ ленинградцы с юга возвращаются?; В рюкзак ему можно кое-что положить? сильный он стал//; В одной куртке сегодня можно (гулять)? теплей стало//

(4) Следует остановиться еще на одном активном в РР виде ППВ. Этот вид имеет явные системные связи с ППВ вида (3) и в известном смысле его можно назвать "перевернутым" высказыванием (3), ср.:

(3)	(4)
Без пальто идут/ потеплей стало//	Потеплей вроде стало/ без пальто идут//

В (3) вторая предикативная конструкция называет естественную причину того, о чем сообщается в первой. Обычно перемена мест частей в ППВ вида (3) приводит к смене причинных отношений на следственные, ср.:

Таблица 7

Функциональный член	Смысловые отношения	Примеры
1) вопросительная – повествовательная части	'я спрашиваю тебя о некотором событии, потому что мне известны обстоятельства, способные вызвать это событие' (аргументация вопроса)	Будайка здорово разлилась? снегу много было//
2) повествовательная – вопросительная части	'я сообщаю о некотором известном мне событии, верно-ли думать, что оно вызвано определенными обстоятельствами'	Будайка здорово разлилась/ снегу много было?

Потеплей стало/ солнце вышло//(вышло из-за облаков) (Потеплей стало/ потому что солнце вышло//) – Солнце вышло/потеплей стало//(Солнце вышло/ так что (и поэтому) потеплей стало//), совершенно невозможно Солнце вышло/ потому что потеплей стало//. Однако при тех смысловых отношениях, которые имеют место в типе (4) мена мест предикативных конструкций позволяет сохранить причинные отношения: Потеплей вроде стало/ потому что без пальто идут//(что без пальто идут). Семантическое отношения в виде (4) таковы: 'можно судить о чем-то, потому что существуют признаки этого'. Такого рода отношения возможны в этом случае, когда содержание второй предикативной конструкции выступает по отношению к содержанию первой как своего рода мотивированный знак. При этом бессоюзный вариант вида (4) обычно омонимичен ППВ со следственными отношениями, ср.: Потеплей вроде стало/ потому что без пальто идут// и Потеплей вроде стало/ и поэтому без пальто идут//. Эта омонимичность снимается конситуацией. Омонимичность ППВ с причинными отношениями вида (4) и ППВ со следственными отношениями способствует тому, что в этом виде чаще, чем в других, употребляются союзы.

На основе данного ППВ существует такая же функциональная группа, как и у высказывания (3): Потеплей стало? без пальто идут// и Потеплей стало/ без пальто идут?

В КЛЯ высказывания рассматриваемого вида редки[77], в РР такие высказывания и соответствующие функциональные члены регулярны:

Оттепель на улице/ галки вон разорались//; Хорошая будет погода/ вон как комары//(вон как комары разлетались); Хорошо наверно на лыжах кататься/ что все с лыжами идут//; (о первом дне ребенка в школе) Совсем они малыши/ заревел там один даже//; Сорок у него наверно было/ горячий как печка просто был//; В Прибалтике плохо было в этом году? все сбежали//; Дождь был где-то по дороге? мокрая крыша//(мок-

[77] Ср. два примера сложноподчиненных предложений типа (4) в КЛЯ: Должно быть уже приближалась осень, потому что мы с Петькой бродили по Соборному саду и подкидывали босыми ногами листья (В. Каверин); Должно быть у меня был жар, потому что я нес какую-то бессвязную чепуху (В. Каверин). О редкости этого типа в КЛЯ свидетельствует, например, то, что он совершенно не отражен в богатой по материалу "Грамматике русского языка" (т. II, ч. 2, М., 1954, с. 317–322).

рая крыша у пришедшей автомашины); Они к оленям пошли (в парк, к вольерам с оленями)/ в пять только хотели вернуться//

Отметим одну активную в РР реализацию этого вида: первая часть является вопросительной и содержит вопросительное слово, вторая вводится союзом *что:*

Куда она пошла? что в пять придет только// (→Она далеко пошла потому что в пять придет только//; Она далеко пошла? что в пять придет только//); Сколько же ты пробегаешь? что час тебя нет//

3. Яркой особенностью РР является регулярное употребление союза *что* в значении 'потому что': Воздух там у них хороший что ни одной трубы кругом и ветры//; В Калинин ездить удобно что электричка регулярно ходит//

Для членов функциональной группы союзные варианты возможны: (а) в члене побудительная – повествовательная часть при высказываниях вида (1): Иди на лыжах/ потому что растает все скоро//; (б) в члене повествовательная – вопросительная часть во всех видах высказывания, кроме вида (2) (для которого союзные варианты вообще исключены): Не идете (обедать)/ народу много? – Не идете/ потому что народу много? Если в члене побудительная – повествовательная части союз *что* невозможен, то для члена повествовательная – вопросительная часть союз *что* употребляется даже регулярней, чем *потому что:*

(А. сидит в зале задолго до начала заседания). Б. Ты сидишь что места не будет; Ты на трамвае едешь что босоножки тебе нужны? (обычно на трамвае не ездит); Не идете что народу много? (не идете обедать); До Перми линию отменили что туристские все теперь пароходы? (транзитную пассажирскую линию); Ты со мной идешь что лекции? (обычно со мной не ходит); Из Костромы рано вернулись что Кирке в школу?; (о поездке на метро) К вам ехать без пересадки теперь что соединили там эту линию?; Из Костромы дневной удобный что вечером приходит?; (о трамвае) Эта толпа что пятого долго не было?; Надя взносы (профсоюзные) заплатить хочет что в отпуск она идет?; Там кино хорошо смотреть что с подъемом зал?; (об отдыхе в Прибалтике) В этом году было мало народу что холоду испугались?

4. Состав причинных союзов в РР. К числу причинных союзов в КЛЯ принадлежат: *так как, потому что, из-за того что, ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, благодаря тому что, в связи с тем что, затем что, благо, ибо.* В РР регулярен только союз *потому что.* Не чужд РР и союз *так как,* хотя он употребляется много реже, чем *потому что.* Чаще всего *так как* употребляется в препозитивной конструкции:

Ну и так как мы все равно не успевали на эту "Ракету"/ решили уж и ту дальнюю/ не очень в общем интересную церковь посмотреть//; Так как это все не очень легко оказалось/ в общем я две недели просидел// (над статьей).

В речи отдельных информантов употребителен союз *благо:* Ну мы и пошли/ благо дождь кончился//; Вот я и накупил этих слив/ благо мешки целлофановые там были//

Отмечается, хотя и очень редко, в РР причинный союз *благодаря тому, что*, причем он может употребляться без компонента *тому*: Уехали мы тогда конечно только благодаря что отец у нее железнодорожник//

Союз *ибо* стилистически маркирован как книжный, высокий. В РР он может использоваться только в конструкциях с заведомо сниженной лексикой для создания эффекта иронии: Да ничего она никогда не напишет/ *ибо* дура//

Все другие союзы, особенно такие сугубо книжные, как *ввиду того что, вследствие того что* и под., РР не свойственны. В текстах РР они могут встречаться только как яркие инкрустации КЛЯ.

5. В РР любая из предикативных конструкций причинного высказывания может получать экспрессивное звучание. Особенно часто используются предикативные конструкции с экспрессивным отрицанием типа Любит он = 'не любит', Куда нам идти? = 'некуда идти'. Например:

Ай/ любит он футбол! спит// – 'не любит футбол, потому что спит, когда смотрит футбол'; Где же книга будет! не пишется она//; (об устройстве на работу) А. Только министерство-то уж больно плохое/ легкой промышленности// Б. Ну почему плохое?! по-моему сейчас это наоборот так... развивающееся//; (о Волгограде) Как они ездят (на работу)?! восемьдесят километров город//; Эта Алена тоже тип! валяется/ верещит//; Ну и нашел он имя! будут дразнить "Роман в карман"//; (показывает рубашку) Бывают же вот удачные покупки! семь лет ношу//; Народищу в "Спортивном"! эти польские велосипеды привезли//; (о ребенке) Он не любит по магазинам/ если б он видел там чего! (ничего не видит из-за прилавка); (о цветах к 1-му сентября) Да возьми ты эти астры/ кто их там будет рассматривать!

Варианты с союзами для таких ППВ исключены.

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ОТНОШЕНИЯМИ МЕРЫ И СТЕПЕНИ

1. Семантико-синтаксическая структура ППВ с отношениями меры и степени такова: в первой предикативной конструкции сообщается о том или ином признаке предмета или действия, о количестве предметов, о таком предмете или действии, которые можно оценивать по шкале хороший – плохой и т.п., во второй предикативной конструкции определяется степень проявления признака или оценивается количество. Мера и степень определяется не прямо, а через следствие, которое из них вытекает: вторая предикативная конструкция определяет степень проявления признака или оценивает количество в зависимости от того, что есть или бывает при данной степени, количестве: *У меня такая есть сковородка хорошая/ быстро все в ней и не подгорает*// 'такая хорошая сковородка, что быстро все в ней жарится и не подгорает'; *Очень в этом году снегу много/ смородину не видно даже*//

Поскольку мера и степень определяется через следствие, значение меры и степени может соединяться со следственным значением, образуя одно недифференцированное значение: *Мороз сильный на улице/ дышать даже*

трудно// → *Мороз такой сильный на улице /что дышать даже трудно//* и *Мороз очень сильный на улице/ и поэтому дышать даже трудно//*

2. В КЛЯ отношения меры и степени оформляются только с помощью строго обязательных в данном типе соотносительного слова в главной части и союза в придаточной: Володя заплакал *так* громко, *что* сестры не выдержали и тоже заплакали (А. Чехов); Я вам *такие* места покажу, *что* вы ахнете (К. Паустовский); Тут увидишь ты *столько* золота, *сколько* ни тебе, ни Коржу не снилось (Н. Гоголь)[78].

В РР такие ППВ вполне обычны без соотносительных слов и союзов:

предикативная конструкция степени при существительном: Погода стоит/ в босоножках скоро пойдем//; Очередь там/ час стоять//; Жарища на улице/ дышать просто нечем//; Игру затеяли/ на весь двор орут//;

предикативная конструкция степени при глаголе: Мы догулялись/ темно уже стало//; Я устала/ еле ноги волочу//; Мы бежали/ отдышались еле//; Устал/ еле на ногах держусь//; У него горло болело/ он говорить просто не мог//; Они играют/ больше ругаются//;

предикативная конструкция степени при наречии, определяющем предикат: Она нам красиво напечатала/ в редакции даже все там восхищались//; Я прочитаю быстро/ в среду принесу//; Он долго делает уроки/ гулять времени не хватает даже//;

предикативная конструкция степени при прилагательном, определяющем существительное: Она очень красивая девочка/ все на нее прямо оглядываются//; У него четкий почерк/ машинистки не нахвалятся//

Также регулярны без союзов и союзных слов полипредикативные высказывания о количестве: У него игрушек/ полдня разбирался/ половину на балкон вытащили//; Он читает/ я не успеваю ему книги носить//; Путевка стоит/ подумаешь// (брать ли); Эти шубы стоят/ я не могу покупать//; Мелочек этих насобирал/ на базар нести можно//

3. В качестве варианта к ППВ без союзов и соотносительных слов с отношениями меры и степени употребляются:

(а) полипредикативные высказывания со словами *так, такой* и под. в первой предикативной конструкции без союза во второй:

У меня одна ученица писала так крупно/я даже заставил ее переучиваться//; Я так устал/ три месяца не отдохну//; Я так волновалась/ я ночь не спала//; Мне сегодня так хорошо работалось/ семь страниц написал//; Мы ему по глупости в общем такой большой велосипед купили/ он даже с рамы не достает еще// На вырост в общем//; (о фигурном катании) У Тани так хорошо получается/ ее в особую секцию там взяли//; (о клубнике) А. Выродилась она у вас что ли? Б. Она не просто выродилась// Она так выродилась/ стакан не набрали//

(б) с союзом во второй предикативной конструкции без соотносительного слова в первой:

---

[78] Впрочем, нам известен один пример оформления таких отношений и в КЛЯ, при имитации РР, без соотносительного слова и союза: Поступай к нам в политехникум. Ей-богу! Получишь стипендию семьдесят пять рублей. Будешь жить как бог. *У нас – столовая, каждый день мясо* (И.Ильф, Е. Петров) – 'у нас столовая такая хорошая, что каждый день бывает мясо'.

Он испугался/ что объяснить ничего не мог//; Он зачитался/ что в час только уснул//; Все у меня там пригорело/ что сковородку отчистить до сих пор вот не могу//; Мне не хотелось опаздывать/ что я такси даже решила взять//; (о возвращении со стройки) Мы были грязные/ что нас в метро даже не хотели пускать//; (о ребенке) Он толстый что у него даже ожирение находят//; Он у нас хорошо читает что хвалят его даже там перед классом/ публично в общем//

ППВ с соотносительным словом и союзом, т.е. оформленные так же, как и в КЛЯ, в РР редки: Она пишет так плохо/ что учительница морщится только//; У него столько книг/ что мы уже часть в школу хотим отдать//

4. Возможно экспрессивное оформление одной из предикативных конструкций: экспрессивное выражение получают как раз те компоненты значения, которые оценивает вторая часть:

А какие у Саши туфли! просто позавидуешь// – 'у Саши такие хорошие туфли, что просто позавидуешь'; На пляже в субботу народу! плохо// – 'на пляже в субботу народу так много, что плохо загорать'; (о пишущей машинке) Какая-то машинка у нас стала! буквы наскакивают//; Дождь! не видно ничего даже// – 'дождь такой сильный, что не видно ничего даже'; (о возвратившемся с улицы ребенке) Грязный-то! час тебя мыть надо//

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ СО СРАВНИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

1. Сравнительные отношения в ППВ разговорной речи чаще всего оформляются с помощью союзов *как* (реальное сравнение) и *как будто, будто* (ирреальное сравнение). Гораздо реже для ирреального сравнения употребляется союз *точно*. Союз ирреального сравнения *словно* для РР вообще нехарактерен.

Если в КЛЯ союзный способ выражения сравнения является единственно возможным, то в РР нередки бессоюзные сравнительные ППВ:

А в лесу тишина какая-то густая/ вот в жару бывает//; Мне цветок обещали принести/ вот на окне у Коли в Костроме стоит//

2. Существенны отличия функций сравнительных конструкций в РР и КЛЯ. В КЛЯ, прежде всего в художественном поэтическом тексте, сравнение служит для того, чтобы вызвать яркую неожиданную ассоциацию:

Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой

(А. Пушкин)

И в эту ночь в садах Пасанаури,
Изведав холод первобытных струй,
Я принял в сердце первый звук пандури,
Как в отрочестве первый поцелуй

(Н. Заболоцкий)

Для РР такие поэтические сравнения совершенно нехарактерны. Сравнение выполняет в РР вполне прозаическую функцию: сообщить о неиз-

вестном через хорошо известное слушающему. Характернейшая функция сравнения в РР – идентифицирующая, в то время как в КЛЯ обычно сравнение в характеризующей, предицирующей позиции.

Впрочем, некоторая эстетическая функция сравнения не чужда и РР. В частности регулярны в РР так называемые сравнительные обороты с явной экспрессией, но эти обороты, как правило, шаблоны:

Она меня отчитывает/ а я стою и молчу *как дурак*//; Ну что стоишь *как пень*/ побегай/ замерзнешь ведь// и даже: Ты говоришь ну прямо *как Штирлиц*// (герой популярного многосерийного телефильма).

Отличительной чертой ППВ со сравнительным отношениями в РР является то, что сравнение опирается, как правило, на конкретное окружение говорящих, на их, по удачному выражению Н.Д. Арутюновой, макромир, на их сиюминутные знания и впечатления. И поэтому такие высказывания до конца понятны только говорящим, ср.: А этот плащ/ Галя у меня купила// – 'этот плащ такой, как Галя купила'; О/ у вас ручка/ я в прошлом году потерял/ жалел очень//; А пусть они нам обложку сделают/ вот была на вашей книге//; Я купил ковер/ вот у них на стене висит//; Мне хочется купить портфель побольше/ вот два года назад у меня был//; (о машине Коли) Вот такого же цвета у Коли проехала сейчас//

ВЫВОДЫ

1. Все смысловые отношения между предикативными конструкциями в полипредикативных высказываниях РР могут выражаться без союзов и соотносительных слов.

Из описанных здесь ППВ без каких-либо существенных ограничений оформляются бессоюзно-противопоставительные, изъяснительные и причинные ППВ. Союзные варианты таких высказываний выступают реже, чем бессоюзный вариант.

Идентифицирующие ППВ, ППВ с отношениями меры и степени одинаково регулярны как с союзами (союзными словами), так и без союзов.

И только разделительные и сравнительные ППВ чаще употребляются с союзами, чем без союзов.

2. Набор как сочинительных, так и подчинительных союзов в РР меньше, чем в КЛЯ; многие союзы, которые иногда оцениваются как разговорные (ср. перечислительный союз *да*), в собственно разговорных текстах встречается редко.

3. Для полипредикативных высказываний РР характерны недифференцированные имплицитные смысловые отношения. Проведенное описание позволило выявить такие недифференцированные значения: а) противительно-уступительные, б) причинно-альтернативной мотивации, в) причинно-изъяснительное, г) мера и степень – следствие.

4. Опосредованные смысловые отношения характерны в РР для ППВ с отношениями противительными, изъяснительными и причинными.

Таким образом, особенности полипредикативных высказываний РР последовательно проявляются во многих типах. Полипредикативные высказывания в РР представляют особую систему, отличную от КЛЯ и не выводимую из КЛЯ.

ИН-ТА ЯЗЫКА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Вводные замечания 3

Часть I
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Об объекте нашего исследования 5
Две противонаправленные тенденции, организующие строение РР 5
Структура коммуникативного акта и ее связь со строением РР 10
Еще раз о лингвистическом статусе РР 19
Положение литературной русской РР в системе общенародного русского языка 22
Об особенностях системы разговорной речи 25
Чем объясняется лингвистическая разнородность текстов РР? 40
Разговорная речь и сниженный (разговорный) стиль литературного языка 49
О соотношении понятий "разговорная речь" и "устная речь" 53
Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? 58
Выводы 70

Часть II
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Раздел I. Общая характеристика словообразования разговорной речи . . 71
Активность неузуального словообразования в РР 71
Фразеологичность семантики производного слова в РР 77
Динамический характер словообразования РР 80
Способы и средства словообразования, специфические для РР 82
Контраст имени и глагола в сфере словообразования 83
Функции словообразования в РР 85
Словообразование РР и профессиональные жаргоны 88

Раздел II. Имя 90
Номинативное словообразование 90
Суффиксация 90
Имя существительное 90
Имена лиц 90
Имена предметов 97
Иные деривационные значения 99
Имя прилагательное 103
Префиксация и приставочно-суффиксальный способ словообразования 107
Имя существительное 107
Имя прилагательное 108
Наречие 109

www.ruslang.ru

Экспрессивное словообразование 109
Производные, создаваемые специфическими экспрессивными средствами 109
Имя существительное 110
Функции экспрессивных производных 112
Имя прилагательное 114
Повтор в соединении с префиксацией 114
Конструктивное словообразование 115
Компрессивное словообразование 120
Суффиксальная универбация 120
Усечение 122
Усечение от основ существительных 123
Усечение от основ прилагательных 125
Вербализация орфографических сокращений 128
Субстантивация 129
Аббревиация 130

Раздел III. Глагол 131
Характеристика словообразования глаголов в РР 131
Общие замечания 131
Глаголы, образованные от глаголов 133
Глаголы, образованные от имен и междометий 138
Семнтико-словообразовательные особенности глаголов в РР 146
Специфика семантической организации разговорных глаголов 146
Семантические типы глаголов 151
Семантически насыщенные глаголы 151
Семантически диффузные глаголы 155
Глаголы с переносным значением 158
Анализ групп глаголов, объединенных общим семантическим компонентом 162
Группа глаголов со значением 'пачкать' 163
Группа глаголов со значением 'применять косметические средства' . . 166
Группа глаголов со значением 'ругать' 168
Префиксальные экспрессивно-синонимические ряды глаголов 173
Выводы 175

Раздел IV. Разговорная речь как сфера реализации словообразовательных потенций языка 176
Свобода реализации в РР различных деривационных значений 176
Широта круга производящих основ 181
Производные, создаваемые с установкой на языковую игру 183
Существительное 185
Прилагательное 186
Глагол 186
Наречие 187
Словотворчество или шаблон? 188
Выводы 189

Часть III
СИНТАКСИС

Раздел I. Конситуативные высказывания 191
Общая характеристика системы конситуативных высказываний 191
Два типа незамещенных позиций в конситуативных высказываниях . . 192
Конситуация и ее типы 193
Отличие конситуативных высказываний от сходных структур 198
Незамещенные позиции и их сигналы в конситуативных высказываниях 200
Конситуативные высказывания и соответствующие неконситуативные 206

Типы конситуации и структура конситуативного высказывания 20
Простая и сложная конситуация 210
Типы конситуативных высказываний (описание) 212
Визуально-чувственные высказывания 21
Частно-апперцепционные высказывания 217
Конситуативные высказывания в условиях устойчивой частно-апперцепционной базы 219
Конситуативные высказывания в условиях актуальной частно-апперцепционной базы 22
Наблюдения над конситуативными высказываниями в сложной конситуации 224
Раздел II. Полипредикативные высказывания в разговорной речи 227
Общая характеристика системы полипредикативных высказываний в разговорной речи 227
Вводные замечания 227
Ведущее положение бессоюзного полипредикативного высказывания в системе полипредикативных высказываний разговорной речи 230
Интонация и союзы как средства связи в полипредикативных высказываниях разговорной речи 231
Интонация и типология бессоюзных полипредикативных высказываний в разговорной речи 233
Смысловые отношения в полипредикативных высказываниях разговорной речи 234
Недифференцированные смысловые отношения 234
Прямые/опосредованные смысловые связи в полипредикативных высказываниях 236
Полипредикативные высказывания и функциональные группы в разговорной речи 238
Особый тип полипредикативных высказываний разговорной речи 240
Бессоюзные и союзные полипредикативные высказывания в их соотношении 242
Союзные и бессоюзные полипредикативные высказывания как варианты 242
Бессоюзное полипредикативное высказывание и категория сочинения/подчинения 245
Типы полипредикативных высказываний в разговорной речи (описание) . . . 247
Полипредикативные высказывания с перечислительными отношениями 247
Полипредикативные высказывания с разделительными отношениями 249
Полипредикативные высказывания с противопоставительными отношениями 250
Полипредикативные высказывания с изъяснительными отношениями 253
Полипредикативные высказывания с идентифицирующими отношениями 258
Полипредикативные высказывания с причинными отношениями . . 261
Полипредикативные высказывания с отношениями меры и степени . . 270
Полипредикативные высказывания со сравнительными отношениями 272
Выводы 273